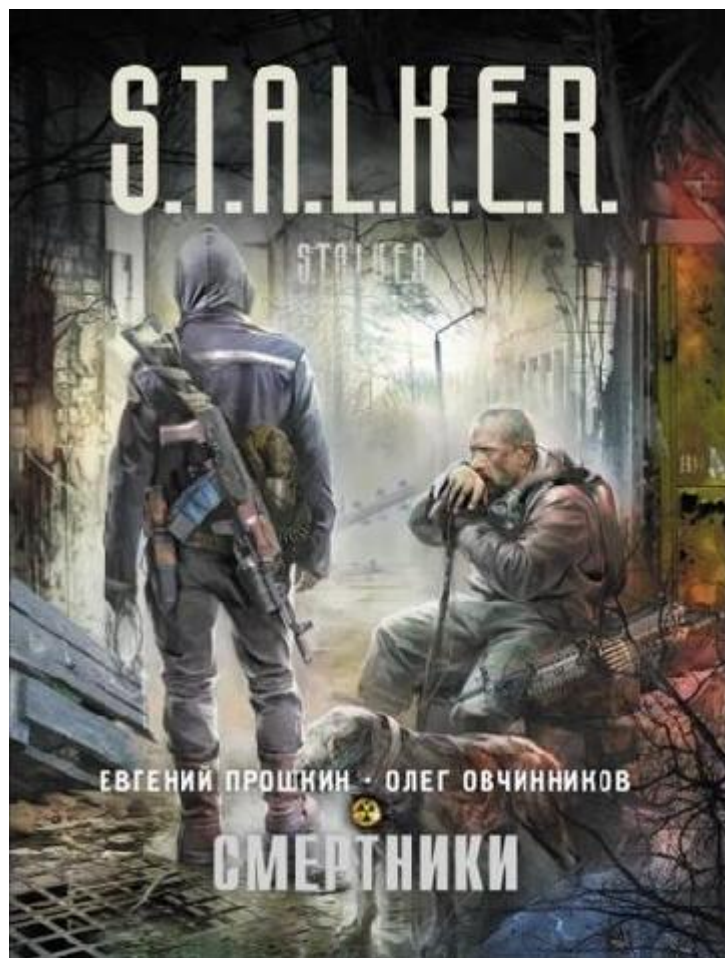

Евгений Прошкин, Олег Овчинников
Смертники

S.T.A.L.K.E.R. – 51

Аннотация:

Программист Олег Гарин вел размеренный образ жизни и в Зону не собирался. Но вот заболел курьер, и начальство из Института попросило Гарина слетать на исследовательский пост. Туда - и обратно, минутное дело! Кто же знал, чем обернется эта короткая командировка... Над Зоной вертолет терпит крушение, в котором гибнут все, кроме Гарина и уголовника по кличке Камень. Чтобы выжить, им придется добыть уникальный пси-артефакт Венец и пройти через всю Зону. Это долгий путь, полный лжи и предательства, сквозь незримую пси-войну, невольными участниками которой герои стали еще до того, как попали в Зону.

Евгений Прошкин, Олег Овчинников
Смертники

Хочешь обмануть Зону — убей себя сам.

Пролог

Невозможно привыкнуть к пыткам — ни к физическим, ни к психическим. Будь то длительное лишение сна или инъекции в позвоночник, исходов все равно только два — хороший, когда ты теряешь сознание, и плохой, когда превращаешься в вопящий от боли и

ужаса комок кровоточащей плоти, готовый на все: рассказывать, сдавать своих, подписывать любые бумаги. Лишь бы тебя оставили в покое. Лишь бы хоть на пару часов вернули в камеру, которая после допросов и издевательств кажется раем.

Это нормально. Этого не надо стыдиться. У профессиональных палачей ломаются все. Но именно у профессиональных, а не у патологических садистов или озлобленных на весь свет неудачников, которые зачастую сами просятся на эту работу. Профессионала узнать легко. Он старается лишний раз не смотреть на своего подопечного и всегда обращается к нему на «вы». Это сочетание подчеркнутой вежливости с зажатой в тисках мошонкой подавляет волю быстрее и надежнее, чем препараты, вызывающие мнимое удушье или отравление, когда за глоток противоядия пойдешь на все.

Только мнимых расстрелов Дизель больше не боялся. Наоборот, после пятой или шестой инсценировки начал молиться, чтобы на этот раз все было по-настоящему. Чтобы не просто растолкали среди ночи, натянули на голову мешок, провели по бесконечному коридору и, помучив томительным ожиданием, дали залп холостыми. Пусть хоть один из патронов окажется боевым. Хотя бы по ошибке.

Но сегодня его вели не на расстрел. Расстрельный коридор находился на другом этаже, до него надо было полминуты опускаться в грохочущем лифте. Да и мешок сегодня не надевали. Значит, очередной допрос. Значит, снова пытка.

Она начинается не в тот момент, когда тебя подвешивают за цепь от наручников или приковывают к металлическому стулу с вмурованными в бетон ножками. Даже не в тот момент, когда ты слышишь звон ключа в замке камеры и думаешь: «Опять!» Строго говоря, она никогда не начинается, потому что никогда не заканчивается. Кроме тех блаженных моментов, когда ты теряешь сознание.

Пытка ожиданием. Пытка неизвестностью. Куда сегодня? Что еще приготовили для тебя палачи-затейники? «Только не в комнату с гвоздями! Только не в комнату с гвоздями!» — молишь ты, пока два дюжих охранника волокут тебя по коридору. И когда вы проходите мимо, ты на мгновение испытываешь облегчение. Как будто другие варианты чем-то лучше. А в следующую секунду ты готов продать душу, лишь бы это был не мокрый карцер. Все, что угодно, Господи, только не мокрый карцер!

Мимо овального люка с окошком-иллюминатором Дизеля тоже пронесло. Проволокло, вернее сказать. Значит, не сегодня. Значит, что-то другое. Может быть, еще хуже.

Так и случилось. Охранники остановились перед выкрашенной белой краской дверью, и повисший на их руках Дизель в которой раз прочел издевательскую надпись на табличке:

ФИЗИОТЕРАПИЯ

«Лучше бы карцер, — подумал он. — А еще лучше — сразу сдохнуть. Так ведь не дадут...»

Внутри комната тоже была белой. Белые стены, белый потолок, кафель на полу бежевого цвета, даже мебель: обтянутый пластиком стол, кожаное кресло и стул со спинкой из прутьев, между которыми как раз пролезали кулаки посаженного лицом к спинке человека. Дизеля не раздражал белый цвет. Он знал, как легко эта комната перекрашивается в красное. Так, что не приметные водостоки в полу едва успевают справляться.

Единственным цветным пятном в царстве стерильной белизны был сидящий в кресле Палач, одетый в зеленый хирургический халат и шапочку. Его лицо закрывала белая марлевая повязка. Как только на запястьях арестованного защелкнулись наручники, Палач отпустил охрану и поздоровался.

— Доброго времени суток, Дизель.

Ни «доброе утро», ни «добрый вечер». Пытка неизвестностью продолжалась. Окон в комнате, понятное дело, не было.

— Здра... Здравствуйте, — хрипло ответил Дизель, глядя на свои сжатые кулаки.

— Вы готовы сотрудничать?

— Да.

— Вы готовы отвечать на вопросы?

— Да.

— Вы больше не будете вводить нас в заблуждение?

— Да... То есть нет. Не буду.

Палач вздохнул и достал из ящика стола шприц.

— Что ж, давайте попробуем...

Поначалу, когда его только замели, Дизель артачился. Отмалчивался на допросах, крыл экзекуторов трехэтажно, пытался даже шутить. Всю эту дурь из него выбили быстро. Теперь он стал послушным, как робот. Отвечал, когда спрашивали. Молчал, когда разрешали. Сам выворачивал предплечье, чтоб удобнее было колоть.

— Расскажите, каким путем попал к вам «венец».

Дизель зажмурился, перевел дух и в десятый или двадцатый раз начал свой рассказ. В этих повторяющихся изо дня в день вопросах и ответах не было никакого смысла. Кроме одного: пока он говорил, ему не делали больно. К сожалению, отсрочка была не вечной. Довольно скоро, и Дизель знал это, ему зададут вопрос, на который он не ответит. Не потому, что не хочет, — хочет, и еще как! Может быть, сильнее, чем чего-либо в жизни. Но не может.

Он пытался говорить правду. Правда звучала нелепо даже на его собственный слух. Пытался врать, каждый раз по-разному, но, видно, так и не угадал, какой именно лжи от него ждут. Апеллировал к здравому смыслу Палача. «Если бы я мог рассказать, зачем бы я стал терпеть такое!» Призывал на помощь логику. «Ну а вы? Вы-то сами можете объяснить, как ходите? Как дышите?» Впадал в истерику. В голос ревел от бессильной обиды. Результат всегда был один. Палач печально вздыхал и раскрывал свой чемоданчик.

Сегодня он раздвоился раньше, чем успел задать главный вопрос. Один Палач медленно выпрямился и, сцепив руки за спиной, стал изучать стену в том месте, где могло бы быть окно. Другой Палач, оставшийся в кресле, не спеша достал из-под стола белый чемоданчик с красным крестом. Он положил чемоданчик на стол и, щелкнув замками, откинул крышку. Противно скрипнули петли, ярко блеснула хирургическая сталь.

Дизель отчаянно зажмурился. Иногда это помогало, и, когда он открывал глаза. Палач снова был один. Но не сегодня.

Наконец тот, что стоял у стены, спросил скучным голосом, как о чем-то не важном:

— А теперь расскажите, Дизель, как работает «венец».

Очень скоро палачей стало легко отличить. Красное на зеленом кажется черным. Мало-помалу хирургический халат Палача с чемоданчиком менял цвет. Особенно много черного было на рукавах и передней части халата. Даже до шапочки добилась струйка из отрезанного большого пальца. Только на марлевой повязке капли крови оставляли натуральные красные пятна.

За все время, пока длилась экзекуция, стоявший у стены Палач ни разу не повернул головы. Только время от времени повторял однообразно:

— Вы зря отпираетесь, Дизель.

Или:

— Лучше бы вам сказать правду.

Или:

— Зачем же вы себя так мучаете?

Второй Палач молчал. Он вообще никогда не говорил. Только время от времени с лязганьем рылся в чемоданчике, доставая новый инструмент.

Когда он в очередной раз вернулся с составным прибором, поразительно напоминавшим устройство для извлечения косточки из вишни, Дизель заскулил.

— Только не глаза... Пожалуйста... Вы уже делали это... Не надо...

— Отвечайте, Дизель.

— Я не могу!

Волосы, по сталкерской моде остриженные почти под ноль, за время, проведенное в камере, успели отрасти. Палач ухватился за них левой рукой и запрокинул Дизелю голову. Прибор несколько раз клацнул скрытой пружиной.

— Но я... могу показать! — воскликнул Дизель.

— Что вы имеете в виду? — Стоящий у стены Палач впервые обернулся. Его молчаливый близнец в запятнанном халате посмотрел на него с досадой. «К чему тянуть? Давай закончим начатое», — говорил его взгляд.

— Этого нельзя объяснить словами, — быстро заговорил Дизель. — Но если я покажу, вы поймете. Мне только нужен «венец». Я покажу, как он работает.

— Вы снова пытаетесь врать? Вы надеетесь использовать «венец» против нас?

— Нет! Нет-нет! — отчаянно замотал головой сталкер.

И, должно быть оттого, что это было чистой правдой, ему поверили.

Палач быстрым шагом пересек комнату, приоткрыл дверь и что-то негромко сказал одному из ожидавших в коридоре охранников.

«Венец» принесли через пять минут. Доставивший его охранник молча встал справа от прикованного к стулу Дизеля и расстегнул кобуру.

— Учтите, вас все время будут держать на прицеле, — предупредил Палач. — Так что если вы хотя бы попытаетесь...

— Нет-нет. Я не попытаюсь. Я готов сотрудничать.

— Ну смотрите... — Палач осторожно взял «венец» двумя руками и, точно королевскую корону, водрузил его на голову сталкера. — Так?

Дизель закрыл глаза. «Венец» молчал. Впрочем, он и не надеялся, что артефакт ему ответит. Слишком много жизненной энергии вытянули из него пытки и побои. Слишком сильно измочалили психику.

— Не так. Надо как бы...

— Как? — В голосе Палача послышалось раздражение.

— Немного как бы... — Дизель вдохнул через зубы. — Гос-споди, я не могу объяснить. Освободите мне руки. На минуту буквально. Я покажу.

Глаза Палача над марлевой повязкой прищурились.

«Он не поверит, — подумал Дизель. — Это конец».

Когда мгновение спустя звякнула связка ключей, он собрал в кулак остатки воли, чтобы не выдать облегчения.

— Если хоть дернется или если почувствуешь себя странно, сразу стреляй, — проинструктировал Палач охранника, прежде чем повернуть ключ в замке наручников.

— Да вы не волнуйтесь... — На середине фразы Дизель вскочил и, оттолкнув Палача, побежал. Отчаяние придало ему сил. Он знал, что второй попытки уже не будет.

Охранник не выстрелил скорее всего от удивления, что Дизель побежал не к двери, а в противоположную сторону, к глухой стене.

«Жаль. Пуля в затылок была бы гуманнее», — подумал сталкер и с размаха ударился головой в стену.

Звук, с которым раскололся череп, был самый громким, что он слышал в своей жизни.

Боли не было, просто в комнате стремительно стало темнеть. И в этом меркнувшем свете Дизель успел увидеть, как исчезает розовая пена с пола и красные пятна со стен — везде, кроме того места, куда он врезался головой. Как один за другим растворяются в воздухе окровавленные приборы, и вот уже на столе лежит одинокий использованный шприц. Как два Палача, молчаливый и говорящий, качнувшись, слились воедино. А еще он услышал, как один охранник шепотом сказал другому, прибежавшему на шум: «Башкой о стену, со всей дури. Я видел, «монолитовцы» так делали».

Последним исчез белый чемоданчик, только красный крест некоторое время еще мерцал перед глазами. Затем в этом перекрестье возникло лицо Палача.

— Что ж ты натворил, Дизель! — сказал он.

— Будь ты проклят, Палач, — прошептал сталкер. — Я еще достану тебя.

— О чем ты, дурак? — В голосе Палача слышалась неожиданная и неподдельная жалость. — Ты же убил себя.

— Достану, — упрямо повторил Дизель. — С того света, но достану.

— Дура-ак, — вздохнул Палач и аккуратно, чтобы не запачкаться, снял «венец» с головы уже мертвого сталкера.

Глава первая

Когда вертолет бросило в сторону, Гарин даже не вздрогнул, он так и продолжал спать, сидя на дребезжащем металлическом ящике. Прошедшая неделя настолько его измотала, что он заснул еще до взлета, едва коснувшись побитой дерматиновой сидухи. Весь путь над черным ночным лесом в стороне от трассы — грохот винта, жесткая тряска кабины и громкие переговоры соседей — все это казалось продолжением тяжелого, словно пьяного сна после семи суток бесконечных лекций.

За неделю никто не превратил бы простого парня Олега Гарина в стрелка, рукопашника или специалиста по выживанию. Никто и не стремился. Но по части теории его нагрузили, как мешок мародера: всем подряд и, главное, под завязку. Знания, самые разнообразные, перемешались в голове у Олега и слиплись в огромный ком: «ломать шейные позвонки удобнее под углом в сорок пять градусов, а дождевых червей лучше есть сырыми». Инструкторы грозились, что все это может пригодиться. Гарин в ответ лишь глубоко вздыхал. И еще были изнурительные дружеские беседы в одном из кабинетов департамента собственной безопасности. Множество одинаковых вопросов, повторявшихся в разной последовательности. День за днем, сутки напролет, вперемежку с лекциями, и все это в таком убийственном графике, что вскоре Олег потерял счет времени, а к концу обучения и вовсе перестал понимать цель своей командировки.

Гарин проснулся от тишины, наступившей внезапно, как взрыв. Лопасты перестали рубить воздух и докручивались только по инерции, но хуже того — замолчал мотор. Кабина вертолета уже не грохотала, а железный ящик, на котором пристроился Гарин, больше не вибрировал.

— Вызывает «Скат-семь»! — прокричал пилот. — Центр, это «Скат-семь»! Я вас не слышу!

Будто выходя из гипноза, Олег осознал, что тишина ему тоже приснилась. Воздух был наполнен звуками — тугим свистом ветра в открытом люке, криками людей и еще чем-то надрывным, похожим на скрип корабельной мачты.

Гарин посмотрел вверх и, увидев пулеметный станок, обнаружил, что сидит уже не на ящике, а на серой обшивке стены. Вертолет накренился и стремительно шел к земле, прямо на темные пики елей.

— Центр, ответьте «семерке»! — зачем-то продолжал вопить пилот.

Кто-то дергал сцепившиеся ремнями автоматы, кто-то орал «Убери стволы, сука!» — все это казалось Олегу крайне бессмысленным. Деревья внизу мелькали и сливались в длинные ряды клыков, которыми оскалилась бездонная пасть леса. Вертолет падал, и это было так очевидно, что ставило крест на всех лекциях по выживанию. Гарин потратил зря последнюю неделю жизни — вот что вызывало у него настоящий ужас, а все остальное вдруг стало мелким и смешным. Олег отрешенно смотрел на метавшихся по кабине людей и слушал мольбы пилота, как будто диспетчер мог дистанционно завести двигатель и выровнять машину. В какой-то момент Гарин встретился взглядом с другим пассажиром. Мужик в спортивном костюме и кедах без шнурков был пристегнут наручником к стальному кольцу в полу. Олег не помнил, откуда взялся этот пассажир, впрочем, Гарин погрузился в вертолет первым и сразу уснул; следом за ним в кабину могли завести хоть взвод балерин, хоть корову. Однако прежде он считал себя единственным гражданским в этой компании, и присутствие человека в спортивном костюме его озадачило. Но больше всего Олега удивило то, что перед смертью он думает о такой ерунде.

Мужик выдержал долгий взгляд и неожиданно подмигнул.

— Поищи что-нибудь, — сказал он негромко, только для Гарина.

— Чего?

— Отвертку или клещи. — Он кивнул на свою пристегнутую руку. — Ящик, на котором ты сидел. Это же ЗИП, вроде? Пошарь там. Только быстрее, браток. Давай, что подвернется. Не интересно мне так подыхать, веришь?

Олег потянулся к дерматиновому сиденью, но в этот момент вертолет снова швырнуло, и он приложился затылком обо что-то твердое.

«А кому-то повезло еще меньше», — успел подумать он.

* * *

В небе испуганно крикнула птица, и Олег открыл глаза. Голова была запрокинута, и первое, что он увидел, — это хвост вертолета метрах в пятнадцати позади. Гарин приподнялся на локте, но, кроме трех погнутых лопастей, ничего не разглядел, остальное скрывала стена тумана. Вертолет словно распилили по горизонтали и оставили в траве лишь верхушку, а корпус куда-то уволокли.

— Топь, — коротко пояснил кто-то.

Олег обернулся. Пассажир в спортивном костюме сидел на пеньке и деловито рассматривал высокие черные ботинки.

— Левый сорок третьего размера, а правый сорок четвертого, — высказался он и, чуть помедлив, добавил: — как вся моя, сука, жизнь.

На земле перед ним лежала куча мокрого тряпья и еще один ботинок, вероятно, такой же непарный. Сам мужчина был перепачкан тиной и торфом с головы до ног. Левый рукав олимпийки был закатан до локтя, а запястье туго перемотано бинтом.

Олег почувствовал, что и сам промок до нитки.

— Упали в болото? — спросил он.

— Догадливый, — отозвался мужик.

— И что было дальше? — Гарин осторожно поднялся. Тело вроде бы слушалось, нигде особенно не болело, но общее состояние напоминало похмелье: резких движений делать категорически не хотелось.

— Упали и утонули. — Пассажир поставил ботинки перед собой и хмуро посмотрел на Олега.

— Утонули? Все?!

— Слышь, ты бы лучше не орал. Хрен знает, куда мы свалились. Может, уже и в Зоне давно.

Гарин заметил возле пенька три полных рюкзака, из-за которых выглядывал ствол «Калашникова», и наконец сообразил, откуда у мужика новые ботинки.

— Где остальные? — спросил Олег. — Там же еще трое было? Не считая нас с тобой. Или даже четверо. И еще пилоты. Где они?

— Сам поищи. — Собеседник махнул рукой в сторону увязшего вертолета.

Гарин сделал пару шагов к рюкзакам, в ответ незнакомец подтянул автомат к ноге.

— Не кипешуй, — спокойно сказал он. — Похоже, мы в самый бочаг угодили. Пошли ко дну сразу, как в синем море. Тебя при падении из кабины выкинуло... наверно. Ну я не знаю, мне не до вас тогда было. Вот говорил же барбосам — не нужно меня в браслетах возить, как террориста. Кого смог на сухое оттащить, того смог. Кого не успел, того не успел.

— А кого не захотел, тот уже не расскажет, — продолжил Гарин.

— Это вместо благодарности? — Мужик презрительно сплюнул и вернулся к изучению трофейной одежды. — Если есть желание, бери шест и иди сам проверяй. Кого наловишь — все твои.

Олег поднял лежавший у пенька дрын и неуверенно двинулся к вертолету. Через пару метров под ботинками зачавкала вода, а на следующем шаге правая нога ушла в жидкую грязь по колено.

— Но только на второй раз не рассчитывай, — предупредил незнакомец. — Больше тебя вытаскивать не буду.

Гарин выбрался на ближайшую кочку и покачал головой: неизвестно, что тут произошло сразу после падения, но сейчас спасать уж точно было некого.

— Давно мы рухнули? — спросил он.

— Часа два примерно.

— И как звать тебя, спаситель?

Мужик, не ответив, скинул спортивный костюм и натянул сырые черные брюки из плотного хлопка. Затем накинул такую же куртку и принялся обуваться. Гарин подошел к нему и протянул руку:

— Олег.

— Ну и?..

— Спасибо. — Гарин помялся. — Нет, правда спасибо. До меня сразу как-то не дошло. Наверно, шок... Ты мне жизнь спас, а я к тебе с претензиями. Извини.

Руку он так и не убрал, и мужчина, помедлив, ее все-таки пожал.

— Не суетись, сочтемся, — обронил он и после паузы добавил: — Камень.

— Что?

— Зови меня Камень.

— Это имя? — невпопад спросил Олег.

Собеседник промолчал и начал застегивать куртку. Он был невысокий и некрупный, с лицом человека, крепко обозлившегося на жизнь. Лет ему было определенно меньше сорока, но седина уже плотно прошла по короткой стрижке, указывая на некоторое количество пережитых трудностей. Более конкретно о трудностях свидетельствовал воровской перстень с крестом, наколотый на среднем пальце. Других татуировок, насколько успел заметить Гарин, у Камня не было.

— Зачем мокрое надевать? — сказал Олег. — Развели бы костер, просушили.

— Ну и развел бы! — огрызнулся Камень. — Пока ты только меня разводишь.

Он выставил вперед палец, как будто обозначил границу, которую Гарину пересекать не следовало.

— Я же извинился. — Олег улыбнулся, запоздало соображая, что в среде уголовников излишняя вежливость только во вред. Блатных он не боялся по той простой причине, что никогда не имел с ними дела, но и лишних иллюзий не испытывал. — Я мало что помню. Даже не знаю точно, сколько человек с нами летело.

— Кто они тебе были? — поинтересовался Камень. — Кореша? Начальство? Тебя за каким хреном вообще в Зону-то понесло?

— Как раз об этом я и хотел у тебя спросить.

— Хотел ты, а спросил я.

Олег вздохнул и сказал:

— У меня командировка.

— В Зону?! — Камень уставился на Гарина.

— А то ты не в курсе. Мы же вместе взлетали с площадки Института.

— Да меня не особо просвещали — с кем, куда и откуда. Как забрали из СИЗО, так и закрутилась карусель: один допрос, другой допрос, вроде СБУ, а вроде и нет. Подвалы все глубже, кормежка все лучше. Еще месяц, думаю, и окажусь в самом центре Земли, прямо в ресторане.

— В центральном? — уточнил Олег.

— А?.. — Камень нахмурился и вдруг расхохотался. — Верно, в центральном кабаке Земли!

Смеяться он прекратил так же резко, как начал, и вернулся к изучению рюкзака.

Гарин присел на старую поваленную сосну и, сорвав травинку, машинально поднес ее к губам, но в последний момент одумался. «Все полезно, что в рот полезло» — это уж точно не про Зону. Здесь все иначе. В памяти зароились обрывки лекций, но в данный момент Олега волновали не способы выживания, а кое-что другое. Слово «допросы», брошенное собеседником, неожиданно потянуло за собой какие-то новые... не воспоминания, нет,

скорее впечатления или образы. Черный омут безумной подготовительной недели на мгновение раздвинулся — в нем блеснуло что-то незнакомое — и снова схлопнулся.

«Грибы, растущие в Зоне, употреблять в пищу нельзя. Даже сыроежки, даже после длительной варки. Даже если захочешь умереть — все равно нельзя, это слишком длинный путь». Все правильно, есть насущные проблемы, и они важнее.

— Ну а ты сюда за каким хреном, командировочный? — Камень продолжил разговор с таким видом, будто сам уже дал исчерпывающие ответы на все вопросы.

— Ну... в общем, экспедиция. — Олегу очень не хотелось посвящать зека в дела, в которых он и сам, положив руку на сердце, мало что понимал.

— Так ты ученый, выходит? — с раздражением спросил Камень.

— Младший научный сотрудник.

— Это типа студент или как?

— В данный момент считай меня просто курьером, — сказал Гарин.

— Кем тебя считать — это мы поглядим, — ответил уголовник без угрозы, но настолько серьезно, что не уловить подтекста было нельзя.

Гарин мысленно вздохнул. Беда за бедой: экстренный рейд к черту в задницу, авария по дороге и единственный выживший попутчик — опасный тип с наколотым перстнем и неизвестной статьей. И вероятно, даже не с одной. Вот почему бы не уцелеть кому-нибудь из тех инструкторов, что его натаскивали? С другой стороны, окажись на месте Камня какой-нибудь специалист по выживанию — что бы он сделал в первую очередь? Полез бы в трясину к тонущему вертолету? Несомненно. За средствами связи, оружием и едой. Если младший научный сотрудник и оказался бы в этом списке, то явно ближе к концу, где-то между магнитными шашками и шампунем от перхоти. Уголовник по кличке Камень в отличие от богатырей-следопытов действовал не прагматично, а... правильно, по совести. Так это называется, к чему стесняться хороших слов?

Провернув все это в мозгу за какую-то секунду, Олег почувствовал, что его отношение к Камню начинает улучшаться.

— Чего хлебало раззявил? — процедил спаситель. — Лови клифт, прикинься, а то светишь, как лепило на этапе.

— А?

— Переодевайся, говорю, студент. — Камень бросил ему комплект одежды, такой же мокрый, как и все, лежавшее в рюкзаке. — Твои вещи недостаточно практичны для прогулок по странным местам. Так тебе ясно?

— Я давно не студент, — с достоинством возразил Гарин. — Остальное ясно. А что, в Зоне действительно такой ужас, как об этом говорят?

— А ты думал. Сам я здесь не бывал, но кенты сказывали, что смертность тут зашкаливает. Порядочный человек сюда не пойдет. По своей воле, — уточнил Камень, презрительно цыкнув зубом.

— Я не по своей, — торопливо ответил Олег и еще до того, как закончить фразу, мысленно обозвал себя тряпкой и мямлей.

— Да это конечно, — издевательски закивал Камень, — мы же оба с тобой в кандалах летели, я видел. Вот это ништяк, — добавил он без всякой паузы, извлекая из мешка КПК. — Тэ-экс, — протянул он. — Ну да, было бы странно...

— Что именно? — спросил Олег, не дождавшись пояснений.

— Странно было бы найти здесь вайфай. — Уголовник деловито потыкал в экран. — Навигатор есть, но без коннекта это просто карта. Ладно, пусть хоть так. О, есть пасьянс! — оживился он. — Двести вариантов. А сека или бура?.. Нету. В общем, беспонтовая приблуда.

Олег наблюдал за мужчиной со смешанными чувствами. Нарастало ощущение сказочности всего происходящего, но в то же время холодная сырая обувь постоянно напоминала Гарину, что светлая опушка на краю топи с затонувшим вертолетом — это и есть единственная точка реальности. Все остальное разделилось на прошлое и будущее, на воспоминания и мечты.

Чтобы хоть как-то выйти из оцепенения, Олег бестолково переступил с ноги на ногу.

— Интересно, где это ты компьютер освоил, — сказал он. — В камере?

— А то я, кроме топора, ничего в жизни не видал! — огрызнулся Камень, выключая КПК и возвращаясь к осмотру содержимого рюкзаков. — Оп-ля, коньячишко. Сюрприз так сюрприз! — Он подкинул в руке пластиковую фляжку на триста пятьдесят граммов. — Будем греться. Но не сейчас, позже. А вот еще...

Внезапно метрах в десяти от них треснула ветка, и оба рывком обернулись на звук. Камень успел подхватить автомат, а Гарин, даже если бы вспомнил об оружии, не смог бы до него дотянуться.

От сплошной стены кустарника отделилась фигура в масках — пока человек не начал двигаться, он был абсолютно незаметен и мог бы простоять рядом хоть вечность. Незнакомец демонстративно поигрывал сухим сломанным сучком. Автомат висел у него за спиной, что, вероятно, означало отсутствие дурных намерений. Во всяком случае, Олегу хотелось так думать.

— Ствол прибири-ка, — душевно скомандовал мужчина, обращаясь к Камню. — Я, как ты понимаешь, не один тут брожу.

В подтверждение его слов где-то сзади раздался щелчок затвора.

— Понимаю, — расслабленно произнес Камень и опустил оружие. — Кто такие, куда путь держите?

Незнакомец недоуменно вскинул брови:

— Тоже интересуюсь.

— Кабы знать, — сокрушенно отозвался Камень, присаживаясь обратно на пенек. — Эй, ну может, хватит уже нас на мушке держать? — сказал он куда-то вверх.

Из-за старой сосны вышел второй мужчина со старым АК-47 на широком засаленном ремне.

— Ну вы жесткие, парни, — мотнул головой Камень. — Чего хотели-то?

— Да так... Гуляем, смотрим — новые люди. Интересно стало поговорить, познакомиться. Коньяк вот у вас пропадает, если я не ослышался. Меня, кстати, Митрич зовут, — представился мужчина.

— А я Бодун, — кивнул второй. — Сами-то чьих будете?

— Ничьих мы, считай архангелами. — Камень указал на хвост вертолета, который уже погрузился в бочаг настолько, что половина ротора скрылась под водой.

— Паршивенькая история. А друзья ваши где?

— Друзья на Большой Земле остались. Здесь в лучшем случае приятели, — мрачно отозвался Камень.

— Я про второй вертолет говорю. Что же они вас бросили-то?

— Второй вертолет? — озадачился Олег. — Не было второго, мы одни летели.

Бодун нехотя повернул к нему голову, как будто сделал одолжение.

— Был второй, — сказал он.

— Не было, — возразил Митрич. — Вертолет летел один.

— Я слышал два, — уверенно проговорил Бодун.

Когда сталкеры встали рядом, Олег обнаружил, что они похожи, как братья, из-за этого спор между ними выглядел странно. Разве что лицо у Митрича было повывразительней, особенно глаза.

— Вечно тебе мерещится. — Митрич помахал ладонью у товарища перед лицом. — Но случай ваш по-любому неприятный.

— Неприятный?! — Гарин выразительно фыркнул.

— Пару лет назад... Пару, да? — Сталкер взглянул на приятеля. — Точно, в позапрошлом году. Похожая петрушка вышла, только вертолетов тогда было аж пять штук. Все как один рухнули, и мало кто уцелел. Поэтому предлагаю отметить ваше второе рождение, — неожиданно закончил он.

— Не сегодня, — отрезал Камень. — Дел еще много.

— А, так вы за хабаром прибыли?

— Нет, за хворостом. Пошли, студент. — Камень поднял рюкзак и накинул обе лямки на левое плечо.

— Это вряд ли. — Бодун покачал автоматом на ремне.

— Ты в человека-то когда-нибудь стрелял?

— И не раз, — буднично ответил он. — Вы, уважаемые, тропинки попутали. Здесь с людьми так разговаривать нельзя.

— Да ты сам попутал! — рассвирепел Камень, но Бодун немедленно вздернул ствол. Настроен он был гораздо серьезней, чем можно было подумать, глядя на его одутловатое и в целом не злое лицо.

— Беспредельщики, — процедил Камень.

— Я нормального коньяка уж сколько месяцев не видел, — признался Митрич. — Я же не собираюсь у тебя его отнимать, зачем мне в Зоне такая репутация? Мы честно поменяемся. Тебе ведь нужен фонарик? Классный.

Он достал из кармана трубку чуть потолще авторучки и помигал лампочкой. Дохлый светодиод даже в крошечной тьме едва ли мог бы оказаться полезным.

— Это внукам на Новый год подгонишь, — сказал Камень. — Ладно, меня устроят два рожка.

— Два рожка тебе на голову самое оно, — съязвил Митрич. — Оружие и боеприпасы я не продаю.

— Пацифисты мы, — поддакнул Бодун.

— Есть детектор аномалий, — вспомнил Митрич. — Вот, гляди. Новенький!

Камень с сомнением посмотрел на серую пластмассовую коробочку. По маленькому квадратному экрану змеилась трещина, а резиновое уплотнение, теоретически переводящее прибор в разряд водонепроницаемых, в двух местах выглядело так, словно его грызли зубами.

— У меня идея, — высказался Гарин. — Провести нас кое-куда сможете?

Камень посмотрел на него с одобрением и уточнил:

— Нам к Пуху попасть нужно. Желательно до обеда.

— К какому Пуху?! — воскликнул Олег. — Нам нужно к переезду.

— К какому еще переезду? — в свою очередь удивился Митрич.

— Железнодорожному.

— Ну, это я и сам бы догадался. А конкретнее?

— Там по ходу разберемся.

— Парень, вокруг Янова столько переездов, что устанешь обходить. Но добраться до тех мест — задача не из легких.

— К Янову мы не пойдем, — заявил Камень. — Приведете к Пуху — и коньяк ваш.

Сталкеры синхронно повернули к нему головы.

— Все зависит от того, сколько у вас с собой продукта, — осторожно произнес Митрич. — Путь-то не близкий. Три дня на собаках.

— Одна бутылка.

— Значит, и маршрут будет один. И это никак не Янов, — сочувственно сказал Митрич Олегу. — На Янов, браток, за пузырь топай сам. А к Пуху... что ж, к Пуху отведем без проблем. Хотя, уважаемый, мог бы и сразу предупредить, по каким ты тут делаешь. Меньше болтовни было бы. Давай.

— Проводишь к Пуху, тогда получишь, — отрезал Камень.

Митрич помолчал, печально глядя в глаза уголовнику, потом развернулся и хлопнул друга по плечу:

— Похоже, не договорились.

На этот раз Бодун не стал грозить автоматом, имя неведомого Пуха на сталкеров подействовало слегка угнетающе. Они больше не спорили, они просто уходили.

— Армянский, десять лет выдержки! — крикнул Камень им вслед.

— Угостишь кровососов, они, кстати, скоро подойдут, — ответил Митрич, не оборачиваясь.

Камень выждал еще несколько секунд и, убедившись, что сталкеры блефуют крайне добросовестно, вполголоса выругался. Затем с хрустом свернул пробку.

— Тебе, Митрич, барыгой надо быть, а не сталкером.

— Мы и есть барыги. В свободное, так сказать, время.

Сталкеры, не сбивая шаг, развернулись и приблизились к Камню.

Первым к бутылке приник Митрич. Кадык под кожей задвигался ритмично и мощно, как хорошо отлаженный механизм.

— Э, ты там не увлекайся, — занервничал Бодун, но механизм был глух и бесчеловечен.

Наконец Митрич оторвался от горлышка и расплылся в блаженной улыбке.

— Как дома побывал, — констатировал он, передавая часть гонорара подельнику. — Водка... ее я не могу. Пью, конечно. Но совершенно без удовольствия. А коньяк — это солнце. Это, парни, жизнь.

Он сощурился и поднял лицо к небу. В ту же секунду за деревьями тоскливо каркнула ворона, и небо затянуло невесть откуда взявшимися тучами. Бодун допивал свою долю уже под накрапывающим дождем. Разделавшись с остатками коньяка, он разочарованно взглянул на этикетку.

— «Таврия», три звездочки, — прочел он вслух тоном обманутого ребенка.

— Что-то быстро они налетели, — пробормотал Митрич, поглядывая в темное небо. — Не к выбросу ли дело идет, а?

— Нет, сегодня обойдется, я чувую, — сказал Бодун, поправляя на плече тяжелый автомат. — Ну что, двинули?

— В сторону Янова, — с нажимом произнес Гарин. Он понимал, что находится в меньшинстве, но не мог смириться с тем, как его обошли. Вернее, даже не обошли — его интересы изначально никто не учитывал, и это было крайне обидно. Жизнь складывалась таким образом, что Олег довольно часто чувствовал себя беспомощным и никчемным, но никогда еще бессилие не было столь ощутимым. Что он мог сделать? Плюнуть на эту троицу и идти своим путем? Знать бы куда...

— К Янову нереально, — добил его Митрич.

— Тогда к выходу из Зоны.

— Зона — это не кинотеатр, где есть вход и выход. Не хотелось бы тебя огорчать, но вы залетели слишком далеко, чтобы отсюда можно было просто взять и вернуться.

— Тут, пожалуй, до Янова уже ближе, чем до Большой Земли, — подтвердил Бодун.

— Тогда до Янова! — отчаянно повторил Олег.

— Чудак человек, вот заладил... Объясни хоть, что ты на станции забыл?

— У них там наблюдатели сидят, — осклабился Камень.

— И что наблюдают?

— Исследовательский пост, — нехотя поправил Олег. — Остальное вас не касается.

— Мой друг — секретный студент, — с насмешкой сообщил уголовник. — Летел на этот самый пост, чтобы забрать чье-то сердце.

— Ты откуда знаешь? — крикнул Олег. — И что ты треплешься?

— Да я в отличие от некоторых в пути не кемарил. И во сне не бредил. «Забрать сердце, забрать сердце», — передразнил Камень.

— Стало быть, донорскими органами торгуем, — высказался Митрич. — Грешно это, парни.

— Как вы меня утомили, — простонал Гарин. — Какие еще органы? Мне нужно забрать «сердце оазиса» и вернуться в Институт. В крайнем случае — просто вернуться, в гробу я видал эти командировки.

— О, «сердце оазиса»! Достойная цель! — хрюкнул Бодун.

— Что не так? — устало спросил Олег.

— Да все нормально. Одна беда: «сердце оазиса» никто не видел. Потому что его не существует.

— Как это не существует?! — вскинулся Гарин.

— «Сердце оазиса» — это всего лишь легенда. Что, конечно, не мешает людям продолжать поиски.

Олег исподлобья взглянул на Камня. Вот тебе и секретность, черт ее дери! Зачем нужно было морочить голову подписками о неразглашении, если в итоге о цели экспедиции узнал даже последний зек. Олегу сразу не понравилось это соседство в вертолете, хотя тогда задуматься просто не было времени. Но мысль, однако, мелькнула: не дай Боже пронюхать этому типу, зачем летит в Зону научный сотрудник из Института Альтернативных Исследований. И вот сюрприз: зек уже все узнал, причем от самого же Олега. Хотя версия Бодуна Гарину понравилась. Легенда — это хорошо. Байка? Замечательно. Никакого «сердце оазиса» в природе нет. Меньше знаешь — крепче спишь.

Облака начали расходиться, но дождь все не прекращался. Противный редкий дождик, превращавший ясный день в промозглый сумрак, все падал и падал с неба, окончательно убивая настроение.

— А если такой вариант... — Олег чуть помедлил. — Сначала идем к этому Пуху или как его там, а оттуда уже...

— Тихо! — Бодун приложил палец к губам и прищурился, осматриваясь.

— Что тако... — попытался спросить Олег, но неожиданный удар локтем в солнечное сплетение вышиб из него дух вместе с окончанием фразы.

— Сказано было: тихо! — прошипел Митрич, выпучив глаза.

— Гости? — вполголоса обронил Камень.

Бодун кивнул.

— Ваши?

Сталкер коротко мотнул головой и сказал как выплюнул:

— Общие.

Митрич, напряженно вслушиваясь, поднял правый кулак и поочередно разжал указательный, средний и большой палец. Затем махнул рукой, указывая немного левее того места, где за туманной дымкой угадывались покореженные останки вертолета.

«Что за игры, — подумал Олег, потирая ушибленную грудь. После удара локтем ему было не столько больно, сколько обидно. — Тоже мне специалисты!»

Бодун и Митрич одновременно передернули затворы, так что два щелчка слились в один. Камень отстал от сталкеров всего на секунду. Гарин тоже поднял с земли автомат, хоть и не чувствовал пока никакой угрозы: ни движущихся теней в тумане, ни подозрительных звуков. Только через пару минут напряженного ожидания Олег расслышал за монотонным шепотом дождя негромкий плеск. Он повторялся через равные промежутки времени и, кажется, приближался, как будто кто-то плыл к рухнувшему вертолету на каяке, загребая болотную жижу веслом. Внезапно плеск прекратился, и Олег услышал новый звук, от которого волосы на его шее встали дыбом. Это был наполовину стон, наполовину мычание — протяжное и нечеловеческое.

«Передернуть затвор, — напомнил себе Олег. — И снять с предохранителя».

Гарин потянул на себя затворную раму, та отъехала назад, но недостаточно далеко, чтобы он мог завершить движение.

«Какая тугая пружина», — удивился Олег и еще раз дернул — с тем же успехом.

— Черт! — пробормотал он. — Сначала предохранитель, потом затвор!

С третьей попытки ему удалось дослать патрон в патронник. Все шло не так. Совсем не так, как на учебных стрельбах. Не было руководителя стрельбы, который бы отдавал команды и выслушивал твое «Цель вижу!». Да и цели никакой пока что не было видно.

Плеск воды послышался снова, теперь он стал громче и чаще. Уже не каяк, а трехместная байдарка скрывалась за белесой мутью тумана, причем ее пассажиры гребли вразнобой и даже, судя по звуку, в разные стороны.

— Черт, черт, — прошептал Гарин и перевел флажок предохранителя в режим автоматического огня.

Сердце билось часто и оглушительно, уже не в груди, а в висках. Палец на спусковом крючке автомата ощутимо дрожал.

Достигнув вертолета, плеск прекратился опять, но волнение Олега от этого только усилилось. Он понятия не имел, что за опасность таилась в тумане и кого из представителей аномальной фауны прислала гостеприимная Зона. Спросить же у сталкеров Гарин не решился из опасения второй раз получить поддых. Слишком твердым был у Митрича локоть. Сами сталкеры переговаривались друг с другом непрерывно, только вместо слов они использовали жесты. Вот они, кажется, о чем-то договорились. Бодун кивнул, Митрич снова растопырил три пальца, затем убрал один, другой, третий. В ту же секунду луч мощного фонаря врезался в стену тумана, расширив зону видимости почти втрое. Круг света метнулся слева направо, уперся в погнутые лопасти вертолета и двинулся было назад, но вдруг застыл на месте, осветив два странных силуэта, едва выступавших над поверхностью воды.

«Коряги, что ли?» — подумал Олег.

Грохот автоматных выстрелов ударил по барабанным перепонкам. Одна из «коряг» завалилась на бок, другая неожиданно взлетела, вернее, подпрыгнула, но так высоко, что Гарин на миг потерял ее из виду. В следующую секунду она приземлилась, сократив расстояние между собой и стрелками вдвое. И тотчас взлетела снова. Подстреленная «коряга» тем временем зашевелилась и тоже прыгнула. Луч фонаря последовал за ней, и Олег успел рассмотреть существо, поднявшееся над болотом.

«Пять лап, — насчитал Гарин. — Ох, нет, четыре. У них хоботы. Господи, хоботы!»

— Мочи гада! — крикнул кто-то из сталкеров.

Следующий прыжок стал для одного из нападавших последним. Существо, приземлившееся на кочку в пяти шагах от стрелков, попало в клещи сразу трех автоматных очередей. Рев, полный ярости и боли, резанул по ушам. Сотрясаясь от врывающихся в его тело пуль, существо поднялось с четверенек и выпрямилось в полный рост. Олег Гарин с ужасом понял, что перед ним человек или то, что когда-то было человеком: не с лапами, а с руками и ногами, не с хоботом, а с коротким шлангом противогАЗа.

— Снорк, — прошептал Олег и не услышал собственного голоса.

— Как белку! — удовлетворенно усмехнулся Бодун, когда одно из стекол противогАЗа, похожее на огромный круглый глаз, взорвалось окровавленными осколками.

Мертвый снорк сделал еще три шага назад и, раскинув руки, упал на спину.

— Перезаряжаю, — предупредил Митрич.

— Тьфу, мать! Я тоже, — откликнулся Бодун. — Прикрывай, как там тебя?

— Камень, — отозвался уголовник.

Два пустых автоматных рожка упали в подсумки.

Снорк, раненный одним из первых выстрелов, был уже рядом. В ближнем бою мутант вел себя как собака: передвигался на четырех конечностях и как будто обнюхивал землю коротким шлангом. И рычал. Если б не автомат в руках, Олег заткнул бы ладонями уши, чтобы не слышать этого злобного рычания, в котором нет-нет, да и проскакивали человеческие интонации.

— Ты на кого твякаешь, тварь! — огрызнулся Камень. — Джульбарсы в роду были? — Автомат огрызнулся вслед за хозяином — раз, другой, третий — и вдруг замолчал, словно захлебнувшись ненавистью. — Переза... М-мать, некогда!

Левой рукой он выхватил из-за пояса пистолет и сделал два выстрела. Первая пуля угодила снорку в плечо, вторая расплосовала бедро, но на поразительную скорость мутанта новые раны не повлияли. Молниеносное движение — и пистолет Камня летит в кусты, а сам Камень, матерясь, зажимает между коленями отбитую, если не сломанную руку.

— А ну легли оба! — страшным голосом крикнул Бодун.

Камень и Митрич рухнули как подкошенные. Снорк, наоборот, оттолкнулся руками от земли и привстал, чтобы нанести новый удар. Но не успел. Выпущенная Бодуном очередь прошла его туловище. Метра на три вокруг от того места, где остановился мутант, стебельки и листья чахлой болотной растительности покрылись каплями темно-красной росы.

Агонизирующий снорк завыл так, что Олег зажмурился. Когда что-то шлепнулось рядом с ним, он снова открыл глаза и увидел руку, но не всю, а только кисть и часть

предплечья. Она лежала в мелкой лужице под ногами у Гарина, и там, где рука неожиданно заканчивалась, лужица постепенно становилось бурой. Запястье обхватывало что-то вроде широкого браслета, и в том месте, где грязь смыло водой, можно было разобрать, что браслет связан из шерсти, а узор вязки чем-то напоминает узор на свитере, который сейчас надет на Олеге. Сквозь ссадины, покрывавшие ладонь, проступала линия жизни, оборвавшейся только что, несколько секунд назад. Мизинец и безымянный палец на отстреленной руке еще шевелились. Они сгибались и разгибались. Сгибались и разгибались. И когда они сгибались, два ногтя, отросших до состояния когтей, впивались в ладонь. Поэтому кончики ногтей были красными.

Эта картина была такой невозможной и в то же время настолько реальной, что Олег впервые с начала боя нажал на спусковой крючок. Автомат в его руках дернулся трижды. Очередь вошла в землю треугольником, потом рука Гарина дрогнула, и еще две пули унеслись в затянутое тучами темно-серое небо.

— Э! Ничего, что мы тут стоим? — обернулся к Олегу Митрич. — Ты куда лупишь, ирод? Ну-ка брось автомат!

Гарин послушно разжал пальцы и зашипел от боли, когда ствол ударил его по носку ботинка.

Митрич с восхищением вытаращил глаза.

— Ну ты, студент, совсем того... Я сказал — мне брось!

Со второй попытки Олег выполнил приказ. Митрич поймал автомат за ремень и приставил к ноге.

— Так спокойнее, — прокомментировал он.

— Я не студент. Я даже не аспирант. Я младший научный сотрудник, — строго сказал Олег, разумеется, только в своем воображении. Пожалуй, ни разу в жизни он не чувствовал себя настолько неуютно.

— Так что там с третьим? — спросил Бодун. — Ты показывал трех. Сбежал?

— Да нет, тут он. — Митрич снова прислушался. — Только не шевелится. Вон там, прямо за вертолетом. Наверное, жрет кого-то из летчиков. А может, испугался или по нужде присел. Хотя у меня, к примеру, это случается одновременно. Ну-ка, пригнулись! — Сталкер достал гранату. — Ты, студент, можешь стоять. Ради таких, как ты, дедушка Дарвин и придумал естественный отбор.

После этих слов Гарин не то что пригнулся — упал ничком, не выбирая, где сухо, а где сыро. Взрыв гранаты он не столько услышал, сколько ощутил телом. На пару секунд наступила полная тишина. А потом на Олега обрушилось небо. Небо было тяжелым и воняло протухшей рыбой.

«Это все, — подумал Олег. — Я умер. Господи, прости».

Глава вторая

От мыслей о душе Гарина отвлек возбужденный возглас Митрича:

— Ничего себе! Видели, да? Высоко пошел, к дождю! Студент, ты там жив еще?

Олег приоткрыл один глаз и увидел чей-то ботинок.

— Ну-ка, взялись, — скомандовал Бодун, и вдавившая Олега в землю тяжесть исчезла. Запах тухлой рыбы не пропал, но дышать стало легче.

— Эй, ты в сознании? Глаза открыть можешь? — спросил в самое ухо Камень.

— Могу.

Олег открыл глаза и тут же об этом пожалел. На земле рядом с ним лежал снарок. Меньше полуметра отделяло лицо Гарина и маску противогаза, из оборванного шланга которой тонким ручейком стекала кровь. Маска была задрана кверху, поэтому Олег не мог видеть глаза снарка за мутными стеклами, и это был большой плюс. Зато он видел подбородок и оскаленные зубы, торчавшие из темно-коричневых десен. Через мгновение Олег понял, что губ у снарка нет вовсе, а то, что он принимал за них, — это черви. Жирные

дождевые черви, есть которых, согласно вдолбленной в память инструкции, полагалось живыми.

«Это уже слегка чересчур», — успел подумать Олег, прежде чем его вырвало.

— Почему они все в противогазах? — как ни в чем не бывало спросил Камень. — Не для защиты же от ядовитых испарений. У них вон даже фильтрующих коробок нет.

— Да никто толком не знает, — признался Бодун. — Есть версия, что рож своих стесняются.

— А дай-ка я взгляну.

Увидев, как рука Камня взялась за шланг противогаза и потащила маску вверх, Олег зажмурился и сделал три глубоких вдоха, пережидая повторный позыв к рвоте.

— Да-а... — протянул Камень. — С такой харей я бы тоже стеснялся.

— Помогите мне встать, — не размыкая век попросил Олег и наугад протянул руку.

— Разучилась пить молодежь, — вздохнул Бодун.

Когда Гарину помогли подняться, он не сразу встал на ноги, а вначале отполз на четвереньках подальше от мертвых снарков и их фрагментов, подальше от запаха тухлой рыбы и свежей рвоты. Только после этого он открыл глаза и медленно встал.

— О! А я думал, он тебя укусил, и ты сам в снарка превратился, — обрадовался Митрич. — Противогаз примерить не тянет?

— Кончай десны сушить, — урезонил товарища Бодун и подошел к Олегу. — Кроме шуток, открытые раны есть?

Гарин осмотрел себя — от промокших штанин, перепачканных в каком-то иле, до грязных ладоней — и покачал головой:

— Вроде нет.

— Вот и хорошо. А самолюбие до свадьбы заживет. — Бодун хлопнул Олега по спине и шагнул к Камню. — Ну а ты как? Что с рукой?

— Да ерунда. — Камень показал левое запястье, опоясанное багровой полосой содранной кожи.

— Ого! Все-таки оцарапала тварь когтистая?

— Да нет, это я раньше. Когда из вертолета вылезал.

— А-а, бывает. Давай-ка на всякий случай привьемся. — Сталкер достал одноразовый иньектор. — Столбняк — не стояк, рукоблудием не лечится. Рукав закатай повыше.

— Я сам, — сказал Камень.

— Ну, держи.

Бодун, наблюдавший, как уголовник впрыскивает под кожу противостолбнячную сыворотку, уважительно кивнул.

Заметив его интерес, Камень усмехнулся:

— Я не наркоман. Медбратом работал. — Он ненадолго задумался. — В позапрошлой жизни.

— О, парни, стриптиз! — подал голос Митрич. — Жаль, музыки нет.

Камень и Бодун обернулись.

Гарин, стоя босыми ступнями на пне, с остервенением стаскивал с себя джинсы. Снятый свитер бесформенной тряпкой валялся в луже неподалеку. Олег не ответил на шутку Митрича. Он вообще ни на что не обращал внимания. Взгляд Гарина был направлен на то место, где еще недавно находился вертолет, а теперь осталась одна только лопасть, торчавшая из воды под углом, как рука утопленника, окоченевшая в безнадежном ожидании помощи. Покончив с джинсами, Олег задрал край футболки и понюхал его. Футболка тоже была влажной, но от нее по крайней мере не воняло тухлой рыбой, поэтому футболку Гарин решил оставить. Он быстро натянул куртку и брюки, выданные Камнем. Куртка оказалась как раз, а вот штанины были сантиметров на семь длинней, чем нужно, поэтому Олег дважды подвернул их снизу. Затем он присел на пень и в задумчивости уставился на свои ботинки, низкие и мягкие. Они годились для неспешных прогулок по асфальту, но для марш-броска по пересеченной болотистой местности предпочтительней были бы резиновые сапоги

до колен или армейские ботинки вроде тех, что носили сталкеры. Однако выбора не было. Олег вздохнул и вылил из обуви мутную воду. Потом с отвращением отжал носки.

— В большом рюкзаке в боковом отделении есть несколько новых пар, — сказал Камень. — Можешь взять одну.

Олег кивнул благодарно, но ничего не сказал.

Прежде чем навсегда распрощаться с джинсами, Гарин проверил карманы. Кошелек, связка ключей и промокший проездной на автобус. Проездной Олег выбросил сразу, а ключи вместе с кошельком переложил в карманы брюк.

— Ну что, все готовы? — спросил Бодун. — Тогда давайте двигать отсюда, пока падальщики не набежали. Я иду первым, за мной — Камень, потом — студент. Митрич — замыкающий. Идем след в след, дистанция три метра, не разговариваем. Поднимаю руку — значит стой. Не «стой, раз-два», а останавливаемся сразу. Все ясно?

— Ага. — Камень сунул Гарину в руки рюкзак. — Держи, это твой. И автомат не забудь.

— Вперед, бродяги! — скомандовал Бодун.

Он развернулся спиной к болоту, на поверхности которого не осталось и следа от недавнего крушения вертолета, и спустя мгновение скрылся в подлеске. Следом за ним быстрым шагом двинулся Камень. «Чересчур быстрым», — подумал Гарин, которому пришлось на ходу подтягивать лямки рюкзака.

Они успели пройти от силы метров двадцать, когда на покинутой опушке послышалась возня, тонкий суетливый писк и отвратительное похрустывание. Олег хотел было обернуться, но тут же получил автоматным прикладом в плечо — не больно, но обидно.

— Чего встал? Вперед! — прошипел Митрич.

Проглотив ругательство, Гарин прибавил шаг.

Держать дистанцию и ступать след в след оказалось непросто. Камень шагал слишком широко. Его черную фигуру было видно намного лучше, чем сливавшийся с растительностью маскхалат сталкера. Мелкий дождь, перешедший в морось, в лесу почти не беспокоил, зато туман, кажется, сгустился еще сильнее, он обволакивал кустарники и клубился в овражках.

Вопросы о том, кто такой Пух и зачем он понадобился Камню, вылетели у Гарина из головы уже через пять минут похода. Остался только быстрый шаг, спина впереди идущего, хлещущие по плечам ветки и опасение запнуться о поваленное дерево или торчащий из земли корень. Еще страшнее было остаться одному в этом лесу. Олег уже видел, на что способна группа снайперов, а из курса подготовки он знал, что это далеко не самые опасные обитатели Зоны.

Гарин вздрогнул, когда совсем рядом, низко над головой, каркнула ворона. Ей ответила вторая. А потом откуда-то слева донесся тонкий пронзительный плач. Так могла бы кричать пожилая женщина, у которой хулиганы выхватили сумку с пенсией. Насыщенный водяными парами воздух мог как угодно исказить звуковые волны, но Олег был уверен, что до источника звука никак не меньше полукилометра. Поэтому он не сбавил шаг, тем более что и Камень, и идущий первым Бодун никак не отреагировали на «старушечий» плач. Только Митрич пробормотал себе под нос то ли молитву, то ли очередную шутку:

— Прибрал господь псевдоплоть...

Группа двигалась с постоянной скоростью, темп сбавляли только дважды. В первый раз — у черной березы.

Гарин упустил момент, когда Бодун дал команду к остановке. Он не налетел на Камня, трехметровая дистанция уберегла, но и не замер на месте, как того требовал ведущий. Армейское «стой, раз-два» в случае Олега растянулось на «стой, раз-два-три... да стой же ты!» и закончилось еще одним чувствительным тычком под ребра.

— Велено было остановиться, — пояснил Митрич, но сказал это спокойно, не зло, почти лениво, из чего Гарин заключил, что опасность не смертельна.

— О, смотри! — Камень направил дуло автомата на стоявшее впереди дерево. — Черная береза.

Строго говоря, она даже не была черной. Это скорее напоминало негатив березы: черный ствол и белые полосы. Впечатление эта фотография производила гнетущее. Если дерево почернело от пожара, то начался и закончился он на этой березе, не перекинувшись даже на пучки засохшей травы у ее корней. Если же это произошло от удара молнии, то он был достаточно сильным, чтобы стряхнуть с веток всю листву, которая зеленым ковром устилала землю вокруг. Листья облетели, а сережки остались. Поникие кисти мелких черных цветов свисали с ветвей, как разваренные в чернилах макароны. Некоторые достигали полуметра в длину. Почти все шевелились. Они покачивались из стороны в сторону, плавно изгибались, закручивались кольцами. Как змеи. Или как дождевые черви.

— Еще вчера было дерево как дерево, — задумчиво проговорил Митрич. — А сейчас черт-те что. И фонит, кстати, лихо! Сочку березового никто не хочет?

Гарина передернуло. От вида извивающихся, точно щупальца, «сережек» его снова замутило.

— Уходим с тропы, — решил Бодун. — Идем тем же порядком, дистанция один метр. За мной!

Олег кивнул, пристраиваясь в затылок Камню. Уходим, так уходим. Хотя он и до этого не замечал никакой тропы. Ему казалось, что группа идет не разбирая дороги, просто придерживаясь заданного направления.

Следующая остановка случилась минут через пять. На этот раз команду отдал замыкающий. Бодун замер на середине шага и, не оборачиваясь назад, прошептал Митричу:

— Что там еще?

— Два метра от тебя на полвторого, — ответил тот.

— Что? — повторил ведущий. — Не вижу.

Метров на десять вокруг из земли торчали только засохшие деревца, каждое толщиной с руку. Спрятаться за такими смогла бы разве что стая гусей. Но гусей в Зоне не водилось, эту часть теоретической подготовки Олег помнил четко. Ни гусей, ни соловьев, ни страусов. Одни вороны.

— Посвети себе, — посоветовал Митрич.

Бодун включил фонарь, хотя было не так уж и темно. Конус света скользнул слева направо, потом сверху вниз и наконец заметался между тонкими стволами отживших свой век деревьев.

Опустив фонарик, Бодун повернулся к Митричу и уважительно покачал головой.

— И как ты ее только почуял? — спросил он.

— Разглядел, — забавно вытаращившись, похвастал Митрич. — Если смотреть не прямо, а краем глаза, то как будто радуга поблескивает.

— Ладно, за мной. — Бодун двинулся в обход группы странных деревьев. Остановившись перед аркой, образованной двумя наклонившимися друг к другу соснами, он еще раз посветил фонариком и предупредил: — Здесь голову пригибаем. Если она вам, конечно, дорога.

Шагнув в арку, ведущий слегка нагнулся, шедший следом Камень на всякий случай сложился пополам, а Гарин, пробормотав мысленно «Береженного Бог бережет», двинулся за ними практически на четвереньках. Протискиваясь между стволами сосен, он все-таки не удержался и посмотрел вверх. Ничего угрожающего он не увидел, только странное. Несколько капелек росы или туманного конденсата, повисшие в воздухе плавной дугой, были словно надеты на невидимую нить. Одна капля качнулась и упала Олегу на лоб, не причинив вреда.

Дальше пошли медленней. А метров через сто пятьдесят и вовсе остановились, когда КПК в кармане у Митрича тонко завибрировал.

— У-у, братья, — сказал сталкер, озадаченно глядя на экран. — Дальше нам не по пути. Вызывают нас, и это срочно. Докуда смогли, мы вас довели, а дальше...

— Не понял, — нахмурился Камень. — Что значит «докуда смогли»? Уговор был такой: вы отводите нас к Пуху, а мы делимся с вами коньяком. Коньяк вы выпили? Выпили. Теперь ведите.

— Тут смотри, какое дело, — засуетился Митрич. — Мы вас, считай, уже довели. Вот за этим, ты глянь, пригорком начнется овраг. Он будет петлять еще с полкилометра. Вот вам и надо вдоль оврага, чем ближе к краю, тем безопаснее. А как он закончится, тропинка выведет вас на опушку. По правую руку будет котлован. Раньше озеро было, но вся вода в разлом ушла. На дне того котлована и будет баркас Пуха.

— Ты же говорил, до него три дня на собаках добираться. Соврал?

— Зачем соврал... — Митрич ненатурально улыбнулся. — У нас тут, знаешь ли, собаки по большей части слепые. И на голову слабые. Где для них три дня с языком на плече, там нормальный человек за полчаса дойдет.

— Тогда детектор отдай, про который на болоте говорил. А то вляпаемся с непривычки в какую-нибудь хрень.

— Да тут чисто все. Мы этой дорогой только вчера прошли. Ну «мясорубка» одна будет ближе к середине оврага. Но мы ее болтами обмерили, камушками обложили, сразу заметите. У вас болты-то есть?

— Был в рюкзаке мешочек с фурнитурой, — задумчиво сказал Камень. — Да что ты мне зубы заговариваешь! Все чисто, вчера прошли! — передразнил он. — Березы черной вчера тоже не было, сам же признался.

— Так то — береза, — неубедительно протянул Митрич. — Аномалия — другое дело. Ну сдвинется она на пару метров, ну вырастет... раза в два. Но других аномалий на том месте до выброса не жди.

— Детектор отдай, — повторил Камень не терпящим возражений тоном. — И считай, что мы в расчете.

— Ладно. — Митрич вздохнул. — Вот ты душный, а! Душней меня. Тебя надо было не Камень назвать, а Жернов. Потому что тяжелый и перетирать любишь.

— А тебя — не Митрич, а Литрич, — ответил взаимностью Камень. — Потому что при виде коньяка теряешь волю.

— Чего?! Что ты сказал? — вскинулся Митрич.

— Да ничего, ничего... — Бодун успокаивающе похлопал товарища по плечу. По его хитрой ухмылке было ясно, что новое прозвище Митрича пойдет в народ. — Нет времени, нас ждут. Бывайте, бродяги! — Он коротко кивнул Гарину и Камню. — Может, свидимся еще.

— Бывайте, — эхом откликнулся Камень.

— Счастливо, — сказал Гарин.

Ответом ему был лишь шорох кустов. Олег и Камень остались одни.

В небе трижды каркнула ворона.

— Хреновое начало, — прокомментировал Камень, проводив ее взглядом. — Ну что, студент, теперь я за старшего. На пригорок и вдоль оврага, вроде все ясно. Я первый, ты за мной, дистанция... — Он скривился. — Постарайся не потеряться. Хотя можешь и потеряться. Толку от тебя ноль.

Гарин не ответил. Он понимал, что Камень кривит душой. Зона — не место для одиночек. Любой напарник здесь лучше, чем никакого. В случае чего он прикроет твою спину, предупредит об опасности или хотя бы отвлечет нападающих на пару секунд, пока ты меняешь рожок в автомате. Поэтому Олег больше не боялся, что его бросят. Может быть, оттого он и позволил себе на минуту расслабиться. Накопившаяся усталость тут же перехватила контроль над телом. Гарин разом почувствовал и тяжесть рюкзака, и натертые чужими брюками ноги, и хлюпанье в правом ботинке, которым снова умудрился где-то черпануть воды. Пару раз Олег споткнулся на ровном месте. Когда дистанция между ним и ведущим увеличилась до пятнадцати шагов, он негромко позвал:

— Камень, стой!

— Что такое? — Ведущий настороженно обернулся.

— Ничего. Я просто... — Гарин наклонился так, чтобы вес рюкзака пришелся на спину, а не на плечи, и перевел дух. — Я сейчас упаду. Давай отдохнем.

— Свихнулся? Мы и километра не прошли!

— Хотя бы полчаса, — взмолился Олег.
Камень вздохнул и огляделся.
— Ладно. Вон у тех сосенок сделаем привал. Ровно полчаса, понял? Дойдешь?
Гарин кивнул. Сил на слова уже не осталось.
Добравшись до засыпанного рыжей хвоей пригорка, Олег снял с шеи автомат и уронил на землю, потом, застонав, сбросил рюкзак и уже собирался упасть рядом, но его остановил окрик Камня.
— Опять оружие бросил! Что ж ты за урод безрукий... Быстро поднял!
Олег покорно взял в руки автомат, слабо представляя, чего от него требуют.
— Хочешь, чтоб его заклонило в самый ответственный момент? — не унимался Камень. — Оружие любит что?
— Что? — тупо повторил Гарин.
— Ласку, чистоту и смазку. Ты вообще автомат в руках держал? НВП у вас в школе было?
— Было. Только оно называлось ОБЖ. Держал.
— Разобрать-собрать сумеешь?
— Прямо сейчас? — не поверил Гарин.
— А когда еще! Давай, время пошло!
Чувствуя себя загнанной лошастью, Олег упер приклад в землю и начал вытаскивать шомпол.
— Куда! — прорычал Камень.
Олег вздрогнул, и верхняя часть шомпола загнулась дугой.
— Совсем охренел? У тебя патрон в патроннике! И куда ты собрался детали складывать? Прямо в грязь?
— А куда?
— Студент... — процедил Камень, будто самое страшное ругательство. Он стянул с плеч собственный рюкзак и положил его перед Олегом плоской спинкой кверху. — А теперь — как учили. Отделить магазин. Снять с предохранителя. Оттянуть затворную раму, извлечь пат... Стой, гаденыш!
Выскочивший патрон Камень поймал на лету и зажал в кулаке.
— Так. Произвести контрольный спуск...
Когда Олег, замешкавшись с газовой трубкой, беспомощно посмотрел на своего мучителя, тот демонстративно закатил глаза к свинцово-серому небу и проговорил:
— Хреновый ты боец, студент. Ну что, разобрал? Теперь собирай.
С обратной задачей Олег справился чуть быстрее, и все равно во взгляде, которым одарил его Камень, читалось не осуждение и даже не презрение, а жалость.
— Четыре с половиной минуты! — констатировал он. — Новый рекорд для эстонского спецназа. И шомпол погнул. Настоящий герой. Деталей хоть лишних не осталось?
Гарин потупил взгляд.
— Вроде нет.
— И то хорошо. Ладно, спи пока. А я жрать чего-нибудь соображу. Двадцать минут у тебя, успеешь? Штирлицы в роду были?
Олег слишком устал, чтобы реагировать на риторические вопросы.
— Спасибо... — пробормотал он. Потом прислонился поясницей к липкому от смолы дереву, обнял рюкзак и еще раз повторил: — Спасибо...
В следующее мгновение человека по имени Олег Гарин не стало.

Глава третья

Он проснулся резко, как будто выпал из сна. С широко распахнутыми глазами и колотящимся в груди сердцем. Олег не помнил, что ему снилось, да и снилось ли что-нибудь вообще. Это не имело значения.

Камня не было видно, но откуда-то сзади тянуло дымком, значит, его спутник был неподалеку. Гарин оттолкнулся лопатками от соснового ствола, выпрямил спину и провел рукой по волосам, стряхнув кусочки липкой коры. Он так и заснул сидя, с рюкзаком на коленях и с ремнем АК на запястье.

Рука сама потянулась к автомату. Олег отщелкнул рожок и надавил большим пальцем на верхний патрон. «Двадцать пять», — определил он по напряжению пружины. Все верно, вчера он расстрелял пять патронов. Расстрелял бездарно: целился в агонизирующую снапорчью руку, а попал в белый свет как в копеечку. Стыд и позор!

Только почему вчера? После боя со снарками прошло не больше трех часов. Верно говорят, что время в Зоне идет совсем по-другому.

Гарин присоединил магазин к автомату. Чуть помедлил, о чем-то задумавшись, потом крепко сжал веки и отсоединил снова. Рожок опустился на рюкзак. Послышался лязг затвора, затем — холостой щелчок. Указательный палец нырнул в гнездо приклада, пружина выщелкнула пенал.

— Протирка, ершик, отвертка, выколотка и шпилька, — пробормотал Олег бездумно, словно по сотову разу читал «Отче наш».

Спустя мгновение рядом с рожком и распотрошенным пеналом лег шомпол. Выпрямленный шомпол.

Через десять секунд под триумфальный щелчок пристегиваемого магазина Олег открыл глаза.

— Другое дело, — раздалось над ухом. — Считай, что норматив сдал.

— Что? — Олег моргнул несколько раз, будто выходя из транса.

— Ничего. Держи пайку, студент.

Гарин взял из рук Камня теплую, закопченную с одного бока консервную банку и большой кусок ржаного хлеба. Только сейчас Олег заметил, как сильно он проголодался. Из банки, наполненной свиной тушенкой до половины, торчала рукоятка ножа.

— Вилка нет, извиняй, — объяснил Камень.

— Это ничего, ничего...

Набив рот хлебом вперемешку с кусками жирного мяса, Олег попытался пробурчать «Спасибо». Вышло что-то вроде «А-хи-хо».

— Не за что, — ухмыльнулся Камень. — Жри, студент, поправляй метаболизм. А вот это тебе, чтоб всухомятку не давиться.

Рука с наколотым перстнем поднесла Гарину перевернутую крышку от фляжки, в которой плескалась бесцветная жидкость.

— О, водичка! — обрадовался Олег.

— Не водичка — водочка, — с нежностью уточнил Камень.

Гарин, который уже поднес крышку к губам, осторожно потрогал жидкость языком и закашлялся.

— Нет, спасибо, — сказал он. — Водку я не пью.

— Вот дурак, а! — покачал головой Камень, отбирая крышку. — Половину расплескал... Что значит — не пью?

— Не люблю, — поправился Олег. — По мне лучше пиво или вино. У них хоть вкус есть. А водка невкусная. Меня от нее тошнит.

— Тебя сегодня уже тошнило, — напомнил Камень. — А кто пьет пиво, тот сыт... радионуклидами. Я у черной березы на дозиметр Митрича глянул, он сорок пять миллирентген показывал. А мы на нее минут пять пялились. Знаешь, какую дозу хватанули? От такой тошнить не перетошнить.

— У нас же есть аптечка. Там должно быть что-то от радиации, какие-нибудь таблетки.

— Совсем дурак, — резюмировал Камень. — Водка ему невкусная, а таблетки жрать он согласен. Э-эх. — Он вздохнул, отправил в рот остатки водки и, утерев ладонью губы, с осуждением повторил: — Невкусная! Собирайся, через две минуты выходим. Пока можешь затушить костер своими радионуклидами.

Спартанский обед и не менее спартанский сон благотворно действовали на Олега. Рюкзак, как ему показалось, потерял в весе существенно больше, чем одну банку консервов и четвертушку хлеба. Вдобавок из-за правильно подогнанной длины лямок теперь он лучше прилегал к спине. От хлюпанья в ботинке Гарин избавился, слив воду и отжав носок. Просить у Камня новую пару он не рискнул. Было и еще одно изменение к лучшему, которого Олег спросонок не осознал. Дождь наконец прекратился. Теперь он напоминал о себе только кратковременным холодным душем со случайно задетой ветки.

Гарин больше не отставал. Спина Камня постоянно маячила впереди на расстоянии в пять шагов.

«Куда я иду? — думал Олег. — Зачем? И главное, за кем? За каким-то уголовником! Чего ради? Так и буду ходить за ним, как Пятачок за Винни... Винни...»

— Камень, — негромко позвал он. — А кто такой Пух?

Ведущий молчал так долго, что Гарин уже отчаялся получить ответ. Строго говоря, он его и не получил.

— Тебе-то что? — бросил уголовник.

— Просто интересно, — миролюбиво пояснил Олег. — Это какой-нибудь... — он задумался, подбирая слово, — преступник?

— Мы в Зоне, — напомнил Камень. — Тут все преступники. Кроме мутантов.

— Ну да. Но он — сталкер, скупщик артефактов или бандит?

— Бандит.

Гарин заметно огорчился. Он и сам был не рад, что начал эти расспросы. Нетрудно было догадаться, что если Камень прибыл в Зону в наручниках, а лица сталкеров вытянулись при упоминании Пуха, то, стало быть, в гости они идут не к лесной фее. Но раз уж Олег взялся наводить ясность, следовало идти до конца.

— А зачем тебе этот Пух? — осведомился он.

— Дельце у меня к нему есть. Можно сказать, дело чести.

Прежде чем задать следующий вопрос, Олег набирался смелости не меньше минуты.

— А что за дельце?

— Заткнись, а? — попросил Камень, останавливаясь. — Кстати, вот и овраг.

С пригорка, на котором стоял Гарин, ломанные изгибы оврага просматривались метров на пятьдесят, его продолжение скрывалось за дрожащей дымкой и неровностями рельефа. Овраг выглядел странно: ни капли растительности на крутых склонах и на дне, куда недавний дождь, казалось, согнал весь туман с округи. Зато множество вывороченных с корнем и поломанных деревьев, валявшихся тут и там, будто рассыпавшиеся из коробка спички. Складывалось впечатление, что этот разлом в земной коре образовался в одночасье, причем совсем недавно.

— Чем ближе к краю, тем безопаснее, — повторил Камень слова охочего до коньяка сталкера. — Но совсем уж к краю не подходи, склон скользкий. Двинулись! — И он, не оглянувшись на спутника, зашагал вдоль оврага.

— Митрич еще говорил про «мясорубку», — напомнил Гарин.

— Помню. Ты, кстати, в курсе, что это за хрень?

— Теоретически, — признался Олег. — Это аномалия гравитационной природы. Невидимая сфера, внутри которой физические силы действуют разнонаправленно. Если в сферу попадает живой организм, его либо сплющивает в лепешку, либо разрывает в фарш. Отсюда и название — «мясорубка». Хотя иногда ее называют просто «грави».

— Невидимая? А как ее тогда обнаружить?

— Любым детектором.

— Детектором, — проворчал Камень, доставая из нагрудного кармана серую коробочку. — Детектор показывает два с половиной микрозиверта. А если другую кнопку нажать, то ноль метров ноль-ноль сантиметров.

— Все правильно. На больших расстояниях примитивный детектор не работает. Аномалию он начинает видеть метров за десять.

— Крайне полезная штука, — саркастически заметил Камень, убирая коробку в карман. — Ну а если без детектора? Как заметить «мясорубку» до того, как она наделает из нас котлет по-киевски?

— Над ней будет такое как бы марево, — предположил Олег. — Мерцание воздуха.

— Так марево или мерцание? Лучше прямо скажи, что не знаешь.

— Знаю, — обиделся Гарин. — Но только в теории.

— Тогда иди первым, теоретик. — Камень отступил на шаг вправо, пропуская Гарина вперед. — Давай, давай, шагай бодрей. И поглядывай по сторонам. Увидишь мерцание — кричи. Только шепотом.

Олег неохотно, но без пререканий занял место ведущего. Правда, шагать бодрей у него не получилось. Вообще идти первым было куда труднее, чем ступать след в след за ненадежным, но вопреки всякой логике внушавшим доверие уголовником. Каждый шаг давался с трудом. За каждым кустом или стволом изуродованного Зоной дерева могла скрываться неведомая опасность. Иногда Гарин замирал на полушаге в позе задумчивой цапли, не зная, куда поставить ногу. Что перед ним? То самое мерцание или просто не до конца растворившийся в воздухе клочок тумана? И отчего вдруг закружились хороводом рассыпанные по земле хвоинки? Взметнул ли их порыв ветра или дыхание аномалии?

Выдержки Олега хватило шагов на сорок. Потом он остановился.

— Ну и?.. — процедил за спиной Камень.

— Не могу я так, — пожаловался Гарин. — Чувствую себя пленным партизаном, которого фашисты пустили искать проход в минном поле.

— И что ты предлагаешь? Чтобы партизаном снова стал я? — усмехнулся зек.

— Да нет. Я не возражаю идти первым. Просто не хочу вслепую.

— На детекторе пока все по нулям.

— Детектор — фуфло. Гравитационную аномалию можно обнаружить по воздействию на любой металлический предмет.

— В рюкзаке есть болты, — вспомнил Камень. — Достать? Знаешь, как с ними обращаться?

— Пока не надо, — отмахнулся Олег, шаря внимательным взглядом по сторонам.

— Что потерял, студент?

— Не потерял. Нашел. — Олег отступил от края оврага и не без труда вытянул из груды валежника длинную палку, из которой в других обстоятельствах могло бы выйти неплохое удилище. — Болтов пока не надо, — повторил он задумчиво. — Меня учили на курсах, но... Если опыта нет, то с болтами одна морока. — Он достал из кармана связку ключей, посмотрел на них так, словно видел впервые, и стал прилаживать металлическое кольцо на узкий раздвоенный конец палки. — Вот это я понимаю, детектор. Такой не соврет.

— Тебя и этому на курсах учили? — спросил Камень, в голосе которого мелькнуло если не уважение, то неподдельный интерес.

— Ага, — машинально ответил Олег.

Положа руку на сердце, он понятия не имел, учили его чему-то подобному или нет. Впрочем, за неделю инструктажа он впитал столько информации, что не грех было и запомнить.

Выставив перед собой двухметровую палку, Гарин зашагал вперед. Он двигался намного увереннее, чем пару минут назад. При каждом шаге ключи на конце палки тихонько позвякивали, и от этого звука на душе становилось спокойнее. Вскоре дорога пошла под горку, и ключи зазвенели веселей.

— Куда припустил, студент? — окликнул его Камень. — Смотри башку не сверни. Дерево поваленное видишь?

— Вижу. Их дальше полно.

— Ага. Что ж тут такое творилось, интересно? Как будто плугом борозду пропахали. Здоровенные деревья как траву покосило. Может, метеорит?

— Может. Тут что угодно может быть. Это же Зона.

— Как заговорил, — хмыкнул Камень. — Можно подумать...

— Тс-с! — прошептал Олег и начал медленно пятиться назад. — Кажется, пришли.

— О! И у меня запиликало. — Камень извлек из кармана детектор, и негромкий писк зуммера стал отчетливей. — Надо же, работает! Шесть метров сорок сантиметров. Это оно?

— Она, — поправил Гарин. — «Мясорубка».

— Как ты ее разглядел-то? Что-то я не вижу никакого мерцания.

— Я тоже. Может, не туда смотрим. Я по ключам заметил.

— Это как?

— Смотри...

Олег сделал маленький шагок вперед, потом еще один.

— Куда ты! — зашипел Камень. — Стой! — Он шагнул следом и схватил Гарина за плечо.

— Тс-с! Уже все. Теперь смотри. И не тряси меня, Бога ради, а то не получится.

Гарин повел плечом, стряхивая чужую руку, потом стал вытягивать вперед палку так медленно и осторожно, что связка ключей на ее конце ни разу не звякнула.

— И что? — спросил Камень, когда Олег замер, держа палку параллельно земле.

— Далековато... Надо еще, — сказал тот и сделал еще один крошечный шагок в направлении поваленного дерева.

— Четыре метра двадцать пять сантиметров, — сквозь зубы процедил Камень, после чего добавил совсем другим тоном: — Мать!

— Увидел... — констатировал Олег.

— Что за... — У Камня внезапно перехватило горло.

— Гравитация. Это гравитация. — Гарин чувствовал себя фокусником.

Происходящее действительно напоминало фокус. Висевший с краю ключик, которым Олег когда-то отпирал дверцу почтового ящика, вдруг отделился от остальной связки и застыл под углом в сорок пять градусов к земной поверхности. Следом за ним, подергиваясь из стороны в сторону, потянулся ключ от квартиры, а отпирающая подъезд металлическая таблетка на кожаном ремешке задралась вертикально вверх.

«Ну все, все, — подумал Олег, обращаясь то ли к ключам, то ли к самому себе. — А то потеряем ценный прибор. Придется ориентироваться по дурацкой пищалке. Четыре метра двадцать пять сантиметров... И что?»

Заметив, что не дышит уже минуту, если не больше, Гарин заставил себя сделать вдох и медленно потянул палку обратно. Ключи на связке дернулись в последний раз навстречу гравитационной аномалии, разочарованно звякнули и повисли, как им и положено, глядя вниз.

— Да-а... — подал голос Камень. — А Митрич говорил — сразу заметите. Мол, болтами обмерили, камушками обложили. Наврал?

— Зачем наврал? — сказал Олег. — Вон, видишь камень посреди тропинки? Должно быть, им подход к «мясорубке» отметили. Чтобы другие сталкеры стороной обошли.

— Так этот камень в самой «мясорубке»!

— Сегодня да. А вчера, может, в десяти метрах от нее был. Аномалии же мигрируют. А вон, смотри, чуть левее камня серое пятно шириной с ладонь. Увидел? Это болт.

— Какой болт?

— Обычный болт. Просто очень плоский. Расплющенный в лепешку. Это гравитация, — зачарованно проговорил Олег.

Он энергично помотал головой. Наваждение прошло. По крайней мере Гарину больше не хотелось сделать шаг вперед, чтобы посмотреть, что получится. Аномалия, притягивавшая его к себе, точно какой-нибудь ключ от почтового ящика, оставила Олега в покое.

— Надо в обход, — пробормотал он.

— Надо, — согласился Камень. — Давай по левому краю, а то в ветках запутаемся. Только осторожно, в овраг не свались. Хочешь, я первым пойду? А то ты какой-то... — он замолчал, подбирая слово, — странный.

— Ничего, я в норме.

Гарин взял наизготовку свой импровизированный детектор и сместился в сторону оврага. Упавшее дерево, породу которого Олег не сумел определить, когда-то росло на самом краю. Половина его корневой системы по-прежнему цеплялась за землю, а другая половина, со стороны оврага, отсутствовала, будто и впрямь срезанная гигантским плугом. В принципе между нижней частью дерева и обрывом оставалось достаточно места, чтобы протиснуться. Надо было лишь убедиться, что область действия «мясорубки» не простирается так далеко.

— Все чисто, — объявил Камень, словно подслушав мысли Гарина. — Детектор заткнулся, можно идти.

Олег все равно описал палкой широкий полукруг перед собой и, не заметив ничего подозрительного, немного расслабился.

— Можно, — подтвердил он и, приставив широкий конец палки к ноге, потянулся за ключами.

В следующий момент Гарин вскрикнул: «Э! О! Куда?» и два раза махнул рукой, однако ловкости ему не хватило. Связка ключей шлепнулась в грязь и медленно заскользила по осыпи к краю обрыва. Вместо того чтобы подцепить ее концом палки, Олег машинально шагнул следом и почувствовал, что подошвы его клятых ботинок тоже начинают скользить по мокрой после дождя траве.

— Эй, Камень! Камень! — позвал он, взмахивая уже обеими руками в тщетной попытке остановить скольжение.

— На задницу, студент! Падай... — Камень крикнул что-то еще, но конец фразы заглушило донесшееся из оврага рычание.

— Снорк! — ужаснулся Олег, глядя сверху вниз на растянувшееся в прыжке массивное тело и заброшенную острую морду.

От страха и неожиданности его ноги подкосились, и в полуметре от обрыва Гарин сделал именно то, к чему призывал его Камень. Упал, причем не на задницу, а на всю спину, да так, что от удара о землю из него вышибло дух. Напоследок он еще раз взмахнул руками, словно дирижер, едва не рухнувший в оркестровую яму, и почувствовал, как его левое запястье обхватили сильные пальцы. Олег снова попытался крикнуть, но отбитые при падении легкие все еще отказывались впускать воздух, и он только беззвучно шевелил губами, сиюсь выговорить:

— Снорк! Снорк!

— Сам ты снорк, — с натугой произнес Камень, оттаскивая напарника от обрыва.

Когда рычание повторилось и из тумана, окутавшего дно оврага, снова вынырнула быстрая вытянутая тень, Гарин понял, что перед ним не снорк. То, что он в первый момент принял за оборванный шланг противогаза, оказалось уродливым свиным рылом. Вернее сказать, кабаньим. По обе стороны от рыла поблескивали небольшие налитые кровью глаза. Из пасти чудовища снизу вверх торчали клыки: два слева и один справа.

— Кабан, — прошептал Гарин. — Стреляй, Камень... — выдавил он и закашлялся.

— Зачем? Этой чушке до нас не добраться. А свинину мы сегодня уже ели, — спокойно ответил Камень, и Олег был вынужден признать, что спутник прав.

Как ни отвратителен был внешний вид мутанта, им повезло повстречать на пути именно кабана, а не снорка. Хотя глубина оврага в этом месте не превышала четырех метров, выбраться наружу животному было не под силу. Кабан, правда, этого не понимал, поэтому раз за разом пытался взять препятствие с разгона, но земляные стены были все-таки высоковаты для него, а расстояние между ними — недостаточно большим, чтобы как следует разогнаться. Мутанту оставалось только рычать с досады и рылом гонять по земле несколько надетых на кольцо кусочков металла, еще хранивших запах вкусной, но, увы, недостижимой человечинки. А вот прыгучий снорк перемахнул бы через овраг, не заметив.

Некоторое время кабан преследовал несостоявшуюся добычу по дну оврага. Из тумана доносились его фыркание и топот, но через пару минут они стихли. А потом сошел на нет и сам овраг.

От самодельного детектора Олега остался только обломок палки. Теперь путникам приходилось уповать на пластмассовую пицалку в кармане у Камня. Впрочем, с тех пор как «мясорубка» осталась позади, прибор не пискнул ни разу.

— Ну и где эта опушка? — спросил Камень, осматриваясь.

— Видимо, там, — махнул рукой Гарин. — Митрич говорил, что после оврага надо свернуть направо. Кажется, я вижу просвет.

— Видишь — шагай.

Метров через двадцать деревья уступили место разросшимся кустам ежевики. Ягод на кустах не было, и это радовало. Олег не был уверен, что, увидев спелую ягоду, машинально не сунул бы ее в рот. А проглотив, не отдал бы Богу душу.

Продравшись сквозь заросли, Гарин остановился на пригорке, потирая исколотые плечи. Плотный материал куртки не до конца защищал от острых шипов. Стоящий рядом Камень негромко присвистнул.

— Ого! — сказал он. — Подводная лодка в степях Украины.

Олег не нашелся, что ответить. Зрелище действительно было необычным.

Кажется, Бодун говорил, что раньше на этом месте было озеро. Возможно, и так, хотя эта окаймленная сухим камышом яма напоминала скорее строительный котлован. Слишком уж правильной была ее форма, чересчур круто уходили вниз откосы. Однако вода здесь в свое время определенно была. Она и сейчас поблескивала там и сям мелкими лужицами. Одна из луж, расположенная у дальнего края котлована, была больше и, судя по всему, глубже остальных. Как раз на ее границе не то лежал, не то плавал баркас. Впрочем, напомнил себе Олег, корабли не плавают, они ходят. А этот свое уже отходил.

Издали судно казалось не крупнее среднего сарая, но по мере приближения сарай увеличивался в размерах, пока не вырос в огромный ржавый айсберг.

— Эй, на линкоре! — позвал Камень и по-хозяйски огляделся. — Где здесь трап у вас?

О первоначальном виде баркаса судить было трудно, посудину несколько раз латали и переустраивали, наращивая фальшборт со всех сторон, включая корму. Где-то стальные листы были приварены, где-то держались на болтах, поверх них снова что-то приделывалось и прикручивалось — и так несколько раз, пока судно не стало похоже на сошедший с пути бронепоезд. В некоторых местах наслоение заплаток пересекали длинные стальные полосы, наваренные под разными углами для прочности. Гарину вспомнилось романтическое слово «шпангоут», хотя вряд ли оно сюда подходило.

Олег меланхолично следовал за Камнем, с чавканьем вырывая подошвы из сырой глины. Вместе спутники обошли баркас по кругу и остановились у носа.

— Непонятно, как они сюда залезают, — констатировал Гарин.

Камень кивнул — скорее своим мыслям, чем Олегу — и с силой постучал прикладом в борт.

— Есть кто живой? — крикнул он.

Где-то высоко, в невидимой за фальшбортом надстройке, лязгнули рычаги и открылся люк.

— Со страшным скрипом... — безмятежно промурлыкал Гарин, но Камень его тут же прервал:

— Заткнись, не до шуток.

Сверху показалось широкое небритое лицо. Человеку было едва за двадцать, и неровная щетина у него странно сочеталась со здоровым румянцем. Несколько секунд он всматривался в гостей, затем сделал такое движение, словно отгонял мух от тарелки с супом:

— Валите отсюда.

— Что ты сказал?! — возмутился Камень. — Глаза протри, юнга!

— Я не юнга, — сообщил незнакомец. — И ты мне не папа, чтоб так со мной базарить.

— Даже не мама, — подтвердил Камень. — У меня к Пуху разговор.

— У тебя сейчас с богом разговор будет!

Вахтенный опустил руку, явно намереваясь взять стоявшее у ноги оружие, но дверь на палубе снова грохнула, и кто-то невидимый спросил:

— Что за кипеш, Татарин?
— Пассажиры наглые, — ответил небритый юнга.
— Это кто здесь пассажир, шкура?! — окончательно рассвирепел Камень. — Ты масть в упор не видишь? Иди сюда, черт полосатый, я тебе закон немножко объясню.

От такого натиска Татарин слегка растерялся и неуверенно посмотрел назад. Вскоре из-за высокого фальшборта показался второй обитатель баркаса — тощий старичок с лицом, похожим на испорченный сухофрукт.

— Говори, — кивнул он, внимательно оглядев гостей.

— Я еще вчера на Большой Земле был, Пуху привет несу от братвы. Ну и дело кое-какое имеется. А звать меня Камень, ты должен был слышать.

— Камень?! — Старик сразу оживился, изюмина его лица сморщилась еще больше, видимо, это было улыбкой. — Татарин, давай трап!

— Шипр, это твое решение, — пробубнил тот. — Но Пух никого пускать не велел.

— Ясно, что мое, а не твое. Кидай трап, не тормози. Да брось ты волюну! Ты такого вора мог замочить ненароком, что Пух самолично тебя бы на ремни порезал. Камень, а ты внатуре сильно рисковал, — осклабил Шипр.

В ответ уголовник расслабленно покачал гранату в правой руке и покрутил кольцо на пальце левой. Когда он умудрился вырвать чеку, да еще так, что этого никто не заметил, Гарину оставалось лишь догадываться.

— Твой юнга даже упасть не успел бы, — заверил Камень.

— Ну и ладно. Разобрались, — подытожил Шипр.

Татарин перекинул из-за борта длинную лестницу, сварганенную из двух алюминиевых стремянок.

Камень вставил чеку обратно в запал гранаты и разогнул металлические усы в разные стороны.

— А ты, жиган, отчаянный, — удовлетворенно констатировал сверху старик. — Давно таких не встречал.

— Да ну прям, — фальшиво удивился Камень, забираясь по шаткой лестнице.

— Точно-точно. Тут в основном одни отморозки. Да ствол-то, говорю, спрячь! — прикрикнул Шипр на своего молодого товарища. — Все не навоюешься никак, дурья башка? Шел бы лучше собак в округе пошмалял. Каждую ночь воют, уснуть не дают.

— Собак не интересно, — с пафосом ответил Татарин.

— Баклан — он и есть баклан. — Шипр сокрушенно развел руками, как бы показывая Камню, с кем приходится общаться. — Ни одного порядочного человека, сплошные хулиганы да апельсины.

— Ну уж Пух-то из порядочных, — полуутвердительно произнес Камень, спрыгивая на палубу.

— Все как есть отморозки. И Пух из них самый первый, — заверил Шипр.

— Что же ты с ним кентуешься, раз так?

— А куда мне еще? Я тут на дожитии. На воле-то меня десятка ждет, а то и пятнашка — уж как прокурор постарается. На волю мне ходу совсем нет... — Старый вор опустил голову и тяжело вздохнул. — Двести пятнадцатая. Это, брат, не медком баловаться.

— Двести пятнадцатая — это какая? — невинно поинтересовался Олег, поднимаясь по лестнице. Заметив, какими глазами на него смотрят, он смущенно кашлянул и уточнил: — В смысле, за что она? Ну, то есть... Нет, ну можно и не отвечать... — Он окончательно ступешался и сделал вид, что запутался ногой в провисшем леере.

— Несудимый, спросу нет, — сказал Камень. Настала его очередь стыдиться своей компании.

— Так и живем, — понимающе закивал Шипр. — За собой смотреть еле успеваешь, а уж кто вокруг — дело пятое.

— Двести пятнадцатое, — поддакнул Камень. — Страшная статья, студент, — пояснил он Гарину. — Если бы ты знал, что это такое, ты бы вообще сюда не поднялся. — Он сделал

паузу, потом снова повернулся к Шипру и могильным голосом произнес: — Подделка трамвайных билетов.

Старик хрипло захохотал и жестом позвал Камня в надстройку.

— Много, наверно, пришлось нарисовать, чтобы на десять лет потянуло? — бросил ему в спину уголовник. — Шипр, я не первоход, чтоб меня так некультурно щупать.

— Ладно-ладно, браток, нормально, — отозвался тот, досмеиваясь. — Времена-то нынче мутные, а место — и вовсе тухлее не придумаешь. Камень ты или не Камень, разбери вас тут... Ну что, идешь, нет? Не на улице же базарить. Татарин, ты остаешься наверху. Усек?

— Усек, — покорно отозвался розовощекий.

— Благодарю за гостеприимство, но я к Пуху шел, с ним у меня и разговор, — заявил Камень.

— Да успеешь ты к Пуху, — отмахнулся старик. — Пошли, чефирнешь с дороги. А то и здесь его дождешься, чего ноги-то зря бить? На новых складах они, за лесопилкой. К закату по-любому вернутся.

— Тоже верно, — согласился Камень. Он шагнул к Олегу и, хлопнув его по плечу, тихо проговорил: — Боюсь, мир на этом ковчеге долго не продержится, так что будь готов. Кормой к юнге не поворачивайся. Лучше, чтобы наоборот. Ты хорошо меня понял?

— Не совсем, — проблеял Гарин.

— Веди себя культурно, под ноги не плевать, матом не ругаться, — добавил Камень нарочито громко и направился за Шипром.

Как только оба вора скрылись в темной рубке, Татарин вновь почувствовал себя капитаном шхуны. Он небрежно смерил Гарина взглядом и просвистел что-то блатное сквозь кривую фикса. Олег опустил глаза — таким образом иерархия на палубе была установлена, и молодой бандит тут же потерял к нему интерес.

Неизвестно, о чем грезил юнга до появления гостей, но он определенно коротал вахту в мечтаниях, и это была какая-то «войнушка». Не стесняясь Гарина, детина водрузил на край фальшборта натовский пулемет и принялся бджикать и ту-ту-тукать в сторону леса, кося мнимого противника мнимыми очередями. Олегу даже сделалось неловко, словно он застал старшего брата за единоличным сексом. При чем конфуз заключался не в том, что застал, а в том, что — старшего. Не важно, сколько лет было Татарину по паспорту, и не важно, был ли вообще у него паспорт. В руках он держал мощное оружие, заряженное не воображаемыми, а вполне реальными патронами, однако вел себя не более ответственно, чем карапуз в песочнице.

Олег с невольным сочувствием понаблюдал за этими играми и начал рассматривать судно. С внутренней стороны борта были снабжены полочками, на одной из которых темнела забытая кем-то и давно размокшая пачка сигарет. Вертикальные укрепления заканчивались стойками для стрелков. До оборудования бойниц местная инженерная мысль не поднялась, хотя это было бы логичней. Впрочем, и без них баркас, как кажется, держал оборону вполне успешно. По углам палубы темнело множество закатившихся гильз. Пятен крови не было видно нигде.

Прогулявшись вдоль левого борта, Гарин обнаружил чудом сохранившийся спасательный круг. Бесполезное пенопластовое кольцо, местами покрошенное или, быть может, расклеванное безумными птицами, висело возле прикрытого входа в рубку. Более всего Олега поразила надпись на круге. Краска давно потрескалась и рассохлась, но название баркаса все еще читалось, и это название было «Мечтатель».

Олег попытался представить судно живым — не бандитской крепостью в Зоне, а реальным баркасом, с веселым тарыхтением бегающим по воде. Звякает рында, трепещут сигнальные флажки на ветру, крепкие мужики в выгоревших тельниках занимаются тяжелой, но честной работой...

— А этот с тобой, он кто — очередной фраер на сафари или так, шестерит от души? — внезапно донесся из рубки трескучий голос Шипра.

Гарин затаил дыхание. Тоска по чужому прошлому мгновенно улетучилась, он невольно вжался в стену и прислушался.

— Студент, — весомо ответил Камень. — Ученый сотрудник.

Звук шел откуда-то из глубины, но благодаря металлическим переборкам негромкие голоса воров звучали вполне отчетливо.

— Помню, в семьдесят девятом уходили мы в рывок, — благостно произнес старик, — тоже взяли с собой пару таких. На консервы.

— А пару-то зачем?

— Путь неблизкий был, а кентов много шло, да все по северу. Зима лютая стояла, теперь уж и нету таких.

— Ну и что дальше? Сразу двоих?..

— Зачем сразу. Сперва того, который похлипче был. Второй потом еще два дня своим ходом полз.

— Видел, что вы сделали с первым, и все равно шел с вами дальше?

— Да он не только видел, ему пайку дали. Не воздух же ему чифанить. Всякому червячку пропитание требуется. Потом, конечно, и его черед настал. Идти уже недалеко было, могли бы и без хавки обойтись денек. Но это было бы несправедливо по отношению к его корешу.

— Так я не понял, зачем он с вами-то продолжал идти. Деваться было некуда?

— Всегда есть куда деться, даже в тайге. Но ему сказали: того съедим, а тебя не тронем. И он поверил. Люди любят верить в счастливый конец, особенно когда это касается их жизни.

— Дали надежду, стало быть.

— Просто развели. — Шипр искренне рассмеялся, затем на секунду умолк и вновь продолжал так же умиротворенно: — Ты вот Татарина нашего чертом назвал. Быкует он сверх меры, это да. Но масть не путает, честный пацан. Кто из вас настоящий черт — так это ты, мил человек. Пальцы гнешь, а за базаром совсем не следишь. Ты со мной мурчать вздумал, гнида? Татарину закон объяснить собирался? Что ты знаешь о законе, апельсин гребаный? Я таких, как ты, стадами под нары загонял.

В рубке повисла тишина, и Гарин кожей почувствовал, как за дверью нарастает напряжение. Некоторое время не было слышно вообще ничего, словно собеседники перестали дышать, потом кто-то из них горячо прошептал:

— Ты на кого гонишь, пес?!

Спустя еще мгновение до Олега донесся всхлип рассекаемого ножом горла. Гарин не в силах был объяснить, с чего он это взял. Такой звук могла бы издать, например, тряпка, которую полощут в мелком тазу. Однако версия о том, что Шипр внезапно решил постирать носки, выглядела не очень убедительно.

Окончательно свести себя с ума подобными размышлениями Олег не успел: железная дверь приоткрылась, и за ней показался Камень.

«Как тут дела?» — спросил он одними глазами.

Гарин вжал голову в плечи, и такой ответ уголовника вполне устроил. Бесшумно выскользнув на палубу, он коротко махнул рукой в сторону Татарина, будто послал ему какое-то мелкое проклятие, не страшное, но обидное. Молодой бандит вздрогнул и свесился через борт наружу.

— Откинь его, чтоб не светил, — распорядился Камень, — и бегом сюда, поможешь мне в трюме. Живее! — крикнул он.

Олег тяжело сглотнул и двинулся к носу баркаса, где торчала задница Татарина. Юнга не шевелился. Плохо понимая, что он делает и где вообще находится, Гарин взял парня за ремень и потянул на себя. До последнего момента Олег верил, что ничего страшного не случилось и он всего лишь стал участником коварного тюремного розыгрыша. По крайней мере он заставлял себя так думать. И даже увидев массивную рукоятку ножа, ушедшую в шею Татарина до упора, — даже тогда он не разрешил себе осознать, что произошло на его глазах. Сейчас бандит должен обернуться и сказать что-нибудь вроде «один-ноль, ха-ха!».

Татарин медленно повернул голову и, раздувая красные пузыри, выдавил:

— Сссукааа...

— Это не я, — искренне проговорил Олег, заваливая тело на палубу.

Степень его вины Татарина уже не интересовала, бандит был мертв. Никаких пронзительных чувств Гарин не испытал, просто отметил смерть человека как медицинский факт. Не удивляясь ничему, даже своему неожиданному спокойствию, он выдернул нож и тщательно обтер лезвие о рубашку покойника. При этом из раны выплеснулся слабый ручеек, как отголосок последнего удара сердца. Олег поспешно убрал ногу, чтобы не испачкаться в крови, запах которой мог с равным успехом привлечь и хищников, и падальщиков. Да и вообще кровь на штанах — не полезно для кармы.

— Что это за бред? — сказал Гарин вслух. — Какая еще карма?

Он резко выпрямился над Татаринцем и всмотрелся в его лицо.

Без трепета, без волнения. И простым — привычным и твердым — движением закрыл покойнику глаза.

— Что ты там копаешься? — раздалось из рубки.

Олег потряс головой и, неожиданно легко избавившись от странного состояния уверенности, на полусогнутых ногах поплелся в надстройку.

Камень внутри что-то искал и, судя по беспорядку, искал уже по третьему кругу. Матрасы валялись в углу ужасающей темной кучей, белье на единственной кровати было перевернуто особенно тщательно, подушка и вовсе была выпотрошена. Между опрокинутыми стульями в позе эмбриона лежал мертвый Шипр — удивляться этому у Гарина уже не было сил.

— Чего так напрягся, студент? — бодро произнес Камень. — Не майся, покойные были не очень великолепными людьми. А старенький — тот вообще, считай, с семьдесят девятого года взаимы живет.

— Уже не живет, — механически возразил Олег.

— Ну, вот и ништяк, — заключил уголовник. — Помогай искать. В соседней каюте еще. Хотя я там уже смотрел... но все-таки свежим взглядом попробуй.

— А что искать-то?

— Что-нибудь странное.

Гарин ожидал услышать более развернутое пояснение, но Камень счел это не обязательным.

— Конкретнее можно? — не выдержав, спросил Олег.

— Нет. Сам толком не знаю. Ищи, говорю, все, что не похоже на самовар или на тапочки.

— Или на акваланг.

— Совершенно верно, — без тени улыбки ответил Камень.

— А-а, так вот оно что, — разочарованно протянул Гарин. — Ну да, конечно... Я все думаю — что это за человек в служебном вертолете, откуда он взялся, почему в наручниках... За трофеями прибыл? Вернее, за хабаром, как тут говорят. Да?

— В наручниках — и за хабаром? Не вижу логики, — спокойно заметил Камень, продолжая обшаривать раскиданное по полу тряпье. — Ты очень некстати присел мне на уши со своей моралью. Хуже времени просто не найти. Если Пух с братвой вернется сюда раньше, чем мы найдем его сами, то нам будет настолько плохо, что даже больно подумать.

— Да уж это конечно! — воскликнул Гарин. — Какого черта ты меня впутываешь?

— Знал бы ты, студент, кто кого впутал на самом деле, — молчал бы в тряпку.

Это было сказано настолько искренне, что Олег опешил и даже почти устыдился.

— Немного терпения, — продолжал уголовник, — и ты все узнаешь. Но сейчас не время, так что просто ищи. И, кстати, нож. Принес?

Камень приготовился аккуратно взяться за рукоятку, но увидел чистое лезвие и слегка вздернул брови. Кажется, он хотел что-то сказать по этому поводу, но передумал и сказал другое:

— Все, здесь его точно нет. Пух взял с собой, не рискнул оставить.

— Да о чем речь-то? — раздраженно спросил Гарин.
— Увидишь, студент, все увидишь сам. О том, что мы поднимались на баркас, — молчок, ясно? Вообще рот не разевай, прикинься немым. А что, это идея! Я серьезно: мычать сможешь? Убедительно так и солидно. Молчи и мычи. Нет, лучше даже не мычи... — Камень остановился посреди рубки и потер лоб. — Все равно не прокатит, вот в чем беда. Если уж вонючий Шипр с ходу нас вычислил, то Пуха тем более не обмануть... Ладно. Идем до лесопилки, там какие-то новые склады неподалеку. Разберемся.
— Камень... — растерянно проронил Олег. — Ты кто вообще такой?
Уголовник спрятал нож и, толкнув дверь, вышел на палубу.
— Двинули, студент, — твердо сказал он.

Глава четвертая

У Пуха, как у любого человека, была какая-то биография и до Зоны, но кличку свою он получил именно здесь, причем не сразу, а после знакомства с самой безобидной местной мерзостью — собственным пухом. Жгучая висячая плесень оставила такой след на темени бандита, после которого даже записному гуманисту один путь — в подонки. Обычно ожоги проходят, и довольно скоро, но этого человека угораздило попасть под плесень перед самым выбросом, когда образование напитывается ядовитыми соками и набирает полную силу. Возможно, у Пуха не было выбора, а возможно, просто не хватило опыта — это неизвестно. Все свидетели того случая давно лежали в земле, и только метка на голове бандита напоминала о его болезненном крещении Зоной. Его волосы спереди от челки до макушки были неестественно белыми, словно он решил осветлить их перекисью и забыл вовремя смыть. Кроме того, они поредели и заметно истончились, превратившись в натуральный пух цыпленка-альбиноса. Каждое дуновение заставляло их послушно ложиться по ветру, высвечивая нездоровую ярко-розовую кожу. Ожог пришелся как раз на зону выпадения волос, поэтому издали Пух выглядел обычным лысым мужиком, кряжистым и сутулым.

Пух сидел верхом на поваленной бочке и умиротворенно дымил трубкой. В Зоне это можно было принять за чудачество, если не знать, что трубка — хороший способ «добить» любой окуроч, не роняя авторитета. Однако сейчас это было просто привычкой, и дела у банды, судя по всему, шли неплохо. Двое подручных главаря щеголяли в новых кожаных плащах и со свежими «Гадюками», которые, как казалось, ни разу еще не попадали ни в дождь, ни в грязь. На основании этих беглых наблюдений Гарин решил, что в трубке у Пуха не чинарики от «Ватры», а что-то приличное, какой-нибудь «Ларсен». Видимо, недавно был крупный завоз с Большой Земли, и банда не упустила случая «прикинуться как на витрину». Особого внимания заслуживала обувь. У всех троих были одинаковые черные ботинки из толстой кожи. От пятки до края высокого голенища были выжжены крупные буквы, которые складывались в слово «Diesel».

— Дизель, — сказал Олег и остановился.
— Что с тобой? — Камень взял его за локоть, чтобы удержать от падения. — Студент, ты чего? Эй... Олег?..
— Я... — ответил тот, глядя прямо перед собой и ничего не видя.
— Ну?
— Дизель, — механически повторил Гарин.
— Что «Дизель»?! — искренне встревожился Камень.
— Чумовые шузы. — Олег, как манекен, поднял несгибающуюся руку с вытянутым указательным пальцем. — Новая коллекция. Я такие же на осень купить собирался. После зарплаты, в следующую пятницу.
— Б-блин! — раздраженно бросил уголовник. — Опять погнался, пингвин недоделанный! Когда же я от тебя избавлюсь? Заглохни, слышь? И руку опусти! Стремно это, пальцем в людей тыкать.

Пух поглядывал на них уже несколько минут, с тех самых пор, как они показались из-за холма. Чем ближе они подходили к складу, нелепому строению из необрезных досок, обитых кровельным железом, тем пристальнее Пух наблюдал за гостями, хотя внешне по-прежнему никак на них не реагировал.

— Пошли, не стой! — Камень подтолкнул Олега в спину. — И постарайся собраться. Здесь легко, как на баркасе, не будет.

— А что, на баркасе было легко? — ужаснулся Гарин.

— Можно подумать, ты там перетрудился, — резонно заметил Камень.

Они молча прошли еще несколько метров до бочки. Пух все так же смотрел на них, потягивая трубку. Двое его товарищей, у которых понтов было поменьше, разглядывали прищельцев более придирчиво и, не стесняясь, поглаживали свои автоматы.

— Привет добрым людям, — произнес Камень, в верной пропорции сочетав достоинство и учтивость.

— Хороший день, — благостно отвечивал главарь.

Гарин некстати вспомнил, что именно так здоровались люди светлого будущего из какой-то книги, которую он сдуру взял с собой на дачу однажды подростком. Лето выдалось дождливое, а книжка была только одна — пришлось домучить ее до конца. В детстве Олег любил чтение, но после той книги начал с этим постепенно завязывать и в итоге пошел учиться на программиста, о чем до сих пор не жалел. Это краткое воспоминание, хоть и было на удивление неуместным, промелькнуло в сознании как положено: от начала и до конца. В отличие от предыдущего, когда Гарин сначала прочел слово «Дизель» на ботинках и уже потом вспомнил про случай с Пухом, который эти ботинки носил. Хотя «вспомнил» — тоже неправильное определение... Однако Гарин знал об ожоге еще до того, как рассмотрел, что там у бандита с головой. Какой-то дурацкий флешбэк, уже не первый с момента попадания в Зону. Все это не столько пугало Олега, сколько злило, потому что не давало ему ничего, кроме сомнений в собственной психике. Перед ним на бочке сидел Пух — куражистый, но довольно мелкий деятель с небольшой бригадой отморожков. Про Пуха Гарин мог бы рассказать десяток разных историй, но все же... этого человека он совершенно точно видел впервые.

Олег приветственно взмахнул рукой и бегло оглядел густую траву вокруг бочки — Пух не мог расстаться со своим дробовиком, даже если ему предложили бы взамен какой-нибудь прототип новейшей винтовки. Но оружия на земле не было.

— Я — Камень, — весомо объявил уголовник.

— Камень? — Пух озадаченно помолчал и вдруг хлопнул себя по лбу. — Камень! — радостно повторил он. — Давно тебя жду, уже беспокоиться начал.

— Задержался в пути, были причины.

— Ну, живой, здоровый и все-таки дошел, это самое главное. Да-а... — главарь потер ладони. — Вот и свиделись наконец-то, Камень!

Из сарая донесся глухой стон, прерванный ударом под дых.

— Пардон, я на минутку. — Пух наклонился влево, подхватил из-за бочки дробовик и направился к хибаре.

«Он левша, как я мог это забыть?» — обругал себя Олег.

— Гиря, Конь, развлеките гостей пока, — бросил Пух своим приятелям.

— Привет, — кивнул им Гарин. — Можете не развлекать, нам и так весело.

Быки переглянулись в попытке осмыслить реплику.

— Это что, наезд? — процедил один из них.

— Ты нам не указывай, что делать, — предупредил второй, вскидывая «Гадюку».

— Пацаны, все в порядке! — вступился Камень. — Клиент в шоке. Меньше суток в Зоне, а впечатлений уже на три жизни хапнул.

— А, турбизнес?

— Типа того, — цинично осклабился уголовник.

— И сколько сейчас полупроводники заколачивают? — спросил первый бандит.

— Почему «полупроводники»? — не понял Олег.

— В школе надо было не бухать, а физику учить, — наставительно произнес второй.

— Полупроводник — потому, что только в одну сторону, — пояснил его товарищ.

Парни в плащах дружно заржали, и Камень, воспользовавшись моментом, отвел Гарина в сторону.

— Просил же тебя побыть глухонемым, — прошипел он. — Это так трудно, студент? Зачем ты мне проблем добавляешь?

— С Пухом проблем не будет, — заявил Олег. — Хотя, конечно, все зависит от цели твоего визита.

— Ну-ка, ну-ка... — протянул Камень, глядя на Гарина как-то по-новому. — Что тебе известно про Пуха?

— Какая разница? — холодно осведомился Гарин.

— Не тупи, студент!

Олег ненадолго задумался.

— Когда решишь тут свои вопросы, сможешь мне добраться до Янова. Годится? Одному мне вряд ли осилить этот путь.

Камень улыбнулся и покачал головой:

— Какие гарантии? В смысле это ты должен сказать: «Какие гарантии, дяденька?» — Последнюю фразу он издевательски пропитал.

Олег сделал вид, что ему безразлично.

— Дашь слово вора или как оно у вас там называется?

Камень лишь тихо рассмеялся.

— Дойдем до исследовательского поста, и дальше вали на все четыре стороны, — настойчиво продолжал Гарин. — Если будут спрашивать, отвечу, что мы с тобой расстались еще в лесу, перед баркасом.

Олег покосился на бандитов — те увлеклись беседой и не обращали на него внимания.

— Ну, мы договорились? — серьезно спросил Гарин.

— Ладно, обещаю, — проговорил Камень.

— И без «ладно», пожалуйста.

— Я доведу тебя до Янова, — теряя терпение, сказал уголовник. — До самого поста доведу. Если оба не сгинем по дороге.

— В сарае должны быть еще трое, — без всякого перехода сообщил Олег.

— Значит, всего у Пуха семь человек?

— Было восемь. Но-о... Винт пару месяцев назад нарвался на кровососов.

— Откуда ты это знаешь? — прищурился собеседник. — Два месяца назад ты протирал штаны в Институте и бегал за бутербродами для айтишников.

Олег прижал ладонь к груди:

— Без понятия. Камень! Но это точно. Так же, как и то, что Пух — левша. И еще учти, что он никогда не промахивается.

— Из этой-то пукалки? — усомнился Камень.

— Из нее. И стреляет так быстро, что ахнуть не успеешь. Как будто он в прошлой жизни был ковбоем.

— Дуэли — не мой метод.

— Это я уже заметил, — неодобрительно произнес Гарин. — Но мы же теперь партнеры?

Уголовник взглянул на Олега еще раз, вновь удивляясь странным и, главное, быстрым метаморфозам, на глазах превращавших городского слюнтяя во что-то дельное.

— Приз за волю к победе уже, считай, твой, — буркнул Камень. — Остался пустяк: дожить до финиша.

Вернувшийся из сарая Пух раскурил трубку и собрался оседлать насиженную бочку, но что-то его остановило.

— Ну и что за дело у тебя, уважаемый? — обратился он к Камню. — Говорят, предъяву мне от братвы несешь? Что, мол, живу неправильно, что законы все позабыл. Так, нет?

— Я к тебе не с претензиями пришел, а с интересной темой.

— Вот как... — Пух отчего-то растерялся. — А как же сходняк на Большой Земле? Меня разве не обсуждали?

— Сходняк был, воры о тебе говорили и постанову приняли — напомнить Пуху по-братски, что вобщак от него иногда должно что-то падать. Но я не за этим в вашу дыру лез. Хочешь знать мое мнение — вообще забей на братву. Тут не воля и не тюрьма, тут третий мир, и законы в нем другие, новые.

Пуху определенно нравился этот разговор, но что-то продолжало его тревожить.

— Дыба! — крикнул он в сторону склада.

Из хибары мгновенно показался двухметровый детина с сияющим бритым черепом и окладистой поповской бородой. Амбал был раздет по пояс, и на мощном торсе блестели капельки пота, словно его оторвали от штанги.

— Послушай, Дыба, хороших людей, — заявил Пух. — Я-то, дурак, ждал от Камня черной метки, а они вон с добром явились. Какие молодцы.

Дыба бессмысленно поворачивал глазами — неизвестно, владел ли он вообще человеческой речью.

— Или, может, врут наши источники? — не унимался Пух.

Гигант издал лишь утробный смешок, что, видимо, означало: «меня трудно обмануть, особенно когда я так потею».

Двое других бандитов почуяли напряжение шефа и на всякий случай разошлись в стороны, заняв удобные огневые позиции.

— Продолжай, Камень, — поддержал главарь. — Не с предьявой, говоришь, пришел, а с выгодным дельцем? Что же за дельце, любопытствую.

— Есть человек, который хочет у тебя кое-что купить, — сказал уголовник. — Я только посредник. Но имею все полномочия.

— Он, что ли, человек этот? — Пух брезгливо показал трубкой на Гарина.

— Нет, заказчик не в том чине, чтобы по Зоне самолично лазать, — усмехнулся Камень и что-то быстро показал на пальцах.

Олег не успел заметить жеста, но, судя по реакции Пуха, это была сумма.

— В евро? — уточнил главарь.

— Не борзей, в долларах. Что тоже совсем неплохо, согласись.

— Трудно спорить. И что его интересует? Какой артефакт может столько стоить?

— Догадайся сам.

— Ты пришел за «венцом», — закивал Пух. — Во как, брат, — вновь обратился он к Дыбе, — ждали беды, а дождались бабла.

— Но сначала я должен проверить и убедиться, — сказал Камень, которому все меньше нравились эти разговоры Пуха со своим безмолвным подручным.

— Так это... «Венец» на баркасе. Зачем мне его с собой таскать?

— А зачем оставлять его кому ни попадя? — тем же тоном произнес Камень. — «Венец» у тебя. И если ты хочешь его продать, то мне придется его осмотреть.

Пух вздернул брови, но возражать не стал, лишь перекинул ружье в левую руку.

— Пошли, — сказал он всем сразу и первым двинулся к сараю.

Оттуда снова донесся какой-то всхлип, но уже совсем слабый, будто предсмертный — так Олегу показалось. И, зайдя внутрь, он обнаружил, что не ошибся.

Двое бандитов, остававшихся все это время в хибаре, мучили кого-то третьего, а точнее, уже добивали. Орудием пытки служила железная бочка из-под солярки. Пыльный бетонный пол вокруг нее был залит водой и, не исключено, кровью — в радиусе нескольких метров все смешалось в черную грязь.

— Простые средства бывают действенней сложных, — пафосно прокомментировал Пух. — Дело не в угрозе смерти. Нехватка кислорода вызывает панику. Страх, а не боль, развязывает язык.

Глядя на жертву допроса, Гарин решил, что Пух, вероятно, прав. Хотя относительно пыток у Олега было собственное мнение, непонятно откуда взявшееся, но определенно

связанное с ботинками «Дизель» и возникшее как раз в тот момент, когда Олег эти ботинки увидел на бандитах.

Так или иначе, мужчина на полу был измотан и сломлен. Все тайны, которыми он мог владеть, очевидно, стали достоянием банды. Хотя было совершенно неясно, чего от него добивались и какие секреты он мог скрывать. На вид ему можно было дать за пятьдесят. На груди у него была наколота церковь с тремя куполами, на левой руке клинок, а на правой — сисястая баба. Кроме этих рисунков по телу было разбросано еще множество мелких. Все они были сделаны довольно коряво и давно выпцвели.

— Любить и жаловать этого уркагана уже поздновато, но ради приличия все-таки его представлю. — Пух выдержал значительную паузу и сказал: — Это — Камень, собственной персоной.

Олег невольно повернулся к своему попутчику. Тот, кто вел его сюда от самого вертолета, тоже не был аристократом, но рядом со сплошь татуированным мужиком он выглядел как топ-менеджер «Майкрософт».

— Это — Камень, — повторил Пух, ткнув пальцем в измочаленного человека. — А вы — два клоуна из рваного шапито.

За то время, которое они провели на складе, бандиты перегруппировались и окружили Олега и его спутника с четырех сторон. Дыба заткнул своим могучим телом единственный выход. Вторая дверь была плотно заколочена досками, а окон в сарае и вовсе не наблюдалось. У Гарина застучало в висках: дело оборачивалось наихудшим образом. Словно не понимая, что происходит, лже-Камень подчеркнуто медленно снял с плеча автомат и положил на пол.

— Предложение остается в силе, — спокойно сказал он. — Для этого я и пришел в Зону.

— Давай, давай, лепи, — со смехом отозвался Пух.

— Если ты сам не лепишь насчет того, что у тебя настоящий «венец», а не подделка, ты должен быть в курсе, что этот артефакт активируется не у каждого, а очень избирательно.

— Ну, дальше? — Главарь посерьезнел, ему стало любопытно, к чему клонит гость.

— Теперь прикинь, чего мне стоило притащить в Зону эксперта из Института Альтернативных Исследований.

— Ты? Меня?! — Гарин задохнулся от возмущения и сделал шаг назад.

— Тебя, а то кого же.

— Меня никто не тащил, мы упали на вертолете! — воскликнул Олег.

— Да не падали мы, младший научный сотрудник Олег Гарин. Накануне притопили в болоте хлам с авиакладбища, а поутру нас высадили рядом, после того, как ты отключился от маленькой инъекции.

— Тихо! — прикрикнул Пух. — Мне ваши разборки до лампочки. Лучше скажи, этот мутный фраер действительно умеет пользоваться «венцом»?

— Не умеет, но он может опознать артефакт, этого мне достаточно.

— По-моему, ты мне мозги крутишь, — с сомнением произнес главарь.

— Слушай, уважаемый, ты масштаб этой операции представляешь? Человек, заказавший «венец», мог бы всю Зону залить — хоть медом, хоть напалмом. Но ему нужен только артефакт. Подлинный, а не подделка. И, конечно, в исправном состоянии.

— Сдается мне, что я недооцениваю стоимость этой хреновины...

— Вот, уже похоже на деловой разговор! Обсудим окончательную сумму? Но сначала все-таки проверим.

— И что, в кривых руках твоего друга «венец» уже включался?

— Показывай, не тормози. Тут делов-то на пару минут. Потом кончаем уркагана, — лже-Камень показал на татуированного, — и уходим к вам на базу. Водки попьем и про цену покалякаем.

— Ладно, фраерюги... — сдался Пух. — Ты, — сказал он Олегу, — ствол бросай. Ножи с гранатами и прочую требуху — все вытаскивай. И чтобы никаких сюрпризов, понял? Порубим в капусту без базара.

Гарин покорно вывернул карманы. Делить события на рациональные и бредовые у него уже не было сил. Спутник добровольно последовал его примеру и сложил оружие на полу.

— Конь, доставай! — распорядился главарь.

Тот скинул длинный плащ, под которым оказался маленький детский рюкзак, сплюснутый в блин.

— Нормальное бабло ты на горбу таскал! — подал голос Гирия. — Не надорвался, братуха?

Другие бандиты нестройно загоготали, только исполинский Дыба по-прежнему был серьезен и молчалив.

— Парни, возьмите-ка этих деятелей на мушку, — распорядился Пух. — Цельтесь прямо в головы, и если что не так — валите сразу, не ждите приказов.

Решив, что усиливать меры безопасности дальше некуда, он передал артефакт Олегу. Гарин принял «венец» подрагивающими руками и осмотрел его со всех сторон.

Артефакт получил свое название не случайно: это было неровное кольцо, более всего похожее на сросшийся по кругу узловатый корень. Ни точек соединения, ни ответвлений, ни тем более шипов — кольцо было монолитным и гладким, хотя и не полированным. Твердое и темное, почти черное, с неярким глубоким отблеском, шедшим словно изнутри, оно весило граммов триста или около того. «Венец» имел спорное происхождение — возможно, органическое, а возможно, и минеральное. Некоторые фантазеры предполагали, что оно минеральное и органическое одновременно. Впрочем, Гарин занимался в Институте тем, что писал бесконечный апдейт к программе распознавания. К самим артефактам его допускали крайне редко, и насчет его способности провести авторитетную экспертизу лже-Камень бесстыдно врал. Однако, учитывая обстоятельства, Олегу пришлось включиться в эту игру, уж очень не впечатлял вид настоящего Камня, скрючившегося возле бочки с водой.

— Чего уставился, надевай, — сказал Пух.

Гарин вдруг сообразил, что артефакт связан со словом «венец» не только формой, но и функцией.

— Напяливай уже! — приказал главарь.

— Проведи экспертизу, — поддакнул спутник, слегка при этом кивнув.

— Только не нужно думать, что если ты объявишь мой «венец» фальшивым или неисправным, то я его тут же выкину неподалеку от склада или продам за пакетик леденцов, — торопливо предупредил Пух. — Вот уж хер!

Могли он знать, что это станет его последней фразой...

Тот, кто раньше называл себя Камнем, резко присел на одной ноге — как будто бы упал — и развернулся на сто восемьдесят градусов, сбив Олега подсечкой. Прежде чем мужчина завершил оборот, в руках у него появились два маленьких пистолета. Еще один молниеносный круг — и банда Пуха ушла в историю. Даже Дыба, которого, как казалось, не проймешь и паровым молотом, поймал пулю в глаз и тихо упокоился в высокой траве снаружи за дверью сарая. Шесть человек было — и не стало.

Поднявшись, лже-Камень подошел к татуированному урке и...

Трупов стало семь.

Гарин за эти семь выстрелов успел, по сути, только упасть. Он так и лежал на спине, бережно прижимая к груди «венец», когда спутник уже вернулся к нему и подал руку.

— Испугался? — Это было сказано так просто и так по-человечески, что Олег бесхитростно ответил:

— Ага.

— Вставай, нужно уходить.

— Это было... — ошалело начал Гарин.

— Большое везение, — перебил его мужчина, — что эти уроды сами выстроились в стандартную трениговую композицию. Убрать их оказалось не труднее, чем сыграть гамму.

— Чего?.. — брякнул еще не пришедший в себя Гарин.

— Моторные рефлексy. Автоматизм, студент. — Он осекся и снова протянул руку. — Миша. Михаил. Столяров. Ладно, все-таки Миша, я не возражаю.

Олег в ужасе покачал головой:

— Что ты творишь?.. Миша...

— Думаю, это не последнее, что тебе придется пережить в Зоне, так что побереги нервы, еще пригодятся. Очнись, пора уходить.

Михаил мягко отобрал у Гарина «венец» и уложил его в тот же детский рюкзак, в котором артефакт носили бандиты. Затем он сноровисто обыскал трупы — получилась целая куча железа, и «Гадюки» пришлось бросить, зато запас пистолетных обойм пополнился изрядно, да и несколько полных рожков для «Калашникова» не были лишними.

— Какой у тебя размер? — неожиданно спросил Михаил, пнув пятку бандита, лежавшего ближе всех.

— Какая разница? Зачем?.. Нет!

— Да. Переобувайся живо, ты же хотел такие ботинки?

— Но не с трупа же!

— А что такое? Типа грех? Или брезгуешь?

— И то, и другое.

— Отлично. — Столяров с раздражением посмотрел в потолок. — Мой напарник — брезгливый богомолец. Лучше и пожелать нельзя.

— Я тебе не напарник, — четко выговорил Олег.

— Вспомни, как ты в своих штиблетах по лесу чапал. Два шага — и ноги мокрые. А идти нам с тобой далеко.

— Я не напарник тебе, ясно? — повторил Гарин. — Сколько народу ты убил? И кто ты вообще такой?

— Не время для допросов, коллега, — отрезал Михаил.

В мозгу у Гарина вновь стрельнуло какое-то пронзительное, но невнятное воспоминание, похожее скорее на ощущение, чем на мысль.

— Какой я тебе коллега?! — вспыхнул он. — Твои коллеги...

— Что, «в овраге лошадь доедают»? — Столяров улыбнулся. — Нет, Олег. Исключительно пирожки с яблоками в буфете на втором этаже. Хотя с вишней вкуснее, не правда ли? Но поэтому их и разбирают в первую очередь. А просить Тamarочку оставить несколько штук на вечер — без толку, у нее память плохая. В отличие от задницы. Задница у Тamarочки — хай класс.

— Не знаю, не щупал, — отстраненно ответил Гарин. — И вообще я люблю с грибами... Что все это значит?

— Коллеги мы, я же сказал. Ты программист, а я оперативник из департамента собственной безопасности. Но работаем мы в одном месте.

— Я тебя никогда раньше не видел.

— Ты и не должен был. Наша служба и опасна, и трудна, — пожал плечами Михаил. — Пусть и в отдельно взятом институте. Но все-таки трудна, а временами — реально опасна.

Он собирался добавить что-то еще, но в сарае внезапно взвыли зуммеры — сразу несколько штук, в том числе и у Михаила в кармане. Оглядевшись, Гарин понял, что это пищат все КПК в помещении.

— Ну вот, дотянули до выброса, — раздосадованно сказал Столяров. — Куда теперь? Склад нас защитит?

— Нет, нужно капитальное укрытие или глубокая пещера. Эта халупа не спасет.

— Да вроде она жестью обита?

— Мертвому припарка, — отрезал Олег.

— Хорошо, вспоминаем подходящее место... Слушай, мы много километров отмахали, но это первое более-менее серьезное строение из всего, что нам попадалось. — Михаил топнул ногой, и его озарило: — Пол забетонирован! Здесь должен быть оборудован подвал. Нужно найти люк.

Столяров метнулся в дальний угол, потом в другой. Гарин смотрел на него с сомнением, ему не верилось, что в Зоне кто-то станет возводить общественно доступное убежище. Сарай был пуст, лишь у глухой стены темнели два верстака, которые вряд ли кто-

нибудь использовал по прямому назначению. Почему эту хибару называли складом и что здесь планировалось хранить в лучшие времена — бог знает, однако постройка была относительно свежей, снаружи еще лежали недогнившие опилки.

— Что ты стоишь, как истукан? — крикнул Столяров.

— Я думаю, Миша.

— О чем, если не секрет?

— О том, куда бы сейчас ломанулся Пух со товарищи, будь они живы. Баркас — это должно быть надежно, но к нему не успеть. Лесопилка ближе, хотя не факт, что там можно укрыться. Не помню...

— Что ты сказал?!

— Я не помню, можно ли переждать выброс на лесопи... — Гарин прикусил губу. — Не обращай внимания, со мной это уже не впервые. Просто пытаюсь рассуждать.

Хор тонких сирен продолжал занудно пиликать, спокойным рассуждениям это не способствовало.

— Так... так... Мы подходили к складу, справа снова показался край бывшего водохранилища. Оно тут близко, или я уже совсем запутался?

— Близко, — подтвердил Столяров. — Там что-то вроде заводи, похоже на водосброс.

— Вот! — Олег выставил указательный палец. — Водосброс — это большая труба. В ней целая банда поместится. Но не сегодня, конечно. Только надо будет гранат покидать, — добавил он скороговоркой. — Неизвестно, сколько там тварей приютилось, могли со всей округи сбежаться. Выброс-то они лучше любого прибора чувствуют.

Небо темнело на глазах. Тучи слетались голодными коршунами, с каждой секундой погружая окрестности во мрак. Вверху что-то загрохотало без всякого намека на дождь. Потом ударило снова и долгим гулом раскатилось по округе. За лесом сверкнула первая зарница, но не с электрическим голубым отливом, а тревожно-красная. Будто заражаясь от нее смертельной болезнью, небо стало румяниться.

Индикаторы выли без остановки.

Гарин и Столяров неслись к впадине береговой линии, придерживая перегруженные трофеями рюкзаки, чтобы те не отбили спину. Рюкзаки все равно долбили в позвоночник, автоматы спереди стучали в грудную клетку, но все это было не важно. Сейчас Олег мог думать лишь о том, чтобы догадка о водосбросе не превратилась в пшик, чтобы на месте трубы не оказался обычный затон, кишачий мелкой насекомой мразью, которой очень скоро придет хана. И еще он радовался тому, что послушался циничного опера и разул покойника. Высокие ботинки были на удивление мягкими и удобными. Его собственная обувь при таком неистовом беге давно бы слетела, Олег напоролся бы на ветку или острый камень, захромал, потерял скорость и тогда точно не успел бы...

— В трубу! Нырять! — заорал рядом Столяров.

Приказав здравому смыслу заткнуться, Гарин сиганул с откоса и закатился в бетонное жерло. Следом влетел Михаил, больно ударил его полбу чем-то металлическим, извинился, выматерился и, схватив за воротник, поволок дальше по трубе, прочь от открытого входа. Несколько секунд они иступленно ползли в черную глубину сухого водозабора — помогая и мешая друг другу одновременно. Вскоре в тоннеле наметился плавный изгиб, и это открытие было настолько радостным, что преумножило силы, вернее, помогло быстрее потратить их остатки.

Когда они остановились, выброс уже бушевал во всю мощь. Грохот снаружи повторялся вибрацией в теле. На выгнутых бетонных стенах мерцали кровавые отсветы, а концентрация озона стала почти невыносимой и заглушила даже вонь от гниющих в трубе тушек.

— Гранаты, — еле вымолвил Гарин. — Мы забыли про них. Не успели.

Будто отзываясь, где-то близко во мраке послышался шорох. Олег мгновенно перевернулся на бок и, толкнув большим пальцем рычажок предохранителя, выпустил в глубину трубы длинную автоматную очередь. Лишь потом он понял, что в точности скопировал действия Столярова.

Михаил покопался в карманах и включил фонарик.

В трех метрах от них лежал молодой парень, спрятавшийся здесь чуть раньше. Может быть, это был честный романтик, искатель всего необычного, а может — законченная гнида, убивавшая друзей ради копеечных артефактов... теперь это не имело значения, человек был мертв. Над разорванным в клочья животом поднимался едва заметный пар, и внушить себе, что сталкер погиб еще до их прихода, было невозможно. Олег закрыл лицо руками.

— М-да... — обронил Столяров. — Если тебе от этого станет легче... давай считать, что его убила моя пуля, а не твоя.

— Спасибо, — промычал Олег. — Но там этих пуль два десятка, и половина из них моя.

— Ну тогда просто прими это как реальность. Мы могли бы проявить осторожность и сначала проверить, кто там находится. А там была бы пара кровососов, которым попасть под выброс так же не в кайф, как и нам.

— Не надо, Миша! Не надо этих уговоров, — застонал Гарин. — Дело совсем в другом. Я просто начинаю бояться... самого себя. Что я сделаю еще через час? А через неделю? А через месяц мне вообще не сложно будет зайти с пулеметом в детский сад?

— В местном детском саду никаких детей давно уже нет.

— Я образно, образно! — Олег отнял ладони от лица. — Во что превращаются люди? Вот ты. Тебе нравятся пирожки с вишней и задница нашей буфетчицы. Нормальный мужик. Сегодня ты убил десять человек. А день еще даже не закончился. Мне, собственно говоря... плевать мне на тебя, Миша. В хорошем, конечно, смысле. Я за себя боюсь. Хочется остаться человеком. И при этом вернуться домой, выйти из гребаной Зоны. Но все-таки — остаться человеком. Возможно ли такое?

— Вот выйдем, Олег, и поглядим да проверим. Я, что ли, ради удовольствия по Зоне шляюсь? Я бы тоже лучше пивком на веранде сейчас накачивался.

Столяров посветил фонарем вверх — труба была такого диаметра, что позволяла стоять в полный рост. Он поднялся и размял ноги. Олег последовал его примеру. На мертвого сталкера оба старались не смотреть.

— Ты, может, и не рад здесь находиться, — сказал Гарин, — но тобой хотя бы не вертят, как тряпичной куклой.

— Понимаю, — невесело протянул Михаил. — Накопились вопросы? Спрашивай, время есть. Одно могу сказать сразу: не я этот кордебалет придумал и не нужно меня винить. Я исполнитель. В принципе такой же, как и ты.

— Неужели вся моя командировка — фуфло? Не верится даже. Столько морочили, столько всего в башку вбивали...

— Подготовка была необходима. Торопились, форсировали сроки. Но это нужно для выживания, и это было по-настоящему. А командировка — да, фуфло чистой воды.

— Значит, на Янов мы уже не идем, — заключил Гарин.

— Идем. Я ведь тебе честное слово дал.

— Хватит дурака валять! Какое ты мне дал слово? Слово вора! Такое же фальшивое, как и твой нарисованный перстень.

— Как нарисовали, так и сведут, — отмахнулся Столяров. — С Камнем, правда, накладка вышла фантастическая. Такое один раз в сто лет случается. Но я надеюсь, на Большой Земле дадут по шапке кому положено. Хотя мы чуть было не сгорели, Олег. — Он улыбнулся широко и жизнерадостно. — А к Янову идти все равно придется. Отсюда с руководством не свяжешься, а заранее договариваться об эвакуации смысла не было: никто не знал, как скоро мы добудем «венец». Пух запросто мог кому-нибудь его продать, а тот человек — перепродать еще кому-то. Так и гуляли бы. Ну а теперь доберемся до исследовательского поста, сообщим, что «венец» у нас, — и через несколько часов мы уже дома.

— Но разве нельзя было рассказать все это мне заранее, по-человечески? — сокрушенно произнес Гарин. — Так, мол, и так, надо помочь.

— А ты бы согласился?

— Нет, наверно... Точно — нет.

Михаил красноречиво развел руками.

— Но почему именно я? — спросил Олег. — Чем я лучше других? Или наоборот — хуже? В Институте полно специалистов по артефактам, а послали меня. Да еще в такой спешке.

— Есть причины, — аккуратно ответил Столяров. — И они тебе известны, просто ты концы никак не свяжешь почему-то.

— Поконкретнее.

— Хорошо. Ты ведь уже замечал за собой некоторые странности?

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Гарин.

— Да хотя бы эта труба. Меня к забросу в Зону готовили основательнее, без авралов. Но кто в итоге нашел, где укрыться от выброса? Ты, а не я. А почему? Потому, что ты не нашел ее, а вспомнил.

— Как я мог про нее вспомнить?!

— Примерно так же, как отличить рабочий «венец» от неисправного.

— Я думал, ты просто отвлекал этими бреднями Пуха.

— Я действительно отвлекал Пуха. Но это совсем не бредни. У тебя в Институте уже был контакт с «венцом», которого ты, правда, не помнишь.

— Кажется, я окончательно перестал понимать, что происходит...

— Мне известно следующее: однажды ты вошел в лабораторию по своим делам, увидел на столе «венец» и зачем-то надел его на голову. Никто не успел тебя остановить. «Венец» активировался.

— И-и... что произошло? — с опаской поинтересовался Олег.

— Ничего.

— А говоришь — активировался.

— Ну да. Тебя вырубило примерно на час. Очнувшись, ты этого события не помнил. При других обстоятельствах тебя запихнули бы под колпак и стали бы изучать, как инфузорию. Но тут по нашим каналам прошла информация, что в Зону направляется некий вор по кличке Камень. Таким образом появился шанс подобраться к Пуху и достать еще один «венец» для вашей яйцеголовой братии. Вот и все.

Гарин тяжело задумался.

— Какой-то изуверский проект, — сказал он после паузы. — Ради проклятого артефакта кидают в Зону мутантам на съедение двух живых человек... Эта штука настолько ценная?

— Полагаю, да.

— Дай посмотреть еще раз.

— Смотри, — легко согласился Михаил и раскрыл рюкзачок.

Гарин небрежно повертел в руках черное кольцо.

— Мы ведь так и не проверили, настоящий ли это «венец», — сказал он.

— По оперативной информации, у Пуха был подлинный артефакт.

— Но ведь он мог дать нам подделку или нерабочий экземпляр.

— Не вижу в этом смысла, хотя действительно мог. Так проверь.

— Я?..

— Ну не я же, — резонно ответил Столяров.

— Страшновато, — признался Олег.

— Я бы ни за какие деньги не рискнул. Но ты-то уже делал это.

— Только с твоих слов.

— В общем, решай сам, уговаривать не буду.

Олег подумал еще минуту и, зачем-то глубоко вдохнув, осторожно надел «венец» на голову.

Кольцо оказалось вполне подходящего размера — это было последней мыслью Олега Гарина перед тем, как ему в затылок врезалась стальная кувалда.

Глава пятая

Пытка никогда не заканчивается.

Эта начинается еще до входа в комнату, в маленьком предбаннике, где тебе приказывают раздеться до трусов. Приказывают убедительно, в три голоса. Охранников здесь всегда трое. Тебе не одолеть и одного, но их все равно трое — кто знает, на что способна доведенная до отчаяния жертва? Ты знаешь. Уже ни на что. Ты доведен до отчаянья, но сил для последнего рывка уже нет. Или еще нет. Поэтому ты стягиваешь непослушными пальцами ненавистную робу, затем спускаешь штаны, напоминающие больничные кальсоны, и остаешься один, голый и безоружный, против грех одетых и вооруженных охранников в помещении, слишком тесном для четверых.

В конце один из охранников обязательно спрашивает, делая простое лицо:

— А то, может, расскажешь?

И улыбается глуповатой улыбкой, чуть ли не подмигивает, мол, все же всё понимают, зачем упорствовать? А когда ты устало закрываешь глаза, он кривится в ухмылке.

— Ну, как хочешь... Тогда пошел!

И тебя вбивают в дверной проем, как мяч в ворота.

Ты падаешь. Знаешь, что единственная возможность выйти из этой комнаты с минимальными потерями — это перетерпеть первую вспышку паники и боли и устоять на ногах. И все равно падаешь — на бок или лицом вперед, инстинктивно выставив ладони. Слишком силен шок. Слишком много в тебе, оказывается, еще осталось нервных окончаний.

Ты кричишь. Отдергиваешь руки и кричишь от новой боли. Силишься встать, снова падаешь и все время кричишь. Долго, пока не сорвешь горло.

Дверь за тобой захлопывается. Должно быть, твои крики раздражают чувствительные уши охранников.

Ладони и колени страдают сильнее всего. Ты привык, падая, выставлять руки вперед и немного сгибать ноги, в этом все дело. Многолетняя привычка работает против тебя. А еще — сила тяжести.

Пол и стены комнаты утыканы гвоздями. Без шляпок, только торчащие наружу острия. Гвозди мелкие, как сапожные или обойные. Их длины недостаточно, чтобы пробить ладонь насквозь. Христа на таких не распять, разве что маленького христосика. А еще они очень острые.

Гвозди торчат ровными рядами, расстояние между соседними — сантиметра три. В принципе достаточно, чтобы просунуть между ними палец и не уколоться. И ты пытаешься сделать стойку на пальцах рук и ног. Тебе это не удавалось ни разу, но ты пробуешь снова и снова, похожий на тех зомби, которых когда-то заставлял приседать и отжиматься, чтобы проверить свою силу. Сейчас сил нет, конечности ходят ходуном, какое там на пальцах, тебе бы на ногах устоять. Ты оступаешься, напарываешься на новые гвозди, падаешь... Потому что все аукнется, повелитель зомби. Венец, мать твою, творения. Теперь ты сам как зомби, и кто-то повелевает тобой.

Ничего. Им это тоже аукнется.

Ты словно по наитию поднимаешь голову. Как раз вовремя, чтобы увидеть своего кукловода. Случайно или умышленно в соседней комнате включается свет. Всего на пару секунд, но тебе их хватает, чтобы разглядеть сквозь стекло белую марлевую повязку и зеленую шапочку хирурга.

Палач. Он всегда рядом. И он не успокоится, пока не выпьет всю твою кровь. По капле — из проколотых ладоней, локтей, коленей, лодыжек и ступней, из пробитой гвоздями щеки.

Пусть завтра ты не найдешь на теле ни одной раны, кроме крошечного прокола на предплечье, сейчас тебе слишком больно, чтобы думать об этом. Сильнее боли только ненависть.

Свет гаснет, и затемненное стекло снова становится огромным, в полстены, зеркалом. Но ты все равно чувствуешь, как за твоей агонией наблюдают глаза Палача. И под их

спокойным внимательным взглядом ты вдруг замираешь. Вместо судорожных подскоков на месте медленно ложишься на бок. Потом на спину. И остаешься в таком положении.

Гвозди вбиваются в тело. Они вбиты недостаточно часто, чтобы лежать на них с комфортом, как какой-нибудь накурившийся опиума индийский факир. Но ты лежишь, потому что та боль, которая уже есть, ничем не хуже той, которая может быть. И повторяешь точно мантру:

Отомстил за Марину, отомщу за себя.

Отомстил за Марину, отомщу за себя.

Отомстил за Марину, отомщу за себя.

Ты лежишь долго. До тех пор, пока за тобой не приходят охранники в необычной, похожей на снегоступы обуви. Старший охранник, тот, что изображал простачка, больше не улыбается. Потому что видит твоё лицо и слышит твои слова.

— Аукнется. Всем аукнется.

И только когда тебя подхватывают с трех сторон, двое под мышки, один за ноги, ты позволяешь себе потерять сознание...

Первые две мысли Олега, когда он пришел в себя, были совсем нецензурными. Третья звучала примерно так: «Какого хрена!»

— Эй! Ты чего? — вскрикнул Гарин.

Невозможно сосчитать, в скольких кинобоевиках обыгрывалась сцена, когда герой, проснувшись или очнувшись от обморока, первым делом видит направленное ему в лицо ружейное, пистолетное или автоматное дуло. Ситуация, в которой оказался Гарин, была из того же разряда, но вместе с тем качественно иная. Ему в лицо смотрело не дуло, а торец автоматного приклада, так что Олег, не напрягая зрения, мог разглядеть все царапины на стальной накладке. По ту сторону автомата маячила озабоченная физиономия Столярова.

— Кто ты? — строго спросил он.

— В каком смысле?

— Кто ты? — не меняя интонации, повторил Михаил.

— Совсем свихнулся? Я — это я!

Видимо, этот малоинформативный ответ Столярова удовлетворил. Резким движением он отставил автомат и протянул Олегу руку.

— Давай.

Тот с опаской взялся за протянутую ладонь, медленно сел и спросил:

— Ты чего хотел-то?

— Уже не важно, — обронил Михаил. — Встать можешь?

Гарин осторожно подвигал головой, пригладил рукой волосы и только теперь заметил, что на нем больше нет «венца».

— Встану. Но не сразу, — признался он. — Голова немного кружится. Я не кричал?

— Нет. По мне, так ты просто спал. Только мимика была чересчур выразительной для спящего. А что ты помнишь?

— Ничего, — сказал Олег, но тут же поправился: — пытки. Было что-то про пытки.

— Ясно... — По лицу Столярова, как обычно, невозможно было понять, что именно ему ясно. — Что-то еще?

— Может, и еще что-то снилось, но запомнилось только это.

Гарин посмотрел по сторонам. Он сидел под открытым небом на берегу водохранилища. Входное отверстие водозабора, ставшего их убежищем на время выброса, виднелось метрах в десяти впереди. — Это ты меня вытащил?

— Я. Не было смысла терпеть эту вонь, когда выброс все равно закончился. Зато теперь дышится легко, как после грозы. — Михаил демонстративно сделал глубокий вдох. — Как будто воду в аквариуме поменяли. В смысле, воздух.

— Не только воздух. Аномалии тоже обновились. Теперь только успевай следить.

— Да я вроде слежу.

— Угу, — неопределенно буркнул Олег. — Тушку видишь? — Он указал рукой.

Шагах в пятнадцати от того места, где он сидел, у самой кромки воды лежал трупик небольшого зверька, определить породу которого не представлялось возможным. Труп напоминал первую самостоятельную работу начинающего таксидермиста, который сумел распотрошить животное, но не смог сшить чучело.

— Что это было? — спросил Столяров.

— Водяная крыса или тушкан, — пожал плечами Гарин.

— Я не о том. Это его выбросом так... вывернуло?

— Нет, выброс трупы не уродует. Это аномалия. Свеженькая.

— «Мясорубка»? — предположил Михаил.

Олег ненадолго задумался и помотал головой.

— Нет. Ты же сам сказал: вывернуло. Это «изнанка». Она хуже.

— Чем хуже?

— На нее детектор не пищит.

— Действительно. — Столяров провел рукой по выпирающему карману. — Как же ее обнаружить?

— Разряженную — по такой вот вывернутой тушке, а действующую... Есть способ. Если приглядеться, трава внутри изнанки отбрасывает тень навстречу солнцу.

— А ночью?

Гарин поднял глаза на Михаила.

— Ночью лучше не гулять.

Он со стоном поднялся с земли и медленно заковылял в сторону изуродованного трупа.

— Ты куда это? — всполошился Столяров. — Идти-то сможешь? А рюкзак нести?

— Если повезет — да.

— В смысле? Ты куда вообще полез? Хочешь, чтоб и тебя вывернуло, как тушкана?

Не обращая на него внимания, Олег опустился на колени и подобранным с земли прутиком принялся рыться в траве рядом с трупом. Полминуты спустя он удовлетворенно кивнул:

— Повезло! — и заковылял обратно к Михаилу.

— Слушай, загадочный... — не выдержал тот. — Может, хватит?

Вместо ответа Гарин разжал кулак.

— Смотри!

На его ладони Столяров увидел два одинаковых вытянутых камешка длиной чуть меньше мизинца, похожих на кусочки черного стекла или хрусталя.

— Что это? — спросил он.

— Повернись спиной — узнаешь, — улыбнулся Гарин.

— Что за детсадовские шутки, — проворчал Михаил, однако просьбу выполнил.

Олег быстро расстегнул боковой кармашек на рюкзаке Столярова и сунул в него один из найденных в траве камешков.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросил он.

— Я так и знал, — сурово начал Михаил, но вдруг осекся. — погоди. Ты у меня там что-нибудь вытащил? — Он недоверчиво подвигал плечами, подергал лямки рюкзака и даже пару раз подпрыгнул на месте. — Я как будто на Луне!

— Скорее на Марсе, — поправил его Гарин. — «Волчьи слезы». Если положить такую в рюкзак, его вес уменьшится примерно вдвое.

— Черт! — Столяров обернулся к товарищу и повторил. — Черт! Где ж ты раньше был! Мы могли бы взять «Гадюки» у пуховских шестерок. Мы могли бы взять еще гранат. Коньяку, наконец! А то я одну фляжку прихватил, а две пришлось оставить. Мы бы столько всего могли...

— Теоретически. Действие артефактов ослабевает по мере удаления от породившей их аномалии. Часа полтора, максимум два, и рюкзак будет весить, как прежде.

— Да... — опечалился Михаил. — Тогда надо двигаться. Хоть на пару часов почувствую себя марсианином.

Олег затягивал шнурок на горловине своего рюкзака, куда он положил вторую «волчью слезу», когда знакомый голос за спиной сказал:

— Привет, бродяги.

А второй знакомый голос добавил:

— Мне показалось, или кто-то здесь говорил о коньяке?

Гарин обернулся, не пытаясь взяться за автомат. У честных сталкеров принято здороваться с пустыми руками, а Митрич и Бодун производили впечатление честных сталкеров.

— Ну, привет, — отозвался Олег.

— А, близнецы-братья, — сказал Столяров. — Вы что, всегда вдвоем ходите?

Митрич и Бодун переглянулись и синхронно пожали плечами. Маскировочные халаты цвета болотной жижи и впрямь делали сталкеров похожими, как братья. Только капюшон у Бодуна был натянут до бровей, а у Митрича — откинут.

— Вы по наши души или так, по своим делам? — спросил Михаил.

— Мимо шли, — ответил Бодун. — Чего бы нам за вами гоняться? Да и вы вроде к баркасу направлялись.

— Так что там с коньяком? — напомнил Митрич.

Столяров задумался ненадолго, а может, просто сосчитал про себя до десяти.

— Я готов обсудить этот вопрос по дороге к Янову.

— Сможете отвести нас на исследовательский пост? — спросил Гарин.

— Вижу, вы договорились наконец, — прокомментировал Бодун. — А что с Пухом?

— С Пухом... Земля пухом, — сказал Михаил.

— Ясно. — Бодун вздохнул и так выразительно уставился на новые ботинки Олега, что тому захотелось провалиться сквозь землю от неловкости. Хотя бы по колено.

— Земля пухом! — повторил Митрич, потом шмыгнул носом и придал лицу серьезное выражение. — Так, может, того? За упокой?

— Душу ведь вытащит, — посетовал Столяров, закатывая глаза. — На, держи. Только пятьдесят граммов, понял? Остальное на станции. Все, все, стоп!

— Да я даже глотнуть не успел, — пожаловался Митрич. — А мне надо. Чуть-чуть, для храбрости. Сейчас знаешь какое время? У-у! После выброса у тварей самый гон.

— Это у тебя гон, — сказал Олег почти ласково. — Мутанты активизируются перед выбросом, когда ищут укрытие. И то, если не вставать у них на пути, они не тронут. А после выброса те, что выжили, еще пару часов ходят, как пришибленные.

— А ты... — обернулся к нему Митрич. — Если такой умный, чего лошком прикидывался?

Олег промолчал. На некоторые вопросы он и сам себе не был готов ответить.

— Значит, вам на Янов, — вступил в разговор Бодун. — В общем-то, можем проводить. Только сперва за газировкой смотаемся.

— В местный сельмаг? — усмехнулся Столяров.

— Ага, — радостно кивнул Митрич. — Типа того.

— Нет, мужики, лучше сразу на Янов, — не согласился Михаил.

— Да это рядом, — сказал Бодун. — Почти что по пути. Давайте, парни, в колонну по одному и шагом марш. Митрич — замыкающий.

Все последующие полчаса замыкающий вполголоса убеждал кого-то — не исключено, что Олега рюкзака, — в том, что подлинный коньяк — это тот, который производят во французской провинции Коньяк, отчего она, собственно, так и называется. И что весь остальной алкоголь, выпускаемый под этой маркой, имеет к коньяку не большее отношение, чем кофейный напиток «Ячменный колос» к натуральному кофе.

Митрича никто не слушал, но и не пытался заткнуть. На фоне вороньего грая и далекого лая собак звучание человеческой речи успокаивало. Под это монотонное бормотание отряд, оставив позади бывшее водохранилище, двигался по тропинке, петлявшей между невысокими холмами. Облака разошлись, и полуденное солнце светило в спину. Временами его лучи забегали далеко вперед и возвращались слепящими солнечными

зайчиками, отразившись от нескольких чудом уцелевших стекол видневшегося на юге крупного здания. Судя по расхोдившимся от него в стороны опорам ЛЭП, когда-то это была электростанция.

По правую сторону от тропинки притулилась к кособокому деревеньку на семь дворов, по всей видимости, покинутая обитателями еще после первой аварии и пришедшая в окончательный упадок после второй. Пять домов были уничтожены пожаром, но и те два, что уцелели, не вызвали желания заглянуть в пустые глазницы оконных проемов, распахнуть покосившуюся дверь и крикнуть: «Есть кто живой?» Зато оставшиеся без присмотра палисадники заросли одичавшими кустами и деревьями до состояния джунглей. Сквозь дыры в прогнившем заборе крайнего двора навстречу прохожим тянула ветки приземистая яблоня. Блестевшие на солнце ярко — красные плоды казались вполне съедобными.

«И наверняка ведь ни единого червячка внутри, — подумал Олег. — Откуда здесь черви...»

Проходя мимо, Гарин сорвал яблоко и машинально протер его рукавом куртки. Затем осторожно понюхал, но запаха не почувствовал. Впрочем, будучи городским жителем, приобретающим товары исключительно в супермаркетах, он давно уже привык, что фрукты и овощи ничем не пахнут.

— А продукты, выросшие в Зоне, точно нельзя есть? — спросил он. — То есть никакие?

Так ребенок спрашивает у матери зимой: «А качели точно нельзя лизнуть? Даже ни вот столечко?» Разумеется, он прекрасно знает ответ, просто... в некоторые вещи очень трудно поверить, не убедившись на собственном опыте.

Ведущий остановился и обернулся. Следом за ним остановился и весь отряд.

— Ну ты дал! — хихикнул в спину Митрич. — Ты б еще спросил, съедобное ли мясо у мутантов.

— Точно нельзя. Никакие, — строго сказал Бодун. — Лучше даже руками не трогать. Сейчас же брось.

— Брось, — настойчиво повторил Митрич, и Олег нехотя подчинился.

Ведущий молча развернулся и зашагал вперед. Отмерив трехметровую дистанцию, за ним двинулся Столяров. Гарин шагнул было следом, но на ходу обернулся, чтобы еще раз взглянуть на яблоко. Лежавший в придорожной пыли спелый фрукт напоминал о пропущенном завтраке. И, кстати, об ужине.

В воздухе мелькнула тень, и с неба прямо на яблоко спикировала ворона. Она несколько раз клюнула красный яблочный бок и, отщипнув приличный кусок, удовлетворенно каркнула.

«Вот уж дудки», — мстительно подумал Олег и, подобрав с земли камень, швырнул им в птицу.

Ворона снова каркнула, но добычу не отпустила.

— Пошла, я сказал! — разозлился Гарин и наклонился за новым камнем.

Ворона несколько раз взмахнула крыльями, но не взлетела, а только испачкала перья в пыли.

— Вот и ты бы так же, — наставительно сказал стоящий рядом Митрич. — Забыл бы, как ходить, как разговаривать. А еще тертым притворялся... Студент.

Последнее слово прозвучало уничижительно.

Митрич ушел, а Олег еще некоторое время смотрел на ворону как загипнотизированный.

«Молодильные яблоки, — всплыло у Гарина в памяти. — Отведавший их «омолаживается» вплоть до полной потери всех приобретенных навыков. Ни ходить, ни говорить, ни стрелять. Ни снять штаны, прежде чем оправиться. Эффект длится от десяти минут до двух часов, в зависимости от количества употребленного продукта на килограмм массы. Как я мог забыть! Вернее... Откуда я это помню?!»

Олег с силой надавил кончиками пальцев на виски и, когда мелькание стеклянных червячков перед глазами прекратилось, побежал догонять ушедший далеко вперед отряд.

— Кстати, о кальвадосе, — обрадовался его возвращению Митрич. — Гнать бренди из яблочного сидра — еще большее извращение, чем заваривать чай из квашеной капусты.

Глава шестая

— Почти пришли, — негромко сказал Бодун.

Еще метров за пятьдесят до этого Олег догадался, что отряд приближается к намеченной цели. Как только разглядел впереди конструкцию, причудливей которой он не видел в жизни.

Сооружение напоминало каркас от куполообразной палатки. Подойдя поближе, Гарин изменил мнение в пользу юрты. А оценив истинные размеры конструкции, решил, что речь скорее идет о тентовом павильоне вроде тех, из которых составляют передвижной цирк. Каркас был выполнен, если можно так сказать, из единого куска дерева. Прямо под ним разделялась на два рукава широкая канава. На ее берегах и стояли опоры, которыми конструкция упиралась в землю. Хотя правильнее было бы сказать не «упиралась», а вырастала из земли, ведь опорами были стволы деревьев.

Казалось, десять растений разных пород склонились друг к другу, чтобы вместе противостоять катаклизмам, да так и срослись кронами. Стволы были по большей части голыми, лишь на самом верху купола виднелся островок зелени, но место, где одно дерево переходило в другое, можно было угадать только по изменению цвета коры. Это чередование напоминало полосы на астраханском арбузе: ствол темный, ствол светлый. На светлых стволах виднелись капли смолы и редкие хвоинки, а на темных попадались одиноко растущие дубовые листья.

Прищурившись, Олег разглядел на двух соседних ветках шишку и пару желудей и окончательно уверился в том, что одним из авторов этого творения был сбежавший из ада дух академика Лысенко.

— Очередная аномалия? — спросил у проводников Михаил.

— Бери выше, — отозвался Бодун. — Архианомалия. Называется соснодуб.

— Почему соснодуб?

— Потому что «дубосос» звучит намного хуже, — скороговоркой ответил Митрич, очевидно, ожидавший этого вопроса, и расплылся в счастливой улыбке. — А вот и газировка.

Он указал стволом автомата на поднимающийся из канавы зеленоватый дымок. Хотя было довольно свежо, и ветви окружающих кустов ощутимо колыхались от ветра, зеленому дыму, казалось, все было нипочем. Он поднимался вертикально вверх, как раз к тому месту, где метрах в десяти от земли несколько растений соединялись в единый симбиотический организм.

— Выглядит не слишком симпатично, — заметил Михаил.

— Да брось! — не согласился с ним Митрич. — Грибное место, особенно после выброса. Грех было сюда не заглянуть. Знаешь, сколько мы отсюда артефактов в хороший день уносили? Столько, что в рюкзак не помещались.

— Ну ладно, ладно, собирайте. Мы мешать не будем.

— Да вы и не сможете. Сюда без костюмов с хорошей химзащитой соваться — верная смерть. Газировка — она как кислота. И испарения у нее ядовитые. Противогазы у вас хоть есть?

— Был один.

— Тогда лучше в сторонке подождите. И, кстати, с берега прикройте, если что. А то вокруг соснодуба часто слепые собаки шатают.

— Хватит балаболить, — прервал товарища Бодун, уже по пояс выбравшийся из маскхалата.

Митрич послушно скинул рюкзак, приставил к нему автомат и тоже начал раздеваться. Под маскхалатами у сталкеров обнаружили комбинезоны блеклого зеленовато-коричневого цвета с двумя прямоугольными накладками на груди. Выглядели комбинезоны солидно, весили, должно быть, немало, что и объясняло некоторую скованность движений сталкеров и тяжеловесность их походки, особенно при подъеме в гору.

Уже приложив нижний конец шлем-маски к подбородку, Митрич еще раз напомнил:

— Прикрывайте! А мы с вами хабаром поделимся.

— Прикроем, — пообещал Столяров, присаживаясь на корточки рядом с рюкзаками.

Он с интересом наблюдал за тем, как сталкеры, чем-то похожие на космических исследователей враждебной планеты, медленно спускаются к бурлящему озерцу, как зеленоватый дымок, поднимающийся с его поверхности, сперва жадно тянется к людям, а потом пропускает их, словно пес, признавший своих.

Гарин, сбросив свой рюкзак в общую кучу, присел рядом.

— Перекусим, как считаешь? — спросил Михаил, не сводя глаз со сталкеров, едва различимых за дымкой ядовитых испарений.

Бурчание в животе Олега было красноречивей слов.

— Держи. — Столяров протянул Гарину щедро отломленный кусок хлеба и в четыре движения вскрыл ножом банку тушенки. — Костер разводить некогда, и так умнем за милую душу. Да не смотри ты на меня, как дворняга на краковскую колбасу. Шариковы в роду были? Оставляю я тебе, не бойся.

Минуту спустя Олег получил свои вожаделенные полбанки и, подцепив ножом кусок побольше, отправил его в рот. Глаза сами закатились от наслаждения. Волокнистое мясо с полурастворившимся жирком показалось не евшему почти сутки Олегу настоящим деликатесом.

Поднявшись, он не спеша двинулся в обход аномалии, останавливаясь у каждой опоры гигантского купола и с любопытством ее рассматривая. Капля сосновой смолы блеснула на солнце. Гарин в задумчивости снял ее с коры дерева, скатал в шарик и поднес к носу. Потом вспомнил о яблоке и вороне и быстро вытер липкие пальцы о штанину.

— Ну как, есть чё? — донесся из тумана голос Митрича. — У меня только «крови» немного. А у тебя? Эй!

— Тихо ты, — недовольно откликнулся Бодун. — Разорался! Совсем клева не будет.

— Так есть чё?

— «Мясо» есть, только какое-то лежалое.

— И все?

— Пока все.

— Ч-черт! Опередили нас. Кто-то здесь уже порылся.

— Да заткнись ты уже. Ищи лучше. За черным камнем смотрел?

— Да я везде смотрел!

— Смотри еще! «Крови» должно быть больше, чем «мяса».

Зеленый туман как будто усиливал голоса сталкеров и почти скрывал их фигуры, от чего было непонятно, собираются ли Митрич с Бодуном перекусить прямо посреди ядовитого озера или же расчлениют кого-то.

— Нет, пусто, совсем пусто, — расстроенно сказал Митрич. — Пойду хоть за «колобком» залезу.

— Я с тобой, — вызвался Бодун. — А то загремишь, как в тот раз. Страховку-то не забыл?

Лениво дожевывая последний, особо жилистый кусок мяса, Олег смотрел, как на противоположной стороне газированного озера сталкеры один за другим взбираются по наклонному стволу на вершину соснодуба. На несколько мгновений они скрылись в единственном островке зелени на голой поверхности дерева-мутанта, потом оттуда донеслось полное досады восклицание:

— Нету «колобка»!

— Ну, значит, не каждый раз.

— Да ладно, всегда был, а теперь нет. Говорю тебе, нас кто-то опередил!

Гарин хмыкнул, потом вздохнул, заглянув в пустую банку, и, насадив на нож остатки хлебной горбушки, принялся выскабливать стенки.

— Вот и все, — пробормотал он.

И вздрогнул, когда кто-то повторил печальным голосом:

— От-и-се.

Олег поднял глаза. В пяти шагах от него, в тени обычной, не ставшей частью аномалии сосны, стоял монстр и то ли рассматривал Гарина, то ли давал ему время, чтобы Гарин рассмотрел его. Скорее первое, поскольку, едва взглянув на мутанта, Олег почувствовал, как съеденная тушенка просится наружу.

Монстр, весь какой-то перекошенный, казалось, был сшит из фрагментов различных животных: отдельно четыре ноги, заканчивающиеся острыми наростами, отдельно бочкообразная головогрудь. Из-за покрывающих плоскую морду складок и язв невозможно было понять, чем эта скотина дышит, чем ест и сколько у нее вообще глаз. Ниже колен ноги мутанта покрывал темный хитин, все остальное тело представляло собой один сплошной кусок розовой вонючей...

— Плоти. — Верное слово само сорвалось с языка. — Плоти, — повторил Олег и выматерился.

— От-и-се, — согласилась тварь, скособочив голову так, чтобы видеть человека самым большим и, вероятно, самым зрячим из своих глаз.

В следующее мгновение она оттолкнулась от земли передними лапами, потом задними и оказалась на расстоянии метра от Гарина.

Олег действовал интуитивно. Вместо того чтобы сдернуть с плеча автомат, он с криком «Сдохни, гнида!» запустил в морду твари консервной банкой и выставил перед собой нож. Псевдоплоть шарахнулась было в сторону, напуганная то ли броском, то ли криком, но, осознав, что опасность мнимая, издала громкий визг и снова устремилась на человека. Гарин отступил на шаг и очертил полукруг лезвием ножа. Тварь, присев на задних лапах, ударила наотмашь передней, и Олег, уклонившись от хитиновых зазубрин, получил в плечо заостренным копытом. Гарина развернуло и бросило на землю. В падении он успел докрутиться так, чтобы упасть на руки, правда, при этом выронил нож. Автомат, соскользнув с плеча, ударил рукояткой затворной рамы по запястью. Гарин подхватил его под цевье и перекатился на спину. Он перевел флажок предохранителя в положение АВ и даже дослал патрон в патронник, но на этом везение Олега закончилось.

— Оот-и-сссе! — объявила вставшая на дыбы псевдоплоть и ударом твердой, как стальная труба, конечности зашвырнула автомат в недостижимо далекие заросли репейника.

Где-то рядом раздалась короткая очередь, затем еще одна. Несколько мгновений Гарин с надеждой ждал, что сейчас мутант закачается и упадет, но, увы, не дождался. Вслед за звуком очередного выстрела послышался жалобный скулеж, переходящий в кашель, затем крик «Что за Бобик? Что за гребаный Мухтар?», и Олег понял, что у Столярова хватает своих проблем, а стало быть, ждать помощи неоткуда.

Олег резко подтянул ноги, чтобы хитиновые пилы разъяренного мутанта не отсекали ему ступни вместе с новыми ботинками, и, продолжая движение, перекувыркнулся через голову. Вышло не так ловко, как получалось в школьном спортзале, но главным был результат. Гарин снова стоял на ногах, правда, нож валялся в траве, прямо под брюхом у твари, автомат находился еще дальше, а со стороны овражка, намеченного Олегом для отступления, причудливым галопом неслись еще две псевдоплоти.

Метрах в двадцати по пояс скрытый кустарником Михаил вел бой с невидимым, но явно превосходившим его количественно противником. С уверенностью можно было сказать, что это не псевдоплоти. Они не визжали и не пытались имитировать человеческую речь, а рычали и лаяли. Тени, временами мелькавшие над кустами, были темно-коричневыми, а не розовыми, как свиная тушенка. В любом случае Столярову сейчас было не до него.

— От-и-се? — сочувственно спросила псевдоплоть, надвигаясь на Гарина.

— Чтоб вы сдохли! — с тоской произнес Олег и, оттолкнувшись ногой от края канавы, прыгнул в газировку.

К огромному удивлению Гарина, он не провалился в аномалию ни по колено, ни по пояс, как рисовало его воображение. Зеленая субстанция прогибалась под весом человека, как желатиновый студень, но удерживала его на поверхности. Псевдоплоть, по инерции влетевшая в газировку вслед за Олегом, с первой секунды завизжала так, словно ее режут. В том месте, где лапы мутанта касались воды, зеленоватый дымок стал темно-коричневым. Пока твари удалось выбраться на берег, ее передние копыта стали вдвое короче задних. Каждый раз, наступая на них, животное издавало смесь визга и стога.

В другой ситуации, не исключено, эти звуки вызвали бы у Гарина сострадание, но сейчас его больше занимало то, что сам он с каждой секундой становится как будто ниже ростом. То ли светящаяся зеленая лава все-таки решила его поглотить, то ли это растворялись в кислоте подошвы его ботинок. Посмотрев вокруг слезящимися глазами, Олег сделал несколько осторожных шагов по пружинящей поверхности и взобрался на камень, похожий на крокодилю голову. Стоять на нем было неудобно, зато отвратительное ощущение медленного соскальзывания в бездну прошло.

Все это время Гарин не дышал и в уме отсчитывал секунды: тридцать восемь, тридцать девять, сорок... Он и в детстве в бассейне редко выдерживал больше минуты, а стресс от схватки с псевдоплотью не сделал его выносливей. Проклятая тварь стояла на берегу, как будто ждала Олега. Даже со сточенными передними копытами она оставалась грозным противником.

На сорок седьмой секунде Гарин сдался. Он сделал вдох и ощутил, как ядовитый туман наполняет его легкие, проникает в кровь и добирается до мозга. Голова закружилась, как после двадцати минут катания на карусели, к горлу подступила тошнота, ноги от слабости стали ватными. От-и-се, как любила повторять псевдоплоть.

Олег запрокинул голову и посмотрел в небо, поделенное стволами соснодуба на сегменты, похожие на куски праздничного пирога. Не хватало только свечек. Правый глаз почти не открывался, из левого ручьем текли слезы пополам с гноем. Гарин уже знал, каким будет его последнее слово.

— Небо, — сказал он и зажмурился.

Небо отозвалось голосом Бодуна:

— Лови, студент!

Почти ослепший Олег все-таки умудрился поймать брошенный сверху предмет и прижать его к груди обеими руками. Должно быть, так утопающий хватается за соломинку. Для соломинки предмет был тяжеловат, примерно в полкило. Он имел неопределенную форму и местами был твердым, как дерево или кость, а местами податливым, словно плоть.

— Не к пузу, к лицу прижми! — наставляли сверху.

Олег поднес предмет к лицу и почувствовал резкий неприятный запах. Так могла пахнуть клетка запасливого хомяка или морские водоросли, сутки пролежавшие на солнце. Однако странное дело: стоило Гарину вдохнуть этот запах, как его легкие начали очищаться. Олег приложил предмет к глазам, и поток слез иссяк так же резко, как заканчивается дождь в Зоне. Теперь Олег мог рассмотреть то, что держал в руках. Больше всего это было похоже на кусок собачатины пятого сорта, той самой, что рубят прямо с будками. Вкрапления мяса, какие-то хрящи и тут же — фрагменты явно неорганического происхождения. Выглядела эта мешанина отвратно, но рвотного рефлекса не вызывала. Тошнота вообще прошла. Головокружение и слабость не исчезли, но с этим, как говорится, уже можно было жить. Вопрос, долго ли.

— Хватайся! — сказали ему сверху, и на уровне лица появился конец веревки с привязанным за середину армейским ремнем. Видимо, это и была страховка Митрича. — Обвязывайся!

Олег спрятал целебную собачатину за пазуху, потянул веревку и, привстав на цыпочках, попытался затянуть ремень на талии.

— Не так, дубина! Под мышками крепи!

Под дружное сталкерское кряхтение и матерок Гарин воспарил над зеленой лавой. Вскоре четыре руки ухватили его за шиворот, помогли взгромоздиться на горбатый древесный ствол и подтолкнули в спину.

— Дуй в гнездо.

Переплетение дубовых и сосновых веток на вершине аномалии действительно напоминало птичье гнездо. Здесь можно было присесть, перевести дух и наконец оглядеться.

Рядом с тем местом, где Олег спрыгнул в газировку, паслось уже четыре псевдоплоти, три взрослые особи и недомерок, похожий на попавший под колеса мяч для регби, к которому пришили ножки саранчи. Паслись твари в самом прямом смысле, пощипывая траву и объедая листья с кустарника.

«Какого же черта ты за мной гналось, травоядное?» — раздраженно подумал Гарин.

«Свою» плоть он узнал легко, она переваливалась неуклюже, как цирковой медведь, стараясь поменьше касаться земли передними ногами.

С другой стороны озера Столяров продолжал отстреливаться, и с высоты соснодуба Олегу было хорошо видно, с кем он сражается. Кажется, этот вид мутантов назывался слепыми собаками. Пять или шесть псов уже лежали на земле в позах спящих сфинксов, но около десятка были еще живы. Эти уже не перли напролом, но и не спасались бегством, а, выстроившись полукругом и оскалив пасти, выжидали, когда Михаил на секунду отвлечется, чтобы сделать еще шаг вперед. Огрызаясь короткими очередями, Михаил медленно отступал к аномалии.

— Сейчас бы гранату бросить, — с тоской сказал Митрич, сверху глядя на обступившую человека свору.

— Сюда бы мой АК-47, — вторил товарищу Бодун.

— Так, мужики, я к вам! — объявил Столяров, когда до соснодуба оставалось метров пять. Забросив автомат за спину, он быстро взбежал по изогнутому стволу, почти не помогая себе руками.

Двое псов бросились за ускользящей добычей. Утробно рыча, они попытались взбежать вверх по стволу, но столкнулись боками и грохнулись в газировку. Одна собака довольно быстро выбралась на берег и ускакала куда-то на трех уцелевших лапах, а вторая еще пару минут оглашала окрестности жутким воем, медленно растворяясь в кислоте.

— Хорошо, что с ними не было... — заметил Митрич и добавил еще одно слово. На слух Михаила оно прозвучало как «птица».

— Что за птица? — переспросил он.

— Я сказал пси-пса, — вкрадчиво повторил Митрич. — Собаки с пси-способностями. Такая и сама фантомами изведет, и слепые псы в ее присутствии как-то организованней становятся.

Бодун задумчиво почесал подбородок.

— С моей стороны восемь целей, — объявил он.

— С моей — шесть. Два пса и четыре плоти, — отчитался Митрич и вздохнул. — Как в Ла Рошели. — И, вдруг приободрившись, громко спросил: — А сколько нас?

— Четыре! — в тон ему ответил Бодун.

— А сколько у нас шпаг?

— Хреново у нас со шпагами, — погрустнел сталкер. — Один автомат. Патронов хоть хватит?

— Обижаешь! — Столяров достал из подсумка три рожка, стянутых вместе изоляционной лентой. — И гранат штук шесть. Только... — Он замаялся. — Духи этого соснодуба не обидятся на нас за то, что мы тут так на шумели?

— Что ты! — откликнулся Митрич. — Они только обрадуются. Вон им сколько харчей привалило.

— Есть мнение, что вся эта архианомалия кормится за счет органики, которая попадает в газировку, — пояснил Бодун.

— Ну, ладно, раз так. — Михаил передернул затвор и выстрелил. Один из псов подавился собственным лаем. — Даже неловко как-то. Будто в тире, — проговорил Столяров.

— Ничего, — хлопнул его по плечу Бодун. — Выбьешь десять из десяти — получишь плюшевого медведя.

— А что это там внизу? — подал голос Олег. — Прямо под нами. Случайно не ваш «колобок»?

— Где? — Митрич свесился с ветки и ахнул. — Мать моя женщина!

— Там два «колобка», или у меня в глазах двоится? — спросил Гарин.

— Это не «колобок», — сказал Бодун. — Это лучше.

— Ну, студент! Ну, удружил! Держите меня четверо! — предупредил Митрич и принялся распутывать веревку.

— Нас трое, — напомнил Олег.

— И у меня руки заняты, — добавил Михаил, делая очередной выстрел. Еще одна собака, грудью поймав пулю, резко приземлилась на локти и склонила морду, будто заснула.

— Плевать. Главное, держите. — Митрич взвесил веревку в руке и покачал головой. — Нет, так не дотянуться. Придется башкой нырять.

— Да погоди ты, — сказал Бодун. — Сейчас наш снайпер отстреляется, спустимся не спеша и все соберем.

— Снизу тоже не достать, — возразил Митрич. — Там восходящий поток. Я, главное, его почувствовал, а вверх посмотреть не догадался. А она — видишь как — воспарила.

Затянув двойную петлю вокруг лодыжек, сталкер лег животом на широкий ствол и начал медленно соскальзывать головой вперед. Свободный конец веревки Бодун обмотал вокруг вертикально торчащей ветки и для надежности уперся в нее ногой. Олег тоже взялся за веревку, хоть его помощь и не особенно требовалась.

— Нормалек, — доложил Митрич, повиснув вниз головой, как летучая мышь. — Теперь травы помалу.

— Смотри сам не потравись, — проворчал Бодун. — Маску-то надень!

Когда Митрича спустили метра на три, его голова оказалась на одном уровне с двумя светящимися сферами, одна из которых была вчетверо больше второй. Сферы то ли парили в воздухе, то ли каким-то образом зацепились за голые ветви соснодуба. Сталкер отцепил от пояса цилиндр, похожий на обычный туристический термос, отвинтил крышку и стал ею загонять светящиеся сферы внутрь контейнера. Противогаз Митрича был снабжен переговорным устройством, и время от времени до слуха Гарина доносилось невнятное бормотание: «Давай, давай, родная!», «Ну еще самую чуточку!». Загнав добычу, сталкер закрутил крышку на цилиндре и показал Бодуну большой палец.

Минуту спустя Митрич уже сидел в «гнезде», краснолицый и счастливый, как Дед Мороз, которому впервые в жизни сделали подарок. Он так крепко прижимал к груди цилиндр, будто боялся, что контейнер улетит.

— Что там у вас? — не отрывая взгляда от прицела, поинтересовался Столяров.

Улыбка Митрича стала опасно широка.

— Помнишь, как ты сказал про меня, мол, душу из любого вытащит? Так это она и есть — «душа».

— А-а...

— Что бы ты понимал! — обиделся сталкер. — Хорошую «душу» за пять штук продать можно.

— Хорошую... — Михаил задержал дыхание, выжал спусковой крючок и закончил: — Можно и дороже.

«Душа», — думал Олег. — Восстанавливает здоровье, заживляет раны. Только медленно, в час по чайной ложке. В боевой обстановке куда полезнее обычная аптечка. А «душа» ценится скорее за приятный внешний вид».

Вслед за «душой» всплыло в памяти название второго артефакта, который Гарин до сих пор хранил под курткой. «Ломоть мяса».

— Спасибо за «мясо», — сказал Олег и протянул Бодуну артефакт, немного стесняясь, словно возвращал владельцу носовой платок, в который только что высморкался. Артефакт, изначально неказистый, после использования покрылся какой-то мутной и липкой пленкой.

— Оставь себе, — усмехнулся Бодун. — Только за пазухой не храни.

— А то волосы на груди расти не будут, — добавил Митрич и, против обыкновения, не захихикал. То есть не исключено, что говорил серьезно. — Мы ведь обещали хабаром поделиться.

— Носи в рюкзаке. А если угодишь в газировку или еще в какую химию, перекладывай в подсумок, — посоветовал Бодун. — И прими что-нибудь от радиации. Ладони небось горят?

— Спасибо, — невпопад ответил Гарин. — Я помню, теперь я помню. Горят немного.

— Аптечка в рюкзаке, — напомнил Столяров.

— Да мне бы лучше водочки, — неуверенно сказал Олег.

Бодун хмыкнул и достал из нагрудного кармана небольшую, граммов на сто пятьдесят, плоскую фляжку.

— Ну держи.

Гарин открутил крышку и понюхал горлышко. Впервые в жизни сивушный запах не вызывал у него отвращения.

«Что ж, за перемены», — подумал Олег.

— Ты же ее вроде не любишь? — спросил Михаил.

— Полюбил, — ответил Олег и, сделав три больших глотка, занюхал ломтем «мяса».

— Опять поумнел студент! — одобчительно заметил Митрич. — Кстати, в виде аванса, можно мне еще коньяку?

Глава седьмая

Первого зомби Олег с Михаилом повстречали на подходе к Янову, неподалеку от бывшего цементного завода. Это был белобрысый паренек лет семнадцати. Он сидел на водительском месте в «запорожце» с насквозь прогнившей крышей и ржавыми номерами «а 48 43 KI». При виде людей паренек оживился и попытался открыть дверь, но, видимо, ручка с внутренней стороны в машине отсутствовала, так же как отсутствовали и все четыре колеса. Тогда он высунул голову в боковое окно, в котором не было стекла, и громко зашептал, присвистывая на отдельных согласных:

— Прыгайте на заднее с-шиденье. С-шкоро выброс-ш!

— Так ведь только что был, — осторожно ответил Гарин. — Не каждый же час.

— Прыгайте! — настаивал белобрысый. — Если накрытс-ша плащом, то можно переж-шдать.

С виду это был обычный парень, разве что слегка неадекватный. Опытных сталкеров, способных пролить свет на причину неадекватности, рядом не было. Как и в прошлый раз, вскоре после того, как был допит коньяк, Митрич и Бодун получили срочный приказ и отбыли в неизвестном направлении, тем более что до Янова, по их словам, было рукой подать.

Некоторое время Олег поддерживал бессмысленный разговор, терпеливо объясняя, что нет, выброс не переждать в ржавом кабриолете, и нет, кровососов навряд ли отпугнет запах бензина, и опять-таки нет, им не встречался на пути сталкер Лютый. Беседа прекратилась, когда Столяров, не принимавший в ней участия, шагнул к пареньку и бесцеремонно задрал ему челку, до этого закрывавшую пол-лица.

— Зря стараешься, — обернулся он к Гарину, который только и смог в ответ выдать:

— М-мать!

В выпученных глазах паренька не было ни зрачков, ни радужки. Белков, строго говоря, тоже не было. Сплошные красные прожилки и черные сгустки запекшейся крови.

— Почему он разговаривает? — понизив голос, спросил Олег. — Разве он должен разговаривать? Почему он не стреляет в нас?

— Может, это новенький? — предположил Михаил. — До него еще не дошло, что случилось. Выброс же был. Наверное, дурачок искал укрытие в дырявом тарантасе. Вот его и накрыло. А не стреляет, потому что автомат посеял.

— С-што такое? — спросил зомбированный. — Оч-шем это вы?

— Что с ним делать? — спросил Гарин.

Столяров пожал плечами.

— Оттуда не возвращаются.

— Он же совершенно нормальный. Если бы только не глаза...

— Тогда давай я. — Михаил достал пистолет и приставил дуло к виску паренька, который поднял на него кровавые бельма и просвистел:

— С-што за с-шутки?

— Хотя погоди... — Столяров опустил пистолет и посмотрел на Олега. — Давай лучше ты.

— Что я?! — отшатнулся тот.

— Попробуй его... — Михаил поиграл бровями. — «Венцом».

— Как это?

— Хрен его знает. Просто надень «венец». Может, что-то почувствуешь.

— Ты псих! — Гарин помотал головой.

— Это он — псих. — Столяров дернул за челку, и голова зомби клацнула челюстью. Между окровавленными зубами мелькнул темно-фиолетовый язык, распухший и как будто изжеванный. — А ты — парень с повышенной пси-чувствительностью, иначе черта лысого бы «венец» у тебя активировался. Так что кончай выкобениваться и напяливай корону. Давай, давай, Олежка, — закончил он вполне дружеским тоном, протягивая артефакт.

Олег со вздохом принял «венец», надел на голову и одарил Михаила скептическим взглядом.

— И с-што? — спросил он.

— Что, уже торкнуло? — удивился Столяров, приближаясь к Гарину странной пляшущей походкой. Говорил и двигался Михаил непривычно быстро и как будто рывками. Его лицо стало черно-белым, словно у персонажа дешевых комиксов. Да и весь окружающий мир стремительно терял цвета.

— С-што с-шо мной? — спросил Олег и сглотнул, борясь с подступающей тошнотой, когда губы зомби зашевелились в такт его словам.

Зомбированного звали Витя, и он пришел в Зону за романтикой.

Ему повезло, иногда везет и новичкам, хотя в Зоне это правило срабатывает в тысячу раз реже, чем в казино. Кордон Витя миновал примерно как мультяшный суслик, который ночью возвращался домой от хомяка: он не знал, чего следует бояться, и потому никого не встретил. Через канаву с притаившимся на дне «трамплином» Витя перемахнул, не заметив. Поросль «ржавых волос» отогнал от лица палкой, точно безобидную лесную паутину, а невидимка-кровосос, в которого юный сталкер швырнул ромашкой с оборванными лепестками, только пощелкал горлом, ошавев от человеческой наглости. На Затоне Вите посчастливилось споткнуться о дощатый настил, маскировавший чей-то схрон. В результате паренек разжился аптечкой и новеньким «Абаканом» в дополнение к украденному из отцовского сейфа «Вальтеру». На полпути между Затонем и Яновым его везение оборвалось, хотя самому Вите еще некоторое время казалось, что оно только-только набирает силу.

На чердаке заброшенного дома, где парень решил остановиться на ночлег, ему повстречались три сталкера. Их звали Лютый, Вырвиглаз и Отбойник. Ни один из них не выглядел на свое прозвище. А Вырвиглаза, если честно, Витя вообще поначалу принял за женщину. Зато по тем историям, которыми новые знакомые охотно делились с ним под мамины, еще пахнущие домом котлеты и пущенную по кругу фляжку водки, выходило, что Витя наконец-то попал туда, куда так стремился. В общество Настоящих Сталкеров. Каждый из них не раз хаживал на кровососа с рогатиной. Всем троим доводилось пережидать выброс

в чистом поле. «Только не забудь накрыться плащом!» — авторитетно уточнил Лютый. Отбойник вообще добрался до Саркофага, отыскал там Золотую Сферу и загадал себе то ли большой член, то ли хорошую память. Сейчас уже и не вспомнить, хе-хе. В общем, сталкеры лишний раз подтвердили вывод, до которого Витя дошел своим умом: не так страшна Зона, как ее малюют. Жить здесь было можно, и даже с удовольствием. «Кстати, хочешь — научу, как правильно передергивать затвор?» — подмигивал Вырвиглаз и по десятому разу лез брататься. От его слюнявых поцелуев Витю слегка коробило, но всем остальным он был доволен. Он был сыт, немного пьян, и наконец-то у него была компания. Да еще какая! До появления Вити его новые друзья выглядели мушкетерами в ожидании д'Артаньяна. Но теперь-то все были в сборе, и от радужных перспектив кружилась голова. А еще чуть-чуть подташнивало. «Завтра, — обещал Отбойник. — Завтра мы подгоним тебе Гаусс-пушку. Спроси меня почему?» «Почему?» — послушно лепетал новоявленный д'Артаньян. «А потому, что хороший ты человек, Витяй!»

Проснувшись во второй половине следующего дня, обещанной Гаусс-пушки Витя не обнаружил. Автомата тоже не было. И рюкзака. А значит — «Вальтера», аптечки, продуктов и смены белья. Пропали ботинки и куртка, а вместе с ними носовой платок, томик стихов Высоцкого и КПК. Да, КПК, пожалуй, был самой серьезной потерей. Денег тоже не было. Хотя выронить рулон купюр из зашитого в трусы кармашка — это надо было умудриться. А главное, куда-то подевались Лютый, Вырвиглаз и Отбойник, поэтому про вещи спросить было не у кого. Или хотя бы попросить воды. Потому что тошнило Витю не по-детски.

Весь остаток дня парень ждал своих новых друзей. Потом слез с чердака и, шатаясь, побрел куда глаза глядят. Когда вечернее небо стало светлым от молний, а земля под ногами затряслась, Витя вспомнил об укрытии и через разбитое окно забрался в кабину ржавого «запорожца».

«Жаль, плаща нет», — подумал он...

— Скоро выброс-ш, а у меня нет плаща! — простонал Гарин и часто заморгал, будто только что проснулся. Потом посмотрел на притихшего в кабине «запорожца» белобрысого паренька и поспешно дотронулся до головы. «Венца» не было.

— Я забрал от греха, — пояснил Столяров. — Страшно стало. Это хуже, чем десять слепых псов. Я, веришь ли, чуть не обделался, когда ты... Да-а... — Он действительно выглядел взволнованным. — Ты как вообще? В порядке? Что видел-то, а? Что там было?

— Тоска-а-а, — ответил Олег.

На последнем слоге его стошнило, так что Михаил едва успел увернуться.

— Да-а... — снова протянул он, придерживая Гарина за плечо. — Ты это... Отойди вон туда в тени и подожди немного. Я быстро.

Олег выпрямился, сделал несколько глубоких вдохов и безвольной шаркающей походкой двинулся в ту сторону, куда указал Столяров. В тени забора лежала на боку наполовину врытая в землю бочка. Гарин сел на нее и стал смотреть, как метрах в сорока на запад у железнодорожной развилки два могучих мутанта выясняют отношения. Зрелище не вызывало у него ни страха, ни любопытства. Казалось, все его эмоции выплеснулись в придорожную пыль вместе с остатками завтрака. Олег даже не заметил, когда подошел Михаил.

— О, да у нас тут турнир по паркуру! — сказал он. — И кто выигрывает?

— Что с Витей? — бесцветным голосом спросил Гарин.

— С Витей? Это еще кто?

— Парень в «запорожце». Я не слышал выстрела. С ним все в порядке?

— Ага. Не волнуйся. В порядке. Забудь. — Столяров не сводил глаз с мутантов, один из которых как раз взобрался на крышу отдельно стоящего вагона. — Что это за страх господень? Бройлерная псевдоплоть?

— Псевдогигант.

— Что гигант — я вижу, а почему псевдо? Смотри, смотри, он сейчас прыгнет! А-а-а... Мимо! Ловкая bestия! А это что за тварь?

— Химера.

— А что это у нее слева от головы?

— Вторая голова.

— О-о! Умно придумано. Увернется или нет? Ты смотри! Вот ведь... А чего этот гигант по земле кулаками стучит? Злится?

— Создает ударную волну.

— Ты же говорил, они после выброса пришибленные ходят. А этот сам кого хочешь пришибет. Смотри, он опять на крыше!

— Пришибленные — пару часов после выброса, — терпеливо повторил Олег. — Потом, наоборот, у мутантов начинается повышенная активность.

— Пойдем отсюда, а? — внезапно предложил Михаил. — Очень интересно, чем тут все закончится, но не хочется потом разбираться с победителем. Ты как, оклемался?

— Более-менее, — ответил Гарин и поднялся с бочки.

Они углубились в заросшее высоким бурьяном поле, обходя место сражения по дуге, потом снова вышли на дорогу. Через некоторое время позади раздался жуткий вопль. В представлении Олега, так кричать живое существо могло лишь один раз в жизни, ближе к ее концу.

— Допрыгалась кошка, — прокомментировал Столяров. — Жаль. Красивая была, зараза. Как пуля. А еще говорят: одна голова — хорошо, а две — лучше...

У полустанка свернули налево.

— Куда теперь? — спросил Гарин, когда по правую руку потянулись однотипные складские помещения.

— Прямо. Все время прямо, — откликнулся Михаил. — До упора и еще немного. Наш пост не предназначен для посторонних глаз.

У переделанного в бытовку товарного вагона Столяров заметил трех мужчин в комбинезонах защитного цвета. Один из них, стоя на коленях, шуровал стволом автомата под пристроенным к вагончику крыльцом, второй подсвечивал ему фонариком, а третий помогал советами.

— Ты только не пальни случайно, — говорил он. — А то сдохнет там от страха, весь дом потом провоняет. Шугани чуток, и все.

При виде незнакомцев советчик замолчал и погладил ремень автомата. Стоявший на коленях сталкер тоже привстал и будто бы невзначай перехватил оружие под цевье.

— Привет, мужики, — поздоровался Михаил, демонстрируя пустые руки. — Не подскажите, где тут выпить можно?

На сталкеров такой вопрос подействовал успокаивающе.

— Выпить — везде, — усмехнулся тот, что держал фонарик. — А купить можно на станции. — Он указал большим пальцем себе за спину.

— Понял, спасибо, — ответил Столяров и, подхватив спутника под локоть, двинулся в прежнем направлении.

— Зачем тебе выпить? — негромко спросил Олег.

— Ну а что у них надо было спросить? — возразил Михаил. — Как пройти в библиотеку?

— А чего они там искали, под крыльцом?

— Без понятия. Зверушку какую-нибудь мелкую. Вряд ли зомби.

Гарин поморщился.

— Не произноси при мне это слово.

— Что, никак не отпустит? — Столяров заглянул Олегу в глаза и сочувственно вздохнул. — Да-а... С другой стороны, смотри: если повезет, и «вертушку» за нами пришлют еще до вечера, то ты уже завтра будешь с улыбкой вспоминать этот эпизод, лежа на мягком диванчике с бутылочкой пива.

— В ванне.

— Что?

— К черту диванчик. Лежа в горячей ванне, — сказал Гарин и слабо улыбнулся.

— И то верно. К черту диванчик! — рассмеялся Михаил и похлопал товарища по плечу. — Так, КПП мы прошли, слева завод, значит, нам направо. Потом опять свернуть... Все, студент. Еще минут десять, и считай, что пришли.

Олег кивнул и зашагал бодрее.

Дорога вильнула еще пару раз и вывела к вертолетной площадке, которая представляла собой участок поля, окруженный с трех сторон стеной из бетонных плит. Гарин подумал, что сверху стена должна быть похожа на перевернутый знак вопроса. От стены расходился забор, увитый поверху колючей проволокой. Посреди площадки торчал черный от сажи скелет вертолета.

— Надеюсь, нас не на нем собирались эвакуировать? — пошутил Олег.

— Уж можешь мне поверить, — ответил Столяров.

Он прошел мимо обгорелых останков, бегло осмотрел стену и начал взбираться по ней, используя вместо ступенек торчавшие из бетона арматурные петли. Гарин остановился рядом, примеряясь к нижней ступеньке, когда Михаил, уже оседлавший стену, обернулся и сказал:

— А ты это... Можешь пока тут подождать.

— Да? Ну ладно, — пожал плечами Олег.

— Я быстро, — подмигнул Столяров и, отряхнув с рукавов пыль, спрыгнул по ту сторону стены.

Гарин не спеша обошел по периметру бетонный вопросительный знак и остановился у забора. Михаила уже не было видно. Местность за забором заволокло густым туманом, что было немного странно, ведь по эту сторону тумана почти не было. Наружу из белой дымки торчала только кирпичная труба какой-то котельной, а может, водонапорная башня. Казалось, сама природа подтверждала, что исследовательский пост «не предназначен для посторонних глаз».

Олег не обижался на Столярова за скрытность. Секретность, уровни допуска и все такое прочее — это он понимал. По большому счету теперь это не имело значения. Так или иначе, уже сегодня, в крайнем случае завтра Олег окажется дома, и там уж он постарается держаться как можно дальше от дурно пахнущих институтских секретов. Хватит! Он простой программист, который не обязан видеть дальше своего монитора и брать в руки что-либо тяжелее «мышки». И не важно, какая у него при этом пси-чувствительность, каппа-восприимчивость или лямбда-фактор. Клал он на всю эту греческую галиматью обе свои икс- и игрек-хромосомы.

Мечты о горячей ванне будоражили воображение Гарина сильнее, чем мысли о еде, алкоголе и романтическом свидании. Хотя кто мешал их объединить? В последнем, отредактированном варианте его фантазии в огромной ванне, полной горячей воды и мыльной пены, нашлось место и для него самого, и для знакомой лаборантки Танечки, и для похожего на спасательный круг плавающего подноса с огромной курицей-гриль. А пузатые бутылки охлажденного шампанского стояли в ведерках со льдом по обе стороны от ванны, так что только руку протяни — и брызнет пена...

В этих сладких грезах прошло полчаса. А может быть, час. Гарин не следил за временем. Олег вернулся в реальность, только когда с бетонной плиты, в тени которой он присел на корточках, посыпалась крошка, а секундой позже рядом оказался Столяров. Гарину хватило одного взгляда, чтобы понять, что горячая ванна сегодня ему не светит. И завтра скорее всего тоже.

— Что случилось? — спросил Гарин.

Михаил не ответил. Он зачерпнул ладонью несколько сухих стебельков, разорвал их в мелкие клочки и швырнул себе под ноги. Потом отряхнул руки и зашагал прочь от вертолетной площадки, забора с колючей проволокой и скрытого в тумане исследовательского поста. Выражение «мрачнее тучи» в данный момент настолько подходило Столярову, словно было придумано специально для него.

— Ты куда? — крикнул Олег.

Михаил что-то буркнул в ответ, но порыв ветра заглушил его слова.

— Погоди! — Гарин догнал товарища и некоторое время шел рядом, пытаясь подстроиться под его шаг. Потом произнес нарочито спокойно: — Миш, не думал, что когда-нибудь скажу это тебе, но все-таки давай без истерик?

Столяров шагал, глядя прямо перед собой, но едва ли замечая что-либо, кроме собственных невеселых мыслей.

— Что ты сказал? — спросил Олег. — Я не расслышал. «Мне надо выпить» или «Мне надо в Припять»?

— Да, — сквозь зубы процедил Михаил.

— Что «да»?

— «Да» на оба твоих вопроса, — ответил он. — Да, мне надо выпить. И да, мне надо в Припять. То есть, получается, нам.

— В каком смысле? — от удивления Олег остановился.

— Нас подставили, Олежка, — немного смягчившись, сказал Столяров. — Нас крупно подставили.

Глава восьмая

— «Черный Сталкер», и больше ничего? — раздраженно спросил Михаил. — Ладно, давай. Хоть «Зеленый тушкан», только поживее. А холодного нету, что ли? — Бармен в ответ пожал плечами. — Хорошо, давай. И два стакана.

Расплатившись, Столяров вернулся за столик, сколоченный из пустой бочки и крышки от ящика из-под патронов. Он откупорил бутылку и разлил водку по стаканам. Свой он опрокинул залпом, не чокаясь, и скривился так, что Олег нерешительно замер со стаканом в руке.

— Др-рянь водка! — объявил Михаил и добавил, не меняя тона: — Эвакуации не будет.

Гарин все-таки глотнул из стакана, шумно выдохнул и лишь потом спросил:

— В каком смысле?

— В прямом. В Институте считают, что задание не выполнено до конца.

— Но мы добыли им «венец»!

— Именно. И они настаивают на продолжении полевых испытаний. Они хотят, чтобы конкретно ты, Олег, надевал «венец» по десять раз на дню и через него общался с зомби, слепыми собаками и прочей псевдошущерой, а если повезет, то и с духом Сталина. А я буду ходить следом, как твой персональный летописец, и строчить в блокнотике: «День третий. Попытка контакта со снарком. Объект сблевал два раза».

— Если это так необходимо, я могу заниматься этим на территории Института.

— Там нет зомби. Тетя Клава из бухгалтерии не в счет. И потом, поведение «венца» на Большой Земле и поведение «венца» в Зоне, где его подпитывает аномальная энергия, — это две большие разницы.

— А вообще с какой стати... — Олег почувствовал, что начинает закипать, и сделал еще глоток, чтобы не взорваться раньше времени. — Какое право они имеют указывать мне, что делать? Я кто? Программист. Ну ладно, согласился один раз подменить заболевшего курьера, забрать из Зоны артефакт. Задание оказалось фальшивым, как, подозреваю, и болезнь курьера. Но я-то свою часть отработал честно. Все! Ни на что другое я не подписывался.

— А вот тут ты ошибаешься, — невесело усмехнулся Столяров и разлил по второй. — Подписывался, и еще как. Ты контракт, который тебе дали перед отправлением, вообще читал?

— Какая разница?

— Ты читал контракт? — спокойно повторил Михаил, а когда его собеседник опустил глаза, взялся за стакан. — Тогда за доверчивость.

Гарин тост не поддержал.

— А как они до меня обходились с «венцом»? — спросил он негромко, глядя на черную маркировку столешницы «7,62 Л ГЖ, 600 шт. в обоймах». — На ком его испытывали?

— А теперь, — сказал Столяров, — мы переходим ко второй части нашего задания. Но сначала все-таки выпьем. Может, консервы достать?

— Пока не хочется.

— Ну, давай!

Они чокнулись, Олег пригубил теплой водки, а Михаил выпил до дна и продолжил:

— До недавнего времени всеми исследованиями на натуре, в том числе работой с «венцом», занимался филиал Института, который находится...

— В Припяти, — предположил Гарин, и Столяров, снова взявшийся за бутылочное горлышко, отсалютовал ему мизинцем.

— Точно! Официальное название филиала на слух постороннего звучит так же невнятно, как и название Института. Лаборатория Автономных Систем — может, слышал?

Олег неуверенно пожал плечом.

— Черт-те что, — кивнул Михаил. — Лаборатория лабрадорских лоботрясов. Филиал работал в тесном контакте с Институтom и в общем-то под его руководством.

— Давай ближе к делу, — попросил Гарин. — Ты уже дважды сказал о филиале в прошедшем времени. Занимался, работал... Теперь, получается, не работает?

— Опять в точку! Примерно месяц назад филиал перестал выходить на связь. То ли Лаборатория стала чересчур автономной, то ли с ней случилась какая-то неприятность. И судя по тому, что один из «венцов» оказался в руках у бандитов, а второй...

— Что второй?

— А? — Столяров тряхнул головой. — Извини, я, кажется, заговариваться начинаю. Давно не пил. Давай, может, хотя бы колбаски? — Он наклонился за рюкзаком и задел плечом стол, едва не опрокинув стаканы.

— И выяснить, что случилось с Лабораторией, тоже поручено нам? — не столько спросил, сколько констатировал Олег.

Михаил пьяно улыбнулся и развел руками:

— Других агентов у Института в Зоне нет.

Гарин хмыкнул, чтобы не показать, как ему польстило слово «агент», и снисходительно уточнил:

— Ты хотя бы в курсе, где находится эта Лаборатория?

— Естесно, — фыркнул Столяров, а когда Гарин отлучился ненадолго в комнатушку слева от бара, пробормотал себе под нос куда более трезвым голосом: — Если, конечно, она до сих пор на том же месте...

Он тяжело вздохнул и подпер щеку кулаком. Трудно было жить в постоянном напряжении, когда никакая доза алкоголя не помогала расслабиться, а элементарную утечку информации приходилось симулировать. Очень трудно.

Бармен был правильным, настоящим. Можно сказать, родным. Пусть не в белой рубашке и бабочке, а в помятом тельнике с расстегнутой наплечной кобурой. Пусть вместо того чтобы постоянно полировать стойку и до хрустального блеска натирать стаканы, он монотонно возил ершиком в стволе своего кольта... С другой стороны, что тут полировать? Обрезок ДСП с вырезанной ножом непонятной надписью «GSC-2012»? А стаканы... После той отравы, которую наливали в баре Янова, их можно было даже не споласкивать. Зато он слушал излияния Олега уже битых полчаса и ни разу не попросил его заткнуться. Даже не перебил.

— А я ему тут, значит... — Гарин приближался к кульминационной, как ему казалось, части рассказа. — Я ему говорю: «Глаза-то разуй! Вон он, твой «колобок»... В смысле, «душа»!» А он такой: «Ой! А я и не вижу!» А я ему: «Лапоть! Она же легкая! Вот на этой минералке-то... На газировке-то и поднялась» Там же... — Он обеими руками изобразил восходящий воздушный поток. — А он мне: «Олежка, ты сталкер от Бога!» Так и сказал. Вот... А потом... Потом...

Олег замолчал, когда на соседнюю бочку присел сталкер со смутно знакомым лицом и на пальцах что-то показал бармену. Тот кивнул и выставил на стойку три бутылки пива «Оболонь», а рядом бросил батон хлеба и полпалки колбасы.

— Зря распинаешься, парень, — сказал сталкер, сгребая продукты в охапку.

— Это почему? — спросил Гарин.

— Моня глухой. Рядом с ним псевдогигант в ладоши хлопнул, и он с тех пор ни черта не слышит.

Олег посмотрел вслед сталкеру, затем поднял глаза на бармена, который изобразил бровями — дескать, продолжай, мне и вправду интересно.

«Ну вот, — подумал Гарин. — Только решился рассказать кому-то историю своей жизни. Да еще так складно...»

— А может, и к лучшему, — вздохнул он, и Моня с ним молча согласился.

Олег поискал глазами Столярова. Тот сидел за столиком, куда сталкер только что отнес пиво и закуску, и, кажется, учил кого-то, как правильно отбирать у противника нож.

— Молодец, — услышал Гарин, приближаясь к столу. — Пальчики хорошо спрятал. А мизинчик? Мизинчик-то забыл! А мизинчику бо-ольно. Мизинчику не нра-вится, когда его вот так выкру-учивают.

Один из сталкеров охнул, и нож упал на столешницу. Теперь Олег узнал соседей Михаила. Это была та самая троица, которую они встретили сегодня по пути к исследовательскому посту. Когда же это было. Господи? Две? Нет, три бутылки «Черного Сталкера» назад.

Гарин положил Столярову руку на плечо и сказал:

— Пойдем.

— Пойдем, — радостно откликнулся Михаил. — А куда?

— Проводить полевые испытания. На зомби.

— А может, лучше два пальца в рот?

— Нет. Чем скорее проведем, тем... — Олег не смог закончить фразу и просто повторил: — Пойдем.

— Ну, пошли, — легко согласился Столяров и, наклонившись к сталкеру с заметно распухшим мизинцем, доверительно спросил: — Эй, уважаемый! Где тут у вас можно найти... Да нет, каких девчонок! Зомби. Где тут у вас можно найти зомби?

Полчаса на свежем воздухе подействовали на Олега отрезвляюще. К вечеру заметно похолодало, вдобавок с неба опять посыпалась мелкая морось. Не настолько раздражающая, чтобы искать укрытие, но в самый раз, чтобы поднять воротник и задуматься о возвращении в теплый бар. «Какой черт меня тянул за язык? — не в первый раз подумал Гарин. — Какие еще полевые испытания?»

— А говорили, в этом районе полно зомби, — пожаловался Михаил. — А еще говорили, что а-а, а-а, а-а-а-а...

Столяров чихнул и только благодаря этому остался жив. Пуля прошла на пару сантиметров выше от его склоненной головы. По крайней мере так показалось Олегу. В следующее мгновение Гарин не то чтобы упал... Ему даже упасть не дали. Его пригнули к земле, крутанули волчком и подтолкнули, не исключено, что коленом.

— За угол! — в самое ухо рявкнул Михаил.

Семь метров до стены одноэтажного домика Олег преодолел на четвереньках. Второго выстрела он не услышал, зато увидел, как пуля выбила искры, чиркнув по бетону в метре от его лица. Гарин закатился за угол дома и распластался на мокрой земле, не решаясь поднять голову. Рядом бесшумно опустился Столяров. Следующие четыре выстрела раздались с интервалом в секунду, как сигналы точного времени.

— Лупит и лупит в тот же угол, — определил Михаил. — Точно зомби. Откуда они только патроны берут?

— Он один? — спросил Олег, поднимаясь с земли.

— Сейчас гранату кинем и пересчитаем. Автомат точно один.

— Погоди тогда. Дай сначала я. Не зря ж мы за ним по буеракам шарились.

Бравада Гарина выглядела как попытка взять реванш за неуклюжесть, и Михаил наверняка это заметил.

— Да что ты тут сделаешь? — спросил он. — Он же не в «запорожце» сидит, а ходит и стреляет. Ботинки ему заблюешь?

— Надо будет — заблюю, — огрызнулся Олег. После язвительного замечания Столярова остановить его было уже невозможно. — Дай «венец»!

Михаил вздохнул и стал расстегивать рюкзак.

— И это... — добавил Гарин. — Прикрой меня, если что.

— Прикрою. А если опять зашипишь, как зомби, — вырублю к чертям.

По сигналу Олега Столяров подобрался максимально близко к границе простреливаемой зоны, достал пистолет и отправил пулю в небо. После этого затихший было обстрел домика возобновился с прежней периодичностью: выстрел, секундная пауза, выстрел. Гарин кивнул напарнику и начал обходить домик с другой стороны.

Осторожно высунувшись из-за угла, Олег увидел стрелка со вскинутым к плечу автоматом. После каждого выстрела его голова откидывалась влево, словно тряпичная, а ноги совершали сложные нескоординированные движения, чтобы сохранить равновесие. Олег не сомневался ни секунды: перед ним зомби. Сидя на корточках, Гарин прислонился к стене здания, надел «венец» и подумал, непонятно к кому обращаясь: «Ну, выручай». Едва черное кольцо коснулось его головы, Гарин почувствовал, как остатки опьянения испаряются из организма.

Он снова выглянул из-за угла. Еще не представляя, что собирается делать, Олег интуитивно понимал, что без визуального контакта с зомби у него вряд ли что-то получится. «Только бы не как в прошлый раз», — подумал он. Гарину не хотелось снова почувствовать себя канализационным стоком, куда выплескиваются чужие эмоции, страхи и глупость. И его молитвы были услышаны.

Все случилось так же быстро, как и в случае с Витей: можно сказать, с первого взгляда, правда, на сей раз Олег не только нащупал канал связи, но и отправил информацию. Исполнил роль не приемника, а передатчика. Мир не стал монохромным и дерганным, а Гарин не начал присвистывать на шипящих, просто в палитру его ощущений добавилось несколько новых элементов. Боль в простреленном предплечье, раздражение от того, что ни одну мысль не можешь додумать до конца, тяжесть автомата, пустота в том месте, где раньше было имя, и жгучее желание отомстить. «Кому?» — без слов спросил Олег и немедленно получил ответ. «Тем, кто сделал меня таким». «А кто это был?» — «Не помню. Отомстить всем. Двое прячутся за домом. Они...»

«Не важно, — подумал Гарин. — Их уже нет. Ты отомстил. — Он сосредоточился на боли и тяжести. — Рука дрожит. Ей больно. Автомат тяжелый. Опусть его. Ты отомстил. Ты стал прежним».

«Неправда. У прежнего меня было имя».

«Опусти автомат, и получишь имя».

«Хорошо...»

Автомат упал на землю. Зомби замер на месте, слегка покачиваясь, будто от ветра.

— Твоя работа? — раздался над ухом шепот Столярова.

— Типа того, — пробормотал Олег.

— Как ты это сделал, а? Вот как, объясни!

Гарин надолго задумался, потом помотал головой.

— Не хватает слов. Вот ты бы смог объяснить, как ходишь? Или как дышишь?

Услышав это, Михаил вздрогнул и резко сменил тему.

— Так я добыю его? — Он махнул пистолетом в сторону зомби.

— Лучше я, — сказал Олег. — Я начал, мне и заканчивать. Разрешить...

Он взял протянутый пистолет, подошел к зомби и приставил ему ствол к подбородку.

— Тебя зовут Алексей, — вполголоса сказал он и выстрелил.

Только сначала зажмурился. Потому что счастливая улыбка на полусгнившем лице — это уже чересчур. Однако закрыться ментально Гарин не успел, поэтому уловил еле слышное, словно прилетевшее с того света «Спасибо».

— Ну что, вернемся в тепло? — спросил Столяров. — Или продолжим испытания? С той стороны во дворе что-то типа открытого погреба, я слышал там какое-то копошение. Может, конечно, пара тушканов свалилась...

— Пойдем проверим, — предложил Олег. — Чтобы два раза не бегать.

По правде сказать, ему попросту не хотелось расставаться с тяжелым тускло поблескивающим предметом, в котором Олег Гарин чувствовал себя чем-то большим, чем Олег Гарин.

То, что Михаил назвал открытым погребом, больше напоминало подвал снесенного здания: это была прямоугольная яма в земле, наполовину засыпанная строительным мусором. Кое-где свисали на гнутой арматуре куски плит.

— И где твоё копошение? — шепотом спросил Олег.

— С той стороны, за кучей щебня.

— Посвети мне. Не видно ни черта.

— Сейчас... — Столяров приладил фонарик на ствол автомата и поводил лучом из стороны в сторону. — Кажется... Вон он! Ты видел? Пробежал... Что за жирный хрен в плаще? Безногий, что ли?

— Он не безногий, он маленький. Это бюрер, — спокойно сказал Гарин. — Попробуй поймать его еще раз. Мне нужно видеть...

— Попробую. Ты только побыстрее с ним. Я карликов с детства недолюбиваю. Сейчас я его, как таракана...

Свет фонарика погас, а когда чуткое ухо Михаила уловило едва различимый шорох, зажегся вновь, безошибочно выхватив на фоне бетонной стены кряжистую фигуру в черном плаще-балахоне. Оказавшись в круге яркого света, карлик заметался, выбирая между кучей щебня и большим деревянным ящиком, а когда понял, что оба укрытия одинаково недостижимы, медленно повернулся лицом к противнику. Из-под надвинутого на лицо капюшона показался непропорционально большой нос и сморщенные губы.

«Ну же! — подумал Олег, обращаясь то ли к самому себе, то ли к «венцу». — Что же ты!»

Тишина. Ни проблеска, ни звука. Вакуум.

Сморщенные губы сложились в кривую усмешку. Бюрер развел в стороны руки, спрятанные в широких, достававших до пола рукавах. Деревянный ящик, лежавший в трех метрах от него, медленно поднялся и повис в воздухе, покачиваясь, как поплавков на водной ряби.

— Он безмозглый! — осенило Гарина. — Бюрер-телекинетик, панактивность нулевая. Я ничего не смогу. Стреляй, Миша! Стреляй же!

— Да я пытаюсь, — прорывал Столяров, сражаясь с затвором автомата. — Что-то заклинило.

— Тогда падай! — скомандовал Олег и сам рухнул на землю.

Михаил выполнил команду, и прогнивший ящик, пущенный со скоростью пушечного ядра, промчался у них над головами и с громким треском разлетелся на щепки, ударившись о ствол сосны.

— Твою мать! — выругался Столяров. — Вот же сейчас все работает!

Он дослал патрон в патронник, приподнялся на локте... и снова упал, спасаясь от очереди летящих в лицо мелких камешков.

— Эта тварь когда-нибудь выдыхается? — спросил Михаил, повернувшись к Олегу.

— Очень на это надеюсь, — искренне ответил тот.

Переждав еще три щебневых атаки, Столяров перекатился в сторону и там, под прикрытием куста смородины, снова попытался подняться. Ему удалось встать на одно колено и сделать выстрел, но даже Гарину было видно, что пуля прошла мимо цели. Настолько мимо, что для стрелка такого уровня это было непростительно.

— Он дернул меня! Реально! За ствол! — возмутился Михаил. — Вот же урод... Эй, куда!

Автомат, выбитый у него из рук гравитационным импульсом, улетел по следам деревянного ящика и запутался в кроне сосны.

— Вот скотина! — прошипел Столяров и вытащил нож. Он выждал пару мгновений, проверяя, не отнимет ли бюрер оружие и не вывернет ли его вместе с рукой. Но, видимо, нож в представлении коротышки не являлся серьезной угрозой. А может, был слишком мелкой целью для приложения телекинетических сил. — Ну, погоди, карлик! Куда ж ты побежал-то, а? Какой прыткий! Олег, жди здесь, — бросил он и не спеша двинулся за улепетывающим со всех ног бюрером.

Гарин не ответил. Он и вопроса-то не услышал. За несколько секунд до бегства бюрер устроил прощальный залп, подняв и бросив в людей все предметы, которые еще оставались в подвале. Олега ударило по голове пустой алюминиевой канистрой. Впрочем, ему самому показалось, что это была как минимум чугунная наковальня.

Глава девятая

Первым, что почувствовал Гарин, когда сознание начало постепенно, мелкими порциями возвращаться к нему, было прикосновение чужих пальцев. Они сноровисто расстегнули пуговицы на куртке, видимо, чтобы облегчить доступ кислорода в легкие, пробежались по запястьям, вероятно, проверяя пульс, и зачем-то потянули пряжку брючного ремня, что, по мнению Олега, было уже лишним.

Он открыл глаза и увидел прямо над собой Луну. Она была непривычно близкой, а вместо очертаний песчаных морей ее поверхность украшали пухлые и чуть вывернутые, как у псевдоплоти, губы, маленький нос и два ярко блестящих глаза.

— Тихо, тихо, тихо... — ласково прошептала Луна. — Зачем проснулся, маленький? Поспи еще.

«И то верно», — подумал Олег и закрыл глаза. Равнодушно, словно продолжение сна, воспринимал он то, как чужие руки шарят по его телу, один за другим выворачивая карманы. Только когда с головы начали стаскивать «венец», Гарин слабо пошевелился и попросил:

— Оставь! Мое...

— Тс-с-с! — сказали ему. — Тихо, сладкий мой. Не надо говорить. Болит головка-то? Ничего. Сейчас мы снимем противную штуковину, и головка пройдет.

Сопротивляться ласковому голосу не было никакой возможности. Тем более что без «венца» голова действительно болела не так сильно.

— Вот так, вот и умничка. Зачем такому красивому мальчику такая некрасивая штука? Незачем она ему. Штуковину возьмет дядя, а ты спи, родной, отдыхай.

Дядя?! Там, где не помог даже инстинкт самосохранения, на выручку пришло обычное удивление. Какой еще дядя! Олег был уверен, что Луна разговаривает с ним женским голосом. Чтобы убедиться в этом, он открыл глаза. И увидел гладкий череп, пухлые щеки и крошечный подбородок. В левом ухе у Луны поблескивало крупное стальное кольцо.

Мужчина? Черт его знает! Всякое бывает...

В одной руке человек-луна держал фонарик, в другой целую грудку предметов: пистолет, «венец» и разную мелочь, прежде хранившуюся у Гарина в карманах. Краем глаза Олег уловил мелькание других фонариков в том месте, где предположительно остались лежать их с Михаилом рюкзаки.

— Эй, вы что это? Вы кто вообще? — хрипло спросил Олег.

Вывернутые губы сложились в невеселую улыбку.

— Ну вот зачем это? Лежал бы себе и лежал.

От раздражения в голосе человека-луны проступили мужские интонации.

— Верни мне... — Гарин не хотел говорить «венец», чтобы не подхлестнуть интерес грабителя. — Верни мне мои вещи. Верни вещи и уходи. Я никому о вас не скажу.

Улыбка мародера стала шире.

— Не скажет он! — уже не скрываясь, во весь голос повторил лысый. — Ты слышал, Отбойник? Он не скажет!

За спиной у Олега раздался смех. Смеялись как минимум двое.

— Теперь-то уж точно не скажет, — поддакнул кто-то.

«Отбойник? — пытался думать Олег. — Где я слышал эту кличку? Недавно. Вроде даже сегодня...»

После контузии он соображал раз в пять медленнее, а двигался — так и во все десять. Когда мародер достал из-за голенища нож-бабочку и открыл его эффектным веером, Гарин успел только отползти на пару метров и выставить перед собой ладонь.

— Нет! — крикнул он.

— Да, моя радость, да! — ответил бандит, снова переходя на ласковый шепот.

Олег пропятился еще метр, отталкиваясь ладонями и подошвами, словно исполняя гопака, и попытался встать. В том месте, где его правая рука коснулась земли, пальцы нащупали гладкую поверхность автоматного приклада. Прикосновение к оружию придало Гарину сил, и он поднялся с земли. Однако и мародера автомат в руках противника подтолкнул к активным действиям. В два прыжка тот оказался рядом с Олегом и, больше не рисуясь, нанес прямой удар.левой рукой Гарин перехватил его запястье. Острие ножа замерло в сантиметре от лица Олега. Большим пальцем правой руки он снял автомат с предохранителя, затем упер ствол в живот врага, нажал спусковой крючок... и не услышал даже сухого щелчка.

«Я идиот, — подумал Гарин. — И умру как идиот!»

— Забыл передернуть затвор, сладкий? — елеиным голосом поинтересовался мародер. — Ничего, я тебя научу.

В фильмах подобные сцены могут длиться минутами. В реальности Олег понимал, что не продержится и двадцати секунд. Запястье бандита было тонким, как у девушки, но рука крепко давила на нож, в то время как Гарин чувствовал себя более слабым, чем когда-либо. Лезвие уверенно, миллиметр за миллиметром, приближалось к его лицу. Сначала острие было нацелено на глаз Олега, затем сместилось к щеке. Бандит как будто играл с ним, не сомневаясь в своей победе. Двадцать секунд? Нет, пожалуй, это был чересчур оптимистичный прогноз.

«Оглушить прикладом? Или бросить к чертям автомат и поиграть в «пальчику бо-ольно?». А может, засветить стволом в глаз?» — лихорадочно размышлял Гарин, отчетливо понимая, что тратит на эту агонию мыслей последние силы, последние драгоценные секунды.

— Ну ты скоро? — спросил кто-то сзади. — Чего копаешься?

— Сейчас, Лютый, уже почти, — ответил лысый, выворачивая губы в улыбке.

«Лютый», — повторил Олег и почувствовал, как сознание захлестывает волна спокойствия и уверенности.

— Вырви глаз? — спросил он.

— Чего? — Нож в руке у бандита дрогнул.

— Вырви Шоколадный Глаз? — с улыбкой уточнил Гарин.

— А то, может, помочь? — озабоченно предложили за спиной.

«Совсем рядом, — фиксировал Олег. — Меньше метра. И наверняка в бронеике, как и эта лысая баба».

— Помоги! — ответил Гарин на вопрос, заданный Лютым Вырвиглазу. — Держись крепче!

Не выпуская из левой руки запястья мародера, Гарин размахнулся правой и изо всех сил ткнул автоматом себе за спину. Торец приклада угодил в защищенное бронежилетом солнечное сплетение второго бандита. Удар был такой силы, что затворная рама по инерции откатилась до упора назад и вернулась со звонким щелчком, отправив патрон в патронник.

— Это тебе за Витю, пидор, — сказал Олег и послал короткую очередь прямо в распахнутый от удивления рот Вырвиглаза. Тот еще стоял, несмотря на снесенный бритый

череп, когда Гарин, вырвав нож из мертвых пальцев, крутанулся на месте и располосовал горло Лютому чуть повыше кевларового воротника. Третий член банды, Отбойник, присоединился к остальным раньше, чем успел схватиться за одноименный дробовик. Последней его мыслью было: «Что-то в глаз попало...» Это «что-то» имело калибр пять целых и сорок пять сотых миллиметра.

Проходя мимо Вырвиглаза, Олег пнул его ботинком и склонился над россыпью своих вещей. На первый взгляд все было на месте. Он бережно поднял с земли «венец». Артефакт выглядел неповрежденным, ни пятнышка грязи не пристало к его поверхности.

— Красиво. — Возникший из ниоткуда Столяров как будто подслушал мысли напарника.

— Что? — вскинул голову Гарин.

— Красиво ты эту троицу расписал, — пояснил Михаил. — Как в кино. Джеки Чаны в роду были?

— А ты помочь не мог?

— Да когда? Я только конец застал. Меня этот карлик по всем местным помойкам прогнал. И, кстати, мой автомат до сих пор на ветке болтается.

Столяров с тоской посмотрел вверх и, потеряв ладони, полез на сосну.

— Ох и скользкая, зараза!

— К черту испытания, — решительно заявил Олег. — К черту Лабораторию. К черту Институт. С меня хватит. Сегодня же... Ладно, завтра с утра мы идем на пост и говорим им... Хотя нет, лучше я сам скажу. Да уж, я скажу!

Раздался негромкий треск, и сверху к ногам Гарина упал автомат. Следом спрыгнул Михаил.

— Хорошо, — спокойно ответил он. — Хорошо. Вот завтра и скажешь. Мне этот бардак, если хочешь знать, тоже осточертел. А сейчас — по сто граммов «Черного Сталкера», и спать. Надеюсь, твой глухой друг выделит нам пару матрасов?

К утру решимость Олега не то чтобы испарилась, но как будто слегка потускнела. Он не передумал идти на пост, но вопрос «а что я им скажу?» все чаще всплывал в голове. «А если там видеосвязь, как я покажусь со своей небритой рожей? И вообще...» И вообще, когда на смену адреналиновой буре приходят тяжесть в голове и резь в глазах, все кажется немного другим. «Венец», накануне избавивший Гарина от опьянения, почему-то никак не повлиял на утренний похмельный синдром, а поправить здоровье ему никто не предложил.

Столяров, напротив, выглядел предельно собранным и даже умудрился где-то побриться. Было видно, что он всерьез подготовился к разговору с институтским начальством.

— Ну что, готов? Тогда пошли, — сказал он, и Олег, подавив вздох, повиновался.

На бетонную стену, ограничивавшую с трех сторон вертолетную площадку, Гарин взобрался первым. По ту сторону изгороди опять клубился туман, судя по внешнему виду, имевший плотность киселя. Олег не успел сделать и двадцати шагов в сторону торчавшей из тумана кирпичной трубы, как вся передняя часть и рукава его куртки покрылись бисеринками влаги, напоминавшими капли росы.

Темно-зеленую крышу Олег заметил минут через пять после того, как они миновали территорию бывшей котельной. Подойдя ближе, он разглядел передвижной фургон, похожий на мобильную станцию войскового управления.

— Это и есть пост? — спросил Гарин.

— Да... — ответил Столяров тоном, подразумевающим продолжение, которого, однако, не последовало.

Обернувшись к спутнику, Олег заметил на его лице озабоченность.

— Что-то не так? — насторожился он.

— Пока не знаю, — пробормотал Михаил.

Дальше он пошел первым, а метрах в двадцати от фургона остановился и достал пистолет.

— Все не так! — прошипел он сквозь стиснутые зубы и, обернувшись к Гарину, скомандовал: — Жди!

Сквозь дымку тумана, который в районе поста был не таким густым, Олег с беспокойным сердцем наблюдал, как Столяров обходит фургон по периметру, изучает что-то, присев на корточки перед дверью, и наконец с пистолетом наготове входит внутрь.

Через минуту Михаил снова вышел на улицу и жестом велел Гарину приблизиться.

Чем ближе Олег подходил к фургону, тем муторней становилось у него на душе. Все говорило о том, что они опоздали: и помятая трава, и повисший на ветке шиповника кусок тряпки, который вполне мог оказаться оторванным рукавом синего лабораторного халата, и осколки какого-то прибора на земле у металлической лесенки. Дверь, которую Михаил оставил распахнутой, с внутренней стороны была обита светлым дерматином. Красные кляксы на бежевом фоне выглядели так, словно кто-то выпустил в нее очередь из пейнтбольного пулемета.

Присевший у порога Столяров остервенело теребил травинку, временами порываясь сунуть ее в рот.

— Кто-то побывал здесь до нас, — озвучил он вполне очевидный вывод.

— Люди или... — Гарин недоговорил.

Михаил мотнул головой и постучал кулаком по стенке фургона справа от двери. В этом месте клепаное покрытие украшала огромная вмятина.

— Как думаешь, что это? — спросил Столяров.

— След от тарана? Или врезалось что-то? Я не знаю... Был взрыв?

— Нет. Это отпечаток ладони.

Столяров приложил к вмятине собственную руку. Как будто поставил коробок спичек у подножия египетской пирамиды. Для масштаба.

— Псевдогигант? — догадался Олег.

— Или несколько псевдогигантов, — уточнил Михаил. — Как же все не вовремя!

— Внутри остался кто-нибудь?... — Олег снова не решился закончить фразу. Да и как ее закончишь — «живой»? «мертвый»? Однако Столяров понял его и так.

— Только следы борьбы и много крови. Мясо эти твари утащили с собой.

— Может, уцелели какие-нибудь приборы?

— Может быть. Но это уже не важно. Эти черти зачем-то уволокли антенну. — Михаил указал пальцем на темно-зеленую крышу фургона. — Вот здесь вчера стояла антенна. Теперь не стоит. А я, дурень, еще не сразу понял, что тут не так. — Он все-таки сунул травинку в рот, яростно разгрыз ее и простонал: — Зачем! Ну зачем!..

— То есть мы снова остались без связи, — подвел итог Гарин.

Столяров, на мгновение перестав жевать, ответил невпопад:

— Семь лет не курил и пять лет как не тянет. А сейчас — затянулся бы.

— И отсюда нас никто не заберет, — закончил мысль Олег.

Михаил выплюнул травинку и поднял на него глаза.

— Отсюда — точно нет. Если только из Припяти.

Всю обратную дорогу Столяров бормотал что-то себе под нос и время от времени чертыхался.

— Значит, боеприпасы, защита, проводники... Что я забыл? Вроде, что-то забыл... Черт! Черт!

Он выглядел настолько расстроенным, что Олег, и сам печальный, как Пьеро, не решался вставить и слова.

На станции Михаил сразу направился в бар и спросил у скучавшего за стойкой Мони:

— Где Гаваец? Не понимаешь? Ну, Гаваец... — Он с досадой почесал подбородок, потом изобразил всем телом нечто зажигательное: то ли танец хула, то ли катание на доске. — Га-ва-ец.

Чтобы ответить, Моне понадобился обрывок газеты и карандаш. Взглянув на записку, Столяров кивнул и потянул Гарина за рукав.

— Пойдем подышим. Гаваец ушел и вернется через полчаса.

- Почему именно Гаваец? — спросил Олег.
- Митрич говорил, что снаряжение лучше брать у него.
- Митрич вообще много чего говорил.
- Это да...

Они присели на деревянную лавку у крыльца. Не прошло и минуты, как входная дверь снова распахнулась, и на улицу вышел старичок в дождевике поверх охотничьей куртки, с палкой в руке и большим рюкзаком за спиной.

— Уважаемый, — обратился он к Михаилу. — Я случайно услышал, что вы разыскиваете Гавайца. Могу я поинтересоваться, с какой целью?

— Тебе-то что? — огрызнулся Столяров, и Гарин подумал, что старик напрасно лезет с разговорами под горячую руку.

— Меня зовут Лектор, — невозмутимо представился тот. — И если вы дадите мне минуту, я объясню вам причину своего любопытства.

— Валяй, — разрешил Михаил. — Минута у нас есть.

— По всей видимости, Гаваец вам нужен для того, чтобы приобрести у него какой-нибудь товар либо, наоборот, что-то ему продать, будь то информация, артефакты, оружие или снаряжение, — быстро перечислил Лектор. — По мере своих скромных сил я пытаюсь составить Гавайцу конкуренцию на этом поприще. И уверяю вас, иметь дело со мной намного выгоднее.

— Почему это? — спросил Столяров. Судя по голосу, слова старика его заинтересовали.

— Вы покупаете или продаете?

— Покупаем.

Лектор кивнул:

— У Гавайца качественный товар. Но если вы прежде не имели дела с ним лично, он заломит двойную цену. Или потребует взамен добыть какой-нибудь редкий артефакт, а это лишнее время и нервы. В то время как я сразу предложу вам честную цену и не попрошу ничего сверх нее. Так какой конкретно товар вас интересует?

— Нам нужны два комбинезона «Сева», — загнул первый палец Михаил. — Потом...

— Собираетесь в Припять, — снова кивнул Лектор. — Извините, что перебиваю, но вам не нужны комбинезоны «Сева».

— Э-э... — вопросительно протянул Столяров и потряс головой, словно прочищая уши. — Что?

— Вам не нужны комбинезоны «Сева», — отчетливо повторил старик. — И сейчас я вам это докажу. «Сева» — отличный комбинезон, пожалуй, даже лучший. Но цена на него у торговцев доходит до пятидесяти тысяч, а это перебор. При том что понадобится комбинезон вам скорее всего один-единственный раз, для того чтобы добраться до Припяти. Вы же не будете ходить по городу в шлемах, точно космонавты? Я прав?

— Ладно, — буркнул Михаил. — Мораль-то какая?

— Смотрите... — Старичок поставил рюкзак на скамейку и быстро расшнуровал горловину. — Вот, можно сказать, мое личное ноу-хау. Это означает...

— Мы в курсе, — перебил его Столяров. — Ты показывай, показывай.

Когда Лектор развернул комбинезон серо-зеленого цвета, Михаил фыркнул от возмущения и разочарования:

— Так это ж обычная «Заря»!

— Не совсем. Стандартный встроенный бронежилет заменен на ПС5 с бериллиевым напылением, что улучшило показатели по броне втрое. В дополнение к плексигласовой прокладке оба слоя ткани обработаны составом «Горизонт». То есть с защитой от аномальной активности тоже все в порядке. Ну и еще кое-какие хитрости, по мелочи.

— Дай-ка! — Столяров принялся придирчиво щупать и мять комбинезон, приговаривая: — Немного крупы перловой, немного коры дубовой, немного дорожной пыли, немного болотной тины... Солдат не умрет голодным.

— Простите, что?

— Я говорю: немного «Зари», кусочек «Чистого Неба», капелька «Ветра Свободы»... — пояснил Михаил. — И что, хорошо защищает?

— Броня — девятка, термо-, электро- и химзащита на пятнашку. Пси-защита нулевая, уж извините. Зато весит всего восемь килограммов.

— Пси — нам и не понадобится, — встрял в разговор Олег.

— Я смотрю, усилена только передняя часть бронежилета? — заметил Столяров.

— Вы же не собираетесь поворачиваться к противнику, пардон, задом? — вопросом на вопрос ответил Лектор.

Михаил усмехнулся.

— И сколько же стоит это ноу-хау?

Старик назвал цену, и на лице Столярова отразилось приятное удивление.

— Ладно, Лектор, считай, что договорились, — сказал он. — Кстати, рад знакомству. Еще одна просьба есть к тебе. Можешь достать хороший коньяк? А то в местном баре никакого выбора.

— М-м... Хороший? — Старик погладил переносицу.

— Любой! — упростил задачу Михаил.

— Мне нужно пять минут, — объявил Лектор и как будто испарился.

Вернувшись через три минуты, он бережно извлек из-под полы дождевика газетный сверток, а уже из него — до невозможности пыльную бутылку.

— Вот, — сказал старик. — Из стратегических запасов на случай ядерной... На этот самый случай.

— «Борисфен», — прочел Столяров и расплылся в улыбке. — То что надо!

В баре у Мони Михаил взял только два чистых стакана. Потом, подумав, попросил еще два. Он выстроил их на столе квадратом, однако наполнил только один.

Гарин с интересом наблюдал, что же будет дальше.

Столяров перелил коньяк из полного стакана в пустой.

Понятней не стало.

Из второго стакана коньяк переключал в третий. Затем в четвертый.

— Миш, а что ты делаешь? — решил спросить Олег.

— Какой аромат! — Столяров вдохнул алкогольные пары и выдохнул, изображая наслаждение и заметно при этом переигрывая. — Я вызываю духов.

— Каких духов?

— Тех, что помогут нам добраться до Припяти. Ну, где эти двое из ларца? Они же всегда слетались на запах коньяка... — пробормотал он. — Нет, ты видел когда-нибудь такой насыщенный оттенок? — Столяров поднял стакан к тусклой лампочке и, прищурившись, уставился на бледно-коричневую жидкость с полупрозрачными хлопьями осадка. — Превосходный... Нет, просто замечательный коньяк.

Гарин открыл было рот, чтобы выразить недоумение, но знакомый голос за спиной вдруг сказал:

— Привет, бродяги!

Секундой позже другой знакомый голос добавил:

— Мне показалось, или тут пахнет чем-то питательным?

— Привет, Бодун. Привет, Митрич, — поздоровался Михаил. — Присаживайтесь, угощайтесь. Кстати, как вам идея прогуляться до города?

— До какого города? — насторожился Митрич.

— А что, здесь так много городов поблизости?

— Поблизости — только Припять.

— На нее и намекаю, — сказал Столяров.

Бодун с Митричем переглянулись и медленно друг другу покивали.

— Доведем за три часа, — объявил Митрич.

— За три бутылки, — уточнил Бодун.

Глава десятая

Для мертвого города Припять выглядела сносно. Гарину представлялись полностью разрушенные здания, еле угадывающиеся очертания бывших улиц в буйстве сорняка и безумная концентрация больного зверья. В действительности все оказалось иначе. Дома были повреждены незначительно, в большинстве из них после легкого ремонта можно было бы жить. Асфальт местами просел, сквозь широкие трещины в нем нагло лез бурьян, но таких дорог хватало и за пределами Зоны. Из местных обитателей за первые полчаса Гарину на глаза попала лишь одиноко ковылявшая собака, которая, завидев людей, предпочла скрыться во дворе. Словом, ничего опасного или отталкивающего на первый взгляд в городе не было. В небе светило нежаркое солнце, на сердце было легко и спокойно.

— Складывается впечатление, что Припять сильно демонизируют, — поделился Олег.

— И с какой же целью? — обронил Столяров.

— Просто чтобы отпугнуть народ.

— Когда это, интересно, негативная информация нас отпугивала? Какой-то другой народ — возможно. Но только не наш.

— Ты как-то по-стариковски философствовать начинаешь, — раздраженно заметил Гарин.

— Ты первый начал.

— Как же ты мне надоел!

— Чья бы корова...

Внезапно в проеме панельной пятиэтажки послышался басовитый вой, переходящий в утробный рык. Из тени надвигалась крупная бурая собака, с каждым шагом прикидывая к земле, как пантера, которая готовится к броску. Михаил, не останавливаясь, дал короткую очередь ей в голову.

— ...мычала, — закончил он. — Автомат с плеча сними, а? И хватит на солнышко шуриться, по сторонам смотри. А то «сильно демонизированная Припять» украсится новой могилой.

— Сомнительное украшение, — раздался за спиной чей-то голос.

Их нагоняла тройка сталкеров. Судя по всему, люди шли позади и наблюдали уже давно. У одного из троих торчал из-за плеча заряженный гранатомет.

— Недавно в городе? — осведомился стalker, который шел чуть впереди.

— А что, так заметно? — спросил Михаил.

Лидер троих фыркнул.

— Это вам не болото, заранее предупреждать об атаке каждая тварь не станет. Есть такие твари, которые вообще не рычат и не лают.

— Людьми называются, — добавил другой стalker. — И хуже этих тварей не сыскать. Ну что там новенького на Большой Земле?

— Да как-то все по-старому. — Олег пожал плечами. — А здесь что нового?

— Тоже вроде без перемен.

Сталкеры дружно захохотали, настолько заразительно, что Гарин со Столяровым невольно к ним присоединились.

— Содержательно побеседовали! — досмеиваясь, прокомментировал старший группы. — Я Коршун.

— Яцек, — представился второй член команды.

— Бес, — кивнул третий. Выдающийся нос и угольно-черные брови указывали на его кавказские корни, хотя кличку он получил скорее всего не за внешность, а за взрывной характер, который легко угадывался по блеску в глазах. У него и был гранатомет, облупленная труба с темно-зеленым набалдашником.

— Михаил и Олег, — ответил за двоих Гарин и на слух почувствовал, как странно здесь звучат простые имена.

— Ну и куда путь держим, Михаил и Олег? Пардон за нетактичный вопрос.

— Домой мы идем, домой, — нехотя отозвался Столяров.

— Странной дорогой идете, товарищи, — сказал Бес, однако углубляться в тему не стал. То ли встретившиеся сталкеры были тактичны от природы, то ли жизнь в Зоне научила их не любопытствовать без причины.

— Стоп, — негромко произнес Яцек, одновременно опускаясь на правое колено. — Девять часов. Один.

Слева возле покосившихся качелей бесцельно брел понурый снарк.

— Что же ты, бродяга, от стада отбился? — сочувственно выговорил Яцек и послал в резиновую голову с хоботом два одиночных выстрела.

Снарк, слонявшийся по детской площадке, упал и раскинул руки. Затем дернул ногой и, медленно подтянув ее к животу, замер. Казалось, что ему было наплевать на свою смерть. Даже больная дворовая кошка цепляется за жизнь всеми силами, и только люди, измененные Зоной до неузнаваемости, могли проявлять такое безразличие к самим себе.

Отряхнув колено, Яцек вернул автомат на плечо и невозмутимо продолжил путь. Коршун с Бесом за это время даже не остановились, лишь слегка сбавили шаг и внимательнее стали поглядывать на двор, чтобы не пропустить других снарков, если те объявятся. Сталкеры пребывали в том же благостном расположении духа, что и Гарин. Единичные, не опасные встречи с мутантами как будто подтверждали, что сегодня ничего плохого не произойдет.

— Погодка шепчет, — не сдержался Яцек, подставляя лицо солнцу точно так же, как недавно это делал Гарин. — Коршун, мы ведь не всю водку на здоровье потратили? Для души осталось еще немного?

— Доктор проставится, — буркнул тот. — Два часа уже ищем, будь он неладен.

— Может, случилось что? — вставил Бес, впрочем, без особой тревоги в голосе, просто как вариант.

— С кем случилось? С Доктором?! — воскликнул Яцек.

Гарин не имел ни малейшего понятия о том, кого они обсуждают, но интонация сталкера однозначно свидетельствовала: с Доктором ничего случиться не может.

— Опять небось плеер свой долбаный в уши воткнул, — продолжал, заводясь, Яцек. — Или вообще рацию вырубил, за ним такое водится. Вот скажи, Коршун: если я, тьфу-тьфу-тьфу, на два часа исчезну — ты попрешься меня искать?

— Еще слово, и я тебя не то что искать не буду, а сам же и спрячу, — флегматично отозвался командир. — Во-он под тем деревом.

— Врач в Зоне — человек вдвойне полезный, можно и поискать, — дипломатично высказался Гарин.

— Да никакой он не врач, — отмахнулся Яцек. — Просто Доктор. Потому что Геббельс, — неожиданно закончил он.

— В каком смысле?

— Фамилия у него Геббельс. Угораздило же человека родиться... Ну вот, собственно, потому и Доктор. Хотя ему самому кличка не нравится. Но это никого не волнует.

— Пропадает он довольно часто, — вставил Коршун. — Любит, видишь ли, бродить, медитировать и все такое. А нам с этого один геморрой. Но боец он незаменимый и, главное, мутантов за версту чувствует. Я очень удивлюсь, если выяснится, что...

Его прервали донесшиеся откуда-то издалека выстрелы. Олег вытянул шею, пытаясь определить, в какой стороне стреляют, но в каменной коробке двора звук дробился и наслаивался. Понять, откуда он идет, было совершенно невозможно.

— Там, — показал Коршун и без предупреждения перешел на бег.

Яцек с Бесом бросились за командиром. Столяров и Гарин, не сговариваясь и даже не переглядываясь, помчались следом. Это получилось как-то само собой, их никто ни о чем не просил, но сталкерам могла понадобиться их помощь, и не поддержать людей в такой ситуации было невозможно.

Бежать пришлось далеко. За длинным пятиэтажным домом стоял такой же, только развернутый на сорок пять градусов влево. Коршун уверенно махнул рукой, и группа понеслась дальше, стараясь держаться ближе к стене и притормаживая перед каждой аркой

во двор. Выстрелы не прекращались, но по мере приближения стало ясно, что работает один-единственный автомат: четыре очереди, затем перезарядка. И снова четыре очереди и перезарядка.

— Собаки, много собак, — выдохнул на бегу Бес.

— Нет лая, — так же коротко бросил Яцек.

Впереди грохнула граната, через несколько секунд еще одна. До точки столкновения оставалось совсем немного, выстрелы теперь звучали совершенно отчетливо. Правда, это были уже не очереди, а пистолетные хлопки.

— Доктор, мы идем! — что было сил закричал Бес, но раньше, чем он закончил фразу, во дворе раздался еще один выстрел.

После этого все смолкло.

— Доктор! — позвал Коршун.

— Может, это не он был, — сказал Яцек, пытаясь приободрить самого себя.

Коршун выждал еще несколько секунд и, осторожно повернув за угол, двинулся вдоль стены. Пройдя весь торец пятиэтажки, он остановился перед новым поворотом и оглянулся на группу. Яцек с Бесом без лишних указаний отбежали от стены и залегли в кустах, чтобы прикрыть командира. Двор им был уже виден, и по выражению их лиц Гарин понял, что stalkерам открылось нечто необыкновенное.

Такого скопления зомби Олег прежде не встречал. Три, а может, и четыре десятка тел лежали вповалку, как раскиданная ураганом изба. Около двадцати зомби были живы. Пошатываясь, они разбрелись в разные стороны от центра двора, в котором, прислонившись спиной к металлической горке, сидел человек. С пистолетом в руке. С простреленным виском.

— Доктор!.. — сдавленно произнес Бес и ударил кулаком по земле.

— А-а-а, суки! — заорал Яцек, выпуская в глубь двора длинную очередь.

— Стой, стой! — крикнул ему Столяров. — Олег! Давай попробуй сейчас. Пока их много и мы тебя страхуем. Удобный случай, когда еще такой представится? Ну? Давай же, не тяни!

— Зачем чудить? — отозвался Гарин. — Нас пятеро. Валим их, и все дела.

— Так надо! — рявкнул Михаил. — Попробуй. Авось пригодится.

Олег скинул рюкзак и достал оттуда завернутый в черную кожу «венец». Развернув артефакт, он чуть помедлил и аккуратно надел его на голову. Кусок кожи он повязал сверху банданой — просто для того, чтобы кольцо не слетело, если придется снова бежать или куда-то прыгать. Прятать артефакт от посторонних глаз было бессмысленно: то, что Гарин надеялся сделать с помощью «венца», скрыть все равно не удалось бы.

Несмотря на то что Бес и Яцек демаскировали свои позиции, зомби продолжали вяло расходиться и не проявляли к противнику никакого интереса. Гарин окинул их взглядом и попытался зафиксировать в памяти сразу всех.

Тоска и беспокойство. Даже не так, всего лишь уныние и тревога: два блеклых переживания, которые со временем становятся пыткой. Как легкий зуд может превратиться в жгучую боль, если терпеть слишком долго. Невыносимо, нечеловечески долго. Тоска вытесняет все: сначала другие чувства, затем другие мысли, а затем и сознание целиком. Вместо души остается отжатая насухо губка.

Олег с удивлением обнаружил, что перед ним не группа безмозглых созданий, а целая сеть. О коллективном разуме речи не было, болваны оставались болванами, но сейчас они выглядели скопищем периферийных устройств, подключенных к одному компьютеру. Сервер находился где-то вне досягаемости, точнее, слишком высоко в иерархии, чтобы Гарин мог осознать его присутствие, но... он сумел нащупать общий канал управления.

Все получилось легко, быстро и как-то интуитивно. Олег наполнил канал радостью открытия: «Выход есть! Выход всегда есть!». Это было похоже на внутренний вопль, выбивающий в темнице запертые двери.

— Вперед, навстречу свету, — негромко сказал Гарин.

Два десятка зомбированных синхронно прижали автоматы к груди так, чтобы ствол упирался в подбородок, и дали залп, слившийся в подобие салюта. Все было кончено за секунду.

Олег развязал платок, снял «венец» и бережно завернул его в кожу. Он не чувствовал ни злости, ни усталости. Только опустошение.

— Неплохо, — оценил Столяров.

— Это у вас «неплохо»? — изумленно пробормотал Яцек. — Это, блин, такое!.. Это... У меня нет слов. Коршун, ты понял? У них «венец»! Коршун, у них «венец», настоящий!

— Но на всю Зону вопить об этом не обязательно, — сказал командир. — Да, ребята, — он покачал головой, — шоу было на пятерку. Значит, домой, говорите, направлялись? Не думаю, не думаю... Похоже, все только начинается, и вы сюда не за бусами явились.

— Для Припяти такое столпотворение в порядке вещей? — Гарин показал пальцем в центр двора.

— Нет. Чтобы сразу столько в одном месте... Не припомню я подобного. Хотя последнее время они активизировались, но это не та тема, над которой тут принято размышлять. Мы привыкли к тому, что зомбированных нужно отстреливать, и это не очень сложно, если ты находишь их раньше, чем они тебя.

— Здесь, похоже, получилось как-то иначе?

— Во-первых, нереальное количество. И во-вторых, что еще более странно, в одиночку такой толпе противостоять невозможно. Они в любом случае тебя прикончат, просто потому, что их тут сильно до хрена.

— Но ваш Доктор, кажется, оставался жив, пока сам не застрелился?

— Опоздали на какую-то секунду, — мрачно сказал Бес. — Всего на одну секунду!

— Доктор не был психопатом, — заверил Коршун. — Наш друг Саша Геббельс был здравомыслящим человеком. Так что причина-то, конечно, не в нем, а в зомбированных. Что-то в них стало меняться. Может быть, как раз это и не давало покоя Доктору. Он тоже последнее время был сам не свой.

Командир обогнул кусты и медленно приблизился к детской горке. Доктор смотрел в небо, в его глазах застыло отчаяние. Коршун осторожно забрал у покойника «Марту» и выщелкнул из рукоятки пустой магазин.

— Так и есть, отстреливался до последнего, — кивнул он.

— Они не собирались его убивать! — осенило Яцека. — Зомби. Они хотели взять его живьем. Доктор даже не ранен, при том что его окружили полсотни уродов, не меньше. Это невероятно!

— А ну-ка... — Командир присел рядом с Доктором, достал у него из нагрудного кармана КПК и всмотрелся в экран. — Стоит в режиме диктофона. И до сих пор пишет!

Коршун остановил запись и, не задумываясь, включил воспроизведение.

«Я все больше убеждаюсь, что человек был и остается животным. С низкими или высокими инстинктами, с любовью и ненавистью, но животным он остается всегда».

Бес хотел что-то на это ответить, но командир жестом велел ему молчать. В динамике слышался шорох одежды и шаги. Под подошвой треснула сухая ветка.

— Он продолжал записывать все это время, — сказал Коршун.

Дыхание участилось — скорее всего Доктор куда-то бежал.

«Вот я попал-то, черт... Вы слышите меня? — Сталкер явно обращался к диктофону. — Сколько их тут... Бо-оже! — Звонкий щелчок затвора и сразу автоматная очередь. Еще одна. Еще. Доктор для того и сунул КПК в нагрудный карман, чтобы освободить руки. — Надеюсь, меня услышат. Если нет... Боюсь, мне уже будет все равно. Но это важно. Я был прав: зомби меняются, прогрессируют, они... в общем, у них как-то более осмысленно все становится. Я в первый раз не придал значения, но потом опять с этим столкнулся».

Доктор надиктовывал и отстреливался одновременно, выкидывая пустые рожки один за другим. Сталкеры, окаменев, слушали последнее послание друга так же, как ребенок

пересматривает старый фильм с трагическим финалом и надеется — в двадцатый или в сотый раз обреченно надеется, — что герою все-таки удастся спастись.

«Вот сейчас. Что происходит? — продолжал Доктор. — Такого никогда не было. Уму непостижимо. Они не стреляют в меня! Их чуть ли не полсотни, мне тупо не хватает патронов. Зомби окружили и не стреляют. Будут брать в плен? Зачем я им? Сожрать если только... Зачем я вам, твари?!»

Автомат на записи больше не трещал, у Доктора кончились патроны. Он вырвал чеку и с шумным выдохом бросил в зомбированных гранату, а через короткий промежуток — вторую.

«Вот такие пироги. Искал, искал и доискался. — Доктор внезапно успокоился. Его дыхание еще было прерывистым от недавнего бега, но волнение в голосе пропало. — Последний магазин, поленился взять больше, дурак... Раз, падла! — Последовал громкий хлопок. — Зомби изменились. Начали брать в плен. Два! Три! Возможно, не все. Или не всех... Четыре. Пять, гнида! На еще! Хавай! Восемь. Но это надо учесть, надо менять... Тактику, девять! Менять тактику, вы поняли? Укрупнять группы. Десять. Никаких троек, это опасно. Брать больше боезапаса. Одиннадцать. Плевать, что таскать тяжело. Двенадцать, ага! Но главное, конечно, — зачем им пленные, в чем смысл? Его не видно. Но смысл есть, надо только... Тринадцать. Четырнадцать. Финита, ребята. А как, сука, хочется жить!»

— Пятнадцать, — одними губами произнес Коршун, когда на записи прозвучал последний выстрел.

— Мы были в двух шагах от него, — прошептал Яцек. — Вон за тем углом. Мы уже там были, когда он... когда он записывал все это.

Коршун взял КПК и просмотрел плейлист Доктора. Погибший сталкер любил делиться с диктофоном своими размышлениями. Часть из них оказалась настолько личной, что без предыстории нельзя было и понять, о чем там говорится. Часть была просто фантазиями болезненно увлеченного человека. Важно было другое: свои последние минуты Доктор посвятил тем, кто еще жив. Когда у него уже не оставалось шансов вырваться, он продолжал диктовать в надежде, что кто-то прислушается к его мыслям и благодаря этому спасется. В прежние времена за такое ставили памятник со звездой, но Доктору просто закрыли глаза. Его разряженную «Марту» Коршун сунул себе за пояс. Автомат и пустые рожки оставили валяться во дворе — этого добра в городе было навалом.

— Вот мы тебя и нашли, Доктор... — пробормотал Яцек вместо молитвы. — Обещали найти. И нашли.

— Все, пойдем, — отрезал Коршун. — Теперь уж точно выпьем. Но здесь оставаться ни к чему.

— Нас с собой возьмете? — спросил Столяров.

Командир недоуменно поднял брови, как будто хотел сказать: «А разве есть другие варианты?»

— Идем в прачечную? — уточнил Михаил.

— У тебя устаревшая информация. База в прачечной была еще при Ковальском. Потом, после эвакуации военных, лагерь перенесли в книжный магазин, так удобней и безопасней. Давно уже, года полтора, а то и больше.

— Seriously?

— Ну а почему нет? Липовую установку «монолитовцев» разобрали и выкинули. Кровати туда перетаскивали, благоустроили слегка. «Монолитом» там больше и не пахнет.

— Значит, в книжный, — легко согласился Столяров. — Карту здесь реально раздобыть?

— На базе целый стеллаж, — фыркнул Яцек. — Хоть Припять, хоть Австралия. Есть даже атлас лунных кратеров.

Михаил предпочел пропустить эту шутку мимо ушей.

— Город я знаю наизусть, — сказал он. — Мне нужны не названия улиц, а оперативная карта.

— Какой в ней смысл? Вот ночью в гастроном набились собаки, утром пришли наемники и всех постреляли, а к обеду подвалила семья голодных кровососов. Что в итоге ставить на карте? Значок «две тонны фарша»? И главное, на следующий день опять все по новой. Так что просто запомните, парни: чем южнее, тем безопасней. И соответственно, чем дальше вы идете на север, тем сильнее рискуете. Особенно северо-восток, у воды. К речному порту вообще не суйтесь, там тоже лагерь, только не наш.

— «Монолит»?

— Да, блин, как в сказке: мы их били-били, били-били... А они словно тушканы. Плодятся они там, что ли? Черт их знает.

— Понятненько... — задумчиво произнес Столяров.

Несколько минут сталкеры шли молча. Когда миновали очередную арку в доме и оказались на улице, начал накрапывать противный осенний дождик, как будто группа пересекла границу между разными климатическими зонами.

— А ваш «венец»... — невпопад сказал Коршун, и Гарину стало ясно, о чем командир размышлял все это время. — Я не спрашиваю, где вы его нарыли, это, будем считать, врачебная тайна, хе-хе... Но как вы с ним управляться-то научились? Я раньше видал уже пару штук. Если бы не молва, просто выбросил бы их. Бесполезные штуки. Ну, в лучшем случае мигрень получишь, если на голове поддержишь. Толку — ноль. А вы, я смотрю, кое в чем продвинулись.

Голос Коршуна становился все более вкрадчивым. Похоже, «венец» его интересовал нешуточно.

— Давай договоримся: нет у нас никакого «венца», — заявил Олег. — Зомбированными я не управлял, мы их просто почикали впятером, если кто-то будет любопытствовать. Там такой завал трупов, что хрен разберешь, кто в кого стрелял.

— Без базара, — покладисто отозвался Коршун. — «Венца» у вас нет, вы просто парочка начинающих сталкеров, так вас и представим. Вам все ясно? — строго спросил он Яцека с Бесом. — Но-о... хотите вы или нет, однажды о вашем «венце» узнают. Это уже и сегодня могло случиться, тут почти на каждой крыше чья-нибудь лежка. Весь город на ладони. Так вот, когда людишки прочухают, что вы научились использовать «венец», может начаться непредсказуемая движуха. И вам срочно придется решать, кто друг, а кто враг. Ну а если уж судьба свела нас вместе, я предлагаю заранее объединиться. Доктор ведь завешал увеличивать отряды? Нас будет пятеро: вы работаете с «венцом», а мы обеспечиваем огневую поддержку. Мы тут хорошо ориентируемся, знаем людей. Это будет полезное сотрудничество.

— Звучит разумно, — обронил Столяров.

— Пятьдесят на пятьдесят, — вставил Яцек.

— Ты о чем это? — спросил Гарин.

— Тридцать на семьдесят, — быстро сказал Коршун, окинув Яцека испепеляющим взглядом. — Треть нам на троих и две трети — вам на двоих. То есть нам по десять процентов на лицо, а вам по тридцать. Каждому.

— Хорошо, что посчитал, я бы не справился, — с сарказмом произнес Олег. — Теперь объясни, про что эти цифры?

— Ну... про всякое добро. В широком смысле.

— Про хабар, естественно, — пояснил Столяров.

Олег поежился и поднял воротник.

— Кто-то видит у меня за спиной мешок артефактов на продажу? — раздраженно спросил он. — Или я сказал, что собираюсь открыть ларек у метро? «Вот эта херня от сглаза, вот эта от порчи, а эта — от радиации. За нее два моих друга погибли, а третий стал инвалидом. Купите недорого!»

— Ты прямо как «долговец» вещаешь. Хорошие были мужики, правильные. Только где они теперь?

— Олег, не горячись, — мягко сказал Михаил. — Мародерством заниматься мы не будем. Но если удастся добыть несколько полезных вещей — что тут плохого? Ты грибы

собирать любил? Так к этому и относись. Как говорил Мичурин, взять немножко у природы — не запахло.

Гарин посмотрел исподлобья на Столярова — тот выразительно моргнул в ответ. Если откровенно, в речах Михаила было и рациональное зерно. Олег, правда, не представлял, как это может выглядеть на практике. Все бросить, остаться в Зоне и шараться от одной аномалии к другой, собирать эти долбанные «грибы»? Раз в неделю отправлять обоз с артефактами на Большую Землю, получать денюжат на счет в кипрском банке — и снова бродить по городу, шугать зомбированных, чтобы те не мешали благородному занятию? А однажды что-то упустить, не справиться с управлением, или попасть под выброс, или еще вероятней — получить пулю в затылок от такого же сталкера. И в итоге остаться здесь навсегда, в каком-нибудь мусорном баке, который отсюда никто никогда не вывезет.

— А вот и наше гнездо, — объявил Коршун.

Они проходили очередной двор, одновременно похожий и не похожий на другие. Качелей и горок здесь не было, зато оказалась песочница, заросшая сорняком, как клумба на брошенной могиле. Двор вывел на площадь, в центре которой торчал креатив какого-то жестянщика под названием «Дерево Дружбы Народов». Слева за памятником стоял маленький магазин «стекляшка», впрочем, стекол в рамках давно уже не было, и сейчас он напоминал скелет исполинского животного.

— Сюда, — сказал Коршун, забирая правее.

Книжный магазин был белым двухэтажным зданием, вероятно, вполне современным для своей эпохи. Окна и служебный вход были заколочены досками и листами железа. Олегу невольно вспомнился баркас «Мечтатель». На дороге, словно лодка меньшего водоизмещения, дрейфовал в никуда рейсовый автобус с вырванной рулевой колонкой. На крыше магазина стояли приземистые буквы «КНИГИ», от которых веяло детством. Гарину вдруг захотелось устроиться в удобном кресле и неспешно прочесть толстую, пахнущую приключениями книгу.

«Это нужно было делать раньше, — подумал он с печалью. — Теперь сам не знаешь, как из этих приключений вылезти».

Дождь кончился внезапно: он просто оборвался, будто сверху кто-то обрезал длинным ножом бесконечное полотно из капель. Когда Олег поднимался на крыльцо магазина, облака уже разбежались, и в небе вновь появилось неназойливое солнце.

— Свои, — бросил Коршун сталкеру, кутившему у распахнутых дверей.

Столяров с Гариным вошли внутрь и осмотрелись. Бывший торговый зал книжного превратился в комнату отдыха: вдоль стен стояли маленькие и большие диваны, в центре были сдвинуты разнокалиберные столы — все, что удалось найти в ближайших домах. Не хватало только телевизора.

Несколько мужчин вялыми жестами поприветствовали Коршуна и его друзей.

— Шифт, Гога, Вишня, Налим, — бегло представил их Яцек, тыкая пальцем в каждого.

Сталкеры были молодыми, крепкими и настолько похожими, что возникал вопрос, для чего им нужны разные клички. Гарин кивал из вежливости и тут же забывал эти странные имена в надежде, что вспоминать их не придется.

— А это Порох, наш аксакал, — сказал Яцек, указывая на человека с темным лицом, который устроился на узкой кушетке в углу и без интереса листал потрепанный гляцевый журнал.

— Что с Доктором? — спросил тот, не отрываясь от просмотра.

— С Доктором... все... — вздохнул Коршун.

— Я так и знал, — бесцветно произнес Порох.

— Пошли в кубрик, шконки себе подберете, вещи лишние кинете, — сказал Яцек Столярову. — Да и пожрать давно пора. Крыс у нас не водится, — продолжал он по пути, — так что снарягу и стволы оставляйте спокойно. Хотя некоторые предметы, особенно милые сердцу, бросать без присмотра не стоит, — со значением проговорил он и толкнул дверь в подсобку.

Это действительно был кубрик: глухая комната без окон, площадью около тридцати квадратных метров, плотно заставленная армейскими двухъярусными койками. Кое-где похрапывали сталкеры, большинство мест было свободно. Несколько кроватей стояли с голыми сетками, матрасы на них были скатаны, как в плацкартном вагоне, ожидающем пассажиров.

— Выбирайте из этих, они не заняты, — сказал Яцек.

Гарин поблагодарил и автоматически направился к стене, где над тумбочкой висел несвежий постер с Анджелиной Джоли. Столяров устроился через проход от Олега, оба выбрали места на нижнем ярусе.

Яцек неуверенно остановился в центре кубрика.

— Пока не начали распрямляться, может, в другом месте ляжете? Например, у дверей, там воздуха больше.

— А в чем дело? Здесь занято?

— Если матрас свернули, значит, свободно. Кстати, надо будет за Доктором прибраться, — сказал сталкер без лишнего трагизма. — Но это место — оно... нехорошее, в общем.

— Ты говори по-человечески.

— Ну, приметы у нас тут свои. Тот, кто раньше здесь спал, ушел на Большую Землю.

— И что? Типа оформшмачился?

— Да какой там... Просто взяли его на переходе. И взяли как-то по-плохому. Короче, пропал человек.

— Может, завязал и решил жить, как все нормальные люди?

— Не-е, — осклабился Яцек. — Дизель не был нормальным, это кто угодно подтвердит. Лихой сталкер, профи экстра-класса. Он был повернут на Зоне.

— Дизель? — прищурившись, переспросил Олег.

— Ну да. Вот как у тебя на ботинках написано, так его и звали.

Гарин растерялся. Он не мог объяснить, почему сразу пошел к этой кровати, просто это место показалось ему комфортным. Анджелина Джоли, опять же. Он не особенно ее любил, но постер на стене выглядел настолько мило, что... у Гарина как будто и выбора не осталось. Он сел на эту койку, как на собственное место.

— Плевать на приметы, — вклинился в разговор Столяров. — Если не занято, то мы ложимся здесь. Моя-то шконка в порядке, или над ней тоже проклятие витает?

— Твоя в порядке. Тут Лаврик спал. На прошлой неделе его контролер заморочил, а потом снарки добились, пока он очухивался.

— Ну и ладно, — умиротворенно молвил Столяров.

— Подваливайте к нам, как устроитесь, — сказал Яцек, выходя из кубрика.

Гарин проследил за ним взглядом, потом выждал еще несколько секунд и прошептал Столярову:

— Что ты мне там гнал на улице? Какие дары природы, какой, на хрен, Мичурин! Я не собираюсь зависать в Зоне до зимы, чтобы обеспечивать кому-то сытую старость.

— Не волнуйся, разрулим. Не мог же я сказать им, что мы работаем в Институте, и что моя прямая обязанность — поотшибать тут рога всем, начиная с самого Коршуна! Не нужно плодить лишних вопросов, особенно у людей алчных. Пусть лучше принимают нас за таких же барыг, как они сами, только чуток продвинутых. Пусть верят в простую правду, иначе начнутся выяснения, а это нам ни к чему.

— Угу... Я примерно так и подумал, — ответил Гарин с облегчением.

Запихнув рюкзак под кровать, он открыл тумбочку. Ее прежний хозяин действительно собирался вернуться: в выдвижном ящике лежали четыре пистолетные обоймы, механическая бритва, чекушка дешевой водки и фотография Марины.

Олег сжал зубы до боли.

Марина?..

Все началось с мотоцикла, им же и закончилось. «BMW K-1300», красавец. Даже не самолет — птица! Чтобы купить это чудо, пришлось заложить квартиру. Ерунда! Дела на

фирме шли хорошо, кредит он гасил с опережением. Зато какие у него были девушки! А потом появилась Марина, и он понял, что влюбился впервые по-настоящему. Все только начиналось, впереди была вечность. В городе стояла жара, они ездили на реку. Часто, почти каждый день. Они не нравились местным — малолетним деревенским ублюдкам, всегда пьяным и верящим, что городской чувак на мотике украл их счастье. Что он мог у них украсть? Он не трогал их самогон, а больше их ничего не интересовало. Но они считали иначе и однажды ночью додумались натянуть трос между деревьями, в полуметре над дорогой. «BMW» — красавец, птица! — летел и переворачивался так медленно, что они с Мариной успели посмотреть друг другу в глаза и попрощаться. В итоге он ободрал руку — совсем немножко, даже не пришлось зашивать. Мог бы повредить голову, но спас шлем. А Марина... Марина разбилась насмерть. Они могли бы и разойтись — неизвестно, как бы там сложилось дальше, но за них все решили три несовершеннолетних алкоголика, и впереди не осталось ничего, что было бы похоже на смысл жизни. Через неделю, такой же теплой ласковой ночью, он вернулся в деревню с «Чейзером». Он творил еще большее зло, чем они, он это знал, но остановиться не мог. Без проповедей и без пафоса, молча шел за кодлой пытавшихся уползти подонков и разносил им затылки — один за другим, один за другим. Не спрашивая, кто виноват, не обращая внимания на пьяные мольбы, он казнил их всех. На следующий день он был уже в Зоне. Яцек не соврал: Дизелю незачем было оставаться на Большой Земле, в Зону он пришел навсегда.

Гарин застонал и откинулся на твердый рулон матраса.

— Что с тобой? — спросил Столяров.

— Погоди... — Олег резко поднялся, достал из тумбочки бутылку и, свернув пробку, вставил горлышко в рот.

— Ты что творишь? — обеспокоился Михаил.

— Не могу, я не могу больше... — Гарин отдышался и сделал еще один глоток. Водка лилась издевательски медленно, плескалась и обжигала. — Галлюцинации меня уже доконали. Я нездоров, Миша. Дома это было бы не так страшно, хотя радости тоже мало... Но тут кругом оружие, я просто не знаю, чего от себя ожидать.

— Не сгущай краски. Ты выглядишь абсолютно вменяемым человеком.

— Это снаружи. А внутри, — Гарин с силой постучал себя по лбу, — там какое-то радиоактивное кладбище. И знаешь что? Чем чаще я надеваю «венец», тем глубже проваливаюсь куда-то в чужую жизнь. Хотя я могу и ошибаться... Но мне так кажется. Я это заметил. Вот, вот! — Олег азартно схватил фотографию и потряс ею перед носом у Столярова. — Спроси у местных, что это за девушка.

— Ну хорошо, — с сомнением ответил Михаил. — А зачем?

— Так надо. Сходи прямо сейчас. Пожалуйста. А я пока вздремну. Чуть-чуть, полчаса. Мне необходимо.

— Это правильно. Поспи. — Столяров хлопнул его по руке и покинул комнату.

Гарин не заметил, когда уснул, а открыв глаза, почувствовал себя отдохнувшим и обновленным. Михаил стоял в проходе и смотрел на него со странным выражением лица.

— А?! — встрепнулся Олег. — Долго я дрых?

— Часа четыре.

— Ни фиги себе!

— Ты бы хоть постель расстелил. Сетка, небось, на спине пропечаталась так, что можно в крестики-нолики играть, — засмеялся Столяров.

— Ничего, уже выпался. Ты сделал, что я просил?

— Про девушку? Поспрашивал, да. А что конкретно тебя интересует?

— Все. Или хоть что-нибудь. Не томи!

— Толком никто ничего не знает. Дизель не был болтуном. Ну, судя по всему, это его невеста. Видимо, бывшая, поскольку он к ней не торопился. Зовут ее Марина.

— Ясно, — упавшим голосом произнес Олег.

— Успокоился? Все нормально?

— Нормально, — сказал Гарин.

Глава одиннадцатая

— Наемники, торговцы, «монолитовцы», кого тут только не носит, — посетовал Порох.

— Ренегаты, — добавил какой-то сталкер.

— Ну... — крикнул тот. — Какие они тебе ренегаты? Это раньше было просто — делить на охотников старой школы и на беспредельщиков. А теперь все смешалось, уже не разберешь, кто есть кто. А раньше-то, — мужчина помахал рукой куда-то вдаль, словно указывая на пропасть времени, — раньше не город был, а конфетка. Чистый, красивый, удобный. Во что его превратили... Урод на уроде. И сдается мне, что главная причина — не катаклизм, а люди, которые приперлись в Зону. Они окончательно все испохабили.

Доктора поминали уже третий час. В процессе, как водится, забыли, ради чего собрались за столом, — начались байки и анекдоты, выяснение отношений и разговоры за жизнь. Порох в этой компании был самым старшим. Не таким ветхим, как Шипр, а вполне еще бодрым дядькой, но все-таки возраст сказывался. Порох любил порассуждать за стаканом. Слушать его было тягостно, а заткнуть рот никто не решался — так и сидели, млея от его бессмысленных лекций.

— А что будет дальше? — продолжал он с нескрываемым удовольствием. — А дальше — только хуже, братцы. Удалось ли нам хоть одну тварь извести окончательно? Хрен-то там. Даже собаки, даже тушканы как были тут хозяевами, так и остались. Человек в Припяти — уже ничто, человек тут на положении того же зверя: кто успел, тот и съел. Я больше скажу: они-то здесь живут, а мы только выживаем, вот что! Затвор заклинило, и каюк тебе, родимый. Без ствола ты здесь добыча, чей-то обед.

Сталкеры потихоньку начинали разбредаться — кто-то пошел курить на крыльцо, кто-то сделал вид, что вспомнил о неотложных делах, и, подхватив винтовку, скрылся под вновь зарядившим дождем. Шифт уснул на диване, накрыв лицо журналом. Слыша его кличку впервые, люди часто думали, что в прошлом этот сталкер имел отношение к компьютерам. На самом же деле Шифт был почти неграмотным увальнем, который писал огромными детскими буквами, за что и получил свое прозвище. Возможно, назвать его Капслоком было бы логичней, но уж больно неудобоваримо это звучало. Многие пытались объяснить Шифту, что означает его имя, но никому этого не удалось. Круг интересов Шифта был узок и своеобразен, обращение с клавиатурой не входило туда никаким боком.

Гарин очнулся: воспоминание о сталкере по кличке Шифт, которого он видел первый раз в жизни, пронеслось в памяти, как что-то само собой разумеющееся.

«Даже интересно, что придет раньше — безумие или привычка», — подумал Олег словно не о себе, а о ком-то постороннем.

Из всех оставшихся за столом интерес к разговору с Порохом проявлял лишь один Михаил. За упокой души Доктора он выставил из неведомых запасов три бутылки водки, но сам выпил только пару рюмок, а дальше начал беззастенчиво пропускать.

— Ну а какие-нибудь образования «Долга» или «Свободы» в Припяти есть? — спросил он у старого сталкера.

— Паря, что им тут делать? Здесь давно все перемешалось, и тот, кто рвал тельняшки за идею, теперь стал первым барыгой. Хоть с той стороны, хоть с этой. Да и нет уже никаких сторон, говорю. Есть территории и есть шкурные интересы. Не суйся на север и не будешь иметь проблем с «Монолитом». Не броди по городу один, и наемники тебя не тронут. Они не полоумные, чтобы подставляться за пару твоих рожков и неизвестный хабар, которого у тебя, может, даже и нет.

— Тебя послушать — тут просто благодать, — хмыкнул Столяров. — Курортный город, да и только.

— Ну, не совсем. Во-первых, мутанты. Им любые диспозиции по барабану. Прут, куда хотят. Во-вторых, я ведь тебе идеальную картину описал, райскую. А рая на земле не бывает. Человеку всегда мало, всегда хочется большего. Вот и выходит: знаем, что можем друг другу

не мешать, но все равно лезем. То мы к ним, то они к нам. И такое, бывает, месиво на одном пяточке затеется, что просто ужасаешься. Спросишь себя: зачем? Что мы тут не поделили? И нет ответа...

Столяров проводил время с пользой: выуживал все доступные сведения о городе и о раскладе сил в нем. Гарину не казалось, что разглагольствованию Пороха содержали какую-то полезную информацию, но Михаил упорно продолжал доить болтливого сталкера.

— Ладно. — Столяров хлопнул ладонями по столу, как будто поставил точку в разговоре. — Хорошо с тобой, Порох, но у меня и своих дел невпроворот. Олег, пойдем прогуляемся. Вон и дождь как раз кончился.

Михаил произнес это достаточно настойчиво, чтобы Гарин понял: пока Коршун со своими друзьями куда-то отлучился, самое время выйти в город без назойливых компаньонов.

— Шариться вдвоем я бы вам не советовал, — заметил Порох.

— Благодарю за заботу. Тебе принести что-нибудь? — пошутил Столяров.

— Если только пивка холодненького, — ответно пошутил сталкер.

На улице и вправду распогодилось. Как всегда после дождя, небо торопливо очистилось от туч. Вода на асфальте быстро высыхала, не столько испаряясь, сколько уходя в большие и маленькие трещины, возникшие на дорожном полотне за годы без ремонта.

— Идем на север, — бросил Михаил Гарину, бодро спускаясь по расколотым ступеням.

— Если я не путаю, то как раз туда нам ходить и не советовали, — сказал Олег. — А я ни хрена не путаю, — добавил он, покачав головой.

— Речной порт нам не нужен. Дойдем до детского сада, и обратно.

— А смысл?

— Он есть. Доверься мне.

— Я уже пробовал это делать, — с сарказмом заявил Олег.

— И до сих пор жив, не так ли?

Гарин лишь кашлянул и в который раз зарекся спорить с товарищем.

Они миновали могилу-песочницу, рядом с которой успел появиться свежий труп собаки, и прошли еще метров триста. Вокруг было пусто и тихо, лишь ветер лениво шуршал сухими листьями. Спустя некоторое время в этом безмолвии Гарину стали чудиться какие-то неуловимые звуки: эхо детского хора, редкие удары колокола и голос диктора. Город словно воскрешал в памяти счастливые времена, когда он был полон жизни, но получались только серые призраки.

У гастронома спутники застали тошнотворную картину: стайка тушканов с хрустом и повизгиванием обгладывала чье-то тело. Тушканов было так много, что труп двигался, словно его сносило течением. Гарин предложил обойти это место стороной, но Михаил велел ему встать за углом и кинул в тушканов гранату. Взрыв разметал по площадке и зверьков, и их трапезу, однако спустя несколько минут набегали другие, еще больше, и пиршество продолжилось с новой силой. В этом мире была своя справедливость и свое равновесие. Бороться с ними было бессмысленно.

Наконец впереди показался детский сад. Возле корпуса стояла гипсовая скульптура — неопределенное, но, безусловно, доброе животное с отбитыми ушами. То ли белочка, то ли кошечка... Зона искорежила зверушку, превратив ее в одного из своих обитателей.

— Здесь внимательней! — предупредил Столяров и, пригнувшись, добежал до внешней лестницы. Там он присел спиной к стене, пристально огляделся и поманил Гарина.

Олег промчался через открытое пространство и плюхнулся рядом.

— Теперь слушаем, — сказал Михаил.

Пару минут они просидели на арматурных прутьях, оставшихся от разбитой нижней ступеньки. Ничего угрожающего слышно не было, лишь вдалеке повизгивали тушканы — может, у гастронома, а может, где-то в другом месте.

— Двинули, — неожиданно бросил Столяров и взбежал на площадку на уровне второго этажа. — Ну! Уснул там?

Гарин последовал за ним.

— Смотри в оба. Да не на меня, а на улицу! — Михаил поставил ногу на подоконник, уцепился руками за водосток, подтянулся и в мгновение ока перемахнул наверх. — Давай, — позвал он, протягивая руку.

Олег с помощью Столярова залез на крышу. Вид отсюда был совсем другим. Гарину показалось, что он охватывает взглядом сразу полгорода, хотя детский сад со всех сторон окружали жилые пятиэтажки, и он мог видеть только один двор. Кроме того, если раньше он думал, что здание имеет форму буквы «Ш», то теперь понял, что оно скорее напоминает «шашечки», как на такси.

— Не отвешивай! — Столяров жестом велел ему опуститься. — Слушаем и смотрим. Ты туда, я сюда.

Гарин улегся на окаменевший битум, лицом в противоположную сторону от спутника, и нацелился на проход между домами. Панорама открывалась настолько же унылая, насколько и безопасная: Олег видел покореженный остов какой-то убогой легковушки, покосившийся забор с порванной металлической сеткой и сгнившее поваленное дерево на тротуаре. Больше ничего интересного не было. Дорогу неспешно перебежали тушканы, но попасть в них Гарин даже не надеялся. С другой стороны шла большая бурая собака, педантично обнюхивавшая все, что попадалось ей на пути. Неожиданно на крыше соседнего дома возникло движение — кто-то махал им рукой.

— Миш, мы тут не одни, — негромко сообщил Гарин.

Столяров подполз к нему и достал из рюкзака бинокль.

— Где ты так разжиться успел? — спросил Олег.

— Где надо, там и успел. Свои, — сказал он, присмотревшись. — Мы с ним за одним столом недавно сидели. Хотя, конечно, это еще не гарантия.

— А нас-то он как разглядел?

— Через оптический прицел.

Олег взял бинокль и навел его на противоположную крышу.

— Это Вишня, — объявил он.

— Ты запомнил все клички? — удивился Михаил.

— Не бери в голову. Сколько нам тут лежать-то?

— Пока не убедимся, что можно встать и не получить пулю.

— То есть вечность, — сказал Гарин.

— В принципе да. — Столяров что-то показал Вишне левой рукой, тот в ответ снова помахал. — Он за нами присмотрит. Давай прогуляемся. На пузе, дурень! — рывкнул Михаил, заметив, что Гарин собирается подняться в полный рост.

— Прогулки на пузе — мое любимое развлечение, — проскрежетал Олег, не рассчитывая, впрочем, на ответ.

Они доползли до молодой рябины, выросшей на крыше, и пролежали там еще минут пять. Не найдя вокруг дома ничего подозрительного, Столяров дал Гарину сигнал, и они потащились в противоположную сторону. За прямоугольной трубой вытяжки возникли четыре электромотора. Мощные лебедки были установлены вокруг большого пролома в крыше, словно от неразорвавшейся авиабомбы. Подобравшись к самому краю, Михаил и Олег заглянули вниз — перекрытие между этажами также было пробито, дыра уходила ниже уровня земли. Два конуса света от фонариков проткнули пыльный воздух и уперлись в кафельный пол со следами, оставленными массивными полозьями. Очевидно, из подвала вытаскивали нечто настолько громоздкое, что оно не проходило ни в окна, ни в двери. Или, наоборот, затаскивали внутрь...

— Вывезли, гады, — отозвался Михаил на мысли Гарина.

— Ты таким тоном говоришь, как будто у тебя невесту украли.

— Хуже, Олег, хуже. — Столяров выключил фонарь, повернулся к товарищу и добавил еще раз: — Все гораздо хуже.

— Можно подумать, что раньше у нас все было хорошо.

— Именно так. Да, теперь можно так считать.

— Охренительно! — высказался Олег. — Ты бы хоть предупредил пораньше, а то я даже порадоваться за себя не успел. Хорошо у нас было, оказывается!..

— Тише! — Столяров выставил палец и медленно повернул его в сторону.

Пока они рассматривали пролом в крыше, на детскую площадку зашли трое зомбированных. Зомби бесцельно помыкались по двору и встали в треугольник, будто собирались распить бутылку. Внезапно начался дождь. Пока Столяров с Гариным доползли до края, крыша успела полностью намокнуть и покрыться мелкими лужицами. Дождь был теплым, но лежать, однако, стало еще неудобней. Зомби с тоской посмотрели на небо и сели на корточки вокруг горки в форме слона.

— Еще немного, и домой... — шепло пробормотал один из них. — Вот только найти дорогу...

В его голосе звучала такая тоска, словно это говорил старый арестант, который полвека провел на каторге и уже не верил, что есть какая-то другая жизнь, светлая и безмятежная. Не верил, но продолжал о ней грустить. Гарин уже много раз слышал подобные причитания, но раньше он не задумывался над тем, что зомби в разных местах часто бубнили одно и то же. Как будто их всех объединяло что-то незримое.

— Еще немного, и домой. Вот только найти дорогу, — снова донеслось с площадки.

— Сделай с ними что-нибудь, — сказал Столяров, тыкая пальцем во двор.

— А что я могу с ними сделать?

— Попробуй почувствовать, о чем они думают.

— Они не думают, Миша.

— Ну тогда — что они помнят. Сделай хоть что-нибудь.

— Ты по цирку соскучился? А Вишня? Зачем ему «венец» показывать?

— Вишня у нас за спиной, — напомнил Столяров. — Этих гавриков он не видит. Заверни «венец» в тряпку и так надень, как будто просто от дождя укрываешься.

Олег вздохнул.

— Каждый раз, когда я это делаю... — начал он, но Михаил перебил:

— Давай только без стонов, ладно?

Гарин надел «венец» и посмотрел на зомби.

«Еще немного, и домой. Вот только найти дорогу», — раздалось у него в мозгу. Затем прозвучало что-то еще, крайне неразборчивое. Потом снова: «Еще немного, и домой...» Можно было подумать, что кто-то транслирует по радио закольцованную запись. Собственно, так Олег и подумал, ничего другого ему в голову не пришло. И вдруг в эту карусель вклинилось что-то живое, искреннее. Не фраза и не слово, а одна только эмоция, но настоящая: «Дождь. Тоска. Смерть».

Зомбированные поднялись с корточек и побрели к одному из двух навесов, где шиферная крыша была целой и могла спасти от дождя.

Гарин снял «венец» и сунул его в рюкзак.

— Это ты сделал? — спросил Столяров. — Ты их надоумил?

— Не надоумил, а заставил. Ну а чего им зря мокнуть, если мы их мочить все равно не собираемся, — посредственно скаламбурил Олег.

— Да ты гуманист, едренать!

— А что, без кровищи шоу не засчитывается? — раздраженно спросил Гарин.

— Нет, почему же. Очень интересно, — задумчиво произнес Михаил. — Я и не знал, что ими можно вот так... вертеть.

— Я тоже.

— А танцевать можешь их заставить?

Олег повернулся к собеседнику, чтобы проверить, не издевается ли он, и вдруг обнаружил, что Столяров лежит без сознания. Первая догадка касалась Вишни, для которого они все это время были как на ладони. Однако прежде чем Гарин успел шевельнуться, он почувствовал сокрушительный удар в затылок, хотя был уверен, что к нему никто не прикасался. Что-то похожее он испытал, когда они с Михаилом пересаживали выброс в трубе и он впервые примерил «венец»... Но в тот раз удар был эмоциональным или

информационным, а не физическим. Сейчас Олег получил почти то же самое, только это еще сопровождалось мощной воздушной волной или чем-то таким, очень похожим...

Гарин не успел додумать эту мысль — ударная волна врезалась в него еще раз. Если бы он не лежал, то его определенно свалило бы с ног, но поскольку падать было уже некуда, он лишь сдвинулся на несколько сантиметров к краю крыши. Мир вокруг затуманился, раздвоился и заходил ходуном. На периферии зрения замельтешили черные мошки. Олег с отчаянным хрипом вдохнул: только бы не потерять сознание!

Новый удар почти добил его. Воздух в легких стал горячим и тяжелым, он застрял там, будто раскаленный камень. Гарин покосился на Михаила — тот медленно приходил в себя, но как только Столяров поднял голову, его снова вырубил. Последовала пауза, и Олег попытался перевернуться на спину, чтобы понять, кто их атаковал. Хотя он уже догадывался, что ничего хорошего не увидит. Это мог быть только контролер.

Это он и был. Рядом стоял широкоплечий мужик с квадратной башкой, одетый в какую-то полуистлевшую рвань. О выражении его лица сказать было совершенно нечего, кроме одного: у него было не лицо, а морда. Человеческая морда, не выражавшая никаких эмоций, даже агрессии. Кряжистый истукан стоял, как бетонная свая, и поочередно взмахивал огромными ручищами, вгоняя Олега все глубже и глубже в какой-то темный омут. Гарин слышал, что контролеры управляют зомбированными — может, так оно и было, но данный экземпляр не производил впечатления существа, способного кем-то управлять. Однако рука у него была ох какая тяжелая.

Олег не понимал, откуда у него взялось столько сил, чтобы до сих пор не потерять сознание. Столяров после второй попытки подняться отключился окончательно и уже не подавал признаков жизни. Гарин пнул его ногой, стараясь побольнее попасть каблуком. Возможно, у двух человек могли быть какие-то шансы в схватке с контролером, но у одного их точно не оставалось.

Бортник, который шел по всему периметру крыши, возле пролома был разрушен — не исключено, что его срубили как раз те, кто вывозил отсюда неведомую махину. И Гарин начал подозревать, что контролер не просто сотрясает воздух, а стремится скинуть их с крыши. А там уж подтянутся и зомби, которых он так заботливо увел от дождя.

Чем больше сыпалось на Олега пси-ударов, тем отвлеченней становились его мысли. Вопрос выживания его как будто и не волновал, процентов на пятьдесят он был уже мертв — так он сам оценивал свое состояние.

«Еще немного, и домой. Вот только найти дорогу. — То ли зомби снова завели свою шарманку, то ли это сказал контролер, то ли Гарин принял это за собственные мысли, было совершенно непонятно. Но эти навязчивые фразы... — Еще немного, и домой. Вот только найти дорогу... — все крутились и крутились в голове у Олега, доканывая его изнутри. — Еще немного, и...»

Гарин последний раз посмотрел на противника. Ему было досадно, что он не сумел оказать контролеру никакого сопротивления — ни физического, ни психологического. Мутант одолел его, как цыпленка.

Олег бессильно опустил веки и уже не глазами, а, наверное, внутренним взором увидел, как взрывается грудь мутанта, как разлетается в стороны тряпье, в которое он был замотан, а затем и воспаленная кожа, за которой летят кривые клыки разрубленных ребер, и мочалка порванных легких, и разомкнутые позвонки. Лишь потом до слуха донесся тяжелый рокот РПК и звон скачущих по крыше гильз.

Открывать глаза не хотелось — так страшно было обмануться и обнаружить себя уже не на крыше, а в преисподней. Тем не менее Гарин себя заставил. И увидел в паре метров улыбающегося Беса.

— Нормально вы погуляли? — спросил сталкер, взваливая пулемет на плечо. — Понравилось? Может, мы не вовремя?

— Вы... самое зашибись... — простонал Олег. — Но лучше бы чуть пораньше.

— Он недоволен еще! — возмутился Коршун, корпевший с аптечкой над Столяровым. — В следующий раз реально опоздаем. Покурим за углом, пока вас полностью не уделают, а потом уже подойдем. Нет, я серьезно: мы о чем договаривались?

Михаил, вздрогнув, очнулся и тут же свесился через край.

— Как эта гнида сюда попала? — спросил он, кривя губы и утираясь рукавом.

— Контролер-то? Видно, как и вы, как и мы. Не с неба же спустился.

— А это разве нормально для контролеров — по крышам лазить?

— Да вообще-то не очень, — подумав, ответил Коршун.

— Мужики рассказывали, один зачем-то в «запорожец» залез, — поведал Яцек. — Контролер, в смысле. Залез, а выбраться не может — тело-то не очень гибкое. — Он весело рассмеялся.

— Ты помолчал бы лучше, — проговорил Коршун. — Ну что, будете еще в город без нас выходить?

— Пропало желание, — признался Столяров. — Там во дворе трое зомби еще ошиваются, — вспомнил он.

— Уже нет. Мы на них и пришли, а потом увидели, как вас тут раскатывают. Думали, не успеем. А ты крепкий, Олег. Так с виду и не скажешь. Но мало кто мог десять минут пси-атаки выдержать. То есть вообще никто не мог.

— Десять минут! — ужаснулся Гарин.

— А тебе сколько показалось — час?

— Я думал, минуты две... Если бы знал, что десять, так и помер бы уже.

— Для того и нужны друзья, чтобы всегда кто-то спину закрывал. Мы ведь всего тридцать процентов запросили, а вы по-тихому, не предупредив, слиняли. — Коршун с укоризной поцокал языком. — Какие-то несчастные тридцать процентов могли стоять вам жизни. Нерентабельно, ребята, вы человеческий ресурс используете.

— Да какие тридцать процентов?! — взвился Гарин. — Тридцать процентов от чего? Мы здесь не ради денег, мы просто идем домой. Вот только найти бы дорогу... Тьфу, черт!

Коршун лишь сочувственно покивал.

— Все нормально, — сказал Столяров. — Договор в силе. Кто-нибудь в курсе, что через эту дырку вытащили? И куда отвезли. И когда это было. И кто этим занимался.

— И какого размера у них трупы, — тем же тоном добавил Коршун.

Бес не спеша обошел все четыре лебедки и для чего-то попинал их ногой.

— Подъемники мощные, но закреплены по временной схеме. Да и крыша здесь так себе. В общем, могли вытащить до семи тонн за раз. Но это потом еще и спустить надо было, если на машину грузили.

— Да, точно! — спохватился Михаил.

Бес продолжил осмотр крыши вокруг отверстия, повозил подошвой по мокрому битуму.

— Была стрела, — заключил он. — Но она, наверно, понадобилась для того, чтобы после перевозки снять груз с платформы и занести куда надо.

— И какой вывод? — спросил Столяров.

Сталкер пожал плечами:

— То, что ты ищешь, действительно увезли.

Михаил помолчал пару секунд, глядя на него с каменным лицом.

— Шерлоки Холмсы в роду были? — наконец выговорил он.

Бес не понял вопроса, а пояснять Столяров не стал. Прополоскав рот из фляжки, он накинул автомат на плечо и махнул Гарину рукой:

— Пошли отсюда.

— А что увезли-то? — не выдержал Яцек.

— Это в принципе не так важно, — отозвался Михаил. — Важно — куда увезли.

— И куда?

— Вот это нам и нужно выяснить, — буркнул Столяров. — Нет, ну Вишня, блин... Прикрыл, называется! Чтоб его, козла, самого так всю жизнь прикрывали. — Он погрозил кулаком соседнему дому, но Вишни там уже не было.

Глава двенадцатая

— Вывозили что-то, было дело, — важно произнес Порох. — Где-то месяц назад или чуть меньше насели наемники на микрорайон с детским садом. Да крепко так! Со всех сторон нас выжимали. Да мы не особо-то и сопротивлялись... Что там ловить, в детсаду этом? — Порох оглядел сталкеров, как бы обращаясь к ним за поддержкой, и те нестройно загудели: да, мол, верно, ловить там нечего.

На Припять спустились сумерки, к тому же начался выброс, и все обитатели книжного магазина собрались в кубрике, благо окон в нем не было и сверху защищал еще целый этаж. Кто-то спал, кто-то травил анекдоты, в дальнем углу сталкер в цветастой рубашке вяло тренькал на расстроенной гитаре.

— Ну, в общем, отдали мы им детский сад, — негромко продолжал Порох. — Хоть и обидно, конечно, было: это ведь наша территория по всем понятиям. Отдали, но посматривали. Сначала решили с двух точек наблюдать, потом как-то не с руки стало. Людям то все вольные: что нам вахты и график дежурств! Каждый сам себе начальник, — сказал он с горькой усмешкой. — В общем, то смотрим, то не смотрим. Только наемникам наша расхлябанность не помогла, — заулыбался сталкер. — Как раз в то время была смена Доктора. Дорогого нашего товарища Саши Геббельса. Я не знаю, сколько в нем немецкой крови осталось — может, и пять процентов всего, — но, видать, их было достаточно, чтобы человек относился к службе серьезно. Если бы не он, я бы дальше не рассказывал, потому что сам ничего не знал бы.

— Это все при Докторе случилось? — уточнил Столяров. — Почему же вы сразу не сказали? — спросил он у Коршуна.

— Их здесь тогда не было, — махнул рукой Порох.

— Нас еще не было, — повторил Яцек. — Мы пришли с Янова позже. Коршун, Бес и я. Доктор к нам в компанию уже здесь влился.

— Ах вот оно что... Ну, дальше, — поддержал Михаил Пороха.

— Да история-то не очень длинная. Подогнали наемники грузовик, установили на крыше дома кран. Долго корячились, снимали оттуда не то сейф, не то ящик здоровый...

— Контейнер, — подсказал Столяров.

— Я и говорю: откуда в детском саду взяться сейфу?

— Логично. Но не сходится. Там крышу и потолки рубить — не один день работы. А если взрывать, то грохот должны были по всему городу слышать. И в любом случае после этого еще останется гора мусора, которого нет и в помине.

— Дырки там были с начала времен. И в крыше, и в перекрытиях. Вот, правда, про подвал мы раньше не догадывались. Но там ничего ценного не оказалось, мы потом обшарили. Ну, после того, как наемники отошли.

— Не было, потому что они все вывезли, — проговорил Столяров.

— Видимо, так, — согласился Порох.

— Короче! — начал терять терпение Михаил. — Куда это отправили? То, что достали из подвала детского сада.

— Доктор сказал, повезли дворами куда-то на север.

— И?..

— Все, — пожал плечами Порох. — Повезли на север, и все. Не мог же Доктор идти за тягачом. Он остался смотреть, что дальше будет. А дальше — ничего, к вечеру наемники ушли.

— Вот так — взяли и ушли?

— Еще до темна освободили весь микрорайон. Ночью там кровососы любят охотиться, и никак их оттуда не отвадишь.

Столяров молча смотрел на Пороха, и тишина была ощутимо тяжелой.

— Значит, дело было так, — после паузы произнес Михаил. — Наемники активно выжимают вас из второстепенного района. Отбив Детский сад, они забирают из подвала какую-то огромную фиговину и тут же уходят. Потому что во всем районе их ничего, кроме этой фиговины, не интересует. А вам даже не приходит в голову, что эта фиговина может быть достаточно ценной. Иначе какого черта столько лихих людей полезли за нее под пули. И вот они уехали с этой ценностью, а вы спокойно тут сидите и продолжаете собирать по помойкам свой копеечный хабар. Я ничего не упустил?

— Теперь, когда ты нанизал все на одну ниточку, — промолвил Коршун, — мы, естественно, выйдем идиотами. Но учти, что рассказ о событиях — это совсем не то, что реальные события. У каждого свои дела, свои заботы, свои планы. Та фиговина весит немерено тонн. У наемников есть тягач, а у нас нет. Когда они отъезжали, Доктор сидел в нычке один, а наемников была туча.

— И не хрен нас тут учить! — поддакнул Порох. — Если ты такой умный, иди и найди ее сам.

Гарин все это время скромно сидел на своей койке и наблюдал за сталкерами. Пороха, оказывается, он тоже помнил. Слегка сосредоточился и чудесным образом выудил из памяти несколько историй. В целом ничего интересного. Порох выделялся лишь тем, что прожил в Зоне достаточно долго, на основании чего полагал себя гуру и почетным ветераном. В действительности он не любил идти первым — вот и весь секрет. Впрочем, трусом его никто не считал, просто все знали: если берешь в поход Пороха, то рассчитывай только на себя.

Помнил Олег и Доктора — это он тоже выяснил сейчас, задним числом. Чудаковатый, но безобидный. Надежный, как овчарка. Если сталкеры кого-то и любили, то это был он, хороший парень Саша Геббельс. Хотя «помнил» — разумеется, не то слово, которым это нужно было называть. Про сталкеров Гарин не помнил, а просто знал. Олег отдавал себе отчет, что помнить он может только те события, которые происходили с ним самим. А что, собственно, с ним происходило?.. Еще недавно он сидел в кабинете, переписывал логический блок для модуля распознавания экспертной системы. Чтобы верблюда, даже шестигорбого, анализатор классифицировал именно как верблюда, а не как увечного барана или гигантскую инфузорию.

Беда в том, что артефакты, которые поступали в Институт, сравнить было не с чем. Их взвешивали, просвечивали, замеряли поля, а кроме того, облучали и распиливали, замораживали и сжигали, но все это слабо приближало к ответу на вопрос о том, как они функционируют. А особенно «венец», с ним вообще все было неясно. Абсолютно пассивный объект, он даже не фонил, хотя прибыл из Зоны. Часть исследователей решила, что это монополимер, другая часть настаивала, что это монокристалл. Неизвестно, о чем они там договорились, но спорить прекратили. Рентген показал, что «венец» неоднороден и имеет сложную структуру, однако разобрать его на части никто не решился, слишком велик был риск полного разрушения артефакта. Ведь второго «венца» в Институте не было. С ним не стали бы так возиться, если бы не сопроводительная информация: «данный артефакт обладает необычайными пси-свойствами». Слово «необычайный» можно было бы и не заметить, если бы его написала какая-нибудь восторженная лаборантка. Но это был полковник ВДВ, командир части, стоявшей на границе Зоны. Говорили даже, что он написал это слово с ошибкой. Возможно, полковник впервые в жизни увидел что-то действительно необычайное... Все это Гарин не должен был знать, но тем не менее знал, просто потому, что обедал в том же буфете, где и основная группа исследователей. Воистину половина государственных тайн разглашается не под сывороткой правды, а за чашкой чая.

К рассказу о том, что у него был контакт с артефактом, Гарин относился примерно так же, как нормальный человек относится к смерти: просто старался не держать в голове, потому что задумываться об этом было и тяжело, и страшно, и бесполезно. Единственная

активация «венца» в Институте была связана с ним, с обычным программистом. Что из этого следует? Видимо, ничего хорошего...

Странно, но Олегу действительно долгое время удавалось отгонять от себя эти мысли. И только здесь, в Припяти, они стали такими настойчивыми, что отмахнуться от них было уже невозможно. Как будто в городе сработал некий спусковой механизм. Чужие воспоминания начали упорядочиваться, и если раньше они приходили неожиданно, как приступ головной боли, то теперь смахивали на картотеку: Гарин пользовался информацией, когда в ней возникала необходимость. Правда, он по-прежнему не имел ни малейшего представления о том, сколько в этой картотеке шкафов и ячеек и что за сведения в них хранятся.

Рядом подсел Коршун.

— Что-то твой компаньон меня раздражает, — сказал он таким тоном, будто продолжал давно начатый разговор. — Весь на понтах, весь в претензиях... А с какой стати? Кто он такой, что он сам-то может? «Венец» у тебя, а он с тобой обращается как с мальчиком. Неправильно это? — Последняя фраза подразумевала не только вопрос, но и предложение согласиться.

Гарин отстраненно посмотрел на сталкера. Доктора он помнил, а Коршуна — нет, и он чувствовал, что это важно. Кстати, про Яцека с Бесом Олег тоже ничего не знал. Здесь крылся ключ. Ответ витал где-то близко, на расстоянии вытянутой руки. Нужно было только ухватить.

— Правильно, — обронил Гарин.

— В смысле?.. — растерялся Коршун.

Правильно было то, что Олег не мог вспомнить ничего об этой троице. Потому что они, как оказалось, появились в городе позже. Позже чего?.. Чего конкретно?.. А того момента, когда и была создана неведомая картотека, доступ к которой он получил после первого контакта с «венцом». Или база данных, если называть вещи своими именами.

Вот она, истина. Олег хлопнул себя по коленям.

Впрочем, эта база выглядела на удивление разрозненной и субъективной. Кто и по какому принципу отбирал для нее информацию? Чем ценен Шифт или Порох? Зачем нужно было сохранять сведения о том, что бандит Пух — левша? Эта загадка посерьезнее прочих...

— Алло. — Коршун пощелкал пальцами. — Ты здесь или в космосе?

— Здесь, здесь, — отозвался Гарин, выходя из ступора.

— Ну так что с твоим Мишей? Я предлагаю укоротить схему, убрать лишнее звено. Половина твоя, половина наша. А твой бывший друг идет лесом.

— Он не бывший, — спокойно сказал Олег.

Коршун сразу все понял и перестал напирать.

— Ладно, — произнес он слегка смущенно. — Мое дело — предложить. И вообще этого разговора не было, хорошо? Надеюсь, ты ему ничего не передашь.

— Не передам, если прекратишь мутить воду.

— Да что ты, что ты... — засуетился Коршун. — Ну мы пойдем тогда, прошвырнемся. Выброс-то уже закончился давно.

Он встал и направился к выходу, но в дверях столкнулся с другим сталкером.

— Мы нашли Вишню, — объявил тот с порога.

В кубрике повисла тишина. Если про кого-то говорили «мы его нашли», то не имело смысла спрашивать, как он себя чувствует.

— Где?

— Возле пятиэтажки, недалеко от детского сада. Такое впечатление, что Вишня свалился с крыши незадолго до выброса. Иначе зверье успело бы потрепать.

— Как он мог свалиться? — удивился Столяров. — Он же не гулял по ней, а лежал.

— Наверно, кто-то помог. Даже без наверно. Сам бы он точно не упал.

В комнате вновь воцарилось молчание, еще более тяжелое. Птеродактилей в Зоне, слава богу, не водилось, а путь через десять лестничных маршей и чердак представлялся слишком сложным для любого мутанта.

— Может, наемники? — предположил Коршун, который так и не успел выйти.

— Все может быть, — угрюмо отозвался Порох.

Гарин с тоской посмотрел на плакат с Анджелиной Джоли, но отвлечься не удалось.

Вишня. Свою кличку в Зоне он получил быстро, просто и глупо. Разжился где-то банкой вишневого варенья и жрал его вечером, лежа на шконке, да так и уснул. Люди зашли в кубрик и увидели сталкера с перепачканными в варенье губами, как у ребенка... Вот и все: заснул человек Серегой, а проснулся Вишней.

Не успело нагретое Коршуном место остыть, как на кровать к Олегу подсел сталкер Цапля.

— Слышь, ты новенький, да? — начал он без предисловий.

У Гарина возник соблазн сказать что-нибудь вроде: «Не болит ли у тебя правая ягодица после того забавного случая?» Однако он сдержался, козырять своим сумасшествием было совершенно ни к чему. Да и забавного в прошлогоднем ранении Цапли было мало. Поэтому Гарин просто спросил:

— Чего надо?

— Дружок твой про детский сад выпрашивал да про ту штуковину толковал. А что, правда ценная вещица?

— Вещицей ее не назовешь, если на тягаче везли, — заметил Олег. — Но ценная, да. Только я, убей, не знаю, что это такое.

— Да ну! — не поверил Цапля. — Вы же всюду вместе.

— Только в Зоне. До этого пути у нас были разные. А после Зоны уж тем более разойдемся, как в море корабли.

— Вот те на... — огорчился сталкер. — Ну, если ты не в курсах, пойду к твоему корефану.

— Я уже здесь, — сказал Столяров, приближаясь к проходу. — Чем обязан?

— Что наемники увезли из детского сада?

— Сразу переходим ко второму вопросу, — холодно произнес Михаил.

— К какому второму?

— Что ты можешь предложить и сколько ты за это хочешь.

— От, пацанский базар! — обрадовался Цапля. — Есть идея. Встретиться с наемниками на нейтральной территории, перетереть. Может, чего и вырывается.

— Говори конкретнее.

— Да куда уж конкретней?

— У тебя знакомые среди наемников есть? Или знакомые знакомых?

— Пока нет, — бодро ответил Цапля. — Но могу поинтересоваться, навести мосты.

— Видишь ли, Юра... — произнес Гарин. — Можно я буду тебя так называть?

— Можно. А откуда ты мое имя?..

— Юра, пока ты наведешь свои мосты, а точнее, тень на плетень, поскольку на иное ты не способен, мы, боюсь, успеем состариться и удобрить один из газонов этого гостеприимного города.

Цапля вытаращился на Олега, со скрежетом в мозгу переваривая услышанное.

Столяров одобрительно взглянул на товарища и вдруг заметил отиравшегося в соседнем проходе Яцека.

— Идея неплохая, — моментально отреагировал тот. — Но Цапля эту задачу не осилит. Свободен! — сказал он Цапле и тут же подозвал к себе Беса. — Мы ведь с Пельменем похорошему расстались?

— Да он нам по гроб жизни должен! — заявил Бес.

— Найти бы его только.

— Не проблема. Я займусь.

— Короче, есть у нас человек, — обратился Яцек к Столярову. — Вместе по Янову кружили. Думали, он так и останется с нами, но в городе мы разошлись. Мы с ним не враги, да и не друзья уже, но поговорить он согласится, я уверен.

— А вы не так бесполезны, как кажется, — заулыбался Михаил.

— Я припомню тебе это хамство, когда контролер снова возьмет вас за жабры.
— Ну так когда можно будет с ним встретиться? С Пельменем этим.
Яцек с Бесом коротко переглянулись и одновременно кивнули:
— Завтра.

Глава тринадцатая

За ночь несколько раз принимался дождь, и к утру город выглядел в каком-то смысле помолодевшим. Даже слепые собаки на углу, напоминавшие облысевших сеттеров, казались свежими и бодрыми. Чтобы не тревожить медленно просыпающиеся улицы, Яцек и Михаил прикрутили к винтовкам глушители и постреляли псов, не подпустив их ближе, чем на квартал. Когда сталкеры достигли перекрестка, возле собак уже копошился десяток тушканов; жизнь в Припяти шла своим чередом.

Часы показывали без десяти семь, настроение у всех было такое, словно они собрались на рыбалку. Гарин подумал, что не удивится, если из-за поворота вдруг выкатит полупустой утренний автобус, но с очередного перекрестка открылись только новые безлюдные улицы и больше ничего.

До места, где Пельмень назначил встречу, оставалось уже немного. За гастрономом группа свернула влево, перебралась через забор с обвисшей колючей проволокой и прошла мимо электроподстанции. Коршун вел на запад, где терялись в дымке одинаковые панельные дома.

Когда процессия поравнялась с одиноким железным гаражом, из-за него вдруг вышел сталкер Налим с пистолетом в руке. Вместе с ним за гаражом отирался Порох.

— Вы что это в такую рань? — спросил он подозрительно.

— Чисто ноги разминаем, — ответил Яцек. — А вы?

— Цаплю искали, — мрачно произнес Порох. — Он ночью вышел, и как корова языком...

— Нашли?

— Здесь метрах в двадцати, ближе к кустам. — Налим махнул пистолетом назад.

— Зомби, — пояснил Порох. — Парочку Цапля грохнул, а потом у него затвор заклинило. Предупреждал ведь сто раз: следи за оружием! Норма-ально, говорит. «Калаш», говорит, — самое надежное оружие в мире, одна осечка на миллион.

— Уже не говорит, — возразил Налим.

— Ага... Вот и взял в итоге свой джекпот, земля ему пухом, зла не хватает... Ну а все-таки, куда путь держите, мужики? Подмога не требуется?

— Что же вы все на хвост упасть норовите? — посетовал Коршун.

— А сам-то! — бросил ему Олег.

— Так я при этом дело делаю, — тот даже не обиделся.

— Ну, бывайте тогда, — проговорил Порох, увлекая своего напарника в сторону гастронома.

Коршун проводил их тяжелым взглядом и сказал, будто сплюнул:

— Халявщики бестолковые.

Еще минут через пять наконец-то дошли. Наемник ожидал их у подъезда девятиэтажного дома, в тенечке под козырьком. Вряд ли Пельмень был намного старше Гарина, но из-за комплекции он выглядел куда солиднее. Ростом он был под два метра, с крепким телом и таким же крепким лицом, с цепким взглядом охотника. Непонятно, как прилепилась к нему эта кличка, в которой Олегу слышалось что-то вяло-вареное. Разве что из-за кулинарных пристрастий наемника, хотя бог весть, где он нашел в Зоне пельмени. Наемник кивнул сталкерам медленно и степенно, как старец-отшельник.

Сибирик, отчего-то решил Олег.

Одет был Пельмень в потертый синий комбинезон. Из-за плеча у него выглядывала двустволка, а на шее висела сумка с упакованным противогазом. Впрочем, сумка смотрелась скорее как оберег, чем как полезное снаряжение.

— Я пришел только из уважения к людям, с которыми мы вместе много пережили, — вместо приветствия заявил Пельмень, кивая на Коршуна и двух его товарищей.

— Ты же наемник, тебя должны интересовать деньги, а не человеческие отношения, — ответил Столяров.

— О чем ты хотел поговорить?

— О грузе из детского сада. Его вывезли еще до тебя, но ты мог что-то об этом слышать.

Пельмень помолчал, пристально рассматривая Михаила.

— Что там было? — равнодушно осведомился он.

— Собственность моего заказчика, — сказал Столяров.

Наемник слегка удивился:

— Что же твой заказчик бросает имущество без присмотра? Где он сам-то?

— Полагаю, где-нибудь в Монако. Проигрывает в рулетку очередной миллион.

— Если он такой нежадный, почему о каком-то хламе вдруг запарился?

— Потому что этот хлам намного дороже.

От такого признания у Коршуна по щеке сбежала капелька пота.

— Зайдем в подъезд? — предложил Столяров.

— Зачем? Там крысами воняет. Лучше здесь подышим.

— Тогда передай своему стрелку, чтобы чехлил дудку. У меня нервы больные, мне в спину не стоит целиться.

Михаил умел иногда формулировать, этого у него было не отнять.

— Спокойствия снайпер тебе не добавит. Лучшая гарантия — доверие. — Сказав это, Столяров продемонстрировал гранату и кольцо от гранаты — по отдельности, в разных руках. Гарин уже видел этот фокус и отлично помнил, что никакого фокуса тут нет.

Яцек восхищенно покрутил головой, Бес томно выдохнул и поправил на плече пулемет. Коршун замер, как истукан.

Пельмень рассмеялся:

— Тебе бы к нам с такими повадками.

— Ты приглашаешь?

— Нет, у нас своих отмороженных выше крыши.

— Кстати о крыше, — напомнил Михаил.

Наемник поднял руки вверх и скрестил их над головой с таким благодушным видом, точно вызывал Снегурочку. На верхнем балконе соседнего дома кто-то шевельнулся и встал в полный рост. Если бы еще секунду назад Гарину показали на эту точку пальцем, он решил бы, что там навалена куча старого тряпья. Лишь сейчас он осознал, что от самого забора их держали на мушке. Как Столяров умудрился заметить стрелка, оставалось только догадываться.

— Теперь все в порядке? — промолвил Пельмень.

Михаил вставил чеку и убрал гранату в карман.

— Что конкретно вывезли из детского сада? — спросил наемник. — Мне ведь нужно знать, что искать. Если, конечно, о цене договоримся.

Коршун выразительно кашлянул.

— Ты сначала найди, а потом уж обсудим цену. — Столяров пожевал губами, размышляя. — Это похоже на здоровенный железный ящик с окошками. Или даже на будку, хотя тебе в ней было бы тесновато. Но-о... — Михаилу очень не хотелось говорить. — Сам по себе этот контейнер бесполезен. Это часть сборочной линии. Оборудование должны были установить в каком-то большом помещении вместе с другими агрегатами. И поскольку эта линия работает не от педального привода, там должны быть мощные генераторы. Считаю это особой приметой. Больше ничего сказать не могу.

— Эта линия сильно шумит при работе?

— Без понятия.

— Вода для этого оборудования требуется? Насосы, фильтры, канализацию — искать рядом?

— Вижу основательный подход, — с одобрением отозвался Столяров. — Но я не знаю, честно.

— Куда же тебя послали, соколик? — сочувственно сказал Пельмень. — Это — «не знаю», то — «не знаю»... Припять — небольшой город, но найти здесь какую-то коробчонку очень проблематично.

— Коробчонка весит несколько тонн и стоит столько, что в приличном обществе такие суммы вслух не произносят. И к тому же ее вытаскивали ваши люди. У тебя неплохие шансы ее разыскать.

— Звучит заманчиво... Хорошо, сталкер, дай мне денек-другой.

— Где мы встретимся?

— Я свяжусь с тобой через Коршуна. И позаботься о его комиссионных. Можешь думать обо мне что угодно, но я считаю себя порядочным человеком.

— Нет повода сомневаться. — Столяров протянул ему руку.

Пельмень коротко ее пожал и, не прощаясь с остальными, скорым шагом направился во двор.

Коршун сиял так, словно спас из огня ребенка. Яцек и Бес держались скромнее, но ситуация вдохновляла и их. Гарин сердцем почувствовал, что приближается финал экспедиции, а с ним и долгожданное возвращение домой. Он даже на мгновение представил себе, что уже сидит за компьютером в своем мягком кресле и с сожалением вспоминает «былые деньки». Его отрезвил толчок в спину.

— Не расслабляемся, — буркнул Столяров и пошел назад к подстанции.

— Может, уйдем из Зоны? — мечтательно проговорил Яцек. — Закончим дело, получим свой процент, и гори оно все синим пламенем!

— Женюсь, — пообещал Бес куда-то в небо.

Коршун на это не ответил, лишь тихо улыбнулся каким-то светлым мыслям.

Настроение испортилось быстро и сразу у всех: за забором бродил контролер, его увидели, как только вышли из-за гаража.

— Обойдем от греха, — предложил Яцек. — Пес его знает, сколько зомби при нем ошиваются.

— Пока он нас не заметил, он не опасен, — сказал Столяров. — Насчет зомби мы посторожим, а контролером займется Олег.

В первый момент Гарину показалось, что он ослышался. Но Михаил настойчиво покивал: так надо.

— Ты за кого меня держишь? — возмутился Гарин.

— Не ори.

— За кого ты меня держишь? — вполголоса повторил Олег, как будто действительно надеялся получить ответ. — Я что, факир на гастролях?!

— Ты человек, который может справиться с этим уродом. Не сам, а при помощи «венца», что еще более ценно.

— При помощи винтовки с ним справится любой. Зачем огород городить?

— Любой. В том-то и дело. Тебе самому разве не любопытно?

— Тебе надо было в ученые податься, — прошипел Гарин, расстегивая рюкзак.

— Я подумаю об этом. Не теряй времени, а то еще кто-нибудь появится и весь эксперимент нам сорвет.

Коршун наблюдал за этим спором с большим интересом. Внешне он сохранял нейтралитет, но было ясно, что душой он на стороне Михаила.

Олег мученически вздохнул и надел артефакт. Вдоль забора тянулась стена из разросшегося кустарника, защищавшая сталкеров от случайного взгляда контролера. Все присели на корточки, Бес снял с плеча пулемет и установил его вплотную к проволоке, так, что оставалось лишь щелкнуть предохранителем.

Мутант как две капли воды был похож на того, который чуть не угробил Олега на крыше детского сада. Разве что одет он был иначе: в истертые джинсы и разодранный тельник, висевший внизу, как макраме. В общем, с некоторой натяжкой можно было сказать, что вдоль кустов бродит та же самая особь, только успевшая переодеться. От этой мысли Олег и оттолкнулся, впиваясь взглядом в контролера и сгорая от желания отомстить за прошлое фиаско.

У него перед глазами возникла визуализация пси-поля мутанта: такой же «венец» на голове, но не гладкий, а ветвящийся, и не черный, а ярко-голубой, почти неоновый. Отростки на обруче были длинными, они расходились лучами в разные стороны, но в основном вперед, сплетаясь в подобие длинного козырька. Четкого окончания у ветвей не было: они постепенно истончались до едва различимых нитей и независимо от ветра колебались, осязая ментальное пространство вокруг в сторожевом режиме. Контролер был спокоен, противника он не видел.

Олег мысленно коснулся веера пси-рецепторов над тупым широким затылком. Мутант проворно обернулся и издал нечленораздельный звук, однако за спиной у него никого не было. Секунду он постоял в растерянности, затем развел руками, словно признал, что ему померещилось, и продолжил свое бессмысленное фланирование у забора.

Гарин повторил, на этот раз сильнее. Он уже не притронулся к рецепторам, а дернул за них, снова побудив контролера обернуться. Тот сделал пару уверенных шагов к ближайшему подъезду, но опять встал: врага не было и там.

Чередой следующих пси-контактов заставила мутанта выписывать по двору полный круг. Он уже не успевал возвращаться в состояние покоя. Олег непрерывно раздражал невидимые щупальца контролера, переполняя его мозг противоречивой информацией. Мутанту было бы легче, если бы он мог отключить свое пси-поле и довериться зрению, которое продолжало настаивать на том, что противник отсутствует. Однако от своего «венца» монстр избавиться не мог, для него это был такой же орган чувств, как и все остальные.

Олег, по-прежнему скрываясь за кустами, терзал мутанта фантомными сигналами, пока не загонял его до изнеможения. Несколько раз, когда контролер приближался к забору, его пси-рецепторы проходили сквозь кустарник прямо над головой у Гарина. Олег пригибался и жестом приказывал сделать то же самое спутникам, которые переводили зачарованные взгляды то на охотника, то на жертву.

Когда у контролера не осталось сил, он шаркающей походкой дошел до дерева и привалился к нему плечом.

«Не может быть!» — донеслась до Гарина пульсирующая эмоция.

«Еще как может!» — мысленно ответил он.

Мутант взвыл и свирепо двинулся на Олега, будто услышав человеческую речь. Гарину ничего не оставалось, как только нанести удар по его пси-полю. Контролер остановился, отростки его «венца» изогнулись и хлестнули пространство чуть левее от Олега. Теперь монстр точно знал, где скрывается противник. Гарин увидел новый замах, и это были уже не рецепторы, а боевые жала, мощные, как стальные тросы. Олег порядком устал, поэтому сразу понял, что попытка у него будет только одна. Вzbешенный мутант собирался обрушить на обидчика всю свою мощь, а поскольку товарищи Олега находились в том же секторе, накрыть могло сразу всех. Самым страшным было то, что Гарин не успевал никого предупредить: движение энергии от контролера уже началось. Олег стиснул зубы до хруста и послал мутанту встречную волну. Это было как мощный выдох, Гарин отдал ему все свои силы. Сделать что-то большее он бы не смог.

Контролера отбросило назад к дереву. Он издал оглушительный вопль, в котором ярость смешалась с изумлением, и, довольно легко поднявшись, снова пошел в атаку.

— Стреляй, — слабо прошептал Гарин сидевшему рядом Бесу.

Тот не заставил себя ждать и одной длинной очередью выпотрошил мутанта, как карася. Только после этого Олег позволил себе упасть на спину, раскинуть руки в стороны, сбросить с головы артефакт и наконец-то отключиться.

Глава четырнадцатая

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Столяров.
— Жрать хочу, — безучастно произнес Олег.
— Сейчас принесу. — Время Гарин не засекал, но ему показалось, что Михаил вернулся уже через секунду. — Ну теперь хоть поешь?
— Давай, я же сказал.
— Сказал и уснул.
— Что, серьезно? — не поверил Олег.
— Да, еще на три часа.
Гарин с трудом проморгался и сел на кровати.
— Тащили меня оттуда на руках? — поинтересовался он.
— Ты не тяжелый. Что снилось?
— Анджелина Джоли, — ответил Олег, и это была чистая правда. Героиня чужих грез посещала его во сне все чаще.
— Держи. — Столяров подвинул в проход табуретку и поставил на нее разогретую банку тушенки.
Гарин набросился на еду с неприличным энтузиазмом и даже не заметил, как рядом оказался Коршун.
— Удивляюсь я на вас, мужики, — высказался тот. — Зачем вам этот ящик искать? Какой, к черту, ящик! Вы со своим «венцом» королями Зоны можете стать. Сталкеры будут вам долю отстегивать, весь «Монолит» будет перед вами на цирлах бегать. Что еще надо? Нет, заказчик у них, видишь ли... коробка у них там какая-то...
— Метишь в министры обороны при дворе императора? — с полным ртом проговорил Олег.
— Кончай свои подколки! — скривился Коршун. — Давно уже не смешно. Хватит подозревать меня в том, чего я не делал.
— Некоторые вещи можно сделать только один раз, — многозначительно заметил Гарин.
— Да идите вы оба, полоумные! — Коршун рывком поднялся и вышел из кубрика.
— Могу поспорить, через полчаса он вернется, — обронил ему вслед Михаил. — Ну... Поспал, поел, теперь делись впечатлениями. Как это было, с контролером? На что похоже?
— Ты мне вот что лучше скажи... — Олег доскреб ножом остатки тушенки и переставил банку на тумбочку. — Как ты засек снайпера на встрече с Пельменем? У тебя бинокль встроенный или локатор в черепушке?
— Я не засек, я просто предположил.
— В смысле?.. — опешил Гарин.
— В прямом. Я бы на его месте точно поставил снайпера, по возможности — двух.
— Может, их двое и было?
— Совершенно не исключено, — спокойно сказал Столяров.
— А если бы никаких снайперов там не оказалось?
— Тогда я бы понял, что Пельмень — пустышка.
Олег задумчиво побарабанил по табуретке.
— Ты, наверно, был хорошим опером, — заметил он.
— Почему «был»? — улыбнулся Столяров. — В отличие от тебя я в Зоне по собственной воле.
Гарин снова помолчал, глядя на Анджелину Джоли.
— Как ты считаешь, почему Коршун со своими корешами до сих пор не попытался отобрать у нас «венец»? — неожиданно спросил он.
— А зачем он ему? Я уверен, Коршун в курсе, что активировать «венец» дано не каждому. И ему скорее всего не дано. Ни ему, ни Бесу, ни Яцеку. Иначе, конечно, у нас были бы проблемы.

— «Венец» можно тупо продать. Тупо, но дорого.

— Они могли завладеть им уже несколько раз, хотя бы тогда, в детском саду.

— Могли, но не завладели, и на этом основании ты им доверяешь, — утвердительно произнес Гарин.

— Это не доверие, Олег, это здравый смысл.

— Кстати, ты не заметил, что все, кто встает между нами и Коршуном, довольно быстро погибают?

— Ты удивишься, но в Зоне это случается, — сказал Михаил.

— Я не шучу. Доктор, потом Вишня, потом Цапля. Не слишком ли плотно ложатся шальные пули?

Столяров посерьезнел:

— Не понял, при чем тут Доктор. Мы застали его уже мертвым.

— Он провел в городе больше времени, чем Коршун. Намного больше, — добавил Гарин. — Доктор мог знать об этой тройке то, чего нам знать не следует.

— Вилами по воде пишешь, — ответил Михаил.

— С Цаплей еще проще: без него Коршун остался единственным связным между нами и наемниками. Цену уже никто не собьет.

— Ну а Вишня? Он тут при чем?

— Вишня видел, как нас атаковал контролер на крыше. И затем — наше спасение при помощи новых друзей. В самый последний момент, прям как в сказке.

— Ты хочешь сказать, что с контролером в детском саду все было не совсем так, как мы думаем? А что там могло быть по-другому? Коршун специально ждал до последнего, чтобы явиться в образе доброй феи?

— Как вариант, — кивнул Гарин.

— Мне кажется, ты слишком глубоко копаешь.

— А ты включи интуицию, она же тебе по штату положена, опер. Если я могу установить пси-связь с зомбированными, то почему этого не может кто-то другой? Пусть не Коршун, пусть кто-то еще. И не так, как я, а лучше и мощнее. Не исключено, что кто-то способен охватить сразу весь город.

— Ну ты загнул! В любом случае по всем эпизодам, которые ты перечислил, у Коршуна есть алиби. И не какие-то сомнительные свидетели, а мы сами. Он был у нас на глазах.

— Вот это меня и настораживает. Значит, он действует не один, и возможно, эта тройка — только прикрытие для чего-то большего.

— Твоя паранойя говорит о серьезном подходе, — сказал Столяров. — Мне это нравится. Главное, чтобы она не мешала делу. Ладно, давай уж разберемся с этой темой до конца. Что, по твоему мнению, Коршуну от нас нужно, кроме денег?

— Ты меня не слушал, — сокрушенно проговорил Олег. — Коршуну не нужны деньги. Это просто игра, чтобы был повод все время крутиться рядом с нами. Вот наш «венец»: давно ясно, что это не подделка, верно? Я не знаю местных цен, но уверен, что он стоит приличных денег. На встрече с Пельменем мы были в меньшинстве, они могли бы взять нас, как морковь на грядке. Рабочий «венец» — это синица в руках, и очень жирная. В отличие от какого-то контейнера, который еще запаришься искать и за который ты им не заплатишь ни копейки. — Гарин цинично улыбнулся. — Если бы Коршун был тем человеком, за кого он себя выдает, то мы бы с тобой остались лежать там, на стрелке с Пельменем, — подытожил Олег. — Здесь что-то не то.

— Ты относишься к нему пристрастно, — возразил Михаил. — Просто он тебе не нравится, это нормально. Мне тоже не нравится Коршун. Но это еще не значит, что он работает на двенадцать разведок и пьет кровь младенцев. Или... — Столяров запнулся, в его взгляде вдруг блеснула догадка. — Может, ты что-то почувствовал через... — он постучал себя пальцем по лбу, — через «венец»?

— Да, — помедлив, ответил Гарин. — Но не то, что можно представить как доказательства. Это только ощущения.

— Так поделись ими.

— Сегодня утром я уловил его любопытство, осмысленный и очень плотный сигнал. Тебе тоже было интересно, чем закончится мое состязание с контролером. Но ты, извини, смотрел на нас, как ребенок смотрит представление в театре. Ты был простым зрителем. А Коршун... он как будто уже где-то видел это шоу. В отличие от тебя, он не глазел — он оценивал. И интерес у него был совсем другой, более глубокий. Я бы даже рискнул назвать его профессиональным.

— Логично предположить, что Коршуну страшно хочется узнать, как активизируется «венец», — неуверенно произнес Столяров.

— Нет. Он как будто сравнивал меня с кем-то другим. Понимаешь? Коршун сравнивал меня с другим пользователем «венца». Может быть, даже не с одним, а с несколькими. Я не знаю, как объяснить точнее. Это ощущения, их нельзя выложить на стол, как вещдоки.

— Мне это нужно обдумать, — сказал Михаил.

— Давай. А я еще полежу немножко. Что-то я отяжелел от этой тушенки.

Гарин лег, но, как только Столяров ушел, он приподнялся на локте и торопливо достал из тумбочки фотографию.

Марина. Чужое, незнакомое лицо, которое почему-то вызывало такую боль в душе... Олег снова прилег и попытался выудить из памяти хоть что-нибудь касающееся Коршуна. Ничего там не было, оно и понятно. Гарин закрыл глаза и попробовал таким же образом прощупать Беса, Яцека, Пельменя... Глухо. Вот кубрик он помнил хорошо: на той шконке когда-то лежал растаман Тяга, а вон на той — долговязый Лонг, которому, чтобы вытянуть ноги, приходилось просовывать пятки между металлическими прутьями в спинке. Впрочем, Тяга давно уже словил свой последний приход в объятиях контролера, а Лонгу разнес голову из отбойника «монолитовец». Но даже без головы он оставался выше среднего роста. Или уже не выше, а в соответствии со своей кличкой — длиннее. На обеих кроватях символически свернули матрасы, но вскоре эти места заняли новые сталкеры.

Незаметно Олег снова уснул. Если б не Михаил, он бы не просыпался вовсе: схватка с контролером настолько его измотала, что казалось — каждый палец, каждый волос на теле требует отдыха.

Когда его разбудили в третий раз, Михаил был не один, а снова с Коршуном.

— Я опять спал? — всполошился Олег. — И сколько? Какой сегодня день?

— День все тот же, — со смехом отозвался Коршун.

— Сейчас ты моргнул ненадолго, — сказал Михаил. — Минут на сорок, не больше. Я же обещал, что наш друг через полчаса вернется?

Коршун не понял, о чем идет речь, но не стал уточнять. Вместо этого он сразу перешел к делу:

— Есть информация от Пельменя.

— Надо же, какой он прыткий. — Олег широко зевнул, окончательно просыпаясь. — Уже все нашел? А где он, кстати? Мы же вроде собирались с ним встретиться еще раз?

— Пельмень обещал не встретиться, а связаться. Через меня, — добавил со значением Коршун. — Он нашел в городе Беса и все ему передал.

Гарин непонимающе посмотрел на Столярова, затем вновь на Коршуна.

— Тогда говори, что ты мнешься?

— Я не вижу денег, — заявил Коршун.

— А вчера ты их видел?

— Тоже нет.

— Ну так что изменилось?

— Э, не лечи меня, — процедил Коршун. — Я свою часть договора выполнил, теперь ваша очередь.

— Миш, я не врубаюсь в ситуацию, — пожаловался Олег. — Зачем ты его ко мне-то привел?

— У нашего друга есть новое предложение, — пояснил Столяров.

— Ну да, — подхватил Коршун. — Поскольку денег у вас нет...

— Ты их обязательно получишь, — возразил Михаил.

— Поскольку денег у вас при себе нет, — твердо повторил Коршун, — вы свой долг отработаете. А конкретнее, отработает этот гаврик с «венцом». Ты, — он ткнул пальцем в Столярова, — отправляешься домой снимать пенки со своего миллионера, а ты, — Коршун повернулся к Гарину, — на месяц поступаешь в мое распоряжение. Кормежку и посильную охрану гарантирую. Но работы предстоит много, скрывать не буду.

— Твои условия невыполнимы, — ответил Олег. — И ты это понимаешь.

— Ах я понимаю?! — взвился тот. — А что вы понимали и о чем вообще думали, когда вписывались в блудняк с этим сраным контейнером? У вас же ни гроша в карманах! Вы реально верили, что несколько человек станут пахать на вас бесплатно? Ходить, искать, расспрашивать? И вот мы нашли, а хрена ли толку? Теперь вы поете, что испытываете временные финансовые затруднения. Или вас забыли предупредить, что в Припяти нет банкоматов?

— Остынь, остынь, — миролюбиво произнес Михаил. — Посмотри на это с другой точки зрения: неужели мы такие отмороженные, что надеялись кинуть четырех человек? У нас небольшая накладка, признаю, но бабло скоро будет. На днях я жду курьера. Ты ведь знаешь, что путь в Припять — не самый простой и не самый быстрый. Но человек идет.

— А если твоего курьера по дороге загрызут мутанты? — спросил Коршун уже совсем другим тоном.

— Тогда с Большой Земли отправят второго.

— А если и второго?..

— Значит, пришлют третьего, — заверил Столяров. — Моему заказчику нужен результат, а не телеграмма о том, что меня тут расстреляли за долги.

Сталкер оттаивал на глазах.

— Пора обсудить сумму, — сказал он.

— Курьер несет двести тысяч евро, — равнодушно проговорил Михаил. — Это ваши деньги. Дели их как считаешь нужным. Моя доля ляжет на счет в банке.

Коршун сделал вид, что размышляет.

— Согласен, — бросил он. — Но место, где стоит твой контейнер, ты узнаешь только после оплаты.

— Конечно. Но если его там не окажется, пеняй на себя.

Оба, вполне довольные разговором, ударили по рукам. Гарин продолжал лежать на кровати, слабо понимая, зачем он присутствует при этой подозрительной сделке.

— Еще один вопрос, — спохватился Коршун. — Чисто для общего развития.

— Ну, валяй.

— Вот узнал ты, где находится этот ящик, и что дальше? Его и вдесятером не поднимешь.

— Это тебя уже не касается. Набора грузчиков не будет.

— Не увиливай.

— Я не увиливаю, я говорю открыто: это не твое дело.

— Да перестань, — нетерпеливо сказал Коршун. — Вот прям охренительный секрет!

— Охренительный, — подтвердил Столяров. — Тебе действительно так интересно? — спросил он, увидев, что Коршун не отступает.

Тот искренне затряс головой.

— Я должен вернуть его владельцу, — сообщил Михаил.

— Э-э... И тебе это представляется легким делом? Вытащить из Зоны целый контейнер?

— Вдвоем мы не осилим, — согласился Столяров. — По маяку прилетит отряд оч-чень серьезных мужчин, которые еще и не такие операции проворачивали.

— Трудно даже представить, во сколько это обойдется твоему бешеному миллионеру.

— Это уже его проблемы, не правда ли? Лучше не вникай. Просто дождись своих денег и забудь об этом. А теперь, извини, моему товарищу нужно отдохнуть, он никак не очухается после утреннего спарринга.

Михаил мягко, но настойчиво выпроводил Коршуна из прохода и сел напротив Гарина.

— Вот мы и выяснили его настоящую цель, — сказал Столяров после длинной паузы.

— Я уже ничего не понимаю, — отмахнулся Олег. — По-моему, все наоборот. Это он выяснил, чего ты добиваешься.

— Как раз в этом его цель и заключалась.

— Кончай балаган, мне не до шуток.

— Никто и не шутит. Не знаю, поверил ли Коршун в деньги, которые нам якобы несут... Во всяком случае, он сделал вид, что верит. Но в действительности его интересовало не это, а только то, о чем он спросил в самом конце.

— Про то, что ты сделаешь с контейнером?

— Да. Ему нужно было это выяснить. Я тут навел кое-какие справки, пока ты спал. Представляешь, об этом Коршуне никто ничего толком не знает.

— О нем не знает даже... — Гарин поднес палец к виску, но осекся. — Извини, продолжай.

— Ты не ошибся: он действительно не тот, за кого себя выдает. Так же, как и мы, впрочем... Ты заметил, кто из местных не ходит добывать артефакты? — Столяров тихо рассмеялся. — Мы с тобой да тройка Коршуна. Мы могли проколоться уже только на этом. Хотя и прокололись. — Он посерьезнел. — Коршун-то сразу усек, что мы отличаемся от этой братии. Потому и приклеился к нам. Ему даже «венец» не нужен. Он хотел лишь одного: убедиться, те ли мы, кого он ждал. Так, у тебя наволочка почище вроде, — сказал Михаил без всякого перехода. — У меня совсем черная уже, а твоя еще ничего. Снимай, давай ее сюда.

— Зачем она тебе?

— Я иду в госпиталь.

— Ты заболел?

— Я в порядке.

— Но в госпитале база наемников!

— Поэтому я туда и собираюсь. Нужно предупредить Пельменя.

— Кого-кого?... Пельменя?!

— Пельмень будет четвертым. После Доктора, Вишни и Цапли. Ты был прав, Олег. Абсолютно прав.

Глава пятнадцатая

Гарин поймал Михаила за рукав уже у самой двери:

— Я пойду с тобой.

— Это исключено, — отрезал Столяров.

— А если тебя там грохнут?

— А вот это вероятно.

— Ну и что мне тогда делать?

Михаил остановился.

— Спроси чего полегче, — вздохнул он. — Советую примкнуть к какой-нибудь толковой группе. Потом, возможно, кого-то потянет домой — увяжешься с ними. Один ты из Зоны все равно не выберешься.

— Отличная перспектива.

— Ну, знаешь ли, не хуже моей.

— Хрен редьки не слаще, поэтому я иду с тобой.

— Ты мне не нужен, — до обидного просто сказал Столяров.

— А если ты по пути наткнешься на контролера?

— На этот случай есть винтовка.

— А если ты его не заметишь?

— Не будь ребенком, Олег. Хватит уже твоих «если».

— А ты не корчи из себя героя! Один он идти собрался...

Столяров легким движением избавился от захвата и вышел в торговый зал. Рядом с пустым стеллажом он резко развернулся и ткнул шедшего следом Гарина кулаком в живот:

— Но только не ныть, понял? Не рассуждать, не плакать, не задавать глупых вопросов. И убери «венец» куда-нибудь. Спрячь его за пазуху. Коршун мимо не проходил? — обратился он к сталкерам за столом.

— Не проходил, — ответил Порох. — Пролетал! Выскочил как ошпаренный.

— Один?

— Этого я не заметил.

— Вроде, один, — сказал Налим.

— Какой он, оказывается, быстрый, наш пернатый друг... — пробормотал Столяров, увлекая Олега к выходу. — А Бес или Яцек? — спросил он уже с порога.

— Нет, нет, не видели, — нестройно ответили сталкеры.

Михаил сбежал с крыльца и вышел на середину улицы.

— Неизвестно, сколько у нас времени, — сказал он. — Если опоздаем, то лучше бы вообще не ходить.

— Тогда не пойдем?

— Двинули, живо! И убери, говорю, «венец» из рюкзака. Там, куда мы идем, парни попроще, они длинных комбинаций не выстраивают. Хватают все, что видят. Да-а... Ну, Коршун, ну, молодец... Резину тянуть не любит.

— Как ты думаешь, Бес действительно встречался с Пельменем?

— Конечно, нет. Коршун с самого начала знал, куда отвезли контейнер. А с Пельменем нас свели для правдоподобия. Потому что для обычного сталкера Коршун знает непозволительно много.

— А если ты ошибаешься?

— Опять?! — крикнул Столяров. — Ста метров еще не прошли, ты мне уже в мозги вьелся!

— Ладно, я помолчу, — отозвался Гарин. — Только одну вещь скажу. Я понял, почему ты в Зоне. Приказ начальства, большая зарплата в Институте — все это фигня. Ты сам сюда с радостью влез, потому что дома ты один. Нет у тебя ни друзей, ни баб нормальных. Какой бы ты ни был боксер-самбист, ты все равно один. Потому что ты невыносимый человек. Все, вот теперь я молчу. — Олег рубанул воздух рукой, словно расписался и перевернул страницу.

Михаил на эту тираду никак не отреагировал, возможно, он вообще ее не слышал. Его занимала проблема более насущная: как не опоздать к Пельменю и в то же время не стать кормом для мутантов. Преодолеть бегом расстояние от книжного до госпиталя было нереально даже без рюкзака за спиной и Гарина на шее. Кроме того, на дороге тут и там лежали поваленные деревья, закрывавшие обзор. За каждым из них могла поджидать парочка зомби или свора голодных собак. Столяров двигался короткими, но мощными перебежками от одного укрытия к другому. Бочка из-под солярки, куст, даже бетонные основания фонарей — все годилось, чтобы укрыться от возможного противника. При этом Михаил был вынужден каждый раз оборачиваться к Олегу и проверять, жив ли тот.

Гарин старался не отставать — настолько, насколько это было в его силах. А силы начали его покидать уже через два квартала, как только миновали универмаг. Еще через несколько минут впереди за общежитием показалось какое-то длинное строение. Гарин, помнивший карту довольно смутно, решил, что это и есть больница. Радости не было предела, силы удвоились, и следующие сто метров он преодолел как на крыльях. Однако здание оказалось обычным жилым домом, и Олегом овладело уныние.

«Автомат можно было и на базе оставить, — с тоской подумал он. — Все равно не воевать же идем».

Единственное, что его не мучило, — это обувь. Трофейные ботинки «Дизель», которые бывшему владельцу уж точно не понадобятся, поскольку в аду принято ходить босиком.

Вот если бы еще избавиться от автомата и, естественно, от рожков к нему, а заодно от гранат...

— Ложись! — рявкнул впереди Михаил.

Гарин, уже привыкший к дисциплине, без вопросов распластался на земле. Спустя мгновение он услышал, как чье-то тело позади с глухим стуком принимает винтовочные пули. Где-то там же, чуть левее, послышался злобный собачий рык.

— Лежать! — повторил Столяров.

Он всадил во второго мутанта остатки магазина, перезарядил оружие и лишь потом позволил себе перевести дыхание.

За спиной у Олега остались лежать два снарка.

— Пойдем, пойдем, — поторопил Столяров. — Мы сейчас в самом неприятном месте: вперед еще далеко, а назад уже глупо. Давай! Бегом, твою мать!

Уворачиваясь от пинка, Гарин рванул по улице, да так быстро, что обогнал Михаила.

— Стой! Жди! — замахал ему Столяров, догоняя. — Ты что, белены объелся? Куда втопил? Вместе двигаемся.

Следующий квартал они преодолели быстро и без сложностей, вот только сил у Гарина оставалось уже не много, вернее, как он считал сам, — не оставалось совсем. Еще через двадцать метров Олегу пришлось забыть об усталости: наперерез им, прямо на проезжую часть, от магазина «Березка» вышел медлительный и мощный, как старый медведь, контролер.

«Вот! — возбужденно подумал Гарин. — Вот я и понадобился! Настал мой час».

Он сунулся в рюкзак, но вспомнил, что убрал «венец» под комбинезон, и хлопнул себя по груди, убеждаясь, что артефакт действительно там. За это время Столяров поднял винтовку и четыре раза подряд выстрелил мутанту в лицо. Пули легли кучно, и четвертая прошла уже насквозь, с визгливыми рикошетами потерявшись где-то в дворовых гаражах. Контролер постоял пару секунд, будто сомневаясь, не рановато ли ему подышать, и наконец рухнул вперед, расплескав по сухому асфальту месиво перемолотой морды.

— Уже близко, — сказал Михаил, доставая из кармана скомканную тряпку, в которой Гарин узнал свою наволочку.

Столяров кое-как примотал полотно к стволу винтовки и, взяв ее за приклад, поднял высоко вверх.

— Руки в гору, — скомандовал он.

— Веришь в благородство наемников? — спросил Олег, выполняя приказ.

— Человек всегда должен во что-то верить, — отозвался Столяров. — Пошли. Медленно.

Первый корпус госпиталя встретил их гробовой тишиной. За окнами на разных этажах можно было заметить отчетливое движение, но в контакт наемники не вступали.

— Не пристрелили сразу — это плюс, — поделился Михаил. — Только руки не опускай смотри.

Они прошли вдоль всего здания, за которым открылся сквер, довольно большой и некогда уютный. Зеленая площадка была обнесена низкой бетонной оградой, ничего не закрывавшей и построенной лишь для завершения архитектурной композиции. Когда-то здесь было так хорошо, что люди, вероятно, и болели-то без особой печали. В глубине сквера, отстранившись от улицы, стоял главный корпус, еще более длинный и высокий, чем первый.

От широкого крыльца к парламентарам шли трое вооруженных мужчин в синих комбинезонах.

— Психиатр сегодня не принимает, — с ходу заявил один из них. — Чего надо?

— Переговорить с одним из ваших людей, — ответил Столяров, осторожно опуская винтовку стволом к земле. — Для него это важно.

— Для кого для него? — процедил другой наемник.

— Для Пельменя. Мы пришли к нему.

— Он вас сюда звал?

— Нет. Но я повторяю: Пельменю это важно.

— Ишь ты... А кто решил, что для него важно, а что нет?

— Послушайте, парни. Мы отмахали половину города, и этот город — далеко не Рио-де-Жанейро, вы в курсе. Мы намеренно зашли на территорию, где по чужим часто шмаляют без предупреждения. Наверно, у нас есть веская причина, как вы думаете? Позовите Пельменя, неужели это так трудно? Если он, конечно, еще не мертв.

— Ты дуру-то не гони! «Мертв»! — передразнил первый наемник. — Кабан! — крикнул он в сторону главного корпуса. — Иди сюда, сам разбирайся!

Из-за чудом сохранившихся стеклянных дверей показался плотный краснолицый дядька в бронежилете на голое тело, с виду — натуральный прапорщик в отставке.

— Что галдите тут? — раздраженно проговорил он. — Пришли уж — значит пришли. Заберите у них все и ведите наверх. Пусть ждут своего Пельменя, раз им так чешется.

— Разоружаемся, быстренько, — распорядился наемник, страшно довольный тем, что ему не пришлось принимать решение. — Рюкзачки, карманчики — все сюда, в кучу валите. Да не жмитесь, нам вашего барахла не надо. Все вернем. Если, конечно, вам судьба отсюда выйти, — уточнил он с гаденькой ухмылкой школьного стукача.

Обыск был проведен довольно тщательно. Пронести в госпиталь пистолет или нож вряд ли удалось бы, но завернутый в кожу «венец» под плотной тканью комбеза не прощупывался. Что же до Столярова, то у него отобрали все, включая бинокль, КПК и фонарик.

Третий наемник, так и не раскрыв рта, взвалил на спину изъятые добро и зашагал к центральному входу, правее от пандуса для заезда «скорых». Туда же повели и Олега с Михаилом.

Кроме дверей, в главном корпусе уцелело еще несколько больших стеклянных панелей. Это было крайне странно, но впечатление производило хорошее. Гарин со Столяровым попали в большой прибранный холл, который из-за естественного освещения казался еще шире и чище. В углу стоял аптечный киоск: на прилавке высились пирамиды из тушенки разных видов. Насколько можно было судить, консервы тут выдавались бесплатно и без ограничений.

В холле находилось около десятка человек. Двое играли в домино, еще трое — в карты, но совершенно без агрессии, как порядочные пенсионеры в санатории. Из холла в обе стороны расходился длинный коридор, такой же чистый и светлый, с распахнутыми дверями бывших административных кабинетов, а ныне — комнат на четыре койки.

Чем больше Гарин подмечал деталей — а у него было достаточно времени, чтобы осмотреться, — тем сильнее менялось его представление о жизни наемников. Образ пьяного быдла с пулеметом стремительно таял. В какой-то момент Олег даже испытал желание примкнуть к этой общине боевых соратников. Правда, в следующую секунду он вспомнил, в чем заключается работа этих приятных людей, и его романтический порыв угас.

Конвоир довел их до лестницы в конце коридора, и Олег с Михаилом без лишних указаний начали подниматься.

На втором этаже был точно такой же коридор, только без отдыхающих. На площадке между третьим и четвертым стояла табуретка с машинкой для снаряжения пулеметной ленты. Бритый мужик богатырского вида, весом килограммов под сто пятьдесят, сидел на корточках и меланхолично крутил ручку. Рядом лежали три пустых цинка и огромный ворох разорванных картонных пачек.

— Аркаша, ты не утомился еще? — со смехом спросил наемник.

— Я крепкий, — прогудел Аркаша, досыпая патроны в лоток.

На пятом этаже восхождение закончилось, площадка была последней.

— Поворачиваем, — сказал конвоир вполне дружелюбно, как будто за десять лестничных маршей успел проникнуться к гостям симпатией. — Капитан! — позвал он кого-то. — Вылезай, работенка есть. Твоя любимая!

Одна из дверей открылась, и в коридор выглянул худощавый мужчина с тонкими французскими усиками. Сощурившись, он нацепил маленькие очки в оправе под золото и достал из-за пояса ПМ.

— Принимай под охрану. Сами пришли. Посидят у тебя, пока Пельмень из города не вернется.

— Ты сторожа во мне нашел, что ли, кот помойный? Сам их стереги, — выдал Капитан такой стремительной скороговоркой, что Гарин едва уловил смысл. Однако даже ему было видно, что Капитан на самом деле доволен.

Конвоир потратил пару минут на беззлобную перепалку — вероятно, такова была традиция, — потом все-таки сбыл сталкеров с рук и, насвистывая, побежал вниз по лестнице.

Капитан оглядел Олега и Михаила, словно своих подчиненных, пойманных на каком-то мелком, но позорном воинском проступке.

— Ну что, красавчики... Заходим, устраиваемся. — Он посторонился, пропуская пленников. — В камере не курить, не оправляться, не шуметь, — перечислил он, помахивая пистолетом, — в общем, не мотайте мне нервы. Когда меня злят, я начинаю непроизвольно стрелять. Вопросы, пожелания есть? Ну и слава богу.

Он захлопнул дверь и дважды лязгнул засовами.

То, что Капитан представил как камеру, когда-то было палатой на два окна. Всю мебель отсюда вынесли, вместо нее валялось несколько пластиковых ящиков из-под пива. В углу, над тазом из нержавейки, висел дачный умывальник, Гарин проверил — полный.

— Мне кажется, мы правильно сделали, что пришли, — поделился Олег. — Прием, учитывая обстоятельства, просто отличный. Уверен, они нас еще и покормят, если Пельмень задержится.

— Угу, — мрачно отозвался Столяров. — Покормят они. А потом догонят и еще раз покормят. Да нет, все нормально. Но есть одна деталь: Пельмень может и не вернуться. В Зоне любой может не вернуться, но с сегодняшнего дня его шансы резко возросли. И если Коршун его уже достал, то наше будущее незавидно. Надо было тебе все-таки в книжном оставаться.

Михаил подошел к окну.

— А вид здесь неплохой, — сказал он.

Гарин сел было на ящик, но тут же встал и оперся ладонями о соседний подоконник.

Пятый этаж — не бог весть что, но все же с такой высоты Олег видел город впервые, и это было совсем другое ощущение. Слева внизу темнела крыша полуразрушенного перехода между корпусами. Напротив главного здания, прямо через дорогу, стояли уступами три девятиэтажки. Правее и значительно дальше находилась большая площадь со статуей Прометея в центре. Еще дальше терялся в дымке типовой кинотеатр или что-то подобное, из-за расстояния сказать наверняка было сложно. Заканчивалась панорама речным портом с высокой диспетчерской башней. Справа к нему примыкало что-то еще, похожее на бывшее кафе с заколоченными витринами.

— Как называется эта улица? — спросил Гарин, глядя вниз.

— Проспект Дружбы Народов. Хотя странно, что это еще кого-то интересует. Займись лучше делом. Неизвестно, окажемся ли мы еще когда-нибудь так близко к базе «Монолита». Попробуй их послушать. Не ушами, конечно.

— Людей? — ужаснулся Гарин.

— Людей, — спокойно ответил Михаил. — Контролер ведь воздействует не только на зомби, а на кого угодно. На людей — в первую очередь.

— Ты что, сравниваешь меня с контролером?

— Как можно вас сравнивать! Ты обаятельней.

Олегу очень не хотелось этого делать, но он помнил, чем всегда заканчивались такие споры. Поэтому молча достал из-за пазухи кожаный сверток, размотал его и надел «венец». Для того чтобы у него хоть что-то вышло, ему нужно было найти «монолитовцев». Олег принялся ощупывать взглядом здание порта и окрестности. Стекла в госпитале были грязными, их не мыли с момента первой эвакуации, и мелкие детали сливались в сплошную

пеструю сыпь. Наконец Гарину удалось различить проволочный забор, отрезавший порт от города. Ограждение шло вдоль улицы сколько хватал глаз. Еще через минуту напряженного наблюдения Олег заметил патруль — двоих «монолитовцев» в экзоскелетах. Навстречу им, по другую сторону ограды, двигались двое наемников. Обе пары шли близко к забору, и, когда они поравнялись, между ними оставалось чуть больше метра. Гарин ожидал конфликта, но часовые разошлись без каких-либо проблем. Это было похоже на условную границу между дружественными странами с безвизовым режимом. Заграждения «монолитовцы» ставили явно не от наемников.

— А у них интересные отношения, — проговорил Олег. — Почти союзнические.

Гарин отвлекся буквально на секунду, но успел потерять часовых из виду. Ему пришлось всматриваться сквозь грязное стекло снова, пока он не нашел группу из четырех человек, стоявших у V-образной колонны.

— Уверенность. Спокойствие. Отвага.

— Зачем ты мне лозунги диктуешь? — спросил Столяров. — Давай что-нибудь конкретное. Чужое пси-поле чувствуешь?

— Нет... Кажется, нет.

— Тогда откуда вся эта байда про отвагу и уверенность?

— Им комфортно в этом состоянии. Настолько, что они готовы за него умереть. Не за идею и не за деньги. А за свой локальный рай.

— Олег, мне факты нужны, факты!

Гарин снял «венец» и покачал головой:

— Ты слишком много требуешь. Это уже за пределами возможностей. Не моих, «венца».

— Смотри, смотри! — выпалил Столяров. — Туда, вниз, на дорогу!

Из-за первого корпуса вышел человек с белой тряпкой на длинном сучке. Одет он был, как обычный сталкер, в «Зарю», вот только к переговорам подготовился лучше: удосужился подобрать по пути древко для флага.

— Ты видишь, кто это? — спросил Михаил.

— Нет, отсюда не разобрать.

— Это же Бес! — Столяров отошел от окна и, сложив губы трубочкой, медленно выдохнул. — Положение наше, Олежка, становится все хуже. И это еще с Пельменем не прояснилось. Пожалуй, мне не стоило сюда соваться, а тебе и подавно... — Он замер и вдруг выразительно посмотрел на «венец» в руках у Гарина. — Или все-таки стоило?

— Что ты хочешь? Я не понимаю.

— Сделай его, Олег. Иначе нам отсюда не выйти.

Бес дошел до середины сквера и остановился возле клумбы, расслабленно помахивая белым флагом. Резких движений он не делал, но напряжения в его позе не было. Складывалось впечатление, что Бес бывал здесь и раньше. С крыльца к нему спустились двое наемников. Так же не спеша подошли, встали с двух сторон, и... один из них дружески хлопнул Беса по плечу.

— Его слово против нашего слова, — проскрежетал Столяров, — перевесит без базара. Давай же, не тормози!

— Но что я могу? — взмолился Гарин.

— Внуши ему что-нибудь. Не знаю... Ну что-нибудь! Лишь бы он начал стрелять первым. Сейчас они зайдут внутрь, и все!

Олег торопливо вернул «венец» на голову, но идей не было. Он даже не представлял, с какого бока к этому подступиться.

Бес и двое наемников немного о чем-то потрепались и направились к ступеням, из которых Гарин видел только одну — остальные скрывал бетонный козырек над входом. Еще шагов пять... или даже четыре... хотя уже всего три...

Олег сжал кулаки и, не сводя глаз с макушки сталкера, бессознательно выдал:

«Опасно! Либо ты, либо тебя. Думать некогда. Огонь!»

Огня не последовало. Бес взмахнул свободной рукой так, что траектория кисти прошла через горло наемника. Тот схватился за кадык и упал. Завершая движение, сталкер ударил второго локтем в лицо, легко завладел его автоматом и добавил прикладом по затылку. В следующую секунду Бес исчез под навесом. Оттуда донесся одиночный выстрел, потом чьи-то крики и снова стрельба. Затем наступила тишина. У входа остались лежать лишь два наемника и сломанный белый флаг.

— Сделали, что могли, а дальше поглядим, — сказал Столяров. — Прячь «венец», быстро.

Едва Олег успел сунуть артефакт за пазуху, как дверь распахнулась, и в комнату влетел Капитан.

— Это ваш был? — рявкнул он.

— Кто? — глупо улыбнулся Столяров.

— Не парь мозги! Это ваш сталкер?

— Нас двое, — сказал Михаил. — За остальных я не отвечаю.

В коридоре послышался топот и ругань, за спиной у Капитана внезапно возникла давка.

— Валишь на месте! — крикнул кто-то.

— Казним во дворе, — возразили ему.

— Зовите Кабана! — потребовал третий наемник.

Краснолицего командира долго ждать не пришлось. Растолкав затор у двери, он степенно вошел в палату и сел на ящик напротив Столярова.

— Я надеюсь, ты приготовил нам какую-нибудь историю? — елеино произнес он. — Хочу ее послушать. С детства люблю всякие небылицы.

— Сначала хотелось бы знать: того урода остановили?

— Урода? — удивился Кабан. — Разве этот урод — не твой кореш из книжной лавки?

— Если не ошибаюсь, его зовут Бес. Общается с Яцеком и Коршуном. Известны тебе такие персоны?

— Про Коршуна слыхал. Ну и что?

— Эти трое собираются убить вашего Пельменя. Теперь уже двое. Кстати, вестей от него еще не было?

— Это единственное, что тебя волнует? — не поверил Кабан. — Гм... дело любопытней, чем я думал. Значится, Бес шел валить Пельменя, а вы его опередили, чтобы героически спасти нашего друга?

— Не совсем так, — возразил Столяров. — Мы не знали, что это будет обязательно Бес и обязательно сегодня. Остальное — чистая правда.

— Складно, ай, как складно! — похвалил Кабан, раскачиваясь на ящике. — Ну а с какого это перепугу вы за Пельменя-то вписались? Он вам брат, сват?

— Мы ему денег должны. А с деньгами у нас пролет вышел. Вот и решили отработать по-пацански, чтобы отношений не портить.

— По-пацански?! Да от тебя конторой за версту прет, родимый!

Столяров засмеялся:

— Я простая ищейка на службе у бизнеса.

Кабан прекратил качаться и в раздумьях прошелся от стены к стене.

— Покарать всегда успеем, — обратился он к наемникам. — А дождемся-ка мы лучше нашего счастливчика, послушаем, что он расскажет.

Ждать пришлось недолго. В коридоре снова возбужденно зашумели, и на пороге возник Пельмень.

— Мне уже вкратце обрисовали, — сообщил он Кабану.

— И что ты имеешь добавить? — спросил тот.

— Дай мне еще пять минут. Я все выясню.

— Чудные дела, — проронил Кабан. — Ну хорошо, поворкуйте тут немного. Потом Капитану доложишь. Пока всем отбой, — объявил он, выходя из палаты.

— Подозрительная заваруха, — начал разговор Пельмень, когда дверь закрылась. — Товарищами мы с Бесом не были, но чтобы мочить друг друга...

— Ты встречался с ним сегодня? — спросил Столяров.

— Я? С Бесом? — Наемник искренне удивился.

— Коршун недавно поведал, что ты сам нашел Беса и объяснил ему, куда перевезли груз, который я ищу.

— Это странно. Мы договаривались с тобой, не так ли? И я просил, чтобы ты не оставил Коршуна без копейки, поскольку он потрудился нас познакомить. Почему я должен бесплатно передавать Бесу то, что собирался рассказать тебе за деньги?

— Ну, в общем, все сходится. У Коршуна своя игра, и ты в ней лишний. Либо они сами узнали то, что нас интересует, и теперь ты для них конкурент, либо собираются тупо кинуть нас на бабки, указав пальцем в небо. Тут, опять же, ты им не нужен, потому что можешь вывести их на чистую воду.

— Все это как-то нескладно выглядит, — проговорил Пельмень. — Зачем тогда они нас с тобой сводили?

— Я должен был поверить, что они серьезные люди со связями. И я, дурак, поверил, — признался Столяров.

— Если бы не случай с Бесом, который только что произошел на глазах у моих друзей, я застрелил бы тебя собственноручно. И тебя тоже, — спохватившись, кивнул наемник Олегу.

— Ты будешь смеяться, — сказал Столяров, присаживаясь на подоконник, — но вопрос еще не закрыт. Выгляни на улицу.

Пельмень приблизился к окну и посмотрел вниз. Потом достал бинокль, посмотрел снова и, задыхаясь от возмущения, сказал:

— Это действительно смешно.

К больничному скверу шел, размахивая белым флагом, Яцек.

— Прибыл второй участник сборной по биатлону, — прокомментировал Михаил.

— Откуда он мог узнать, что Бес уже мертв?

— В том-то и дело, что еще не знает. Иначе он вел бы себя осторожней.

— Просто не представляю, как мне реагировать на это хамство, — посетовал Пельмень.

— Убей его, — буднично произнес Столяров. — Я бы и сам это сделал, но у нас все отобрали.

— Вообще-то мне хотелось бы с ним побеседовать, уточнить кое-что.

— Бес уже побеседовал с двумя или тремя твоими друзьями. Вряд ли им понравилось.

— Нет, сразу мочить тоже неправильно. Как говорили древние греки — бей, но выслушай.

— У древних греков не было СВД. Иначе они бы знали, что не каждая беседа идет на пользу.

— Да. — Пельмень решительно вышел из палаты. В соседнем помещении раздался треск обрываемого на раме бинта и щелчок затвора.

В следующее мгновение Яцек споткнулся на ровном месте и, не дойдя пары метров до крыльца, упал в высокую траву.

— Те, кто вас обыскивал, сказали, что денег у вас при себе нет, — проговорил Пельмень, возвращаясь в комнату с винтовкой в руках. — Это очень плохо. Но информация, которую я нарыл, все равно ничего не стоит. Ни гроша. — Он приставил оружие к стене и сунул руки в карманы. — Так что неизвестно, кто кому в итоге должен.

— Не извиняйся, — поддержал Столяров. — Выкладывай.

Пельмень протянул ему свой бинокль:

— Внизу, на два часа.

Михаил прижался к стеклу, высматривая что-то на улице.

— Не понял... — проронил он.

— К речному порту примыкает кафе «Припять», там и находится то, что ты ищешь. Был заказ — доставить контейнер к забору. Во-он к тому месту, где нет одной секции. Дальше нас как бы не касается, но ящик слишком большой, чтобы его можно было передвинуть скрытно. Парни видели, как его затащили в кафе.

— Точно?

— Совершенно точно. И это территория «монолитовцев». Сочувствую тебе, сталкер.

— Рано, рано мечту хоронить... — настырно произнес Столяров, глядя в бинокль.

— Туда не прорваться. Я общался с людьми из «Монолита». Там все очень серьезно, поверь мне. Они даже свою жизнь в грош не ставят.

— Как они его туда занесли?

— Стены сейчас фанерой заколочены, а раньше ее не было. Сплошное стекло, от пола до потолка. В смысле, стекло — это по проекту, а так-то одни ребра давно остались. Они вырезали несколько штук, вот и все. Затащили, потом все забили фанерой.

Михаил понаблюдал еще немного и отдал бинокль Пельменю:

— Спасибо за помощь, сведения интересные.

— Тебе туда никак не попасть. Даже мертвым.

— Ну, это мы еще поглядим.

— Ты сумасшедший, — только и сказал наемник.

— Нам самим реально отсюда выйти, или нужно провожатых у Кабана просить?

— Да выйдете, никто вас не тронет. Капитан! — крикнул Пельмень через стенку. — Верни сталкерам вещички! Вопрос исчерпан, претензий к ним не имею.

Капитан, уже без очков и пистолета, открыл дверь и выпустил всех в коридор.

— Жалоб на условия содержания нет? — спросил он.

— Кича у вас образцовая! — Столяров показал большой палец. — Буду рекомендовать друзьям.

На первом этаже их встретил Кабан и лично довел до конца сквера.

— Пороху привет от меня передавайте, — сказал он. — Хоть ваш Порох и старый козел. И это тоже желательно передать. Но все-таки молодость не забывается.

Гарин перепрыгнул через ограду и обернулся:

— В следующий раз, если нам снова случится встретиться... ну, мало ли что... в общем, прежде чем стрелять, сначала послушайте, что мы скажем.

— Какие бы слухи про нас ни распускали, мы так и делаем, сталкер. Мы так и делаем.

Глава шестнадцатая

Сирены в книжном не было, а смастерить гонг руки ни у кого не дошли, поэтому, чтобы привлечь внимание. Порох стрелял в потолок.

— Разбудите народ в кубрике! — кричал он, давясь пылью. — Больных и раненых — поднимайте всех!

Гарин со Столяровым недавно вернулись из госпиталя и тут же рухнули на кровати. Ноги гудели так, что хотелось их отрубить. Олег закрыл глаза и уже почти уснул, когда Порох объявил в лагере тревогу.

В торговом зале оказалось на удивление многолюдно. За исключением тех, кто был далеко в городе, собрались все. Некоторые лица Гарин видел впервые.

— Двадцать два человека, — быстро посчитал Михаил. — У наемников на каждом этаже по столько.

— А что, сюда идут наемники? — не понял Гарин.

— Братцы, тихо! — возопил седой от побелки Порох. — Времени нет. Только что от гастронома пришел Сникерс, он видел толпу контролеров! — Порох выпучил глаза и повторил: — Толпу! Сникерс, скажи сам.

Сталкеры расступились перед светлым коренастым парнем.

— Ну как толпу... штук десять видел, — сообщил он. — Сегодня я не пил! И с ними зомби, вот их — реально толпа. И все идут сюда. Цепью.

— Точно сюда? — спросил кто-то.

— Может, и не по наши души, но в нашу сторону. Мимо никак не пройдут.

— Пулеметчики, снайперы — бегом наверх, разобраться по местам! — приказал Порох. — Остальные закрывают вход. Двигайте стеллажи к дверям, все что есть. И потом сидеть внизу, морды не высовывать! Новенькие, под ногами не крутиться! Таскайте мебель, какой от вас еще толк. Всё, начали!

Два десятка сталкеров, толпившихся вокруг Пороха, чудесным образом превратились в сплоченный коллектив. Половина метнулась за оружием и стройно, как на корабле, побежала по проходу к лестнице, остальные занялись устройством баррикады. Люди понимали, что на постройку полноценного заграждения времени не хватит, но каждый лишний шкаф, придвинутый к фасадной стене, увеличивал ее прочность и, значит, прибавлял шансов на выживание. Сталкеры взялись за работу с маниакальным рвением, отдавливая ноги, обдирая кожу на пальцах и изо всех сил надеясь, что бойцы наверху не проворонят начало атаки.

Михаил и Олег на правах новобранцев взялись за самый большой диван и отволокли его к общей куче. На плюшевое сиденье тут же взгромоздили пустой деревянный шкаф и массивную тумбочку довеском. Сверху на шкаф плашмя закинули узкий книжный стеллаж, рядом с диваном плотно встал письменный стол — стена рухляди росла и крепла. Взмокшие сталкеры продолжали сновать по залу, подтаскивая все новые предметы. Людьюми руководила смесь азарта и страха — идеальный коктейль, который действовал покруче любого энергетического напитка.

Другая половина сталкеров занимала оборону наверху, и трудиться им приходилось не меньше. К огненным точкам таскали коробки для РПК. Кое-где приходилось отрывать на окнах доски. Когда их приколачивали, возможность массовой атаки на базу никто не рассматривал, поэтому оконные проемы были забиты на совесть.

Штатного расписания в лагере не было, люди занимали места, сообразуясь со здравым смыслом. За несколько минут база сталкеров, которую Гарин до сей поры воспринимал как сборище тунеядцев, стала похожа на огромный ДОТ, ощерившийся стволами разных калибров. На техническом этаже под самой крышей были оборудованы три капитальные бойницы. Неизвестно, что курил за своим кулманом архитектор, придумавший столь нелепую «фишечку», но сейчас за эти узкие окна ему возносили хвалу до небес.

В какой-то момент суэта на базе стихла. Сталкеры в авральном режиме закончили тот минимум приготовлений, на который они были способны. По-хорошему, все витрины первого этажа следовало бы заварить решетками, а позиции наверху обложить мешками с песком, но это была непозволительная роскошь: гастроном и книжный магазин разделяло не больше трехсот метров.

Гарин присел на подлокотник последнего неиспользованного в баррикаде кресла и прислушался. Потом тревожно взглянул на Столярова и сказал:

— Мы тут как шпроты. Так не годится.

— Что ты предлагаешь?

— Я пойду на крышу. Уделаю хоть одного мутанта — и то будет помощь.

— Какая от тебя помощь? — воскликнул Порох. — Ты же просто мясо. Сиди внизу, не подставляйся.

Михаил смекнул, о чем говорит Гарин, и отстранил Пороха с пути:

— У нас, дядя, свои счета с этой пси-шоблой.

— Надо же, придумал... пси-шобла, — пробормотал Олег, выходя из зала в коридор. — Ты, Миш, иногда как залепишь... Может, мемуары напишешь, когда вернешься? Прославишься, девки давать начнут.

Столяров начал ответ с обстоятельного матерного предисловия, но развить не успел: Гарин уже свернул в просторную внутреннюю комнату с прокопченным потолком и большим кострищем в углу.

— Барана они тут жарили, что ли? — обронил Гарин.

— Вон там, — показал Михаил.

У дальней стены были свалены доски, стальные уголки и прочий полезный хлам. Освободив от проволоки длинную металлическую лестницу, Гарин со Столяровым вынесли

ее в коридор и кое-как дотащили до второго этажа, где зиял вырубленный вручную проход на крышу.

— Куда собрались, кретины? — окликнул их какой-то сталкер с черным платком на лице.

— Занимайся своим делом, — сказал Олег и, поставив ногу на первую перекладину, обернулся к Михаилу: — А тебе и вправду не стоит туда вылезать. Они тебя за секунду загрузят так, что сам себе глаза выцарапаешь.

— Не переживай, — ответил тот, пинком подталкивая Гарина.

Олег выбрался из люка и пополз по крыше, попутно разматывая сверток с «венцом». Рядом с книжным магазином треугольником торчали три жилые башни, сильно сужавшие обзор. Чуть дальше на север стояло широкое здание пониже, полностью заслонявшее гастронорм. Впрочем, едва Гарин добрался до края, он понял, что в гастронорме ничего интересного не осталось: мутанты были уже во дворе.

Когда Сникерс говорил про толпу зомбированных, он выразился не совсем точно. Это была не толпа, а целая армия. Зомби оказалось так много, что все пространство между двумя многоэтажками бурлило, и от одной этой картины становилось тошно. Тела медленно брели к магазину, держа строй в плотных шеренгах. Они шли плечом к плечу и синхронно пошатывались, как спелые колосья на ветру.

Первая шеренга стреляла по книжному из автоматов — почти не целясь, от живота. Зомбированные механически меняли рожки, дергали затворы и снова жали на спусковые крючки, невидяще глядя куда-то вверх. Когда кто-то из них падал, шедший следом делал широкий шаг вперед и оказывался на месте убитого. Таким образом первая линия продвигалась к базе все ближе, несмотря на потери. Зомби поливали стены и окна так плотно, что пулеметчики не могли высунуть носа. Лишь изредка кто-то из сталкеров отваживался подняться и наугад дать во двор короткую очередь, которая из-за скученности противника выкашивала сразу несколько тел, но ничего при этом не меняла. Ряды атакующих снова смыкались, орда двигалась вперед.

Наконец в лагере кто-то сообразил поднести к окнам оружие с подствольниками. Не рискуя схватить шальную пулю, сталкеры отправляли гранаты навесом, и каждый взрыв выбивал в строю зомбированных целый квадрат. Те по-прежнему старались сохранять порядок, хотя теперь это делать было сложнее. Но все-таки они шли, бездумно шли вперед, перешагивая через трупы соратников. На глазах у Олега одному из них оторвало взрывом обе руки. Тот сумел встать и, брызгая кровью, продолжал движение, пока сзади его не застрелили свои же, чтобы не мешал.

— Гранат на этот муравейник может не хватить, — озабоченно проговорил залегший рядом с Гариным Столяров.

— Это не самое страшное, — мрачно ответил Олег.

Укрываясь за спинами зомби, к базе шли контролеры. Сколько их было точно, Гарин не знал, но Сникерс в своих подсчетах ошибся и тут. Никак не десять. Больше. Их было намного больше.

Олег, зачарованный inferнальным зрелищем, лишь сейчас вспомнил, что до сих пор держит «венец» в руках. Склонив голову, он надел артефакт, но тут же рефлекторно его сбросил: по сознанию ударил многоголосый стонущий хор.

— Что случилось? — спросил Столяров.

— Не мешай мне. — Он набрал воздуха и заставил себя снова примерить «венец».

«Еще немного. И домой. Вот только. Найти дорогу», — разрывал сознание оглушительный шепот. Каждый из голосов звучал слабо, на пределе слышимости, но все вместе они сливались в могучий поток, способный снести любую преграду.

Олег сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, привыкая к существованию среди непрерывного крика. В конце концов, оглушительный хор ревел лишь в голове, а барабанные перепонки фиксировали только звуки материального мира: выстрелы, взрывы и шарканье бесчисленных ног во дворе.

Контролеры тоже двигались цепью, но более свободно, и непосредственно в атаке пока не участвовали. Их пси-поля сливались в огромный бледно-голубой купол, который накрывал и пронизывал армию зомбированных. Общее поле искрилось и колебалось, по нему то и дело пробегали неоновые сполохи, будто бы в Припяти, в отдельно взятом дворе, вдруг возникло северное сияние. Оставалось только догадываться, какая энергия заключена в этой коллективной пси-бомбе.

— Ты думаешь, это атака? — скорбно произнес Гарин. — Это, Миша, артподготовка. Настоящего штурма нам не выдержать.

Словно услышав его мысль, один из контролеров отключился от общего поля и ударил по базе. Это выглядело как разряд молнии, но не ветвистый, а сконцентрированный и прямой, направленный в выбранную точку. Со второго этажа донесся душераздирающий крик: пси-удар достиг цели. Новый разряд — и еще один сталкер забился в истерике.

— Надо сказать им, чтобы стреляли, — не поднимая головы, прошипел Олег. — Они не тех боятся. Пусть выкашивают последние шеренги, там контролеры. Если подпустить их слишком близко, ничто уже не спасет. Пусть тащат РПГ. Стрелять не по фронту, а в тыл! — отчаянно повторил Гарин. — А зомби — это массовка.

Столяров развернулся на животе, и в этот момент кто-то из зомбированных дал по крыше длинную очередь.

— Ни хрена себе массовка! — крикнул Михаил, ползком устремляясь к люку.

Гранаты из подствольников делали свое дело: орда зомби, какой бы многочисленной они ни была, постепенно таяла. Их огонь был уже не таким плотным, сталкеры все чаще выглядывали из бойниц и стреляли все более прицельно. Пространство между многоэтажками было сплошь завалено трупами, и зомбированные, спотыкаясь, шли прямо по телам. Тем меньше требовалось контролерам усилий, чтобы управлять этим отрядом. Вскоре от купола отключился еще один мутант, и спустя секунду — еще двое. Гарин почувствовал, что в здании начинается кошмар.

Пси-атака была похожа на молниеносный рост колонии кораллов — от биоиндукторов, которые «венец» позволял Олегу видеть как светящиеся обручи на лбах контролеров, до стен магазина. Судя по крикам внутри, бетон был слабой защитой. Гарин и сам ощущал колоссальное давление на сознание. Если бы не «венец», то неизвестно, как бы он сейчас себя чувствовал. Возможно, что уже никак.

Несмотря на потери, контролеры поравнялись с песочницей во дворе. Один за другим они рвали связь с поредевшей группой зомбированных и подключались к новому коллективному полю, подпитывая его все сильнее. Вскоре территория к северу от базы была накрыта неоновой сетью, упиравшейся в книжный магазин. Противника мутанты не видели, однако это им не мешало. Удары наносились не по людям, а вслепую по зданию, но многие из них были, к сожалению, эффективны. Ответный огонь сталкеров, так толком и не начавшись, уже захлебывался. Гарина подмывало крикнуть «стреляйте же, не спать!», но он понимал, что обстановку на базе сном назвать трудно. Адом — еще куда ни шло...

Внезапно его осенило.

— Уходите! — заорал Олег в надежде, что внизу его хоть кто-нибудь слышит. — Не надо держать оборону! Всем покинуть базу!

Он вспомнил, с каким усердием они строили баррикаду у центрального входа, и застонал от досады. Сами захлопнули свою ловушку... заперли на десять замков. Книжный надо было бросать. Как бы ни нравилось это место — нужно было просто разбежаться в разные стороны. Зомби и контролеры, физически не способные к быстрому передвижению, оказались бы бессильны против такого примитивного маневра. Но все получилось с точностью до наоборот: крепость, которая могла защитить от любого врага, стала братской могилой. Олег собирался подобраться к люку и крикнуть снова, но тут его окатило горячей волной и откинуло метра на два назад.

Гарин очнулся, лежа на спине. Столяров хлестал его по щекам и так увлекся, что успел разбить губу. Ни стоны, ни шепота Олег не слышал — только редкие выстрелы и крики сталкеров. Он в панике схватился за голову — «венца» не было.

— Вон лежит, — сказал Михаил, показывая на то место, откуда Олег недавно наблюдал за боем.

— Я надеялся, что ты больше сюда не полезешь, — простонал Гарин.

— Там проблемы, — коротко ответил Столяров.

— Это уж ясно.

— Кого-то из мужиков переклинило, начал стрелять по своим. Никто такого не ожидал, поэтому народу пострадало много.

— Нужно уходить отсюда.

— Кто бы сомневался. Но завал в зале сейчас разобрать нереально, а служебный вход забит намертво.

Михаил взял в руки по винтовке и пополз по крыше. Олег перевернулся на живот и последовал за ним, как вдруг сзади раздался собачий лай. Он оглянулся — за спиной стояли два здоровенных темных пса с подпалинами. Светлая шерсть, как седина, свисала у них со всего тела от морды до хвоста. Таких собак Гарин в Зоне раньше не видел.

— Откуда они тут?! — удивился он.

— М-мать! — рявкнул Столяров.

Одна из собак вцепилась ему в голень. После нескольких тщетных попыток ударить ее второй ногой он изогнулся и всадил ей в голову пулю. Собака, не издав ни звука... пропала. И тут же возникла невредимой слева от Михаила, чтобы вновь на него наброситься.

— Это что, мля, за телепортация! — Столяров снова выстрелил, но попал только в хвост, однако этого оказалось достаточно, чтобы пес исчез и опять появился.

— Да это же фантомы! — крикнул Гарин. — Как сюда могли залезть настоящие собаки, они же...

Закончить эту разумную мысль Олег не успел: второй пес впился зубами в его ботинок. Гарин взвыл и, судорожно отбрыкиваясь, потянулся к «венцу», но фантом был достаточно сильным, чтобы удерживать Олега на месте. Винтовка оказалась ближе, чем артефакт, и Гарин яростно двинул пса прикладом. Пока животное, возродившись в паре метров от него, готовилось к новому броску, он сумел добраться до «венца». Собака, прыгнув, растворилась в воздухе, и Олег с облегчением обнаружил, что, кроме него и Столярова, на крыше никого нет. Укушенная пятка, впрочем, все равно болела.

— Сдохни, сука! — прошипел Михаил, стреляя в пустоту. — Ах ты, блин!.. — Он выронил оружие, но продолжал бороться с несуществующей тварью. По правой руке у него медленно прочертилась царапина — сама собой, без видимых причин.

Причина стояла внизу и, задрав морду, смотрела в прицел умными глазами. Гарин нажал на спусковой крючок, винтовка сухо шелкнула, и седого пса отнесло в кусты.

Столяров успокоился и перевел дыхание.

— Это была пси-собака, — сказал Олег. — Сразу и не вспомнил. На лекции думал, что это тема несущественная.

Из люка вдруг послышались новые крики и беспорядочная пальба.

— Смотри, их там много! — бросил Гарин.

Во дворе находилось не меньше десятка псов, и все как один сверлили взглядами здание магазина. Сколько сейчас фантомов металось по комнатам базы — трудно было даже представить.

Столяров подтянул к себе винтовку и принялся за отстрел. Гарин поймал в перекрестие лоб контролера и проделал в его пси-поле маленькое отверстие. Светящийся обруч на голове мутанта погас раньше, чем тело коснулось земли. Это получилось настолько просто, что в первую секунду Олег не поверил своим глазам. Бороться с контролерами можно было и так, без затей.

— Мочи падаль! — одобрил Михаил. — Карнавала не будет!

Гарин нашел прицелом следующего мутанта, но винтовка стрелять отказалась. Не отрываясь от окуляра, он нащупал затвор и потянул на себя, затем отпустил. Никакого результата.

— Магазин поменяй. — Столяров толкнул ему металлическую коробку, но поймать ее Олег не смог: контролер, которого он держал на мушке, уловил пристальное внимание и ударил по Гарину в ответ.

Пси-заряд от мутанта шел мощно и медленно, как тяжелая торпеда. Олег различал и черную убийную часть, и ослепительный шлейф, в ореоле которого искажалась прямоугольная геометрия зданий. Ни уклониться, ни убежать, ни спастись... если смотреть безучастно. Гарин вытянул левую руку вперед, ладонью к контролеру. Пальцы обожгло кипятком, а в плечо толкнуло с такой силой, словно он останавливал поезд. Но он не останавливал. Хотя бы замедлить и немного рассеять энергию — большего он от себя не ждал. Издав беззвучный крик отчаяния, Олег бросил на это все свои силы и... увидел вторую торпеду, летящую навстречу первой. Дома озарило мертвенным сиянием, каждая веточка во дворе проявилась, как на контрастном снимке. На мгновение мир стал черно-белым, а потом мимо Гарина по крыше проехал магазин для винтовки.

— ...у тебя патроны кончились, — закончил фразу Столяров. — Э, не поймал, что ли?

— Поймал, — буркнул Гарин, утыкаясь носом в пыльный битум. — Погоди. Мне нужно... всего пару минут...

— Не отключайся! Если сейчас заснешь, то уже надолго. А нам всего чуть-чуть продержаться, скоро темнеть станет.

Олег хотел ответить, что темнота для контролеров не помеха, но говорить у него не было ни сил, ни желания.

— Опа... — Появившийся в люке Шифт замер от удивления. — Вы так тут и просидели? А что, по крыше контролеры не били?

— Нет, не догадались, — простодушно ответил Столяров.

— Надо же! А мы там... мы там... — Сталкер безнадежно махнул рукой.

— Нужно эвакуироваться, — промышчал Гарин. — Как угодно, любым способом.

— Да вот я как раз для этого и поднялся.

— Тут есть лестница вниз?! — осенило Столярова.

— Лестница-то есть, но она на той стороне, откуда прут мутанты. Спустимся по веревке.

— Где? Где ваша веревка?!

— Чего орешь? Сейчас принесу.

— Я помогу, — вызвался Олег.

— Лежи, не дергайся! — приказал Михаил. — Тебе бы в себя прийти.

— Помогу, — упрямо повторил Гарин. — А ты завали еще хоть одного. Пожалуйста.

Когда Шифт скрылся в проеме, Олег, не снимая «венца», начал было спускаться за ним, но ботинок соскользнул с перекладины. Сталкер чудом поймал его внизу.

— Слушай, помощничек. Ты правда посиди тут, оклемайся. Мы сейчас придем.

— Много вас осталось?

— Не очень, — угрюмо сказал Шифт.

Гарин привалился к стене и с трудом сплюнул. Во рту горчило, в ушах стоял нескончаемый свист, перед глазами летали радужные круги.

— Ничего, ничего, — прерывисто выдохнул он. — Если я и этот контакт пережил, то меня теперь вообще хрен чем убьешь.

Он поправил «венец» и, враскачку отлепившись от стены, пошел на первый этаж. В соседнее помещение с бойницами Олег даже не заглянул — он знал, что живых там давно не осталось.

Стены в узком коридоре были темными, как после пожара. Но это была не копоть, а кровь. Тяжелый приторный запах стоял повсюду, и Гарин, осторожно перешагивая на повороте через погибшего сталкера, приготовился к самому худшему.

Против ожиданий открывшаяся картина его не потрясла. Он уже видел завал тел во дворе, а теперь сам шел по трупам, стараясь хотя бы не наступать на головы, и к слову «ужас» добавить было нечего. Ужас внутри здания и ужас снаружи, разница оказалась невелика.

Сталкеры — кто с разбитым черепом, кто с порванным горлом — лежали в коридоре так плотно, словно их было не два десятка, а вся сотня. Вероятно, те, кто стоял у бойниц, тоже спустились сюда, по крайней мере большинство. Нетрудно было представить, как контролеры сгоняют их в тесный проход, где возникает свора фантомных собак, и сталкеры в панике начинают стрелять... Хотя могло быть и не так, а как-то иначе. Могло быть как угодно. Когда ты влезашь человеку в мозги, у тебя появляется тысяча способов его уничтожить.

Гарин не знал, сколько контролеров осталось на улице, их потери тоже были большими, однако мутанты все еще продолжали бить по базе, доводя штурм до логического завершения. Очередной разряд, чуть ослабленный бетонными стенами, ударил Олега в спину. На этот раз он не стал сопротивляться, лишь перенес центр тяжести, чтобы не упасть. Горячий упругий вал прокатился мимо и ушел дальше, как морская волна.

На контролеров Олег даже не злился, лишь испытывал раздражение, словно от плохой погоды. Воли и силы у этих мутантов было хоть отбавляй, а вот с разумом дело обстояло неважно. В сущности, это были такие же твари, как зомби, собаки или даже тушканы. Они жили и выживали в Зоне как могли. Они не выбирали врага сознательно, не рисовали стратегических карт, они просто атаковали то, что попадало в поле зрения. И если мутанты вдруг умудрились провести такую сложную многоэтапную операцию, то упрекать в этом нужно было не их. Во всех выкрутасах природы всегда был виноват только человек.

Гарин вошел в кубрик, сильно опустевший после строительства баррикады. Его собственную койку почему-то не тронули. Олег грустно посмотрел на постер с Анджелиной Джоли и решил его не снимать. Вот только фотографию Марины он оставить не смог, забрал ее из тумбочки и сунул во внутренний карман.

В торговом зале за несколько часов мало что изменилось. Разве что один из диванов вернули в угол, где он стоял прежде. Сидя на этом диване, Шифт держался за голову и маятником раскачивался из стороны в сторону. При этом он не то подвывал, не то тихо напевал что-то заунывное. Рядом, не зная, что делать, топтались Порох и еще какой-то мужчина.

— Только сейчас накрыло, прямо на наших глазах, — обеспокоенно сообщил Порох. — Растряссти не можем. Батон вколол ему двойной антишок, и хоть бы хны.

Незнакомый сталкер показал два использованных шприц-тюбика, как будто Гарин требовал от него доказательств.

— Олег, это у тебя «венец», или у меня глюки? — спросил он.

— Откуда ты меня знаешь?

— Да ты что? У нас шконки через два прохода стоят. Стояли, — поправился он. — А звать меня Батон.

Сталкеру Батону было под тридцать, и у него росла клокастая рыжая борода, которую он не любил брить, — вот все, что Олег мог сказать, глядя на этого человека.

— Извини, я как-то не запомнил... Что с Шифтом делать будем? Донести сумеем?

— Донести — это конечно, — ответил Порох. — А с крыши-то как его спустить? У нас люльки спасательной нет. — Он показал за диван, там лежала бухта обычного каната. — И главное, нет времени на возню.

— У тебя «венец», — напомнил Батон. — Может, как-то с его помощью откачаем... Я слышал, он лечит.

— Чаще калечит, — отозвался Олег.

— А ведь точно, — кивнул Порох. — Парню в таком состоянии терять нечего. Бросить его тут гадам на съедение совесть не позволит, а на себе тащить тоже невозможно. Давай попробуй как-нибудь. Надень, что ли, «венец» на него, я не знаю...

— Это плохая идея, — предупредил Гарин.

— Чего ты боишься? Либо поможет, либо нет. Хуже-то не станет.

Понимая, что совершает ошибку, Олег снял артефакт. Стоны и свист в сознании сразу оборвались. Гарин уже и забыл, что можно не слышать пси-поля, что только так и должен существовать нормальный человек.

Порох взял Шифта за руки и отнял его ладони от ушей. Батон схватил его за плечи, чтобы он не раскачивался. Олег медленно опустил «венец» Шифту на голову. Как только кольцо коснулось волос, сталкер дернулся с такой силой, что чуть не свалил Батона с ног. Из носа у Шифта хлынула кровь, мгновенно залив весь комбинезон. Сталкер не обращал на это внимания. Он поочередно оглядел всех троих и хрипло проговорил:

— Мне не жаль уходить из этого мира. Бэллум омниум контра омнэс. А за Марину я уже отомстил.

С этими словами он прижал ладонь к сердцу, к тому самому месту, куда Гарин спрятал фотографию девушки, и откинул голову назад.

Олег так и остался стоять с «венцом» в руках. Порох пощупал Шифту пульс и прерывисто вздохнул.

— Что он сказал? — не понял Батон. — Это латынь?

— Война всех против всех, — пояснил Гарин.

— Откуда он знал это? Он не мог!.. А ты откуда знаешь?

— Не помню. Где-то вычитал. Давно, еще в детстве.

— Да ты-то ладно. А он-то?.. — оторопел Порох. — Шифт почти неграмотный был, дубина стоеросовая. Прости меня, Господи, конечно.

— Закройте ему глаза, и хватит тут торчать, — вместо ответа сказал Олег. — Держитесь ближе ко мне. Я попробую... Что-нибудь попробую сделать, — буркнул он, снова надевая «венец».

Двигаясь осторожно, как по льду, Гарин повел сталкеров между неоновыми сполохами. По дороге Порох накинуд на плечо три автомата, Батон подобрал несколько рюкзаков и два подсумка с рожками — на первое время должно было хватить.

— Я уже не надеялся! — встретил их наверху Столяров. — Что так долго?

— Канат нести неудобно, за все углы цепляется, — соврал Порох.

Олег и Батон виновато промолчали.

— Я тут еще немного подчистил, — сказал Михаил. — Но больше сил нет. Они меня по всей крыше извозили, как тряпку.

— Туда! — бросил Порох, указывая на широкие буквы чудом сохранившейся вывески.

Привязать канат к стойке было минутным делом. Второй конец сбросили вниз — длины хватило с лихвой. Высота оказалась не запредельной, возможно, кто-то и рискнул бы прыгнуть — если бы только не асфальт. С вывихом в Зоне далеко не уковыляешь.

Через минуту четверо сталкеров были уже на улице, между главным входом и автобусом, таким родным и таким бесполезным в городе без пассажиров.

— Сначала рвем к «Светлячку». — Порох показал на разоренный магазин, стоявший на противоположном углу площади. — И дальше дворами.

— Куда ты собрался? — спросил Столяров.

— А какие у нас варианты? Скоро стемнеет, кровососы выползут на ужин. Найдем какую-нибудь квартиру с мебелью, переночуем, а завтра будем решать. Хотя решать, братцы, нечего. На эту базу я уже не вернусь.

— Аналогично, — высказался Батон.

— Ну тогда погнали, — согласился Михаил. — Олег, и сними уже эту дребедень с башки! А то зависимость разовьется, — добавил он не то в шутку, не то всерьез. — Надеюсь, хотя бы до завтра «венец» нам не понадобится.

— Надеюсь, что уже никогда, — ответил Гарин.

Первым желанием Олега было выкинуть артефакт к черту, размахнуться изо всех сил и отправить его куда-нибудь подальше в темнеющее небо. Однако несколько недобитых контролеров, маячивших во дворе, не позволили Гарину этого сделать. Сегодня погибло много сталкеров, но для Зоны это был всего лишь еще один день, вероятно, не худший и не лучший. Не первый и далеко не последний.

Глава семнадцатая

Вода была холодной холодной. Ту, что лилась из крана, еще можно было терпеть, а эта обжигала и сковывала ледяными тисками. Когда она поднималась до лодыжек, ты переставал чувствовать пальцы. Когда набиралась до колен, у тебя немели лодыжки. Когда достигала паха, ты понимал, что детей у тебя не будет уже никогда. Не то чтобы ты хотел детей или думал о них, просто... Складывалось впечатление, что в здании действуют две автономные системы холодного водоснабжения: обычная, для питья, и специальная, берущая воду из особо глубоких подземных источников, для пыток.

В мокром карцере нет времени. Оно остается снаружи, по ту сторону влагонепроницаемых стен. Сюда ему не просочиться. Ты не можешь сказать, сколько ты уже здесь, минуту или час. И то, и другое кажется тебе вечностью. Приходится считать: Амударья восемнадцать, Амударья девятнадцать, Амударья двадцать...

Американцы отсчитывают секунды при помощи Миссисипи, тебе повезло меньше, ведь Днепр и Днестр коротковаты в смысле количества слогов, но твой инструктор по плаванию был родом из Средней Азии, и он научил тебя перед каждым числом вставлять Амударью. Еще он учил всегда закалывать плавки булавкой, потому что судорога может скрутить икры где угодно, даже в бассейне.

С икрами Дизель давно распрощался, но живот еще чувствовал. Судороги живота трудней всего перенести на ногах, потому что хочется согнуться, а как тут согнешься, когда воды по ноздри? Даже ртом не вдохнешь, потому что для этого пришлось бы встать на цыпочки, а ног нет, давно нет. Как нет ни плавков, ни булавки. А жаль. Плевать на судороги, ты воткнул бы ее себе в глаз и постарался бы достать до мозга. Амударья сорок четыре!

«Человек может прожить без воздуха гораздо дольше, чем ему кажется, — говорил дядя Рашид. — Нечем дышать — глотайте. Глотайте и представляйте, что дышите. В вашем организме полно воздуха, надо только его немножечко обмануть». И он показывал как. Песочные часы на бортике бассейна успевали пять раз перекувыркнуться через голову, а дядя Рашид все обманывал организм, только черные глаза хитро щурились над водой.

Амударья семьдесят семь, Амударья семьдесят восемь... Дизель глотал и представлял, что дышит. Амударья девяносто шесть... Он старательно выскребал последние капли кислорода из секретных сусеков тела.

Вот и все. Обманывать организм больше не получается. Перед глазами — темнота, в мозгу — мелкие искорки и щелчки, как будто лопаются в стакане пузырьки газировки.

«Амударья сто двадцать», — отсчитал Дизель и сделал глубокий вдох. Только сначала опустил с головой под воду.

В воде тоже полно кислорода. Если химики не врут, она состоит из кислорода на целую треть. Только черт, черт, как же он жжется, когда проходит по легким! Хуже кислоты, хуже расплавленного свинца. Но это длится недолго, секунд, может быть, десять, потом приходит успокоение. «Прости, дядя Рашид. Этому ты нас не учил...»

Но и покой, увы, не вечен. Он выходит из тебя толчками, резкими, как удар кулаком в грудь, выплескивается из распахнутого рта вместе с жидким кислородом, кислотой и расплавленным свинцом. И вот уже какая-то гнида лупит тебя по щекам, зажимает пальцами нос и пыхтит, пыхтит в лицо, лезет тебе в рот чуть ли не всей головой, словно гнида — дрессировщик, а ты — лев. И как бы ты ни сопротивлялся, эта сволочь шаг за шагом возвращает тебя туда, куда тебе давно уже не нужно. К жизни.

Трудно не запомнить лицо человека, который только что делал тебе искусственное дыхание рот в рот. Еще труднее стереть из памяти слова:

— Что ж ты делаешь, идиот? Понять тебе захотелось, да? Ихтиандры в роду были?

Олег оторвался от подушки. Голова кружилась, во всем теле ощущалась слабость, но это не имело значения. В комнате было темно, как в чашке с черным кофе, тогда как в темноту за окном как будто плеснули пару капель молока. Приближался рассвет. «Без четверти четыре», — прикинул Олег.

На соседней кровати лежал на спине Столяров. Вслушиваясь в его ровное дыхание, Гарин с удивлением отметил, что впервые видит Михаила спящим. До сих пор тот всегда

вставал раньше, а ложился позже. Впрочем, Михаил ли он? Или это имя — такая же фальшивка, как кличка Камень и татуировка в виде перстня, к слову сказать, уже наполовину стершаяся? Хотя это тоже не имело значения.

Гарин медленно, чтобы не скрипнула кровать, поднялся и встал в изголовье у Столярова.

«Пристрелить? — подумал он. — Или перерезать горло, чтоб не будить соседей?»

Как по заказу кто-то из сталкеров за стенкой громко застонал во сне. Кажется, это был Порох.

«Только шевельнись — и я вырву тебе кадык», — мечтательно подумал Олег, глядя на Михаила, однако тот не шевельнулся.

Зона меняет людей. Совсем недавно от одной только мысли об убийстве он грохнулся бы в обморок. Олег Гарин нового образца не был таким впечатлительным. Конкретно в эту минуту ему хотелось резать, ломать и рвать зубами. Очень хотелось, до дрожи в пальцах и хруста в сведенных челюстях. Беда в том, что убить Столярова сразу Олег не мог. Сперва ему необходимо было задать Михаилу кое-какие вопросы. И получить на них ответы. Выбить в крайнем случае.

«Кляп в рот, пистолет к виску — и во двор? — размышлял Гарин. — Нет, тоже не вариант. Любой шум — и вся квартира встанет на уши. Придется объясняться...»

В итоге он вышел из комнаты один. Предварительно провозившись пару минут с рюкзаком и переложив часть вещей в карманы комбинезона. Ничего огнестрельного брать не стал. Если в этот ранний час по округе шатается какой-нибудь зомби или снорк, Олег уделает его ножом. А лучше — голыми руками. Может, это хоть ненадолго уймёт зуд в пальцах. Зуд долго сдерживаемой ненависти, которая наконец нашла выход.

Гарин беззвучно открыл входную дверь, шагнул на лестничную клетку и только здесь надел ботинки. Выйдя из подъезда, он оказался в заросшем высокими деревьями дворе. Здесь Олег остановился, запрокинув голову и закрыв глаза. Казалось, он к чему-то прислушивался, хотя самым громким звуком было приглушенное звяканье двух металлических болтов, которые Гарин как будто перемешивал в кулаке. Он простоял так не меньше минуты, потом провел ладонью по левой щеке и уверенно повернул в сторону общежития.

Метрах в двадцати от ближнего корпуса находилась баскетбольная площадка. Покрытие на ней давно потрескалось и поросло травой, но облезлые щиты на ржавых покосившихся столбах еще помнили о временах жарких спортивных баталий. Посреди площадки Олег снова остановился, правда, глаз уже не закрывал. И болты больше не мямл в кулаке, а подбрасывал на ладони: первый, второй, первый, второй — словно жонглировал ими одной рукой. Потом один из болтов спрятал в карман, а другой без размаха бросил недалеко перед собой и пару секунд слушал, как кусочек металла подпрыгивает на растрескавшемся асфальте. Гарин поднял болт и снова бросил. И так семь раз. Потом вернулся к центру площадки, покачал головой и со словами «Лови трехочковый!» швырнул болт в сторону баскетбольной стойки. Тот ударился о щит, отскочил, влетев точно в кольцо с давно оборванной сеткой, упал на асфальт... И заскользил к краю площадки. Не расплавился, не сплющился в блин, не разлетелся на тысячу осколков — болт просто проволочился по асфальту около метра и замер. Олега это более чем устраивало.

Гарин поднял болт, а место, где прервалось его скольжение, обложил сухими веточками так, чтобы это не бросалось в глаза. Получился круг примерно полутора метров в диаметре. Гарин встал перед ним на колени, расстегнул подсумок и достал нечто, напоминающее отбивную, которую несколько дней проносили в рюкзаке. Как оно, собственно, и было.

— Кушай, поправляйся, — пробормотал Олег и положил «отбивную» в центр круга, похожий на жреца, приносящего жертву неведомому богу. Что, строго говоря, тоже было недалеко от истины.

После этого он встал и то ли отряхнул штанины, то ли вытер о них покрытые липкой слизью ладони.

Гарин осмотрелся. Небо на востоке только начало розоветь, значит, он отсутствовал не больше двадцати минут. Небо на юге, сектор которого был виден между облюбованной сталкерами пятиэтажкой и соседним зданием, тоже на глазах меняло цвет. Только не на розовый, а на темно-лиловый с уклоном в фиолетовый. С минуту пронаблюдав за восходом южной зари, Олег кивнул своим мыслям. Этот неожиданный элемент замечательно вписывался в его план. Оставалось только надеяться, что доблестный опер спросонок окажется чуть менее бдительным, чем обычно.

Столяров проснулся от первого толчка, раскрыл глаза и едва заметно кивнул, увидев приложенный к губам указательный палец.

— Тихо, — шепнул Гарин. — Пошли.

Михаил не стал задавать вопросов «куда» и «зачем», просто бесшумно поднялся с кровати, зашнуровал ботинки, накинул куртку и вышел из квартиры вслед за Олегом. Лишь на лестнице он спросил вполголоса:

— Что стряслось?

Гарин, обогнавший спутника на полпролета, поднял к нему бледное лицо и только мотнул головой:

— Это видеть надо.

— Что-то с «венцом»? — насторожился Столяров.

Вместо ответа Олег громко вздохнул и ссутулился, радуясь, что Михаилу видна только его спина. Контролировать выражение лица намного сложнее. Особенно когда сердце стучит в груди так, словно кто-то перевел рычажок с одиночного боя на автоматический и в каждом его ударе тебе слышится «Убей!». Убей существо, которое, не задумываясь, убьет тебя и перешагнет через труп, лишь бы все было в порядке с его драгоценным «венцом»!

По пути к баскетбольной площадке Гарин обогнал Столярова еще на пять шагов, обеспечивая себе пространство для нехитрого маневра. Возле стойки со щитом он изобразил замешательство, метнулся в одну сторону, в другую и, сделав петлю, встал лицом к Михаилу. Тот, как и следовало ожидать, остановился в паре шагов от Олега и требовательно спросил:

— Ну!

Олег снова вздохнул — смесь раскаяния и печали — и, шмыгнув носом, попросил:

— Отдай пистолет.

— Что?! — Лицо Столярова перекосило от подобной наглости.

— Отдай, — жалобно повторил Гарин. — А то ты убьешь меня, когда узнаешь.

— Да я тебя... — Михаил задохнулся от возмущения, затем рванул пистолет из-за пояса и сунул его рукояткой вперед в протянутую ладонь. — Держи! Но если что-то не так с «венцом», я тебя и без пистолета...

— Я знаю, — кивнул Олег и пробормотал: — Амударья пятнадцать.

— Чего пятнадцать?

— Ничего. Тебя в детстве дразнили жадиной? — невпопад спросил Гарин.

— Не думаю.

— А говядиной?

— Меня вообще не дразнили. Я всегда крепкий был. Здоровее сверстников.

— Крепкий... — повторил Олег. — Ильи Муромцы в роду были?

— Что?

Столяров шагнул к зарвавшемуся молокососу, из которого, похоже, пришла пора встряхнуть немного дури... Вернее, попытался шагнуть. Но не смог. Его ботинки, казалось, приросли к земле.

— Что ты... Что ты сделал?

— Жадину-говядину из детской дразилки, — охотно пояснил Гарин, отступая от Михаила еще на несколько шагов. — «Жадинка» — редкая аномалия и, можно сказать, бестолковая. Рядом с какой-нибудь «жаркой» или «воронкой» «жадинка» выглядит недоразумением. Она не разрывает, не жарит, не бьет молнией, просто притягивает разную металлическую мелочь: болты, скрепки, пуговицы. Для человека она не опасна. Но если

прикормить «жадинку» «ломтем мяса», сила ее притяжения возрастает на порядки. Сытая «жадинка» может без труда удерживать бочку или пулемет. Или тебя, Миша.

— Погоди, я не пожалею свои берцы... — Столяров судорожно завозился со шнурками. Вот он расшнуровал ботинки и попытался сделать шаг.

— Понял теперь? — улыбнулся Олег.

Столяров промолчал. Похоже, аномалия притягивала не подкованные подошвы ботинок, как он подумал сначала, а его самого.

— Чего ты хочешь? — спросил Михаил.

— Поговорить.

— А нельзя было по-человечески? Думаешь, под дулом пистолета я стану разговорчивей?

— Я не буду в тебя стрелять. Мне очень хочется, но в этом нет смысла. Через двенадцать минут начнется выброс.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — просто ответил Олег. — У тебя есть выбор. Ответить на мои вопросы и легко умереть от пули или встретить выброс на улице и остаток жизни искать дорогу домой.

— Совсем охамел, — прокомментировал Столяров и, выставив перед собой сжатые кулаки, спросил: — Угадай, в какой руке?

— В левой, — машинально откликнулся Гарин.

— Выиграл. — Михаил разжал левый кулак и показал Олегу кольцо от гранаты.

— В третий раз фокус не впечатляет, — сказал Гарин.

— Мне плевать, что там тебя впечатляет, — закипая, начал Столяров. — Пусть я не переживу выброс, но и ты до него не дотянешь.

— Вот как? — Олег улыбнулся, но уголки губ дернулись вниз, словно он собирался заплакать. — У тебя поднимется рука убить меня во второй раз?

— Что ты сказал? — опешил Михаил.

— То, что ты слышал... Палач.

Даже если бы Гарин отвесил собеседнику пощечину, ему вряд ли удалось бы добиться лучшего эффекта. Голова Столярова дернулась назад, во взгляде мелькнула беспомощность.

— Вот оно что... — Он опустил глаза. — Кто ты сейчас, Олег или Дизель?

— Я... — Гарин открыл рот, но понял, что вопрос ставит его в тупик. Наконец он ответил: — Я тот, из кого ты по капле высосал жизнь, а потом убил.

Михаил закусил губу.

— Мы не пытали Дизеля, — сказал он.

Олега передернуло. По его перекошенному лицу было непонятно, хочет ли он ударить Столярова, плюнуть в него или пристрелить.

— Мы не пытали Дизеля, — тихо повторил Михаил. — Это парапроптизол, прививка страха. Одна инъекция, и арестованный сам придумывает себе такие ужасы, что никакие пытки не нужны.

— Чушь! — заявил Олег, но в голове, сменяя уверенность, пронесся полный отчаяния стон: «Только не глаза... Пожалуйста... Вы уже делали это...» Разве не чушь? — Чушь! — повторил он. — И комнату с гвоздями придумал Дизель?

— Комнату с гвоздями? — вскинул брови Столяров. — Ах, вот почему он так дергался. Я думал, его бьет током. Ну да. Комната с гвоздями... Не было там никаких гвоздей, только гладкие стены и пол. У Дизеля было чересчур богатое воображение. Он запугал себя до смерти.

— Неправда. Это вы его убили. Даже ты. Конкретно ты, Палач. Или как там тебя зовут на самом деле?

— Михаил Столяров, могу слово дать.

— Слово вора? — скривился Олег.

— Пойми, — вкрадчиво произнес Михаил. — Нам нужно было выяснить, как работает «венец». Это очень серьезное оружие. Знаешь, сколько бойцов положил Дизель, когда его попытались остановить на Кордоне? Хотя кому я говорю. Ты-то как раз знаешь.

— Нет. Этого я пока не вспомнил, — признался Гарин. — И что? Узнали вы, как работает «венец»?

Столяров покачал головой.

— Мы надеялись, что с твоей помощью...

— С тобой понятно, — перебил его Олег. — Ты руководил дознанием, ты загубил Дизеля, тебя и послали расхлебывать эту кашу. Но почему я? — в лоб спросил он. — Что такого случилось в Институте, когда я в первый раз надел «венец»?

— Да примерно то же, что и сейчас, — вздохнул Михаил. — Только тогда ты не пытался выяснять отношения, а сразу вцепился мне в горло. Я долго потом не мог поверить, что ты все забыл. Думал, притворяешься.

— Поэтому и проверял меня?

— Да. И каждый раз, когда ты использовал «венец», я гадал, кто вернется на этот раз, ты или Дизель. «Венец» был на нем в момент гибели. Каким-то образом в «венце» запечатлелась личность сталкера, его... Не знаю, как сказать...

— Дамп памяти, — задумчиво произнес Гарин.

— Как?

— Не важно.

Во внутреннем кармане Столярова тревожно запищал КПК. Как будильник, который невозможно выключить.

— Осталось четыре минуты. — Олег с необъяснимым спокойствием смотрел, как раскрашенное полярным сиянием небо все чаще перечеркивают зигзаги беззвучных молний. Грома пока не было. Южный ветер, крепчая с каждой минутой, гнал по улицам листву вперемешку с бумажным мусором.

— Я достаточно рассказал? Заработал пулю? — спросил Михаил. — Как я понимаю, выхода отсюда не предусмотрено? — Он взглянул себе под ноги, на едва заметное жирное пятно, бывшее когда-то «ломтем мяса».

— Ну почему же. Разожми правый кулак и сосчитай до пяти. Если повезет и тебе оторвет только ноги, ты, возможно, успеешь доползти до укрытия.

— Издеваешься?

— Я слышал, что кому-то удавалось выбраться из «жадинки», отрезав себе ноги, — равнодушно сказал Гарин. — У тебя ведь наверняка остался нож.

— Сука ты, студент! — Столяров резко взмахнул правой рукой и разжал кулак.

Олег зажмурился и присел. Страх не было, но от летящего в голову предмета инстинктивно хочется уклониться.

Взрыв прогремел метрах в двадцати за спиной, один из осколков ударил в асфальт рядом с Гариным, на расстоянии вытянутой руки.

Олег обернулся — у входа в общежитие лежали в несовместимых с жизнью позах два снорка.

— Зря, — прокомментировал Олег. — Они бы не тронули. Им просто нужно было где-то переждать выброс.

— Две минуты. Что, правда никакого выхода? — спросил Михаил.

Гарин издал звук, похожий на смесь стога и рычания, и почти бегом покинул баскетбольную площадку.

— Эй! Ты куда? — крикнул ему в спину Столяров, однако ответа не дождался.

Олег скрылся из вида, и Михаил остался один. Он стоял лицом на север и не мог видеть зарева, но все равно каждой клеткой кожи, каждой наэлектризованной щетинкой на шее чувствовал, как позади аккумулируется энергия, чтобы пройти всепоглощающей волной от центра Зоны к окраинам, меняя расположение аномалий, разбрасывая артефакты и медленно отбирая жизнь у тех, кто не спрятался.

Гарин вернулся через минуту, одновременно с первыми каплями дождя. Он тяжело ковылял со стороны заброшенной стройки, волоча за собой здоровенный разохшийся брус.

— Ты этим решил перебить мне ноги? — спросил Столяров.

— Стоило бы, — с натугой проговорил Олег и сбросил груз в «жадинку». — Выходи. Это называется «подмена».

— Как я могу?.. — начал Михаил, но, еще не договорив, понял, что может. Ноги его слушались, правда, времени уже почти не оставалось. — Бегом! — крикнул он.

Гарин не нуждался в инструкциях. Рифленые подошвы его «дизелей» мелькали в десятке метров впереди.

Уже у двери, ведущей в подвал пятиэтажки, Михаил тронул Олега за локоть и сказал:

— Спасибо.

— Если бы ты знал, как мне хочется тебя убить, — прошипел тот.

— Могу себе представить, — вздохнул Столяров и громко крикнул: — Все здесь? Дверь запираешь?

— Здесь, здесь, — донесся из темноты голос Пороха. — А вы где были? Мы вас искали.

— Да так, в баскетбол решили перекинуться, — ответил Михаил.

Подвал был оборудован капитально. Его построили как бомбоубежище, а потом, не дождавшись мирового термоядерного конфликта, слегка переделали под хозяйственные нужды. С уходом людей из города нужды жильцов также отпали, в итоге бомбоубежище превратилось в сырую бетонную коробку, поделенную на несколько секций. Вентиляция не работала, средства обеспечения жизнедеятельности отсутствовали, а хранившийся там скарб и продуктовые запасы разложились до такой степени, что не интересовали даже тушканов. Осталась лишь мощная дверь со штурвалом и несколько вваренных в пол металлических скамеек. Для того чтобы пересидеть выброс, такого набора удобств было достаточно. На этом основании дом и выбрали под новую базу.

Панельная пятиэтажка оказалась не совсем пустой, в ней уже обитали двое сталкеров: добродушный мужик с открытым лицом по кличке Сахалин и Зеро — худой, чернявый парень чуть помоложе, с крючковатым носом и огромным кадыком, который активно двигался во время еды, а иногда и сам по себе, словно жил какой-то собственной жизнью. Зеро с Сахалином обитали в соседнем подъезде, но, услышав с балкона разговор, тут же наведались в гости и с радостью остались в типовой трехкомнатной квартире, которую Порох подобрал под жилье. Места хватило всем, правда, познакомиться толком не удалось. После бойни в книжном магазине и плутания по дворам четверка во главе со Столяровым едва добралась до кроватей.

— А что с ногой-то? — спросил Зеро у Михаила.

Тот рефлекторно поджал расшнурованные ботинки под лавку.

— Я не укушу, — улыбнулся Зеро. — Тебя и так уже покусали. Давай забинтуем, у меня аптечка с собой. — Он закатал Столярову порванную штанину и, со знанием дела осмотрев голень, поцокал языком. — Крупный песик...

— Пси-песик, — уточнил Гарин.

— А, ну это лучше. Так... Рана небольшая и чистая, все будет нормально.

— Прививок от бешенства не потребуется? — осведомился Столяров.

— Прививки тебе не нужны, слюны в ране не было. Так же, как и зубов.

— Я понимаю, что это был фантом. Но укус ведь откуда-то взялся?

— Этот укус придумала за тебя собака-транслятор.

— Придумала, хорошо. Я согласен. Но вот же он! — Михаил, как капризный ребенок, вновь продемонстрировал голень.

Зеро благожелательно вздохнул.

— Есть такой старый фокус, — сказал он. — Гипнотизер вводит тебя в транс, потом берет карандаш и говорит, что собирается прижечь тебе руку сигаретой. Он прикасается карандашом к твоей коже, и у тебя остается ожог, который ни один врач не отличит от настоящего. Потому что твой ожог — и есть настоящий. Поверь мне, никто не может так изуродовать человека, как он сам, точнее — его собственный разум.

Столяров внимательно посмотрел на Гарина, и тот, не выдержав, отвел взгляд.

— Зажигалка есть у кого-нибудь? — глухо проговорил Олег.

— Ты же не курил вроде? — удивился Порох.

— Я и не пил когда-то.

— Взрослеешь, — отметил он, протягивая Гарину сплюснутый спичечный коробок.

Олег отошел в дальний угол и достал из внутреннего кармана фотографию.

— Прощай, прекрасная девушка Марина, с которой я никогда не был знаком, — беззвучно прошептал он. — А может, и не прекрасная, кто знает... Тебя любил сталкер Дизель, но мне до вас обоих дела нет, извини за прямоту. Я, наверно, передал бы тебя Шифту, если бы он выжил после контакта с «венцом». А так — просто прощай, Марина. Если загробная жизнь существует, то вы с Дизелем давно должны были встретиться. Если же нет... тогда я разговариваю с куском бумаги.

Гарин неловко чиркнул спичкой и скормил пламени первый уголок. Фотография задымила и сразу обожгла пальцы — огонь по краю взобрался быстрее, чем Олег рассчитывал.

— Эй, чем ты там воняешь? — прикрикнул Порох. — Прекрати, и так дышать нечем!

— Уже все. — Гарин бросил сгоревшую фотографию на пол и, придавив ногой, растер ее в прах. — Все. Тема закрыта.

Глава восемнадцатая

— Эти «монолитовцы» — они как пружина, — сказал Батон, пожевывая щетину под нижней губой. — Чем больше давишь, тем сильнее сопротивление. И что случится в критической точке сжатия — неизвестно. Их ведь всерьез, от души, никогда не прессовали. Ну, отдельные стычки бывают, это да. Ну, военные в позапрошлом году слегка на них напали. А потом улетели. Фьють!.. — Батон изобразил, как безответственно смываются вертолеты. — И что дальше? Хозяина в городе нет, координации никакой, а кому это надо — в одиночку или мелкой группой идти на целый «Монолит»? У них-то все четко, как и раньше. Один за всех и все за одного, аж зависть берет.

— Тебе в «Долг» надо было записываться с такими настроениями, — заметил Сахалин.

— Записываться! — передразнил Батон. — Это в «Свободу» люди записываются, кому мамка траву курить не разрешает. А в «Долг» вступают, понятно? Мне Шульга лично Броню вручал. «Записываться!» — снова повторил он, не в силах успокоиться.

— А-а, — скривившись, протянул Сахалин. — То-то я смотрю, лицо твое неприятно знакомо. Свастики на лбу не хватает, вот я сразу и не признал.

— С тобой-то давно все ясно. Чего от Локи своего смылся? Обидели бедного мальчика, колес недодали? Небось весь промедол уже из аптечек потырил?

— За «бедного мальчика» ответишь отдельно, — тяжело произнес Сахалин.

Гарин со Столяровым, не сговариваясь, встали и вышли на балкон.

— Противно слушать, — сказал Олег, прикрывая за собой дверь.

— Нормально. Это жизнь, — отозвался Михаил. — Лишь бы не стреляли друг в друга, а так пусть посудачат, языки без костей.

Впереди за деревьями виднелась брошенная и давно одичавшая стройка: несколько вертикальных панелей на сваях и большой штабель брусьев. Что тут планировали построить, так и осталось загадкой. Поскольку строительство начиналось во дворе прачечной, можно было предположить, что это новая прачечная, хотя кирпичное здание старой выглядело еще крепким.

— Вот здесь и была раньше база сталкеров? — спросил Гарин, вытягивая руку вперед.

— Да, если верить доступной информации.

— А зачем ушли оттуда? Вроде хорошее место. И наверно, обустроенное было.

— Это надо у старожилов узнать. Хотя мне, если честно, по барабану. Я не археолог, я работаю не с прошлым, а с настоящим.

— Да, ты мужик конкретный. На таких мир держится, — сказал Олег без тени усмешки.

Столяров повернулся к Гарину и хлопнул его по плечу:

— Кто-то мир держит, а кто-то двигает вперед. Так оно и работает. Кстати, не прогуляться ли нам?

— Куда? — недоверчиво спросил Гарин.

— Да недалеко, — засмеялся Михаил. — Вот как раз до прачечной и дойдем. Если уж оказались рядом, грех не посмотреть. Парни! — обратился он, заходя в комнату. — Да хорош вам цапаться уже! Лучше постоит кто-нибудь полчаса на балконе, прикройте нас, если что.

Батон с Сахалином, так и не выяснив, чья правда правее, разошлись по разным углам, словно только и ждали, пока их разнимут. Зеро и Порох, поняв, что представление окончено, занялись привычными делами: чисткой оружия да латанием снаряги.

— Я постою, — нехотя вызвался Порох. Подхватив автомат, он выпустил Гарина и занял его место на балконе. — Красота-то какая!

Через двор до прачечной было меньше ста метров. Баскетбольную площадку Гарин и Столяров обошли стороной. Вчерашней темы они больше не касались, словно ничего и не было. Олег лишь украдкой взглянул на черный брус — тот так и лежал возле стойки с кольцом. Свернув перед гаражами, они обогнули прачечную справа и оказались у заднего входа без дверей. Порох помахал им с балкона: «Все в порядке».

— Вроде тихо? — шепнул Михаил.

— Даже слишком. Крыс — и тех не слышно.

Внутри было сыро и прохладно, пахло плесенью. Света сквозь мутные окна проникало мало, пришлось включить фонарики. Стены были до середины выложены кафелем, когда-то белым, а теперь серым, в сеточке из трещин; на полу тоже лежала плитка. Больше всего Гарина поразили огромные стиральные машины. В барабан такого агрегата легко поместился бы взрослый человек, а при желании и двое. Олег рискнул открыть одну из машин, и воздух наполнился тошнотворным запахом гнили. Кажется, в барабане что-то пошевеливалось, похожее на клубок мелких змей или кучу опарышей. Не приглядываясь, Олег брезгливо захлопнул дверцу ногой и догнал Столярова. Тот остановился у ржавых ворот и, немного помедлив, потянул правую створку на себя. Дверь издала пронзительный скрип, но открылась легко. В следующем помещении пол был устлан ковром с каким-то блеклым рисунком. Но как только его коснулись лучи фонариков, ковер пришел в движение, приподнялся и шумно вытек в предбанник. Это была тьма тушканов, мелких и каких-то кривобоких, словно выродившихся от долгого заточения.

Столяров отпрянул назад и начал поливать пол короткими очередями. Смысла в этом было не много: тушканы, повизгивая и деловито урча, мгновенно окружили людей. Олег оглянулся к ближайшему баку в надежде на него запрыгнуть, но для этого потребовалась бы сноровка хорошего гимнаста. Тушканы уже обступили людей так плотно, что задние ряды начали забираться по спинам передних. Гарин понял, что через секунду останется без ног, а еще через пару превратится в идеально зачищенный скелет, и единственное, что он успел сделать, это крикнуть.

«Прочь!!!»

Пирамида из тушек тут же рассыпалась, плешивые зверьки раскатились по полу и, как вода, ручьями унеслись на улицу. За минуту во всем здании не осталось ни одного тушкана, кроме тех, кого подстрелил Михаил. Олег был в этом уверен, более того — чувствовал. И это напугало его гораздо сильнее, чем колония грызунов. Гарин судорожно схватился за голову.

— Что? — спросил Столяров.

— «Венец»...

— Ты напятил его еще во дворе.

— Да, надел машинально. И сразу забыл о нем.

— Ты как тот старый граф, который из-за склероза трахал молодую жену до самого утра, — хохотнул Михаил.

Олег в ответ лишь кисло улыбнулся, ему было не до смеха. В первый момент он подумал, что управляет мутантами уже без «венца», и это показалось Гарину самым

страшным, что только могло с ним случиться. Войти в Зону обычным человеком, а выйти из нее крысиным королем, пси-уродом, которому подчиняются воробьи, бездомные кошки и дождевые черви... Он бы этого не вынес, умер бы от омерзения к самому себе.

Гарин еще раз ощупал голову, словно уговаривая себя, что ничего особенного не произошло, и натянул «венец» поглубже.

— Значит, это ты их прогнал, — утвердительно произнес Михаил.

— Нет, они восхитились твоей стрельбой и на общем голосовании постановили нас не жрать, — ответил Олег, отыгрываясь за «старого графа». — Там больше нет никого, пойдем.

За ржавыми воротами находился небольшой холл с квадратными облупленными колоннами и лестницей на второй этаж. Окна здесь были забиты листами железа, а в соседней комнате — аккуратно заложены кирпичом. Видимо, в ней и укрывались от выбросов обитатели старой базы. Там же стояла пара двухъярусных коек и ряд колченогих стульев. Если учитывать, что все приличное и годное отсюда уже вынесли, прачечная когда-то была неплохим убежищем.

Столяров обстоятельно осмотрелся, хотя ничего интересного вокруг не было. Преодолев два ряда щербатых ступеней, Михаил с Олегом оказались в верхнем зале. За двустворчатой дверью, такой же косой и ржавой, как и внизу, была административная часть. Столяров вошел в первый кабинет, где когда-то располагался штаб полковника Ковальского. Судя по всему, полковник был аскетом и довольствовался удобствами походной жизни: у стены стояла узкая кровать, заправленная казенным армейским одеялом, а письменный стол командир использовал самый простой, первый подвернувшийся под руку. Здесь же была карта расположения группировок и аномалий, безнадежно устаревшая, а также массивный запертый сейф, который и привлек внимание Гарина.

— Я бы даже не подходил к нему, — заметил Столяров.

— Может, там что-нибудь есть?

— А ты проникни внутренним взором, — съязвил он.

— Не случайно же его заперли, — сказал Олег. — Пустой можно было и не закрывать.

— Думаешь, военные оставили там килограмм бриллиантов, и он два года ждал, пока мы за ним не явимся? Сейф могли вообще заминировать, кстати говоря. Поэтому будь добр, не раздражай, отойди от него.

Сам Михаил тем временем приблизился к стене у окна и со странным видом провел по ней ладонью, как будто с этим местом у него были связаны теплые воспоминания детства.

— Нашупал что-нибудь интересное? — спросил Гарин.

— Не трогай сейф, — невпопад ответил Столяров.

— Да я не трогаю, не трогаю. Что со стенами? Проверил, насколько ровно лежит штукатурка?

— Ерунда, показалось, — буркнул он.

— В сейфе клада нет, потому что он спрятан в стене? — не унимался Олег.

— Пойдем отсюда. — Михаил вышел в коридор, по пути задев Гарина плечом. — Тсс! — вдруг прошипел он из-за двери и выставил руку. — Ты сказал, тут нет никого?

— Не было, — так же тихо ответил Олег. — Теперь есть.

— Тушканы вернулись?

Гарин тоже уловил едва различимый шорох на первом этаже, как будто лист бумаги волокло по асфальту слабым ветерком. Звук был очень тонким, на грани восприятия, слух то фиксировал его, то снова пасовал. Сердце стучало гораздо громче.

Столяров погрозил указательным пальцем: «Молчи, даже не дыши!»

Наконец внизу раздалось нечто более определенное: кому-то под ногу попал мелкий камешек или осколок. Послышался хруст и тихий выдох «ш-с-с...» — непонятно, человеческий или звериный.

Олег с Михаилом замерли у двери, не решаясь выйти в холл. Через секунду до них донеслись отчетливые шаги, кто-то шел наверх. Столяров попятился, спиной заталкивая Олега в глубь коридора. Незванный гость преодолел первый марш, и на лестнице появилась мощная голова, покрытая чешуйчатой буро-зеленой шкурой.

На второй этаж поднимался кровосос. Мутант ступал грузно и устало, как изможденный жарой пенсионер, хотя туловище принадлежало крупной и сильной твари. Присоски на его морде безвольно свисали и покачивались, роняя на пол редкую густую слюну. Ран на теле у кровососа Гарин не заметил. Скорее всего мутант был невероятно голоден. Он остановился на последней ступени, блеснул маленькими глазками и сделал шумный выдох, похожий на лошадиный храп. Подняв пистолет, Столяров разрядил ему в лоб всю обойму и одновременно сорвал что-то с пояса. Под ноги упало кольцо, а в лестничный пролет отправилась граната. Здание сотряслось от взрыва. Олег сглотнул, чтобы избавиться от звона в ушах, и тут услышал еще один вздох, такой же тяжелый. Откуда-то справа, из пустоты, его обдало тугим потоком зловония. Гарину показалось даже, что в миллиметре от его лица, едва не коснувшись, пронеслось что-то холодное и жадно трепещущее. Он не успел и моргнуть, как Столярова вытащило из коридора и швырнуло в угол. Михаил выронил пистолет и обойму, которую не успел вставить.

— Где?! — крикнул он, хватаясь за автомат.

Олег рефлекторно подтянул на ремне винтовку и выстрелил в то место, откуда их атаковали. Это получилось быстрее и проще, чем ответить словами. Столяров дал короткую очередь туда же и замер, прислушиваясь. Все пули ушли мимо цели. Невидимый кровосос продолжал перемещаться по площадке, и угадать, где он теперь находится, было невозможно. Еще несколько очередей, пущенных наугад, не дали никакого результата, холл был слишком широким.

— Хорошо бы заманить гада в коридор, там ему деться будет некуда, — сказал Михаил.

— В коридор — это на меня?

— Конечно, а как еще?

— Иди к черту с такими идеями! — возмутился Гарин.

— Ты его совсем не видишь?

— Я чувствую направление, — Олег два раза выстрелил, и обе пули ушли в стену, — но очень приблизительно. А может, мне это только кажется... — Он сделал еще один выстрел, без всякой надежды, но на этот раз стальное жало с глухим стуком воткнулось во что-то живое.

Кровосос издал оглушительный рев, и по этажу заметался двухметровый сгорбленный силуэт с длинными руками-лапами. Однако попасть в него оказалось непросто: в скупом свете, проникавшем сквозь щели в забитых окнах, проявлялись лишь неверные очертания призрака, изломанная грань между прозрачным телом и пустотой. Стрелять нужно было с упреждением, угадывая каждый следующий шаг мутанта. Угадывать Гарин оказался не мастак. Столярову пришлось израсходовать два рожка, прежде чем он сумел основательно ранить кровососа и затем добить уже неподвижную тварь.

— Это было волшебно, — пробормотал, отдуваясь, Михаил.

— Внизу есть еще.

— Ты шутишь... — сказал он упавшим голосом.

— Их много. Очень много. И все они хотят жрать.

На первом этаже слышались шаги, сливающиеся в топот. Казалось, в прачечную забежал целый табун.

— А граната только одна, — сообщил Столяров.

По-прежнему сидя на полу, он вырвал чеку и бросил подарок в пространство между лестничными маршами.

— Ловите на всех!

Взрыв мутантов не остановил. Перелезая через убитых соплеменников, они бросились вверх по лестнице плотной толпой, чем значительно облегчили людям работу. Гарин наконец-то поборол оцепенение и, подбежав к Столярову, начал выбивать кровососов в упор. Часть из них была видимой, часть представлялась мерцающими контурами, но, зажатые в узком проходе, они все были легкими мишенями. Олег стрелял в головы, к ранениям в

корпус мутанты были маловосприимчивы. О том, что будет, если патронов не хватит, не хотелось даже думать.

— Давно известно, что стелс-технология — фуфло для налогоплательщиков! — ожесточенно бормотал Столяров, расстреливая одиночными очередной рожок.

Гарин старался не отставать и успел сменить уже второй магазин, когда внизу вдруг прогрехотал взрыв. Олег и Михаил коротко переглянулись. Тут же рванули еще две гранаты, и сразу за ними заработал пулемет.

— Раскачались наконец-то! — обрадовался Столяров. — Прикрытие, маму их за ногу... Они бы еще через час подвалили. Порох, ты? — крикнул он вниз.

— А то кто же! Вы целы там?

— Нас давно выпили, как «кровавую Мэри»! Олег — томатный сок, а я — водка!

— Рад слышать твой дурацкий юмор! Значит, тебе еще не весь мозг высосали?

— Немножко осталось, аккуратно на пару сканвордов!

Михаил с Порохом продолжали стрелять и обмениваться непритязательными шутками, хотя, чтобы быть услышанными, им приходилось кричать во весь голос. Судя по грохоту на первом этаже, Порох явился не один, а с подмогой, но остальные помалкивали. Молчал и Гарин. С тех пор, как он вытащил из подсумка последний магазин, чувство юмора его покинуло.

Бойня закончилась чуть раньше, чем патроны. Пробираясь сквозь лес скрюченных конечностей, по лестнице поднялся Сахалин. Он помахал РПК и демонстративно плюнул на ствол. Плевок вскипел и испарился.

— Думаю, каюк машине, — заметил сталкер. — Теперь только из-за угла стрелять можно.

— Я тебе возмещу, — ответил Столяров, вставая с насиженного места.

Олег отсоединил пустой магазин и оттянул затвор — оттуда вылетел патрон.

«Последний. Как раз на случай, если бы Порох не сумел — или не захотел — прийти на помощь», — подумал Олег деловито, словно речь шла о бутылке пива в холодильнике.

Гарину захотелось сберечь этот патрон как талисман, но он испугался, что, ступив на путь воинских суеверий, уже не сможет с него сойти. В итоге он вставил патрон обратно и по-хулигански шмальнул в затылок дохлому кровососу.

Вслед за Сахалином появился Батон с двумя «калашами», из которых он, вероятно, стрелял по-македонски.

— Неплохо вооружились, — прокомментировал Михаил.

— Так знали же, на кого идем.

— Сколько вас?

— Мы да Порох.

— Вначале было интересно, — громко произнес старый сталкер, услышав свое имя. — Стою на балконе и вдруг вижу: отсюда прям целая река выплыла. Я только в прицел и разглядел, что это тушканы были. И все такие мелкие... детеныши или уроды... Уж не знаю, как вы их выкурили. Разве что носки дали понюхать.

— Не трынди, надоело, — оборвал его Столяров. — Что дальше было?

— Минут через пять смотрю — идут кровососы. Ну чисто взвод на помывку шагает. Мне как-то рассказывали, что в подвале «Круга» их целое племя обитало. Но тут гораздо больше. Да сам погляди.

Столяров с Гариным перелезли через завал твердых, как бревна, тел. На лестнице лежало не меньше десятка мутантов, еще двое остались наверху. Второй, невидимый, утратил свойства «стелс», как их назвал Михаил, и превратился в обычную изрешеченную тушу. То же самое происходило и с другими кровососами: сразу после смерти они теряли невидимость, которая, похоже, зависела не от особенностей шкуры, а от каких-то функций организма. Однако сколько бы кровососов ни валялось на лестнице, в холле первого этажа их было намного больше. Разного окраса, от болотного до коричневого, они занимали все пространство, а кое-где громоздились и в два ряда. Неудивительно, что у пулемета деформировался ствол, работы здесь было невпроворот.

В прачечной стоял пронзительный запах крови, испорченной и свежей. Стрелять мутантам в голову старался не только Гарин, но и все стальные, однако в отличие от винтовочных пули крупного калибра на выходе вырывали из черепов большие куски, за которыми под давлением вылетал и мозг. Некоторые головы были расколоты на части, как распустившийся ландыш, другие были сплющены, словно от удара молотом. Гарин перешагивал через трупы и сдерживал тошноту у самого горла, но все равно продолжал смотреть на эту чудовищную ярмарку мяса — и снова перешагивал, и снова кашлял, пока наконец не выбрался на улицу. Столяров копался чуть дольше, но вскоре все пятеро собрались у главного входа, со стороны баскетбольной площадки.

— Зря вы в прачечную поперлись, — сказал Порох.

— Спорить не буду, — буркнул Михаил.

— Что вы там забыли-то?

— Я слышал, там сейф на втором этаже остался. Думал — может, что интересное найдется.

— Ну и как хабар? Богатый? — с издевкой спросил Порох.

— Кодовый замок, без болгарки не вскрыть.

— А что, болгарку я видел, — оживился он. — В той бытовке навалом всякого инструмента. — Порох показал на желтый вагончик возле стройки.

— Угу... а вилку куда втыкать? Если только в жо...

— Да в Зоне полно генераторов! — перебил его Сахалин. — Я три недели назад целую колонну видел.

— И что за колонна? — заинтересовался Михаил. — Чья? Куда шла?

— На север куда-то. Наверное, к речному порту. Это же «монолитовцы» были, — безнадежно ответил он.

— Понятненько... — протянул Столяров.

Обратно к дому двигались медленно и осторожно, удерживая круговую оборону, хотя ничего подозрительного во дворе не было. Даже далекий лай собак, к которому Гарин давно привык, незаметно смолк. Не было и птиц в небе. Зона как будто задремала, восстанавливая силы после атаки мутантов. Когда проходили мимо баскетбольной площадки, Олег бросил в «жадинку» болт — тот звонко ударился об асфальт и отлетел в траву: аномалия уже исчезла. Михаил посмотрел на Гарина неодобрительно, но ничего не сказал.

В квартире их ждал сюрприз: Зеро отпаивал водкой какого-то незнакомого человека, и вряд ли в целях вывода радионуклидов. Сталкер находился в состоянии шока.

— Это Штиль, — представил его Зеро. — Зашел к нам в подъезд, сел на лестнице и сидит.

— И все? — спросил Порох. — Сидит и молчит?

Штиль поднял на него тяжелый взгляд:

— Сижу и молчу, ага. Не доставай меня, мужик. Плесни еще водочки, — обратился он к Зеро.

— Я тебя помню, — обрадовался Сахалин. — Мы с тобой на «Скадовске» пересекались.

— Да, было дело, — равнодушно подтвердил сталкер.

— А я давно уже в Припять перебрался.

— Вижу, вижу... — обронил Штиль.

Зеро налил ему еще пятьдесят граммов, и он бесчувственно проглотил, не обратив внимания на предложенную закуску. Лишь потянул носом воздух и, сморгнув неожиданную слезу, медленно заговорил:

— Нас прихватили в западной части города, в стороне от КБО. Меня, Пилу и Кадета. Я не хотел идти, предчувствие было нехорошее, но они уболтали. Мы больше года втроем держались. Друзья — не друзья, братья — не братья... Вы сами знаете, что такое целый год в Зоне. В общем... и друзья, и братья. По дороге напоролся на двух «монолитовцев». Но это было не опасно. Кадет всегда стрелял так, что нам с Пилой только в сторонке курить оставалось. Ценного у них ничего не было, ну жратвой мы немного разжились да пару

аптечек взяли. Прошли КБО. Не старый, а новый, который южнее. Хотя какой он, к черту, новый... Добрались до пятиэтажки, все было тихо. Через арку вошли во двор и вот тут смотрим — подарок небес! Лежат два разбитых ящика из-под патронов. «Пять сорок пять», самые ходовые. Четыре цинка, вскрытых и рассыпанных. Целая гора пачек, и все свалены в одну кучу, прямо на газоне.

Штиля прорвало. Шок отпустил, и сталкер уже не мог остановиться, он должен был выговориться до конца. Остальные, не перебивая, напряженно слушали.

— Мы, конечно, не за патронами шли. Откуда мы могли знать? Но когда увидели, то поняли, что других трофеев нам на сегодня уже не надо. Стали думать, как все это вынести. Два ящика, вес приличный. Да и неудобно. Решили в цинки обратно не укладывать, а собирать пачки в рюкзаки. Увлечлись... — Штиль потер небритое лицо и с трудом проглотил. — Купились на подставу, как звери на приманку. Так обидно... за себя, за парней. Они ведь не были идиотами. Я вроде бы тоже. За год ни одного ранения, значит, мозги у нас все-таки есть?

Ему не нужен был ответ, но все закивали.

— Наваждение какое-то нашло, — продолжал Штиль. — Забыли, где находимся и что мы не одни в городе. А когда опомнились, нас уже окружили. Там и окружать-то нечего, двор глухой. Короче, смотрим — зомбированные. Штук сто, не меньше. Поднимаются и идут цепями. И все в армейской броне. А дальше еще хуже: оказалось, что у них снайпер на крыше сидел. И первое, что он сделал, — прострелил Кадету оба плеча. Не нам с Пилой, а Кадету! Который для них был наиболее опасен. Особенно когда под рукой такая куча патронов. Потом и Пилу ранили в ногу. Но не зомби, а тот же снайпер. Зомби стреляли только поверху, над головами.

— Ты уверен, что это были зомбированные? — спросил Сахалин.

— Их походку ни с чем не спутаешь. Зомби точно. Но в броне и в шлемах. Хотя такие же безмозглые, как всегда. Мы с Пилой выбивали их, словно кегли, а они все падали и падали в воздух. И снайпер всего три раза выстрелил, потом заткнулся.

— Нет, они не безмозглые, — проронил Гарин. — Что хотели, то и сделали.

— И что же они хотели?

— Ты лучше расскажи, как ты ушел оттуда, — сказал Олег. — Если там была сотня зомби, и вас окружили...

Штиль посмотрел не него с невыразимой болью и уткнулся взглядом в стакан.

— Ушел просто, через ту же арку, — глухо произнес он. — Там тоже оцепление было, но небольшое, справился... Я их бросил, — добавил он упавшим голосом. — Пилу и Кадета, с которыми год по Зоне кочевали. Много чего вместе видели и пережили. Я оставил их во дворе, как последняя гнида. Пила просил застрелить его, но я не смог. Дал ему гранату и ушел...

Штиль зажмурился. У него из глаз выкатились две крупные слезы и потерялись в темной щетине.

— Потом был взрыв, — выдавил он. — Но я уже выбежал на улицу и помчался, как ребенок. Не помню куда. Несся не разбирая дороги, тут слышу — стрельба. — Он кивком указал на пулемет в руках Сахалина. — И я просто забился в угол. Крыса. Даже нет — хомячок. Всё, парни, кончился сталкер Штиль, — сказал он горько. — Истлел, как тряпка.

— Совесть — это хорошо, — кивнул Столяров. — Но когда ее слишком много, она начинает вредить. Не кляни себя. Что ты мог сделать? Чем помочь? В одиночку вынести из-под огня два тела нереально.

— Я должен был остаться с друзьями и умереть как мужчина. Сейчас это кажется естественным решением. Но там я испугался. Может быть, в первый раз по-настоящему.

— Умереть не получилось бы, — возразил Гарин. — В том-то и фокус, что убить вас можно было и быстрее, и легче. Ты разве сам не понял? Что стоило снайперу пальнуть каждому из вас в затылок?

— Снайпер! — горячо подхватил Штиль. — Он как будто знал, что Кадету нельзя позволять отстреливаться. Кадет завалил бы половину зомби раньше, чем они успели бы израсходовать первый рожок.

— Я не удивлюсь, если тот снайпер с крыши известен под кличкой Коршун, — заявил Олег.

— Коршун?! — воскликнул Штиль. — А Коршун-то здесь при чем?

— Ты его знаешь?

— Не так чтобы хорошо, но несколько раз встречались. Адекватный вроде мужик.

— И он был в курсе про Кадета, — уверенно произнес Гарин.

— Возможно... А может, и нет.

— Про Кадета и я кое-что слышал, — высказался Порох. — Личность известная. Чуть ли не чемпион мира в стрельбе по тарелкам.

— Стеновая стрельба, серебряный призер, — уточнил Штиль. — Он мог лупить из чего угодно, с любой руки, почти не глядя.

— И он кому-то понадобился живым, — заключил Гарин.

— Любишь ты спешить с выводами, — сказал ему Михаил. — Ведь не доказано, что на крыше сидел именно Коршун? Штиль его не видел.

— Ну да, это простое совпадение! — нервно произнес Олег. — Сначала зомби пытаются взять живым Доктора из группы Коршуна. Потом они устраивают засаду на Кадета, с которым Коршун был знаком. А в прачечной сегодня что было? Флешмоб кровососов, обычное дело? Я уж не говорю об атаке на старую базу.

— Это, безусловно, странные явления, но я по-прежнему не вижу связи.

— Ты же сам признал, что Коршун — темная лошадка!

— Но не настолько, чтобы верховодить всеми мутантами в Припяти. Или ты теперь в каждом тушкане видишь руку Коршуна?

— Да не Коршуна, не Коршуна, говорю же тебе! Он чей-то исполнитель, проводник.

— Мы все проводники в той или иной степени. И пока это беспредметный разговор, Олег.

— Стойте, стойте, — сказал Зеро. — О чем это вы? Поясните.

— Взаимодействие мутантов усложняется, — ответил Гарин. — Они начинают планировать атаки. Теперь вот уже и засады стали организовывать. Если раньше их намерения были чисто животными — убить и сожрать, то сейчас у них появились какие-то иные, почти человеческие цели. Например, взять кого-то в плен. Зачем зомбированным вдруг понадобились пленные — есть версии? Нет версий. Потому что мутантам, во всяком случае, не плотоядным, пленные даром не нужны. Они нужны кому-то другому, каким-то людям. И каждый раз, когда возникает подобная непонятка, над ней торчат уши Коршуна, если можно так выразиться. И ты, Штиль, сегодня оказался ему не нужен, только и всего. Нужны были Кадет и Пила, а ты, если бы остался с ними... мог бы, например, подорвать гранатой и себя, и своих друзей. Но они были нужны живыми, — повторил Гарин, — вот снайпер и позволил тебе уйти.

— Почему же тогда он его не убил? — спросил Столяров. — Это гораздо проще.

— А почему Коршун не убил нас еще во время первой встречи? — парировал Олег.

— Там другая причина, не путай. Он хотел выяснить наши планы.

— А с чего ты взял, что у него не может быть такого же интереса и к Штилю? Ты ведь не знаешь до конца, что у Коршуна на уме. Да может, ему вообще не сильно нравится убивать людей — только и всего.

— Снова недоказуемо. — Михаил вышел из комнаты, давая понять, что не намерен продолжать этот разговор.

— Я вообще ни во что не врубился, — признался Зеро.

— Они считают, что во всех бедах виноват Коршун, — простецки подытожил Батон.

— Не «они», а он! — раздраженно крикнул из кухни Столяров.

— Я с Коршуном виделся, он не показался мне каким-то особым злодеем, — проговорил Штиль. — Но лезть не буду, думайте сами. За водку спасибо, вкусная. У вас кровать свободная найдется, или мне отваливать?

— Ложись пока на мою, а там разберемся, — сказал Зеро. — Я бы тебе предложил остаться. Но мы с Сахалином сами недавно эту четверку встретили. Не знаю, как у них принято — голосование, решение командира или что-то еще.

— Да пока никак, — развел руками Порох. — А в книжном было просто: пришел человек в лагерь — значит ему нужно. В шконке и куске хлеба никому не отказывали.

— В книжном? — насторожился Штиль. — Это была ваша база? И вы оттуда вышли? Живые?!

— А что, ты уже слышал об этом?

— Мы туда наведывались как раз перед последним походом. — Он запнулся и недолго помолчал, играя желваками. — Кадет, Пила и я. Трупы во дворе не считали, но это что-то запредельное... Я столько зомби в одном месте ни разу не видел. К магазину даже близко подойти не смог, стены фонят так, что я еще в пяти метрах весь завтрак выблевал.

— В каком смысле «фонят»? — не понял Гарин.

— У меня повышенная пси-чувствительность. Контролеров приходится за версту обходить. Хотя они мне ничего особенного сделать не могут, но тошнит от них, как от тухлой колбасы. Что-то вроде аллергии. Так вот, после той бойни вокруг вашего книжного аж звон в ушах стоит, настолько там все заражено.

— Интересно... — Вернувшийся с кухни Столяров застыл в дверях, глядя на Штиля. — Не повезло тебе, сталкер. Оставайся с нами, — добавил он торопливо и, как показалось Гарину, излишне настойчиво.

— Думаю, мне из Зоны уходить надо, — сказал Штиль.

— А ты не думай, — прищурился Михаил. — Чем корить себя за трусость до конца дней, лучше отомстить за товарищей. Возможность такая у тебя будет, гарантирую.

— В этом я не сомневаюсь. Только кому тут мстить? Зомбированным? Их и без меня укантовало так, что дальше некуда.

— Вот с теми, кто укантовал, и нужно разобраться. — Столяров начальственно оглядел комнату. — Мы уже определились, что у нас, голосование или решение командира?.. Ясно, — сказал он, не дождавшись ответа. — Значит, так: Зеро как наименее уставший идет по квартирам, ищет кровати. Стулья тоже нужны, и пара столов не помешает. Запоминай, где что найдешь, потом вместе дотащим. Остальным отбой до вечера. Отбой, я сказал! — рывкнул он и, неожиданно рассмеявшись, добавил: — Кто за, кто против? Приняли единогласно.

Глава девятнадцатая

К собакам Гарин всегда относился нейтрально: лишь бы не тявкали за стенкой, не гадили у подъезда и не хватали за ноги. В Зоне он понял, как люто, как искренне можно ненавидеть этих тварей. Днем они надоедали своим бесконечным, сварливым, ничем не оправданным лаем, но это было еще полбеды. Ночью собаки принимались выть. Это так царапало нервы, что хотелось перерезать себе горло.

— Их надо убивать уже только за это, — сказал Сахалин. — Даже если бы они стерегли дома и пасли гусей, оно бы того не стоило. Стрелять, как бешеных...

— ...собак, — поддержал Штиль. — Но мы, надеюсь, идем не за этим?

— Нет, — отозвался Столяров. — Вообще не вижу смысла в тупом отстреле мутантов. А путь, кстати, у нас неблизкий.

— Вот ты порадовал... — вякнул Зеро. — Куда хоть направляемся-то?

— Предлагаю прогуляться до кинотеатра.

— Мимо КБО? — встрепнулся Штиль.

— Приключения нам не нужны, — успокоил Михаил. — Все обойдем стороной — и КБО, и госпиталь. Топаем дворами. Вот только школу, наверно, придется пройти, не кружить же из-за нее лишний час.

— Ты, похоже, весь город знаешь, — заметил Штиль.

Столяров промолчал.

— Зачем к кинотеатру-то переться? — не выдержал Порох.

— Хочу посмотреть на речной порт. Может, в кафе зайдем, если будет открыто, — странно сдохмил Столяров.

Все, кроме Гарина, пропустили шутку мимо ушей, и только Олег всерьез заволновался. Просто потому, что успел узнать напарника довольно близко: шутить у Михаила, как правило, не получалось.

Шли всемером, сидеть в квартире никто не пожелал, хотя Столяров и выбора никому не оставил. Как только стемнело, скомандовал «Подъем!», и сталкеры, такие разные и норовистые люди, без пререканий собрались на вылазку. Что-то подсказывало им: в отряде у Столярова прожить удастся дольше, чем порознь. Как вышло, что Михаил стал командиром, никто не задумывался. Это было его место, вот и все.

Звезды в чистом небе горели так ярко, словно пытались компенсировать дневную хмарь и постоянные дожди. Дорогу было видно прекрасно, и фонарики никто не включал, чтобы лишний раз не привлекать внимание мутантов.

Обогнув прачечную и следующий за ней дом, группа оказалась на проспекте Дружбы Народов. Дорогу перебегали по одному, остальные «секли поляну», по выражению многомудрого Пороха. Таким образом, заведомо опасное открытое пространство удалось преодолеть меньше чем за минуту и притом без особого риска. Все окончательно убедились, что время сталкерских троек ушло в прошлое.

Луна высвечивала проспект на сотни метров вокруг, и, чтобы не подставляться, группа вновь углубилась во дворы. До территории школы добрались на удивление быстро.

— Тишь-то какая! — восхищенно прошептал Зеро. — Тишь да глушь. У нас в Печатниках и то пожестче обстановочка. Бывало, выйдет мужик ночью за сигаретами, а вернется через неделю на костылях.

— Печатники — это что? — поинтересовался Батон.

— Печатники — это не «что», а «где». В Москве, дружще, в Москве.

— Ну ни фиги себе ты заблудился!

— Да, вот такие дела...

— Но школы-то у вас точно не такие, — сказал Михаил.

На внутренней стороне левого крыла здания зиял огромный пролом, от земли до самой крыши. «Мясорубка» чудовищной силы выгрызла в строении здоровенный кусок, обнажив перекрытия и коридоры четырех этажей, из-за чего корпус стал похож на разрезной макет. Только макет этот был выполнен в натуральную величину.

Сахалин включил фонарик и посветил на стены.

— Не нужно было этого делать, — сказал Штиль.

— А что такого?

Ответить Сахалину никто не успел. Из разбитой теплицы рядом со школой донесся рык, похожий на львиный. Сталкеры мгновенно обернулись, но в сумерках им удалось различить лишь мощную тень, которая промелькнула где-то вверх и исчезла. За кустами послышалось приземление на мягкие лапы и новый раскат рева, совсем близко.

— Ты, блин, химеру накликал, остолоп, — не дыша, вымолвил Порох.

— Если она в оранжерее была, то и без фонаря давно нас учуяла, — возразил Сахалин.

— Глохнуть всем! — бросил Столяров. — Встаем в кольцо, каждый берет по сектору. Проверили магазины! Нас много, со спины не подберется, а пойдет во фронт — устанет свинец глотать.

— Она не пойдет, — с тоской произнес Порох. — Она сейчас прыгнет откуда-нибудь, и останется нас шестеро. Плюс чье-то туловище без головы.

— Не каркай!

Химера взревела и действительно прыгнула, теперь ее заметили почти все. Кто-то истерично выпустил длинную очередь — заведомо в пустоту, поскольку мутант пронесся над сталкерами слишком быстро.

— Куда она метнулась? — зашипел Батон.

— Не бойсь, она свое дело знает, — протянул Порох. — Сейчас изведет нас ожиданием, а когда издержаемся — сиганет, и сразу в точку. Нужно к стене двигаться. А этот наш кружок «ромашка» ей только в радость: больше двоих за раз ее на прицел не возьмут, остальные в другие стороны глазят.

— Порох правильно говорит, — признал Столяров. — Смещаемся к стене.

Химера затаилась. Не исключено, кошачий инстинкт велел ей поиграть с жертвой, прежде чем утолить голод. Воспользовавшись паузой, сталкеры добрались до правого крыла здания и развернулись шеренгой у невысокого крыльца напротив пролома в соседнем корпусе. Михаил перепрыгнул через четыре ступени и ударил ногой в дверь, обитую потускневшим кровельным железом. Та не шелохнулась. Судя по глухому звуку, изнутри к ней было придвинуто что-то очень массивное.

Столяров растерянно огляделся: над крыльцом нависал балкон, вернее, оставшаяся от него плита, но подъем туда всех семерых занял бы целую вечность. Окна первого этажа в этом крыле были высокими и узкими — тоже не вариант.

— Дверь забита, что ли? — спросил Порох. — Вот же уроды, и кому это понадобилось... Ну, здесь у нас хоть спины закрыты, и в «мясорубку» не угодим.

— Раз ты специалист — командуй, — сказал Михаил. — Что теперь делать, как ее достать? Даже гранату не кинешь, хрен знает, где она сейчас залегла.

— О! А вот, кого совсем не ждали. — Батон повел стволом влево.

Через двор к теплице беспомощно ковыляли два изможденных зомби. Первый за ремень волочил по земле винтовку, второй был вовсе без оружия.

— Может, химера на них отвлечется? — с надеждой проговорил Зеро.

— Может, и отвлеклась бы, — сварливо отозвался Порох. — Если бы не было другой дичи, посвежее да пожирнее. А этих чудиков она потом на полдник схарчит.

— Не трогайте зомбированных, — попросил Штиль. — Дайте я их сам представлю к наградам посмертно.

— Валяй, — согласился Столяров.

Штиль быстро прицелился и сделал два выстрела. Из макушек у обоих зомби вырвались кровавые фонтанчики, на этом их бессмысленный поход завершился.

— Ну что, отвел душу?

— Не знаю, — буркнул Штиль. — Мне, наверно, придется тысячу штук завалить, чтобы полегчало.

— Где химера-то? — не выдержал Зеро. — Куда она смылась?

— На это даже не надейся, — отрезал Порох.

— Слушай, дядя, ты прямо в фан-клуб к ней записался! Неужто не справимся? Или она умнее людей?

— Нет, конечно. Мы умнее. Только мы, умные люди, жмемся к стеночке и портки увлажняем. А она, дура, гуляет, как хочет.

— Кончай свою пропаганду! — обозлился Столяров. — Я тебя просил рассказать, как ее одолеть. А ты заупокойную нам тут читаешь.

— Да как одолеть... Смотрим в оба и шмаляем. Хорошо бы в голову целиться. Я слышал, некоторые ей в корпус по целому рожку всаживали, а она после этого спокойно их задирала. Так что желательно все-таки в голову. Ну уж кто куда сумеет.

Химера, сообразуясь с неведомой животной логикой, обошла школу вокруг и появилась с другой стороны, где лежали два горемычных зомби. Она деловито обнюхала трупы и вяло прикусила одного за шею, вроде как продегустировала. Потом фыркнула, тряхнула лапой и отошла: не понравилось. На сталкеров химера демонстративно не смотрела, хотя было ясно, что она знает об их близком присутствии.

— Чего стоим-то? — одними губами произнес Зеро. — Валим ее?

— Валим! — приказал Столяров и, первым подняв ствол, придавил спусковой крючок.

Мутант словно этого и ждал: грациозно оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, он подпрыгнул так резко и высоко, что просто исчез из виду, а когда приземлился, был уже совершенно в другом месте. Всего в паре метров от крыльца. В полной готовности к новому броску.

Семеро сталкеров застыли с одной мыслью на всех: если тварь бросится вперед и если даже получится расстрелять ее в полете, то чудовищные когти и огромная масса мутанта все равно не оставят намеченной жертве никаких шансов. Неизвестно, сколько времени они так простояли. Возможно, для стороннего наблюдателя паузы вообще не было, но для Гарина она растянулась в целый биографический фильм, начавшийся с первого воспоминания о детском надувном бассейне и закончившийся около полуразрушенной школы — здесь и сейчас.

Наконец кто-то из стоявших рядом справился со ступором и ухнул из подствольника — прямо в морду мутанту. Химера отскочила на несколько метров назад, к разрушенной стене. Сталкеры зажгли фонари — таиться уже не было смысла — и открыли по твари огонь. Остервенело паля из автомата, Олег не сразу понял, что он видит впереди. Ослепленная химера сидела на задних лапах и трясла головой. Под нижней челюстью у нее раскачивалось что-то похожее на кочан капусты, а слева на шее блестела крупная рваная рана, будто бы ее укусил противник не меньших размеров, чем она сама.

Гарин с ужасом смотрел на эту жертву генного эксперимента. Взрывом химере оторвало и разможило второй неразвитый череп. Голова-паразит, не такая крупная, как первая, висела на длинном клочке кожи. Тварь ожесточенно рычала и крутилась из стороны в сторону, чтобы избавиться от лишнего органа, а сталкеры, замороженно глядя на нее, все стреляли и стреляли, и это длилось... вряд ли дольше пары секунд. Всемером они прикончили ее довольно быстро. Стоило химере прекратить прыжки, как ее судьба была решена, но именно это выглядело самым странным: свои последние мгновения тварь потратила не на борьбу за жизнь, а на то, чтобы умереть без проклятого рудимента. Она придавила его к земле передней лапой, перекусила лоскут кожи, на котором он болтался, и, откатив разбитый череп в сторону, легла в позу сфинкса. По телу химеры прошла крупная дрожь, огромные когти выцарапали в асфальте шесть глубоких борозд, затем раздался хриплый выдох облегчения. Словно химера сама приняла решение уйти из жизни, а люди, истратившие по магазину, участвовали в этом лишь как тупая убойная сила вроде камнепада.

Вслед за химерой сталкеры длинно выдохнули и перезарядили оружие.

— Ну вот, одним гадом в Зоне меньше, — невесело констатировал Порох.

— Справились же все-таки, — буркнул Зеро.

— А я не говорил, что это невозможно. Кстати, кто в нее гранатой пальнул?

— Я и пальнул, — отозвался Зеро.

— Молодчага. Только почему во вторую голову, а не в первую?

— Да я вообще не целился, — признался он. — Очень выжить хотелось, вот и попал со страха.

— Все оклемались? — спросил Столяров. — Тогда идем дальше, и побыстрей. Многовато шуму наделали.

— Какой у нас маршрут? — осведомился Порох. — На север к самому кинотеатру?

— Ну да.

— А давай, командир, крюк небольшой сделаем. Махонький такой крючочек.

— Что еще за крюк? Тебе до ветра понадобилось?

— Во-он. — Порох вытянул руку туда, где неподалеку вспыхивали зеленые зарницы. — Это Лоза, наша достопримечательность.

— Ты слегка не вовремя решил нас на экскурсию сводить. Другого времени не будет?

— Под Лозой газировка. Богатая. Я, когда здесь бываю, всегда в нее заглядываю. Ни разу еще не разочаровала. Вернемся с хабаром — хоть какой-то будет смысл в этом турне. А то бродим, как те зомби, сами не знаем зачем.

Столяров, не ответив, взял чуть правее, к многоэтажке. Спорить и впрямь было не из-за чего, до Лозы дошли за несколько минут. Еще издали Гарин услышал тошнотворное болотное бурление, вблизи же оно превратилось в подобие людского ропота, как будто грешные души призывали на помощь. Зеленоватое сияние, восходившее из небольшого кратера, освещало переплетение длинных голых стволов, которые выросли там же, в яме. Измененное растение тянулось к ближайшему дому и, как исполинский вьюн, взбиралось по балконам до самой крыши. На уровне верхних этажей два соседних здания соединялись провисшей под собственной тяжестью лианой, по которой то и дело пробегали ярко-зеленые всполохи. В огромном ползучем дереве виделось что-то животное, хищное.

— Впечатляет? — с гордостью произнес Порох. — А еще тут любят ошиваться зомбированные, так что не зеваем. Кстати, вон они. Штиль, возмешься?

У дальней стены потерянно бродили трое зомби. Штиль посмотрел на них сквозь оптический прицел и опустил винтовку.

— Если кому-нибудь охота, то я уступаю, — мрачно проговорил он.

— Э, так ты свою тысячу долго набирать будешь.

— Какую тысячу?

— Там, у школы, ты сказал, что тебе тысячу зомби замочить надо. Для полного удовлетворения.

— А-а, — вспомнил Штиль. — Это так, слова... Удовлетворения тут быть не может.

Порох пожал плечами и выпустил три короткие очереди.

— Вот это нормальные зомби, — прокомментировал он. — Ковыляют себе и ковыляют. Правильные зомби, какими их создал господь.

— Сомневаюсь, что это его рук дело, — вставил Гарин.

— Об этом я и говорю, — сказал Штиль. — Пилу и Кадета убили не такие... не зомби. Что-то другое.

— Ну, вы тут порассуждайте, а я пока за хабаром окунусь, — объявил Порох. — Только разойдитесь подальше, забрызгает неровен час. Это же газировка.

— А почему хабар тебе? — возмутился Батон.

— А кто зомбированных прикончил? — напомнил Порох. — Вы тупили, а я работал. Мне и хабар.

Он натянул противогаз, накинул сверху прорезиненный капюшон и достал детектор. Как только он шагнул в светящуюся массу, клочкотание усилилось, теперь в рокоте аномалии слышались натуральные человеческие стоны. Гарин отступил назад и брезгливо отвернулся. Ему подумалось, что из густой жижи в любой момент может вырваться чья-то рука или даже лицо.

Сахалин, отошедший от газировки по тем же соображениям, легонько толкнул его в бок:

— Знаешь, что мне про эту Лозу рассказывали?

— Что? — естественно, спросил Олег.

— Один сталкер, видимо, сильно раненный в мозг, забрался по Лозе до самого верха. Ты представляешь? По дереву — на девятый этаж! Мало ему в Зоне геморроев показалось...

— И что дальше? — поинтересовался подошедший Зеро.

— Через балкон залез в какую-то квартиру.

— На девятом этаже? — уточнил Зеро.

— Ну да!

— Жесть. Это не форточник, это мегафорточник!

— Ага, у вас в Печатниках таких небось нет, — засмеялся Сахалин.

— И как, нашел он там что-нибудь ценное?

— Вроде пулемет чей-то вытащил, если не брешут. Ну и всякого по мелочи — патроны там, водяра.

— Реальный отморозок! — восхитился Зеро. — За каким-то пулеметом — по дереву! По лестнице он не мог подняться, как все люди?

— Тогда он был бы не герой, а обыкновенный расхититель тайников, и басен про него бы не складывали.

— Да-а... Как мы писали в школьных сочинениях — в жизни всегда есть место подвигу. Даже там, где он на хер не нужен.

Побродив с детектором по кратеру аномалии, Порох выбрался из жижи и отряхнул сапоги.

— Одна «снежинка», мать ее, — сокрушенно произнес он. — Знал бы — не полез бы.

— Тягу к наживе будем считать временно утоленной. Двинули дальше, — скомандовал Столяров. — Справа не пойдем, там уже порт по прямой, засекут. Обойдем слева, мимо КБО.

— Ну ё-моё! — взвыл Штиль.

— Это другой комбинат, старый.

— Да я в курсе, но предчувствия все равно отвратные.

— Зажми их в кулак, и пошли.

Миновав заросший сорняком газон, а затем развороченный забор, группа оказалась возле углового входа в КБО. Внутри то и дело раздавались хлесткие электрические разряды, на ступенях снаружи вспыхивали мертвенные блики.

— Ну все, уже рукой подать! — сказал Михаил, кивая на здание кинотеатра. — Тут и ста метров не будет. Вперед по одному, остальные прикрывают...

— Стой! — прервал его Штиль. — Погоди, что-то мне паршиво.

— Может, тушенкой отравился? — предположил Батон. — Хотя я из той же банки ел, и ничего.

— Нет, нет. Это не тушенка, — кривясь, вымолвил Штиль.

— Это другое, — подтвердил Гарин. — Замрите все.

— Что еще удумал? — с опаской спросил Столяров.

— Тебе понравится. Ты же любишь цирковые номера.

— А-а, — догадался он. — Смотри только не надорвись. Ты сегодня еще нужен.

— Это легко, — улыбнулся Олег.

Он поправил на лбу «венец» и вспомнил, как ребенком приманивал во дворе бездомных собак.

«На-на-на! Иди, хорошая, иди!»

Гарин даже представил в руке котлету — домашнюю, ароматную, с хрустящей корочкой и мягким сочным нутром, такую, за которую сейчас сам порвал бы любого. Через секунду из-за угла показалась здоровая собака и затрусила к Олегу.

— Не дергаться! — предупредил он сталкеров.

Пес подбежал, обнюхал пустую ладонь и преданно посмотрел человеку в глаза.

— Обманул, обману-ул, — ласково произнес Гарин. — Не обижайся, но котлеток нету.

Собака вильнула мощным хвостом и села у его ноги.

— Ну как ты, получше? — обратился Олег к Штилю.

— Да, нормально.

— А сейчас потерпи немного, ладно?

Тот мученически закивал и заранее склонился у стены.

Гарин снова улыбнулся и что-то беззвучно прошептал. Спустя мгновение каждый боец, кроме Штиля, получил в подарок верного друга. Пять абсолютно одинаковых псов, толкаясь боками, забродили между сталкерами, выбирая себе хозяина по душе.

Зеро схватился было за автомат, но Михаил ударил его по локтю:

— Все под контролем.

— Застрелиться и обосраться... — пробормотал Порох. — Давно живу, но такого чуда не видел!

— Можно гладить, — разрешил Олег.

Штиля шумно вывернуло на стену.

— А блох не наловим? — осведомился Сахалин.

— Если только фантомных.

Олег понаблюдал, как люди дружатся с монстрами, с каким удовольствием треплют им уши и чешут бока.

— В принципе все, — сказал он Столярову. — Больше у меня идей нет.

— У меня тоже, — ответил Михаил.

Гарин, не сводя глаз со своей собаки, достал пистолет и с тем же выражением лица прострелил ей голову. Сверху-вниз, до брызг на асфальте.

Сталкеры по инерции еще некоторое время продолжали взъерошивать несуществующую шерсть. Столяров взглянул на свои пальцы и машинально отряхнул их о штанину.

— Славный трюк, — оценил он. — А на агрессию их мотивировать сумеешь?

— Не вопрос. Пси-собака вообще не способна сопротивляться.

— Ты зачем ее убил? — воскликнул Батон. — Единственная толковая псина во всей Зоне! Даже у Ноя такой нет. И фантомы у нее классные были!

— Не могу же я держать ее пси-поле вечно. Отойди я немного в сторону, и ты убедился бы, что у классных фантомов классные клыки. Штиль, как самочувствие?

— Уже отпустило. — Тот прокашлялся и утер губы. — Я в порядке.

— Отлично, — сказал Михаил. — Тогда повторяю задачу: перебежками по одному... первый Батон, за ним готовится Штиль, за ним Зеро... пошел!

Сталкеры по очереди пересекли открытое пространство между старым комбинатом бытового обслуживания и кинотеатром «Прометей». Самый опасный участок был на финише, это место просматривалось и, соответственно, простреливалось от речного порта. Особенно хорошо его было видно с диспетчерской башни, и едва ли стоило надеяться, что этот наблюдательный пункт «монолитовцы» не используют. Тем не менее сталкеры достигли кинотеатра незамеченными, хотя, возможно, «монолитовцам» просто не было дела до малочисленных групп, сновавших по городу в поисках артефактов.

Столяров перебежал улицу предпоследним, за ним подтянулся замыкавший цепочку Сахалин, и все уселись за небольшой одноэтажной пристройкой.

— Я себя здесь чувствую даже хуже, чем рядом с химерой, — брякнул Зеро.

— А ты чувствуй себя лучше, — посоветовал Порох. — Ну что, куда дальше, командор?

— Теперь в идеале нам нужно забраться на крышу.

— В идеале?! — прошипел он с негодованием. — Значит, никакого плана нет?

— Откуда ему взяться, если я тут впервые.

— Ну ништяк... — протянул Порох. — Вот попали, так попали. Ты бы хоть предупредил, а то у меня даже завещание не составлено.

— Не волнуйся, — ответил Гарин. — Твою «снежинку» мы как-нибудь поделим, а больше у тебя и нет ни хрена.

— Если бы я предупредил, вы бы не пошли, — обронил Михаил, вглядываясь в сумрак улицы. — Верно? Ве-рно. А куда я без вас? Н-да... куда же?.. куда?.. — отстранение пробормотал он, что-то прикидывая в уме. — А вот куда. Внутрь не пойдем, по чердакам лазить не станем. Сейчас огибаем кинотеатр сзади, а дальше сообразим. Теперь слушайте внимательно: когда окажемся наверху — по мутантам не палить, позиций не раскрывать. Если вести себя правильно, то ничего, кроме выброса нам на крыше не угрожает. А выброс, я надеюсь... — Столяров вопросительно посмотрел на Пороха, и тот, ощупав поясицу, покачал головой. — Выброс будет не скоро, — закончил Михаил.

Сахалин вяло чертыхнулся, Порох опять помянул завещание, остальные промолчали. И на счет «три» снова рванули — за угол, в темноту, в неизвестность.

Глава двадцатая

Кинотеатр как будто специально строили в расчете на затяжную оборону. Фойе опоясывало основной корпус с трех сторон, а по краю его крыши, как на смотровой

площадке, был выстроен крепкий борт, доходивший до груди. Таким образом, напротив речного порта находился натуральный окоп с каменным бруствером, поднятый высоко над городом и отлично укрепленный. С тыла его полностью закрывало главное здание, в котором когда-то и был кинозал.

Сталкеры привалились к парапету спиной. До порта через площадь оставалось меньше двухсот метров, следить за «монолитовцами» отсюда было легко, хотя это наблюдение увлекало не всех. Порох демонстративно улегся возле выросшего на крыше дерева и подложил под голову свой тощий рюкзак.

— Начну храпеть — толкните, — заявил он.

— Есть и другие способы, — ответил Столяров, со значением погладив рукоятку пистолета.

Порох лишь ухмыльнулся и безмятежно закрыл глаза. Жизнь в Зоне приучила его доверять своим инстинктам, а они подсказывали, что Михаил просто так человека не тронет. Гарин мог бы рассказать Пороху, на что в действительности способен этот сотрудник департамента безопасности при Институте Альтернативных Исследований. Но, разумеется, делать этого Олег не стал.

— Дай поглядеть, — попросил он Столярова.

Тот присел на корточки и передал бинокль:

— Только лоб замотай платком, как я.

— У меня же на лбу «венец».

— Тем более. У тебя был кожаный лоскут, вот им и воспользуйся.

— Пожалуйста... — Гарин разыскал в карманах пожеванную бандану и повязал ее поверх «венца».

— Это не маскировка и даже не пси-маскировка. И в спецподразделениях так делают не для красоты, поверь мне.

Олег осторожно приподнялся из-за парапета. Светосильная оптика давала возможность увидеть площадь перед кинотеатром почти как днем. Совсем близко, метрах в пятидесяти, находилась скульптура Прометея. Древнегреческий бог был отлит из бронзы, которая давно почернела. Черным был и огонь в его руках, а сам он стоял на коленях, словно извиняясь за те беды, которые принес людям его подарок.

Сразу за монументом Гарин наткнулся взглядом на допотопный газировочный автомат, правее он увидел несколько крупных деревянных ящиков. Часть из них была вскрыта, часть — вроде бы еще нет. Длинное строение речного порта было видно целиком, вплоть до примыкавшего к нему кафе. У кафе тоже стояли ящики. Возле них о чем-то разговаривали четверо «монолитовцев». Впрочем, недолго. Уже через минуту они разошлись двумя парами в разные стороны вдоль забора.

— Не совсем понятно, что мы тут выжидаем, — проговорил Олег. Столяров дернул его за ремень вниз и забрал бинокль.

— Во время вьетнамской войны один партизан проник на территорию американского лагеря, — сказал Михаил. — Он залег на заднем дворе столовой и трое суток считал баки с помоями, которые оттуда выносили. На третий день он знал численность подразделения с точностью до пяти процентов.

— И что, партизаны победили?

— Нет, того парня расстреляли.

— Американцы?

— Свои же. Но к делу это не относится.

— Ты намекаешь, что мы тоже просидим здесь три дня? — зашевелился у дерева Порох.

— Перед рассветом уйдем, — успокоил его Столяров. — Если не наделаем шума, то на обратном пути можем снова свернуть к какой-нибудь аномалии. Прихабаритесь, кому повезет.

— А у тебя цели типа иные, высшие, — с издевкой произнес Порох.

— В данный момент моя цель — не спалиться и довести всех до базы живыми.

— Ну а без «данных моментов», вообще?

— Вообще я тут в командировке.

— И товарищ твой, выходит, тоже...

— Также в командировке, — бесцветно подтвердил Столяров. — Олег в научной, я в служебной.

— Ну а я, стало быть, в творческой, — процедил Зеро, сплевывая под ноги.

Михаил снова поднялся и потратил еще минут десять на созерцание.

— Ты слушаешь? — спросил он у Гарина, когда тот уже почти задремал.

— «Венец» на мне, значит, слушаю.

— И как?..

— Ничего нет.

— Штиль, ты где? — Столяров обернулся. — Также спишь, что ли? Что чувствуешь? Не тошнит?

— Все нормально, — отозвался сталкер. — Благодарю за заботу.

— Олег, как насчет немножко напрячься? — проговорил Михаил. — Я хочу, чтобы ты потревожил кого-нибудь из «монолитовцев», а лучше сразу двух.

— Это невозможно.

— Я ведь не требую внушать им что-то противоестественное. Пусть хотя бы остановятся и посмотрят назад.

— Миш, это не зомби, это люди. И у них нормальная человеческая критичность, а сопротивляемость даже выше.

— Ну, помнишь, там, — он помахал вправо, в сторону невидимого в темноте госпиталя, — там тоже было трудно, но ты...

— Ладно! — бросил Гарин только для того, чтобы заткнуть ему рот. — Штиль, готовь пакетик.

— Какой еще паке... — начал сталкер, но тут же согнулся пополам и судорожно схватился рукой за край парашюта.

Олег напряженно уставился на пару «монолитовцев». Без бинокля они казались такими далекими, что сливались в единый широкий силуэт, плавно плывущий вдоль навеса у речного порта. Гарину не оставалось ничего другого, кроме как попытаться накрыть сразу обоих.

И у него получилось.

Часовые, почувствовав опасность, слаженно отскочили в разные стороны и припали к прицелам. Вторая двойка заметила этот маневр и тоже распалась: один шагнул в тень от козырька над входом, второй залег на газоне. У них были отработаны все вводные — на каждую угрозу и на каждый метр территории. Олег испытал что-то среднее между восторгом и отвращением. Но все-таки это были люди. Излишне дисциплинированные и чрезмерно счастливые. Обычные люди.

— Спасибо, — кивнул Михаил. — Да, караульная служба у них поставлена неплохо. Штиль, ты живой там?

— Кончайте свои эксперименты! — выдавил тот. С остатками пищи он расстался еще у КБО, и теперь спазмы выжимали из него лишь один желудочный сок.

— Ну, извини, извини, — сказал Гарин, снимая «венец». — Больше не будем.

Олег сочувственно хлопнул сталкера по плечу и с укором посмотрел на Столярова. И, увидев в его глазах неподдельный интерес, внезапно понял, для чего Михаил взял Штиля на эту вылазку и зачем он вообще принял его в отряд. У Столярова в руках было оружие под названием «венец» и весь город в качестве испытательного полигона. Но ему не хватало прибора для замеров и сверки. И вот появился Штиль, одушевленный индикатор, живой аналог счетчика Гейгера для обнаружения пси-поля. С этой точки зрения Штиль был крайне полезным инструментом: он не требовал ухода, он сам себя обслуживал. Он не утяжелял рюкзак, не нуждался в замене батареек, и его, как любой инструмент, всегда можно было выкинуть. Как и любого человека из тех, которыми Столяров пользовался на всем пути. Как и самого Гарина, которого он тоже однажды выбросит за ненадобностью.

— Все чисто, — ледяным голосом сообщил Олег. — Эксперимент подтвердил, что, кроме меня, никаких источников пси-излучения здесь нет.

Михаил нисколько не смутился.

— Это странно, — заметил он. — Днем в прошлый раз тоже не было? И ночью нет. Когда же они...

— Ты ведь обещал, су-у-у!.. — простонал Штиль. На этот раз его скрутило так, что он упал на бок и прижал к животу колени.

— Может, у него аппендицит? — встревожился Сахалин.

— Это не аппендицит, это... Олег, хватай «венец»! — приказал Столяров.

Гарин уже и сам надел кольцо. Однако не успел он повязать бандану, как его сбило с ног.

Это было просто чудовищно. Если второй контакт с артефактом Олег воспринял как удар кувалдой, то теперь в него врезался целый бронепоезд. Ему даже показалось, что он услышал, как хрустнули шейные позвонки. Но нет, голова была на месте. Олег сел, не понимая, как он мог потерять равновесие, и тут по его телу прошла новая волна. Импульсы контролеров были мелкой рябью, помехами в эфире по сравнению с тем стальным валом, который ударился Олегу в подбородок и, чуть не сломав нос, пролетел дальше. Нижние зубы заныли, рот наполнился кровью. В мозгу закопошилась большая стрекоза, застрявшая между двумя полушариями. Гарин ощущал это физически: кто-то сухими крыльями перебирал его извилины, как будто искал в ящике архива потерянную карточку с важной записью.

— Не думай, — застонал он, силясь схватить Столярова за рукав. — Вернее, думай! Обо всем, кроме дела. О бабах. Думай о бабах, ярко.

Михаил с ужасом смотрел на товарища, не зная, помочь ли ему встать или дать отлежаться.

— Вспоминай детство! — брызгая кровью, просипел Олег. — Большие обиды или что угодно. Создавай шум. Иначе он прочтет тебя, как газету.

— Кто?!

— Я не знаю...

Гарин изможденно откинулся на спину и попробовал представить у себя на голове шлем от скафандра — настоящий, надежный, защищающий от всех видов излучения. У него не получилось: он не интересовался космонавтикой и понятия не имел, как в деталях выглядит этот предмет. С рыцарским шлемом вышло то же самое. Гарин не верил самому себе, головной убор выходил слишком абстрактным. В следующей попытке была солдатская каска, Олегу почти удалось внушить себе, что он защищен от пси-излучения, но все испортил яркий кадр из какого-то фильма, некстати мелькнувший в памяти: каска пробита прямым попаданием, у чумазого паренька медленно закатываются глаза...

Олег был в отчаянии. Стрекоза в мозгу уже заканчивала индексацию, за этим должно было последовать что-то необратимое, он это чувствовал, но ничего не мог сделать. Он согласился бы даже на ведро, но это был слишком комичный образ, защиты он не давал никакой. Гарин уже почти сдался, когда вдруг вспомнил еще один шлем, мотоциклетный. Ну конечно, как же он сразу не догадался? «BMW K-1300», заветная мечта. Олег знал в нем каждый обвод, каждую линию. Он помнил их так хорошо, что мог бы отличить свой мотоцикл на ощупь, как женщину... В черту женщин! Гарин знал его, как свое собственное тело. И шлем — конечно же, шлем. Надежный. Очень надежный.

Стрекоза шевельнулась в голове последний раз и сгинула.

Пси-атака еще продолжалась, но память для агрессора была уже недоступна.

— Куда ты лезешь? — прошелестело где-то рядом, совсем близко. У самого шлема, вплотную. Но все-таки снаружи, а не внутри. — Куда ты прешь?

— Я... иду домой, — выдохнул Гарин. — Вот только... найти бы дорогу.

— Олег! Олег! — Михаил тряс его за плечи так неистово, что мотоциклетный шлем стучал о крышу. — Олег, не уходи!

Гарин открыл глаза.

— Фу-у-у, блин!.. — Столяров опустил рядом и промокнул рукавом пот. — Ты что так пугаешь, парень?

— Ты мне шлем не разбил? — Олег пощупал макушку, но рука наткнулась на кожаную бандану. Никакого шлема не было. — Я должен вернуть его Дизелю. Где он?

— Э, э! Ты что погнал? Ты лучше подохни, но с ума не сходи, даже не думай! Зачем мне шизоид в напарниках?

Олег снова зажмурился, проморгался и наконец пришел в себя.

— Ты губу прикусил, — озадаченно сказал Зеро. — И смотри, как сильно-то. Кровищи целую лужу нахаркать успел.

— Это не я, — начал Гарин, но ему вдруг стало лень спорить.

«...и от карандаша остается ожог, который ни один врач не отличит от настоящего». Так, все так. Интересно, если внушить человеку, что его казнили на гильотине, далеко ли укатится голова?

— Ну, хватит, хватит! — вновь затормозил его Столяров. — Не спим! Скоро двинемся уже. Программу на сегодня перевыполнили так, что прям через край.

— Вы что, вообще ничего не почувствовали?! — не поверил Олег.

— Нам тут некогда было чувствовать. Мы на тебя смотрели и от страха не знали, что делать. Ну давай, поднимайся. Хорош дурить.

— А Штиль?..

— А что — Штиль? Паршиво ему.

Гарин уронил голову набок и взглянул на неподвижно лежавшего сталкера.

— Уже не паршиво, — сказал Олег. — Уже никак.

— Да ладно! — Михаил склонился над Штилем и включил фонарик, прикрывая его ладонями. Зрачки, разъехавшиеся во всю радужку, на свет не реагировали.

— Он мертв, не трогайте его, — проговорил Гарин.

— Что, совсем тяжело было? — спросил Столяров.

— Мне или ему?

Михаил потупился:

— Мы вправду ничего не заметили. Штиля жалко, да...

— Конечно, жалко. Мог бы еще послужить тебе.

Столяров понял, что назревает трудный разговор, и порывисто поднялся.

— Давай дома все обсудим.

— Дома?.. — горько усмехнулся Гарин.

— Пойдем, Олег.

Обратно шли молча, словно несли на плечах невидимый гроб. Между старым комбинатом и школой Сахалин заметил синие комбинезоны наемников. Два человека шли и бесечно разговаривали во весь голос. Сталкеры отступили, дождались наемников за углом и расстреляли их в упор с таким остервенением, как будто это могло вернуть им всех погибших товарищей.

— Я про тебя все понял, — сказал Олег Столярову, как только они поднялись в квартиру.

— Что ты понял, щенок?! — процедил тот и плечом втолкнул Гарина на кухню. Потом убедился, что остальные разошлись по комнатам, и плотно закрыл дверь. — Что ты вообще можешь понять?

На кухне каким-то чудом сохранилась вся мебель, от плиты до стола с двумя табуретками. Михаил достал из шкафчика бутылку водки и стаканы.

— Что ты можешь понять, Олег? — снова повторил он, откручивая пробку.

— Ты используешь людей, как инструменты. И наверно, считаешь себя самым умным. Но это ум животного, которое только и может, что цапать жратву. Куда ты нас сегодня водил? Для чего? За что умер Штиль, объясни мне. Я его совсем не знал, мне в принципе на него плевать, но он человек! Он был живым человеком. А ты его убил. Просто так, без причины, — тихо произнес Гарин.

Столяров со стиснутыми зубами выслушал эту речь и щедро плеснул по стаканам.

— Выпей, — велел он.
Гарин проглотил пятьдесят граммов и зашипел от боли в прокушенной губе.
— Под кого ты нас только что подставил? — спросил он.
— Хочешь знать? — Михаил опрокинул в себя стакан и сразу налил еще. — Хорошо, я расскажу.

Глава двадцать первая

Его зовут Пси-Мастер. Имя и фамилия роли не играют, он сам от них отказался, как и от паспорта. Просто Пси-Мастер, и все. Он начинал карьеру как второсортный иллюзионист, ездил с гастролями по провинциальным городам. Он знал, что способен на большее, но большего от него не требовалось. Людям ведь не нужна магия, люди хотят видеть только фокусы — красивые, но понятные. Они желают быть обманутыми, но настоящего чуда они боятся. Пси-Мастер делал то, чего от него ждали: угадывал карты, даты рождения и прочую чепуху. Он уже тогда мог заставить любую девственницу раздеться посреди улицы, а любого чиновника — прилюдно покаяться в получении взяток. Но за это не платили и даже не аплодировали. Его дар был попросту никому не нужен. А талант вопреки поговорке закопать невозможно. Скорее он сам загонит своего хозяина в могилу.

Первая крупная акция Пси-Мастера была зафиксирована в Киеве. Около пятидесяти водителей, стоявших в середине длинной пробки, одновременно дали по газам. Затор потом растаскивали всю ночь. Жертв не было, ущерб оказался копеечный. В общем, хулиганство. После Киева был Петербург и следом Берлин, аналогичные истории. Пси-Мастеру надоели районные клубы, захотелось масштаба и признания. И у него накопилась обида, вот что самое страшное. Он понял, что половину жизни потратил на ерунду. Его уже и деньги не так привлекали, и он... думаю, он и сам не представлял, к чему стремился. Он перестал себя контролировать, и в какой-то момент это обернулось большой бедой.

«Датский клевер» помнишь? У этой катастрофы, якобы техногенной, был конкретный автор. Пси-Мастер взял под контроль более ста человек и удерживал их волю несколько часов подряд. В результате три пассажирских поезда столкнулись в одной точке, а следом на стрелку влетел неуправляемый состав с метанолом. Почти шестьсот покойников. Для публики была сострепана версия о глобальном сбое в системе управления, потому что правду — такую правду — людям говорить просто нельзя. Одни признали бы его мессией, другие — дьяволом, и он получил бы свою долгожданную славу.

Вскоре Пси-Мастера взяли в Норвегии, где он собирался организовать «бесплатный урок дайвинга», как он сам об этом говорил. Или, если называть вещи своими именами, — отправить на дно крупнейший теплоход. Вместе с пассажирами. Задержание было фантастически сложной операцией. Пришлось через вентиляционную систему усыпить всех постояльцев отеля, где он жил. Его депортировали в Данию и пытались судить, но первый обвинитель, не успев даже поздороваться, выбросился в окно. Пси-Мастер к тому времени окончательно слетел с катушек. В итоге процесс был не только закрытым, но и заочным. Но в Дании нет смертной казни, вот такая штука. И подсудимому по понятным причинам не дали слова. Да и набор улик выглядел как чистое шаманство. В общем, приговор получился, мягко говоря, уникальным. Вернее, уникальным был не сам приговор, а тюрьма, в которую поместили заключенного.

Для него одного переоборудовали целую шахту. Я уж не знаю, во сколько это обошлось, но денег не жалели. Пси-Мастеру построили персональную экранированную камеру на глубине пятнадцати метров, в которой он поселился бессрочно.

Но пока такие люди живы, о них не забывают. Через несколько лет с Пси-Мастером связался один высокий чин из нашего правительства. Ему предложили контракт на разработку автономной пси-системы общего применения. Он должен был помочь ученым создать прибор, который наделял бы любого человека такими же качествами, какими обладал он сам. Пусть и в меньших масштабах, поскольку планетарные катаклизмы никому

не нужны. Но локальных, прикладных задач эта система могла решить массу: бизнес-переговоры, ускоренное обучение и мотивация персонала, промышленный шпионаж и влияние на конкурентов, оптимизация рекламных кампаний... Много, очень много точек приложения. В определенных кругах это был бы ходовой товар. И снова никакой магии: людям, как всегда, требовалось что-то простое и полезное. В обмен Пси-Мастеру обещали достойную жизнь в одной из стран Латинской Америки, но с некоторыми ограничениями и только после того, как проект будет завершен. Пси-Мастер в своей камере к тому времени разжирел и одичал от одиночества. Разумеется, он согласился на все условия. Так появилась Лаборатория Автономных Систем, про которую ты уже слышал. С самого начала она работала в Зоне абсолютно легально, правда, занималась совсем не теми исследованиями, которые были заявлены в научных планах.

Влиял ли Пси-Мастер на Зону? Думаю, нет. Или в крайнем случае минимально. Всех этих уродов — и контролеров, и зомби — создал не он. Они здесь были и раньше. Но для экспериментов этот материал оказался незаменим. И вот месяца три назад появились первые результаты. Тот самый «венец», который лежит у тебя за пазухой. Никакой это не артефакт. «Венец» — не порождение аномалии, а продукт Лаборатории, прототип автономной пси-системы. Нужна была полевая обкатка, и несколько образцов пустили гулять по Зоне. В свободное плавание, так сказать. В Институт не попало ни одной штуки, Пси-Мастер говорил, что разработка еще не окончена. А слухи уже доносились, в том числе и о многих «недокументированных возможностях». В некоторых случаях они настолько превосходили заказанные параметры, что это просто пугало.

Руководство Института требовало приостановить разработку и предъявить изделие, Пси-Мастер продолжал тянуть и отнекиваться. Пока не стало ясно, что он давно вышел из-под контроля и сам начал контролировать весь персонал Лаборатории. Но теперь он обошелся без огненных шоу, сделав это тонко и незаметно. И никто не представлял, как далеко он успел продвинуться в своих исследованиях, а главное — в какую сторону они на самом деле вели. Как ты знаешь, до Института все-таки дошел один образец, совершенно случайно. Подтвердились худшие ожидания: этот заказ послужил Пси-Мастеру лишь толчком для вдохновения. Его снова влекло что-то глобальное, мировое, а прикладная задача с «венцом» его тяготила, как те карточные фокусы, с которых он начинал.

В настоящий момент Лабораторию перенесли на новое место. Что в ней сейчас происходит — никто не знает. В этом мы и должны разобраться. Одно известно наверняка: ничего хорошего нас там не ждет, иначе Пси-Мастер не рвал бы контакт с Институтom. Кроме того, он уже нашел общий язык с «монолитовцами». Я до последнего надеялся, что он держит их под контролем. Но если пси-поле отсутствует, значит, они сотрудничают с ним добровольно, и это гораздо хуже, ведь их лояльность нельзя будет «выключить» вместе с каким-то там излучателем.

При этом Институт не может допустить огласку, иначе многие толстые задницы повывлетают из теплых кресел. Есть и еще одна причина: операция «Фарватер», которую вояки проводили два года назад, доказала, что действия крупных воинских подразделений в Зоне совершенно неэффективны. Зона — для одиночек. Которых, если что-то пойдет не так, можно тихо слить и послать на их место других. Таких же смертников. Я много раз тебе говорил: твое положение лучше моего. У тебя хоть была надежда на быстрое возвращение, а я давно уже знаю, куда и на что мы идем. Помощи не будет ни при каких условиях. Рассчитывать на эвакуацию мы можем только после выполнения задачи.

Ну вот, теперь это знаешь и ты. Поздравляю.

Глава двадцать вторая

— Выходит, причина была не в Дизеле, — проговорил Гарин.

— И в нем тоже, — возразил Столяров. Он взял бутылку, чтобы налить еще, но раздумал и плотно завинтил пробку. — У тебя в голове слишком много всего перемешано.

— Но ты ни слова не сказал о Пси-Мастере, даже когда стоял в «жадинке»!

— Какая мне была разница, от чего умереть — от выброса или от пси-удара? Ну и я все-таки надеялся на твою человечность.

— А теперь взял и рассказал. Почему? Что изменилось?

— У тебя был контакт с Пси-Мастером. И он тебя не прочел, ты сумел закрыться. Значит, тебе можно доверить серьезную информацию. Раньше это было неочевидно.

— Сумел закрыться? Не факт... Я не знаю, что он делал в моей голове.

— Ты до сих пор жив, — улыбнулся Столяров. — Если бы Пси-Мастер проник в твою память, он нашел бы там достаточно оснований, чтобы ты не вернулся от кинотеатра.

Раздался стук в дверь, и на кухню ввалились четверо сталкеров.

— Чего тарабаните? — спросил Михаил.

— Ну, мало ли... — Зеро помялся. — Вы тут заперлись вдвоем надолго. Мы подумали...

— Что вы там про нас подумали? — с угрозой произнес Столяров. Поднявшись с табурета, он выставил на стол еще четыре стакана и разлил остатки водки. — Помянем Штиля, — предложил он.

Помянули. Без слов, без наигранной скорби. Выпили по глотку и занюхали черствым хлебом. За окном уже рассвело, но радости новый день не сулил.

— Я обещал, что на обратном пути мы снова сходим за артефактами, — сказал Михаил. — Потом планы поменялись, надеюсь, это все понимают. Однако слово свое я держу. Кому нужно в город?

— Я пойду, — вызвался Порох.

— Я тоже, — присоединился Батон.

— И я, — поддакнул Сахалин.

Зеро просто поднял руку.

— Я пас, — вздохнул Гарин. — У меня и дел там никаких нет, и сил тоже.

— У нас с тобой своя программа, — заявил Столяров.

— Нет, нет. Уволь.

— Увольняю. Но идти все равно придется.

— Да ты офонарел! — воскликнул Олег. — Куда идти?! Что за срочность?

— Позже обсудим, — жестко произнес Михаил, глядя ему прямо в глаза.

Гарин вспомнил, что почти так же Столяров ответил ему ночью на крыше, и тогда это была не отговорка, а предложение побеседовать без посторонних. Михаил, подтверждая эту догадку, мягко кивнул. Когда сталкеры ушли, он вернулся на кухню и снова закрыл дверь, еще плотнее.

— Я на самом деле смертельно устал, — пожаловался Олег.

— Сейчас ляжешь спать. Просто я не хотел оставлять тебя с нашими друзьями. И они не должны знать, что некоторое время ты будешь находиться здесь один.

— Ты куда-то собрался?

— Да, надо кое-кого проведать.

— А конкретнее?

— Тебе это не нужно.

— Опять начинается! — раздраженно сказал Гарин.

— Я просто не хочу, чтобы ты за меня волновался. Я схожу недалеко, вернуться надеюсь к обеду. Но если немного задержусь — ничего страшного.

— После такого объяснения мне остается только глотать валерьянку.

— У нас даже водки нет, — рассмеялся Столяров. — Давай лучше о наших баранах.

— О каких? — не понял Олег.

— Их всего четверо. Порох мне не нравится категорически. Он привык ездить на чужих спинах, а это не такая безобидная черта, как может показаться.

— Батон — непроницаемый тип, но он корешится с Порохом, и это наводит на нехорошие мысли, — подхватил Гарин. — А Сахалин, по-моему, бестолковый человек.

— Остается Зеро. Но он слабак во всех отношениях. В общем, нам не на кого положиться. Как пришли мы в Зону вдвоем, так с тех пор ничего и не изменилось.

— К чему ты об этом говоришь?

— Нам нужна хоть какая-то страховка. Для этого я сейчас и прогуляюсь.

— Собираешься за два часа подобрать десяток надежных парней? — с сарказмом спросил Гарин.

— Надежные в этом городе большая редкость. Найти бы хоть одного.

— Ты это серьезно?

— Нет, конечно. Успокойся, ложись спать. Сегодня ты превзошел самого себя.

— К сожалению, это не приближает нас к цели.

— Как знать, как знать... — Столяров быстро собрался и вышел из квартиры.

Оставшись в одиночестве, Гарин бесцельно послонялся по комнатам и, опомнившись, лег на цветастый продавленный диван. Едва он успел задремать, как в прихожей послышались знакомые голоса — сталкеры уже вернулись с охоты, все четверо.

— Давно дрыхнешь? — поинтересовался Порох, заглядывая в комнату.

— А вы давно ходите?

— Да часов пять промотались, все ноги сбили.

— Значит, и я давно... — потерянно проговорил Олег.

Он не помнил, когда заснул, но что было самым приятным — не помнил никаких сновидений. Ни попыток, ни кошмаров, ни голых женщин. Хотя, когда прикладывался к подушке, опасался, что после ночного контакта с Пси-Мастером может проснуться дебилom или не проснуться вовсе.

Сталкеры собрались в соседней комнате и принялись хвалиться хабаром, как старые грибки.

— Кому «лунный свет»? — объявил Зеро. — Поменяю на три «колобка».

Остальные громко заржали.

— Хорошо, отдам за два.

— С тех пор, как у нас есть «венец», «лунный свет» нам не нужен даром, — доверительно произнес Порох. — Отнеси его барыгам, пока цены не рухнули.

Зеро обиженно насупился.

— А у вас что? — спросил он.

— Есть, есть малехо. — Порох предъявил ему свой рюкзак.

— Ого! Это где вы так затарились?

— Места надо знать, юноша. Ладно, покажу как-нибудь. Тут недалеко, к востоку.

— А мы в другую сторону таскались, — сказал Зеро с досадой. — Зато командира нашего встретили. Кстати, его разве еще нет?

— Не появлялся, — мрачно ответил Гарин.

— Странно. Мы были в универмаге и как раз видели, как он сюда возвращается. Хотя... видели только со спины, — уточнил Зеро. — Кричать ему не стали, потому что там снарки рядом бродили, не хотелось с ними связываться.

— Когда это было? — осведомился Олег.

— Часа два назад, а то и больше.

— Почти три уже, — вставил Сахалин.

— Где же он ходит так долго? — Зеро с тревогой оглядел товарищей. — Здесь до универмага-то всего ничего!

— Да не пропадет, — отмахнулся Порох. — Вернется, куда он денется?

— Может, это и не он был, а кто-то другой, — предположил Гарин.

— На сто процентов не поручусь. Но я был уверен, что это командир. — Зеро побарабанил пальцами по колену. — Нет, я так не могу. Надо пойти поискать. Может, случилось что-то.

— Ай, да что с ним случится? — скривился Порох. — Я бы не спешил. Подождем вечера.

— Ну конечно, что здесь может случиться! — с издевкой воскликнул Зеро. — Это вам не Печатники, тут мобилы в подворотнях не отжимают! А дождемся вечера, и что тогда? В темноте искать легче?

— Правильно, — сказал Гарин. — Нужно идти сейчас.

— Не порите горячку, парни, — проговорил Порох. — Командир взрослый человек, сам разберется.

— Очкуешь — так и скажи, — процедил Сахалин.

— Ты за базаром-то следи, мама — анархия! — вскипел Батон.

— Короче! — гаркнул Олег. — Кто идет?

— Я не пойду, — отрезал Порох. — Батону тоже таскаться не с руки, устали мы. И в отличие от некоторых с прошлого утра еще не спали.

— Понятно. Вы оба идете? — обратился Гарин к Зеро и Сахалину.

— Да, мы не тушканы, чтоб по щелям ныкаться.

Батон разъяренно вскочил, но Порох жестом велел ему сесть на место:

— Дело ваше. Только «венец» оставьте.

— Зачем? — удивился Олег.

— А вам он зачем? Я после боя на старой базе ни одного контролера в городе еще не видел. Да не дрейфь, не украдем.

— Если ты их не видел, это не значит, что их тут нет.

— Что ты боишься? Оставь «венец», — настойчиво повторил Порох.

Гарин промолчал и открыл дверцы шкафа, который приспособили под оружейную пирамиду. Особых идей не было, поэтому он взял «Гадюку» с глушителем, просто за внешний вид.

До проспекта дошли за несколько минут. Снорков поблизости не было, во всяком случае, характерного рычания Олег не слышал. Он на секунду задумался, надеть ли «венец» или оставить за пазухой, но все-таки решил надеть, иначе действительно — зачем его нужно было брать с собой?

Сознание тут же наполнилось новыми звуками: в соседнем дворе бродила сытая и умиротворенная пси-собака, а левее, ближе к книжному магазину, находилось несколько зомби, таких же спокойных. На старую базу Гарин старался даже не смотреть. Штиль был прав: от нее фонило, тянуло холодком, как из приоткрытой могилы. Фон был не очень сильным, но устойчивым. Неизвестно, сколько должно было пройти времени для естественной дезактивации. Возможно, еще сутки, а возможно — века.

К зданию универмага Олег никогда раньше не приглядывался, вернее, просто не обращал на него внимания, хотя до книжного тут было едва ли больше ста метров. Магазин оказался совсем небольшим, издали он представлялся крупнее. В один этаж, с маленькой площадкой перед входом, без единого целого стекла, универмаг ютился на проспекте, как пивной ларек на аэродроме.

— Нет Михаила, и даже намек на него нет, — подал голос Олег.

— Если специально не петлять, то дорога здесь только одна, — недоуменно отозвался Зеро. — Может, он вернулся в магазин после нашего ухода?

— Зачем?

— Ну, например, укрыться от снорков, которые тут крутились. Да и кроме них, нечисти могло подвалить сколько угодно. Еще мы пси-собаку видели неподалеку.

У Гарина упало сердце: пси-собака действительно нажралась свежего мяса и чуть ли не пела от удовлетворения. Он попытался определить, чем она пообедала, но задача оказалась непосильной: собака воспринимала мир совсем не так, как человек. «Много, вкусно, и еще осталось про запас», — вот все, что Олег уловил, да и то он не был уверен, что это подлинная собачья эмоция, а не его искаженное толкование.

— Что будем делать? — промолвил он.

— Поищем внутри, раз уж пришли, — резонно ответил Сахалин и первым направился к входу.

Пол в универмаге был сплошь усыпан битым стеклом и колотой плиткой. У дальней стены стояла витрина, тоже без стекол. За ней была деревянная двустворчатая дверь в подсобные помещения. Сахалин перебрался через витрину и ударил по двери ногой. Зеро замер у стены и, медленно заглянув в проем, показал большой палец.

Тройка осторожно вошла в коридор с облупленными стенами, заваленный перекошенными, почерневшими от старости ящиками.

— А что ты без оружия? — тихо спросил Гарин.

Зеро, спохватившись, достал пистолет, больше у него ничего с собой не было. Сахалин автомат не забыл, но его «Калашников» свободно висел на ремне. Олега это немного смутило: при наличии опасности люди себя так не ведут. Однако обдумать эту мысль он не успел. Из дальней комнаты в коридор выскочили четыре тушкана и понеслись прямо на них. Бегали эти твари не так уж быстро, но всегда истошно визжали и умудрялись создавать суету, которая заставляла Гарина нервничать. Пока Сахалин подтягивал на ремне автомат, Олег выпустил все патроны, пригвоздив четырех мутантов к полу.

— А ты недурно стреляешь, — оценил Зеро.

Гарин хотел ответить, что в узком коридоре тушканов не убьет только слепой, но в этот момент Зеро открыл первую дверь слева и вошел туда, не глядя, боком, как в хорошо знакомое место. Олегу это категорически не понравилось. Он замешкался на пороге с перезарядкой «Гадюки», но Сахалин мощно надавил сзади, вынуждая его шагнуть в комнату.

В левом углу лежал перевернутый металлический стол, в правом была новая дверь. Зеро, уже не разыгрывая бдительность, спокойно потянул за ручку, и Олег наконец-то осознал, что вляпался в неприятности. Безотчетная тревога, возникшая у Гарина минуту назад, оформилась в ясное понимание, что его обманули. Но случилось это, как всегда, поздно. Олегом вдруг овладела робость, словно он был нелепым подростком, а двое сталкеров — дворовыми хулиганами. Он уже и забыл, когда испытывал эти чувства в последний раз. Давно, очень давно, еще в школе. Хотя вспомнились они постыдно легко.

Гарин прошел в следующую комнату, поскольку выбора ему уже не оставили. По пути Сахалин не грубо, но твердо отобрал у него незаряженную «Гадюку».

— Давай сюда нож, — сказал он. — Что у тебя еще есть?

— Больше ничего, — проблеял Гарин.

— В голенищах проверь, — распорядился Зеро.

Сахалин осмотрел ботинки Олега, затем бегло прощупал бока и подмышки.

— Лошок, — коротко резюмировал он.

«Они отнимут «венец», — сообразил Гарин и удивился собственной глупости. — Нет, даже не отнимут, я отдам его сам. Я действительно лох, другого названия нет. Повелся на такую бесхитростную замануху и в итоге провалил важнейшее дело. Все эти усилия, все время, проведенное в Зоне, — псу под хвост».

Олег взглянул на сталкеров. Зеро был довольно хлипок, его бы Гарин, вероятно, одолел. Но что делать с Сахалином, с этим долбаным богатырем?..

— Чего ты там шепчешь? — кисло улыбнулся Зеро. — Опять духов вызываешь?

Духов? Если бы он только мог...

Гарин просканировал эфир. Ничего не изменилось: счастливая собака засыпала в подъезде, несколько зомбированных кружили где-то в районе книжного магазина. Олег не мог определить, сколько их точно, трое или четверо. Стертые личности утратили уникальность, и слово «несколько» казалось для них самым подходящим. Однако других помощников у Гарина не было.

«Все бегом в универмаг!» Зомби не умеют бегать, дубина.

«Быстро сюда, я приказываю!» Нет, это тоже плевок в небо.

«Хозяин зовет». В мозгу холодной рыбой шевельнулась обратная реакция. Его услышали. Олег не знал, хорошо ли зомби поняли, чего от них добиваются, ведь он их не видел и даже не представлял, где они в данный момент бродят.

Гарина осенило: впервые он не просто почувствовал объект, находящийся вне поля зрения, но и сумел отдать ему приказ. Это был еще один шаг в освоении артефакта, огромный скачок вперед. К сожалению — скорее всего последний.

— У тебя такое лицо, как будто мы тебе мороженое подарили, — хмыкнул Сахалин. — Снимай свой обруч.

Они приближались, и их было четверо, теперь Олег это знал. Зомбированные шли к универмагу.

«Хозяин зовет. Быстрее, двигайтесь быстрее!»

— Зеро, погоди секунду! — Гарин суетливо вытянул руки. — Давайте разойдемся по хорошему. Это не мой «венец», но у меня есть другие артефакты.

— Другие у нас тоже есть.

— Постой, постой! Ты говорил, что жил в Москве, в Печатниках?

— Да, в тех местах, а что? — заинтересовался Зеро.

— У меня двоюродная тетя там живет. Молодая. Такая классная телка, что если бы не родственные узы, я бы и сам...

— По-моему, он что-то мутит, — высказался Сахалин.

— Ты что-то мутишь, чувак, — с укором повторил Зеро.

«Хозяин желает, чтобы вы не ломились в магазин, где вас легко угрохают, а залегли рядом с выходом и дожидались двух сталкеров. Это понятно? Понятно?..» Ответа не было.

— Если оставите меня в живых, вам это зачтется, — неожиданно для себя заявил Гарин.

— На том свете, что ли? — усмехнулся Зеро.

— Иначе Михаил не успокоится, пока не отрежет вам головы, — серьезно добавил он.

— Михаил! — презрительно протянул Сахалин. — У вас с ним немножко странные отношения. Немножко такие теплые. Хотя конечно: кто ты такой без своего Михаила? Нуль.

Зомби были уже совсем близко. Осталось три ступеньки, чтобы подняться на площадку перед магазином. Ступеньки — это трудно...

— Нет, нуль — это он, Зеро, но я хотел поговорить о другом, — затараторил Олег, однако его уже не слушали.

Сахалин двинул его чугунным кулаком в живот и, когда Гарин согнулся, снял у него с головы артефакт.

Вот и все.

— Ну и черт с вами, стреляйте! — искренне произнес Олег.

— Да на хрен ты нам сдался! — в тон ему ответил Зеро. — Привет Михаилу. Мишеньке. Мишутке. Пошли, Сахалин, а то он сейчас заплачет и соплями тут все зальет.

Гарин, оглохший и ослепший, безвольно прислонился к стене. Что сейчас происходило с зомбированными, он даже не представлял. Скорее всего они потеряли нить и развернулись обратно. Или застыли прямо у магазина. Нет сигнала — нет хозяина. Нет приказа — нет действия.

«Нет «венца» — нет ничего, — мысленно продолжил Олег. — Вообще ничего нет. Действительно, нуль».

Снаружи послышались выстрелы. Видимо, Сахалин расправлялся с зомби. Чуть позже донеслись отдельные pistolетные хлопки: раз, два... и все. Зачем Зеро стрелял? Сахалин с автоматом и сам бы справился...

Гарин вышел из оцепенения и, сбивая ящики, помчался к выходу. Первым, кого он увидел на улице, был бежавший через дорогу Столяров. Рядом с ним несли Батон, а следом, держась за селезенку, поспевал Порох.

Сахалин и Зеро лежали на площадке перед входом, комбинезоны у обоих были изодраны пулями в клочья. По бокам от Зеро, как символы власти скипетр и держава, валялись «венец» и ПМ. Возле сталкеров корчился раненный в живот зомби. Еще двое зомбированных находились метрах в пяти правее. Судя по позам, они стреляли лежа, в этом положении их и настигла смерть. Четвертый стоял столбом и не сводил глаз с Олега. В руках у него был дробовик, но Гарина это ничуть не смутило. Он нагнулся над телом Зеро и забрал

артефакт с пистолетом. Потом быстро добил раненого и, чувствуя себя полным идиотом, сказал:

— Спасибо. Свободен.

Зомбированный не реагировал, лишь продолжал следить за ним преданным взглядом.

Олег надел «венец».

«Ты не нужен. Уходи».

Зомби в ответ пробурчал что-то нечленораздельное и, прихрамывая, поплелся в сторону книжного магазина.

— Не стреляйте! — опомнившись, крикнул Олег, но было уже поздно.

Столяров на бегу придавил спусковой крючок и разнес зомбированному затылок. Тот, не издав ни звука, упал вперед и сделал несколько конвульсивных движений ногами. Через мгновение тело подбросило над землей — это выстрелил заряженный дробовик.

Михаил с Батоном добежали до универсама и схватились за Гарина, словно желая убедиться, что он на самом деле жив.

— Что здесь случилось? — выдохнул Столяров.

— Лучше ты объясни, где тебя носило.

— А в чем проблема? Я же сказал: могу вернуться днем, а могу и вечером, волноваться не надо.

— Я все равно волновался, — с улыбкой ответил Гарин. — А этого ты зря грохнул. — Он указал на зомби. — Веришь, мне его жалко, как человека.

— У него было оружие.

— Это нас и спасло. Иначе «венец» давно бы тью-тью.

— А я говорил, я говорил! — Догнавший остальных Порох врезался в Батона и по-товарищески повис у него на плече, тяжело отдуваясь. — Говорил тебе оставить артефакт на базе. Не послушал, охладон!

— Я не думал, что они такие скоты, — признался Олег.

— О-о-о! — наставительно протянул Порох. — Есть старые друзья, а есть попутчики, надо их различать! Командир вернулся минут через десять после вашего ухода. Я сразу все понял. Но как же вы разминувшись-то?

— Я совсем в другую сторону ходил, — проговорил Столяров.

— Это уже ясно, — отмахнулся Гарин.

— Тебя, стало быть, зомби выручили? И как ты их надоумил?

— Даже не знаю, как получилось. От безысходности. Больше обратиться было не к кому.

— Вот только не надо этих упреков, не надо! — воскликнул Порох.

— Да какие упреки... Сам виноват, что купился на развод.

— Ну... чего мы тут стоим? — вымолвил Батон. — Пошли домой? Дождик начинается, промокнем.

— Сейчас пойдем. — Олег приблизился к убитым сталкерам и снял у Сахалина с плеча свою «Гадюку» — из принципа. Потом сделал пару шагов к друзьям, но снова вернулся и, низко наклонившись, прошептал: — Когда прессуешь во дворе школьника, имей в виду, падла, что у него могут быть братья-боксеры. И мне тут нечего стесняться. Я живой, а тыдохлый. Это ты должен стесняться, труп.

Очень скоро Гарину стало неловко за эту мелкую речь, но возвращаться в третий раз и просить у покойника прощения было бы совсем глупо.

За поворотом во дворе показалась база, а точнее — просто дом. Обычная панельная пятиэтажка, приютившая четырех человек посреди хаоса, смерти и незримой пси-войны. Сталкеры шли домой.

Глава двадцать третья

«Ну вот ты и стал контролером, Олег. Даже лучше: контролер не может воздействовать на того, кого он не видит. А ты — можешь. Bravo! Что же дальше?»

— С «венцом», с «венцом»! — пробормотал во сне Гарин. Он хотел объяснить, что влиять на чужое сознание может только с «венцом», а без артефакта он обыкновенный человек, но в рот забился угол одеяла, и выплюнуть его не удавалось, а руки затекли до такой степени, что перестали слушаться...

Какое еще одеяло?!

Олег открыл глаза. В углу на стуле в неудобной позе дремал Батон. Больше в комнате никого не было. Из кухни доносились какие-то мирные бытовые звуки, словно кто-то не спеша готовил завтрак.

Гарин снова попытался избавиться от сырого комка во рту и снова не смог. Кляп сидел плотно. Руки за спиной были связаны настолько крепко, что он уже не чувствовал пальцев. Олег замычал — это все, на что он был способен.

Батон вздрогнул и, растерев грязными руками небритое лицо, крикнул:

— Очухался!

В дверях появился Порох с промасленным затвором и ветошью. Он не жарил яичницу, он просто чистил оружие. Какая, к черту, в Припяти яичница...

— Живой? — осведомился он.

Олег энергично затряс головой и вдруг застонал от боли. Он не ударился затылком, боль была внутри. Адская боль. Она прописалась в черепной коробке еще вчера вечером, когда Батон приволок из города три бутылки водки. Три — на четверых, тут и говорить не о чем! Столяров не возражал, всем нужно было подлечить нервы. А потом захотелось спать, сразу после первого стакана, и так сильно, что дальше Олег уже ничего не помнил.

Он снова замычал, намекая, что кляп уже пора бы вытащить.

— А зачем? — простецки произнес Порох. — Мне очень нравится, когда ты помалкиваешь.

Увидев, что он собирается вернуться на кухню, Гарин замычал еще громче и в меру сил заколотил связанными ногами по кровати.

— Ну, вытащи, — разрешил Порох. — Может, что-то умное забыл сказать.

Батон нехотя оторвал задницу от стула и освободил Олегу рот.

— Что за дела?! — вскричал Гарин.

— Ты это... особо не голоси, — строго проговорил Порох. — А то соседи участковому пожалуются.

— Участковому контролеру! — Батон гомерически захохотал.

— Зачем меня связали?! — возмутился Олег. — Я что, по пьяни настолько опасен?

— Уже нет, — ответил Батон, демонстративно крутя на пальце «венец».

Артефакт упал на пол — сталкер, выругавшись, его поднял и снова начал крутить. В мозгу у Гарина, тесня боль, забрезжила догадка.

— На командира не надейся, он придет не скоро, — заявил Порох, опережая и перечеркивая множество гипотез.

Теперь Олег сообразил быстрее, спасибо горькому опыту... который, как выяснилось, ничему его не научил.

— Зачем вам нужен артефакт? — прямо спросил он. — «Венец» трудно активировать. В ваших руках он бесполезен.

Словно подтверждая это, кольцо снова сорвалось у Батона с пальца и громко стукнулось о грязный пол.

— И хватит его ронять! — процедил Гарин, невольно следя за тем, как бесценный артефакт закатывается под стул.

— Батон, убери игрушку, — согласился Порох. — Если сломаешь, я даже не знаю, какую тебе казнь придется придумать.

Тот торопливо спрятал «венец» в свой рюкзак.

— Что с командиром? Что вы с ним сделали? — опомнился Гарин.

— Ничего мы с ним не делали, — удивился Порох. — Сам отвалил еще затемно. Просил о тебе позаботиться, ты же у нас по части бухла слабоватый товарищ. А мы и заботимся. Лежишь здесь в тепле да в неге, даже с кровати не свалишься. Не сумеешь. Безопасно, опять же: ни тебе зомби, ни собак психических. Нету! — выразительно произнес он. — Зови — не дозовешься!

— Мужики, вам ведь не нужен «венец», — снова сказал Олег.

— Это хороший хабар, — коротко и ясно ответил Батон.

— Только для тех, кто может его активировать, — возразил Гарин. — Для всех остальных это круглая фигня, которую даже на пальце крутить неудобно, потому что масса распределена неравномерно. Кому вы его впарите?

— Ты за нас не переживай, фраерок. Впарим, — заверил Порох и ушел на кухню заканчивать возню с оружием.

— Я знал, что рано или поздно Коршун вас купит! — проговорил Олег так, чтобы он слышал.

— Да, и что дальше? — отозвался из-за стенки сталкер.

— Вот он уже и купил. За сколько? Мне любопытно.

— Любопытной Варваре на базаре оторвало гранатой ноги, — строго сказал Батон.

— Чем тебе Коршун-то не нравится? — поинтересовался Порох, опять появляясь в комнате. — Какие у тебя могут быть к нему претензии? Коршун правильный сталкер, не хуже других. Деловой человек.

— Да никакой он не сталкер, он мразь!

— Батон, приготовь кляп, — спокойно сказал Порох. — И если этот юноша еще раз позволит себе что-то подобное — забей ему хайло без предупреждения.

— Не надо забивать, я буду вежлив, — заверил Олег. — Может, руки все-таки развяжете? Очень больно.

— Развяжите руки, развяжите ноги, дайте поддержать «венец»... А потом встречайте толпу зомби, которых ты вызвал. Так, да? Это и есть твой план? Смешно.

— План другой, и он должен тебе понравиться.

— Ну-ну, — поддержал Порох.

— Все имеет свою цену, не так ли? «Венец» — тоже. Скажи, сколько тебе обещал Коршун. Потом прибавь к этой сумме еще немного, по вкусу. И объяви новую цену, которую мы с Михаилом очень постараемся выплатить. — Гарин мучительно шевельнулся, чтобы размять суставы. — Ну разве мое предложение не привлекательно? И я даже не обижусь за этот инцидент. Бизнес, ничего не поделаешь.

— Во-первых, денег у вас нет, — буднично заметил Порох. — Коршун на этом уже обжигался. Видишь ли, я немножко в курсе ваших терок. Но даже если бы ты сейчас, сию секунду, вытащил из-под кровати чемодан с баблом... — Он тяжело вздохнул. — Я все равно не стал бы с тобой связываться. Ни с тобой, ни с нашим самозванным командором. Я вам не верю, братцы. Сколько времени я за вами наблюдал, так и не понял вашей натуры. И то, что вы всех собак повесили на Коршуна, — это вам тоже не в плюс. Обвиняли человека то в одном, то в другом... а кто был настоящей причиной всех тех неприятных историй?

Порох не поленился пройти через всю комнату и, остановившись у кровати Гарина, склонился так низко, что заслонил лицом потолок.

— Вишня, говоришь? — прошептал он, брызгая слюной. — Цапля, да? И еще Доктор, которого я сто лет знал. Всех их убил Коршун — это же твоя версия? Ты на ней настаивал, я знаю. Хотя никаких фактов у тебя не было и нет. Зато есть другие, реальные, и их не нужно притягивать за уши. Все трое — Доктор, Вишня и Цапля — погибли от рук зомби. А кто у нас специалист по зомбированным, кто ими управляет, как пешками? Коршун? Нет. Может быть, я или Батон? Боже упаси. Этот человек — ты, Олег. Единственный, кто умеет убивать чужими руками. И ты не отопрешься, мы сами все видели около универмага. Поэтому отдать тебе «венец» — означает подписать себе приговор.

— Я не убивал тех сталкеров. Сахалин и Зеро на мне, не спорю. Но к случаю с Доктором я никакого отношения не имею. Это все Коршун.

— Ну конечно, — бросил Порох. — «Венец» был у тебя, зомбированными управлял ты, а виноват Коршун.

— Все не совсем так. Я не говорил, что Коршун лично убил...

— Ах, уже «не совсем»? Тебе самому-то не тошно? Скажи откровенно: что ты делаешь в Зоне? Ты и твой дружок Миша. Зачем вы сюда явились?

— Я не могу тебе ответить, — тихо произнес Гарин.

— А я могу, — кивнул Порох. — Коршун платит хорошо, не скрою. Но не за «венец», а за то, чтобы у тебя его не было. Понимаешь?

Олег понимал. Коршун оказался на голову выше, чем о нем думали. Про «венец» он сказал Пороху чистую правду: ему был нужен не сам артефакт. Он хотел, чтобы артефакта лишился Гарин. И перебить эту правду Олегу было нечем. Все могло бы закончиться значительно раньше, если бы Коршун сразу выяснил, что делают в Зоне Гарин и Столяров. Но вышло так, что все заканчивалось сейчас...

— Батон, сколько времени? — осведомился Порох.

Тот проверил свой КПК:

— Половина одиннадцатого.

— Пора идти, однако. Так... что у нас тут? — Порох распахнул дверцы шкафа и выбрал два автомата поновей, затем набил подсумок рожками. — Ты тоже возьми что-нибудь. Им все равно уже не понадобится.

Батон повесил на плечо винтовку, больше ничего брать не стал.

Порох на прощание отсалютовал Гарину и вышел.

— Жду тебя на лестнице! — крикнул он напарнику.

— Я быстро! — отозвался Батон. Подойдя к Олегу, он схватил его за ворот, рванул на себя и задышал в лицо перегаром: — А командир, чтоб ты знал, снюхался с наемниками. Я вчера его с ними видел. Так что Миша сюда может уже и не вернуться, у него теперь новая компания. Но это ваши проблемы. Вернее, получается, твои. Мы греха на душу не взяли, а дальше уж сам выкарабкивайся.

Отпустив Гарина. Батон бесцеремонно перевернул его на живот, подтянул ремни на руках и ногах, потом достал пистолет и ударил рукояткой в затылок.

Глава двадцать четвертая

— Живой? — Столяров приподнял Олегу веко и заулыбался. — Живо-ой. Подъем, хватит валяться.

— Ремни, ремни... — простонал Гарин.

— Давно уже развязал. Шевели пальцами.

— Не могу. Не шевелятся.

— А ты все равно шевели! Водки хочешь?

Олега передернуло от отвращения, и он незаметно для себя начал двигаться: сел на кровати, помассировал запястья, осторожно пощупал затылок. Шишка была внушительной, но кожу Батон не рассек.

— Больше я так рисковать не буду, — заявил Гарин.

— А что, ты сильно рисковал? — Столяров недоуменно замер с банкой тушенки. — Вот если бы ты отмахал два километра по городу с одним ножом — тогда да, я пожал бы тебе руку. — Он деловито прожевал очередной кусок мяса и снова улыбнулся. — Ну ладно, жму руку. Мы оба хорошо поработали.

— Долго ты за ними шел?

— Не очень. Коршун их ждал за гастрономом, где-то в тех местах он и обосновался. Повезло, что Порох сразу отправился на встречу. Я-то оружие применять не мог, иначе они бы услышали. Шел и молился, чтоб ничего крупнее собаки не подвернулось.

— Повезло еще и с тем, что мы угадали насчет Коршуна.

— А тут и вариантов не было.

— В Зоне полно барыг, — возразил Олег.

— Я думаю. Коршун предложил Пороху столько, что оказался вне конкуренции. Тем более ему и платить-то не пришлось.

— То есть как? — хохотнул Гарин. — Он их все-таки кинул?!

— Не то чтобы кинул, но... по итогам сделки Порох с Батоном остались лежать во дворе. Такие дела. Джентльмены в Зоне давно вывелись.

— Жалко, — рассеянно произнес Олег.

— Кого?!

— Особенно Батона. Им ведь ничего не стоило меня убить, но они пощадили.

— Угу, помолись за них, за гуманистов. Бросили тебя одного, связанного и оглушенного, в пустой квартире. И даже не закрыли дверь. Завтра здесь были бы тушканы со всего района. И сначала они сожрали бы тебя, живого и вкусного, а уже потом — перегрызли ремни.

— Счастливый ты. У тебя под рукой всегда есть хорошее объяснение.

— Подкрепись, мыслитель. — Столяров протянул ему банку. — Нам надо идти, чтобы застать Коршуна в логове. Тебе ведь будет обидно, если у нас ничего не получится, правда?

— Даже не говори об этом!

— Вот и мне будет обидно. Поэтому медлить нельзя.

Минут через пять они уже были на улице. Оставив общежитие справа, прошли через большой газон и оказались на проспекте, напротив универсама. Двое сталкеров и четверо зомбированных так и лежали перед входом. С Сахалина кто-то уже снял бронежилет, хотя неизвестно, кому понадобилась простреленная насквозь броня. Зеро лишился ботинок, у него был маленький размер, дефицитный в Зоне. Олег случайно посмотрел на его лицо и понял, что здесь уже побывали тушканы, правда, не голодные. Гарин невольно представил, как будут выглядеть тела еще через день, и содрогнулся.

Гастроном находился во дворе, окруженном четырьмя домами.

— Вот где-то там он и обитает, — сказал Михаил, останавливаясь в арке. — Точнее разведать не удалось.

Под арочным сводом было сыро, тошнотворно воняло крысами. В углу у стены валялось несколько собак, застреленных в разное время. Самый старый труп находился здесь уже давно и успел превратиться в худой скелет, обтянутый черной лишайной шкурой. Были и люди — пара сталкеров, убитых и брошенных рядом с животными. По всей видимости, совсем недавно. Оба лежали лицом в асфальт, но что-то вдруг заставило Гарина присмотреться к ним повнимательней.

— Да, да, — буркнул Михаил. — Они самые. Нормальная участь нормальных предателей. Единственно верная. Неизбежная.

Олег уже и сам опознал Батона по густой рыжей щетине. Радости он не испытывал, но и сочувствия тоже.

— Пора начинать, — подбодрил его товарищ. — Спектакль должен быть коротким, но ярким.

— Почему это коротким? — с вызовом спросил Олег.

— Потому что долго твоих издевательств я не выдержу. У тебя уже есть идеи?

— Падай на колени и иди на четвереньках. И периодически гавкай.

— Отлично! — оценил Столяров, доставая из кармана толстые перчатки.

— Ты знал заранее? — разочаровался Олег.

— Просто я учел, что у моего друга небогатая фантазия.

Михаил встал на четыре конечности и поплелся впереди Гарина.

При этом он не забывал вертеть головой и обнюхивать всякий мусор, попадавшийся на пути. Не хватало лишь ошейника — строгого, учитывая его комплекцию. Так они и подошли к овощной палатке, возле которой Столяров задрал ногу.

— В тебе погиб актер детского театра, — заметил Олег.

— Еще не погиб, не каркай! — проскрежетал Михаил. — Лучше смотри за окнами. В моем положении это делать затруднительно.

— Пока никого не вижу, — сквозь зубы ответил Гарин.

— Хорошо. Гуляем дальше. Не помешает, если ты будешь на меня ругаться. Только не переигрывай. Твоя-то роль сложнее, в ней настоящий трагизм.

— Как ты мог, падаль! — заорал Олег. — Бросил меня с этими уродами! Они меня чуть не угрохали! Пес паршивый, гнида вонючая! Петух конченный!

— Следи за базаром, Гамлет, — шепнул Столяров. — Что там с окнами?

— Ничего нового.

— Тогда продолжаем.

Олег с Михаилом прошли по асфальтированной площадке у входа в гастроном, затем свернули за угол и, миновав помятые газировочные автоматы, снова повернули. Минут за пятнадцать они обогнули весь двор и вновь оказались у арки, из которой вышли.

— Идем на второй круг, — бросил Столяров.

— Руки, наверно, устали? — посочувствовал Гарин.

— Больше поясница.

— По-моему, ты зря унижаешься, тут никого нет.

— Четвертый этаж, угловая квартира вон в том доме. — Перед телефонными будками Михаил судорожно вздрогнул и махнул задом вправо. — Только не пялься! Поглядывай тихонько.

— Там пусто.

— Штора горчичного цвета, приметная. На первом круге ее не было, сейчас задернули. Значит, за ней кто-то стоит и наблюдает.

Олег подобрал сучок почище и кинул его на газон. Он постарался не усердствовать, но метров десять Столярову все-таки пришлось проскакать. И еще десять — в обратную сторону, с палкой в зубах.

— Хорошая импровизация, но больше не надо, — сказал Михаил, садясь на задние лапы и поджигая передние. — Тут кругом осколки, я уже распорол ладонь.

— Извини, об этом я не подумал, — прошептал Гарин. — Сука рваная! — крикнул он без предупреждения. — Тварь продажная! Будь ты проклят! Служи, сука, служи!

Михаил завертелся на месте, пытаясь ухватить себя за несуществующий хвост.

— Ну все, хватит! Ты больше не пес! — объявил Олег.

Столяров тут же прекратил кружиться и встал по стойке «смирно».

— А кто я? — тихо спросил он.

— Не знаю... — растерялся Гарин. — Я пока не решил. Блин... вот дубина...

— Громче, — приказал Михаил.

— Дубина! — рявкнул Олег.

Столяров подошел к ближайшему дереву и звучно ударился головой о ствол.

— Ты что делаешь? — испугался Гарин.

— Молчи. — Он стукнулся еще раз.

После третьей попытки на лбу показалась кровь.

— Перестань, ты так убить себя можешь.

— Не бойся, я далек от этого.

— Но ведь больно же!

— Здесь мало... нервных... окончаний... — проговорил Михаил, сопровождая каждое слово новым ударом.

За пару минут он нешуточно разбил себе лоб и, смаргивая бегущую кровь, замер в ожидании новых указаний.

— Есть движение в окне, — проронил Олег. — На нас смотрят.

Внезапно из-за палатки вышел зомбированный. Гарин схватился за автомат, но увидел, что враг безоружен.

— Ты меня предал, скотина! — воскликнул Олег. — Я превращу тебя в тупого зомби!

Столяров, который тоже успел заметить противника, апатично двинулся ему навстречу. Когда они сошлись вплотную, Михаил не мудрствуя взрезал зомбированному кулаком в лицо. Того отнесло в кусты, но спустя секунду он появился снова, со свернутым набок носом.

Столяров схватил его за ремень и, присев, швырнул через голову. Упав, зомби встал с таким видом, словно ему дали бесплатно прокатиться на карусели. Михаил продемонстрировал ему еще несколько простых бросков. Бедолага падал не технично, до Гарина то и дело доносился явственный хруст костей, но каждый раз зомби поднимался и продолжал упорно идти на Столярова.

— Ладно, хватит издеваться, — буркнул Михаил.

Он повалил противника на живот, прижал ему спину коленом, завел руку под горло и рывком сломал шею.

— Надеюсь, это было не напрасно... — Столяров самовольно вернулся в образ собаки и, капая кровью со лба, затрусил к арке.

Гарин, стараясь не смотреть на окно, беспечно двинулся следом.

— Дома постираешь мне носки! — прикрикнул он, покидая двор. — А потом еще кое-что сделаешь, ясно? Я тебя, с-сука, научу хозяина любить!

Оказавшись на улице, Столяров еще некоторое время шел на четвереньках и лишь около универсама позволил себе перейти на обычный шаг.

— А если они не поймут? — спросил Гарин.

— Что тут непонятного? «Венца» у тебя нет, а ты все равно вертишь людьми, как хочешь. Уникум, второй Пси-Мастер! Поймут, куда они денутся. Коршун — уж точно.

— Ну, может, ты мне просто в карты проиграл. Типа, играли на «кукареку»...

Столяров обернулся и одарил Олега свинцовым взглядом.

— У тебя на такое «кукареку» тузов не хватит, родной. Посмотрим, чего загадывать.

Гарин шел за товарищем и машинально считал капли крови на асфальте. Левая рука у Михаила тоже была поранена, но он не обращал внимания. Олег с ужасом смотрел на эту нечеловеческую стойкость и думал лишь об одном: если Столяров настолько не жалеет себя — можно ли рассчитывать, что он пожалеет кого-то другого? Гарин невольно вспомнил всех тех, кого они встречали, от старого бандита на баркасе до сталкера Штиля, и понял, что некоторые вопросы лучше не задавать даже себе самому.

Глава двадцать пятая

— Они клюнули! — Гарин ворвался в комнату и подскочил к шкафу с оружием. — Они идут. Их много!

Столяров как раз закончил бинтовать себе голову и методично собирал в пакет окровавленные тряпки, оставшиеся после обработки раны.

— Быстренько ребята раскачались, — благостно промурлыкал он. — А ты говорил — не поймут, не поверят... Кто там, наемники или «монолитовцы»?

— Кажется, наемники. Синие.

— Ну конечно, вся грязная работа на них. — Михаил закончил уборку и посмотрелся в треснувшее трюмо. — М-да... А что ты за стволы хватаешься? Стрелять, что ли, в них собрался?

— Я думал — и так, и так... — Гарин замер с автоматом в руках.

— Нет, Олег. Только так. — Он расстегнул комбинезон и достал оттуда «венец». — Не забудь: в окне тебя с ним видеть никто не должен. Ведь твой артефакт Порох отнес Коршуну. — Столяров подмигнул и, чуть сдвинув пыльную занавеску, выглянул на улицу. — Ма-ать честная...

— Вот-вот. Многовато.

— Твои способности оценили по достоинству. Внушить такому свирепому мужику, как я, что он собака... а потом еще заставить башкой в дерево биться... — Михаил осторожно потрогал повязку. — Это, наверное, круто. Ты бы хотел так уметь на самом деле, а?

— Это не дар, это проклятие.

— Ну признайся.

— Да я боюсь этого как огня!

— Ладно, хватит трепаться. — Столяров посерьезнел. — Пойдем повоюем.

В кухне Михаил загодя оборудовал огневую точку: выстроил на подоконнике амбразуру из книг и приготовил все рожки, что были в наличии.

Олег заглянул ему через плечо — наемники передвигались по двору медленно и аккуратно, не подставляясь. Они не спешили: скрыться сталкерам было некуда.

— Правильно, засветись как следует, — поддержал Столяров. — Пусть убедятся, что не зря явились. Только без «венца»! — напомнил он.

— Я еще не надевал. Не знаю, с чего начать...

— Тут я не советчик, — сказал Михаил и сделал два одиночных выстрела наугад.

В ответ окно осыпало градом пуль. Стекла гигантскими леденцами выпали из рамы и обвалились на пол, моментально придав кухне вид заброшенного помещения. Из сооруженной Михаилом книжной пирамиды выскочило несколько томов. Один из них врезался Гарину корешком в живот, но удар был слабым.

— Даже не зацепили, — прокомментировал Столяров. — Тебя берегут настолько, что и мне, похоже, опасаться нечего.

Только он это сказал, как новая пуля свистнула где-то совсем близко и с деревянным стуком вошла в стену. Михаил схватился за мочку уха:

— Не попала, обожгла. Это какой-то оглашенный, сейчас ему мозги прочистят. — Он снова высунулся в книжную амбразуру и, не целясь, дал несколько коротких очередей. — Ну что ты смотришь? Или ты думаешь, что я в одиночку остановлю такую атаку?

— Мы и вдвоем ее не остановим.

— Это верно. Но все-таки начинай потихоньку.

Гарин сел на пол слева от окна и надел «венец».

Увиденного на улице он в деталях не запомнил. Это было и не нужно: наемники постоянно перемешались, и зафиксировать их в памяти Олег не сумел бы при всем желании. Но одного только впечатления оказалось достаточно, чтобы нарисовать в сознании картинку, от которой можно было оттолкнуться.

Гарин раскинул перед домом невесомую сеть и начал прощупывать бойцов одного за другим. Сгенерированное им пси-поле было таким слабым, что даже покойный Штиль вряд ли смог бы его учуять. Единственным, от кого бесполезно было укрываться, оставался Пси-Мастер, но об этом Олег сразу приказал себе забыть.

Тридцать бойцов, отлично подготовленных. У каждого из них была своя школа жизни, но все они в конечном счете оказались здесь, в Зоне. И в настоящий момент это было единственным существенным фактом тридцати разных судеб, все остальное превратилось в не обязательную предысторию.

Вскоре Гарин обнаружил в отряде слабое место. Некто по имени Валерий был неплохим специалистом по уличным боям, но имел проблемы со здоровьем. Ему давно пора было на покой, в огород или на речку с удочкой, но уйти вовремя — это тоже талант, который дается не всем.

Сильнейший испуг — очередь вверх — падение на спину — медленно мутнеющее небо.

— Ага, вижу, — моментально отозвался Столяров. — Что с ним?

— Инфаркт.

— Вот даже как... Ты красавчик. Вали следующего. А я, так и быть, в меру сил... — Михаил нажал на спусковой крючок, и из двадцати девяти объектов в сканирующей сети осталось двадцать восемь. — ...помогу, — удовлетворенно закончил он.

— А они подкрепление не вызовут? — с опаской спросил Олег.

— Наша задача — не вынуждать их к этому. Хотя, если ты готов продержаться сутки, мы могли бы существенно сократить количество наемников в городе.

— Я на это не подписываюсь, — отрезал Гарин.

Следующей целью он наметил туповатого увальня в обуви сорок шестого размера. Громила отличался превосходной реакцией, но это были чистые рефлексy, которые хороши

на полигоне или в тире, а в реальной обстановке, когда вокруг полно своих, бездумная пальба могла только навредить.

Наемник поймал на себе пару перекрестных взглядов, растерялся, запутался, почувствовал панику и бессознательно уложил двоих товарищей, которые не успели и пикнуть.

— У нас потери! — раздалось во дворе.

— Опомнились... — пробормотал Столяров.

— Перемещаемся! Не стоим, не стоим на месте! — послышался чей-то бас.

Олег узнал голос Кабана и чуть позже различил его личность среди двадцати шести наемников. Один из объектов вдруг погас, это Кабан решил не рисковать людьми и сам пристрелил громилу, пока тот не натворил новых бед.

Гарин снял «венец» и выпрямился перед окном, ему почему-то захотелось увидеть Кабана живьем. Не то чтобы Олег соскучился, та прогулка в госпиталь была не из приятных, но все-таки он помнил этого человека в отличие от массы других бойцов.

Кабан его тоже заметил.

— Смотрите, куда шмаляете, кретины! — закричал он. — По окнам работать бережно! Гасить огонь, никого не убивать!

Олег вернулся на свою позицию между столом и стеной, в угол, над которым когда-то висела полка со специями. Теперь в такие углы вешают телевизоры, но во времена исхода из города телевизор на кухне был запредельной роскошью.

— Во дворе только свои! — продолжал драть глотку командир наемников. — Соберите мозги в кучу, у кого они есть! Не поддаваться на гипноз!

— Думаешь, это зависит от них? — прошептал Гарин. — Нет, Кабан, нет.

Снова надев «венец», он без труда нащупал сознание командира и, как бетонную сваю, вбил ему в мозги простую и ясную мысль:

«Предатель!»

Кабан сам выбрал жертву — того, кому он меньше всех доверял. Обоснованно или безосновательно, теперь это не имело значения. Он прошел по газону несколько метров и, остановившись напротив какого-то парня, молча расстрелял ему в лицо всю обойму. После первой же пули наемник опрокинулся назад, но не упал, а застрял в густом кустарнике. Ветви пружинили, и каждая новая пуля раскачивала мертвое тело, как щелчок по неваляшке.

Во дворе повисла тишина, бойцы ошалело переглядывались.

— В подъезд! Быстро! — заорал Кабан, перезаряжая пистолет. — Берем, пока он нас всех не извел!

Олег собирался снять артефакт, чтобы передохнуть, но сейчас было не до этого. Он поймал внимание первого штурмовика и обрушил на него весь ужас, на который только было способно собственное воображение наемника. Его железы выбросили в кровь смесь гормонов, вызвавших реакцию, аналогичную действию парапроптитозола. Гарин не знал, что именно увидел или почувствовал боец, но этого в любом случае оказалось достаточно. К тому времени наемник уже преодолел половину лестничного марша, но обратно на улицу он выскочил гораздо быстрее, сшибая и выталкивая из подъезда всех, кто бежал следом.

— Что там такое?! — взревел Кабан.

Наемник, не говоря ни слова, бросил оружие и упал на землю. Его руки рефлекторно загребали траву и подтягивали ее к голове, словно человек стремился закопаться в песок.

— ...ять! — донеслось снизу. — Кого еще накрыло? Остальные в порядке?

— Что ты с ним сделал? — поинтересовался Михаил, не отрываясь от прицела.

— То же, что и вы с Дизелем.

— М-м... — протянул он. — Полезный, значит, опыт?

— Только не для него. Ты уходить-то собираешься? — спохватился Гарин. — А то поздно будет. И как ты вообще планируешь от них скрыться?

— Это не сложно: сейчас на чердак, потом по крыше на другую лестницу, оттуда в подвал и по переходу в соседнее бомбоубежище. Выйду в двух кварталах отсюда. Все рассчитано.

— И когда ты только успеваешь... — обронил Олег.

— Я знаю город. К этой командировке я готовился дольше, чем ты. Сам-то готов? — Михаил протянул руку и замер в ожидании.

— Ах да! — Гарин снял «венец» и отдал его Столярову. — Смотри, не потеряй.

— Славная шутка.

— Кстати! — Олег сжал кольцо, не отпуская. — Я так и не понял, где ты добыл второй артефакт для Коршуна.

— Заказал у Пельменя, — простодушно ответил Михаил. — Только это был не второй «венец», а нерабочее фуфло, в Зоне таких экземпляров полно. Слава богу, Коршун не способен увидеть разницу. Как и я, между прочим.

— Как и большинство нормальных людей, — грустно произнес Гарин. — А почему Пельмень согласился тебе помочь?

— Это ты сам у него спросишь при случае, — лукаво отозвался Столяров. — Ну все, ты меня задерживаешь. Надеюсь, дальнейшие инструкции ты помнишь.

Олег разжал кулак, и «венец» исчез у Михаила за пазухой. Столяров подхватил с подоконника автомат, надел на ремень специально приготовленный подсумок с рожками — у него действительно все было продумано — и выскочил на лестницу в тот момент, когда снизу уже слышался топот тяжелых ботинок.

Гарин с грустью посмотрел на распахнутую дверь и, задумчиво пройдясь от стены к стене, приблизился к окну. Несколько наемников во дворе одновременно повели стволами: «Ты на мушке!» Олег равнодушно отвернулся и, встав посреди кухни, вяло поднял руки.

— Я безоружен! — объявил он.

В ту же секунду в прихожую влетели трое наемников во главе с Кабаном. Командир, к его чести, не стал прятаться за спинами подчиненных, хотя Олег был уверен, что первыми войдут те, кого не жалко терять.

Гарина окружили с трех сторон и бегло обыскали.

— Ну и где твой друг? — спросил Кабан.

— Он мне не друг. Смылся, опять подставил. Ищите где-нибудь здесь, на третьем или четвертом этаже.

Один из наемников бросился к двери и отдал распоряжение прочесать все квартиры в подъезде. Кабан остался на кухне, сверля Гарина взглядом. В его глазах Олег без труда прочел удивление, недоверие и ярость. И, конечно, страх. Этого было больше всего.

Выходивший боец вернулся и осмотрел подоконник со стопками книг, затем повозил ногой по полу гильзы. Катаясь по окаменевшему линолеуму, они звенели, как на асфальте.

— Кто отсюда стрелял? — спросил он.

— Тот, кто сбежал, — признался Олег. — Когда его поймаете — казните, как собаку. Он убил одного из ваших. Возможно, двоих.

— А остальные? — процедил Кабан. — Твоих рук дело?

— Это все от нервов. Когда я начинаю бояться, я перестаю себя контролировать. Так что не пугайте меня, пожалуйста.

— А сейчас уже не боишься, что ли?

— Стараюсь сдерживаться.

Кабан вздохнул и сел на табуретку, но, услышав, как скрипнули под ним ножки, с досадой поднялся.

— Что же ты упустил-то его? — проговорил он. — Командира своего, друга-недруга, или кем он там тебе был.

Олег помедлил, подбирая слова.

— Я на вас отвлекся. Слишком много народу, я столько удержать не могу. В квартиру забежали еще двое наемников.

— Чисто, — доложили они.

— Вы хорошо проверили?

— Обошли весь дом.

— Смотался твой приятель, — сказал Кабан Гарину, хотя необходимости в этом не было. — И нам тоже пора идти. Как тебя звать-то, кстати?

— Олег.

— Это имя? А кличка есть?

— С первых дней не обзавелся, а теперь уже вроде и поздно.

— Это точно, сынок. — Он хлопнул Гарина по спине, подталкивая к выходу. — И вот что, кудесник. Твои навыки я уже видел, доказывать мне ничего не надо. Но... — Он остановился и легонько взял Олега пальцами за шею. — Если ты сейчас, по пути, опять выкинешь какой-нибудь фокус... если у меня возникнет хотя бы тень сомнения...

— Я понимаю. — Гарин кивнул, с усилием высвобождаясь из захвата. — Все будет нормально. А фокусы я и сам не люблю.

— Ну конечно! А то я как будто не понял, зачем вы в прошлый раз к нам на базу приходили.

— И зачем же? — осведомился Олег.

— Не знаю! — раздраженно бросил Кабан. — Но ясное дело, не просто так. Учти, гипнотизер долбаный, я тебя предупредил.

Из подъезда Гарина вывели, как опасного рецидивиста: наемники, остававшиеся на улице, по-прежнему прятались за деревьями, а те, кто сопровождал его на лестнице, шли следом на полусогнутых, постоянно целясь Олегу в спину.

— «Лунный свет» у всех есть? — спросил Кабан, оглядывая бойцов. — Стройся коробкой, арестованного в центр. Без суеты, не дергаемся. Двинули помалу. И Скрипача заберите кто-нибудь, помогите ему. Он идти-то может? Слышь, Олег... Паренек наш, которого ты с лестницы пуганул, Скрипач. Его когда-нибудь отпустит, или все, крест на человеке ставить? Может, антишок ему вколоть?

— Не надо никакой химии. Дайте ему водки побольше и уложите спать. Завтра должен оклематься.

Двое бойцов подхватили Скрипача под локти и бережно повели за отрядом. Не то чтобы пострадавший совсем не мог идти или был невменяем, но после пережитого испуга он впал в такой ступор, что перестал обращать внимание на команды. Хотя, как понял Гарин, наемники имели при себе «лунный свет», ослабляющий пси-воздействие. И возможно, не по одной штуке. Но дополнительного сопротивления Олег даже не почувствовал.

Вряд ли сила «венца» выросла со времени первого использования артефакта. Гарин надеялся, что его способности тоже не изменились, и после всех контактов с «венцом» он по-прежнему оставался обычным человеком. Однако их взаимодействие — человека и артефакта — становилось все более эффективным, их общая мощь постепенно росла, и отрицать это было невозможно.

Размышляя об этом, Олег невольно подумал о взаимопонимании. Да, это было самым точным названием тому, что происходило между ним и «венцом». Их взаимопонимание улучшалось с каждым разом: то ли артефакт подстраивался под носителя, то ли все-таки сам Гарин превращался в подобие контролера. Второй вариант Олег рассматривал как катастрофу и гибель собственной личности, но убедить в нем окружающих удалось довольно легко: наемники, шагавшие позади, до сих пор не убрали оружие и, видимо, не собирались.

Гарин невольно начал фантазировать, смог бы он справиться с двумя десятками бойцов, если бы «венец» по-прежнему был при нем. Ответ выходил отрицательный: их было слишком много, чтобы взять под контроль всех сразу, одновременно. А глушить по очереди не имело смысла, поскольку у каждого были совершенно четкие инструкции на случай каких-либо странностей.

Строй прошел между прачечной и общежитием, Кабан выводил отряд к проспекту.

— Куда идем, если не секрет? — спросил Гарин, облизывая пересохшие губы.

— Ты же медиум, сам должен знать, — ответил командир.

— Да я знаю, что к речному порту. Просто поговорить хотелось.

— Считай, что поговорили.

Миновав газон, процессия вышла на середину проспекта и повернула к северо-востоку. Бойцы зашагали в ногу, и Олег подстроился под всех: в общем ритме идти было легче.

«Коробочку», как это назвал Кабан, построили хорошую, прочную. Трое наемников двигались впереди, по трое находилось слева и справа от Гарина, и еще две шеренги вышагивали сзади с автоматами наготове. Остальные произвольно рассредоточились вокруг этого прямоугольника и обеспечивали прикрытие.

У перевернутой квасной бочки, изнывая от нетерпения, готовилась к атаке большая группа снайперов, и наемники еще издали открыли по ней огонь. Олег невольно начал мерить время шагами, это было удобно: левой, левой, раз... два... До счета «четыре» бойцы уже превратили снайперов в огромный суповой набор. Когда с бочкой поравнялся основной строй, от мутантов остались лишь кровавые лоскуты, словно их накрыло одним большим взрывом. Синхронная перезарядка, и снова вперед, в ногу. Путь по проспекту Дружбы Народов, который Олег уже проходил, сейчас казался ему интересным и новым. И уж конечно, никогда раньше Гарин не чувствовал себя в такой безопасности. Слепые собаки, не успевшие скрыться, дырявыми шкурами висли на кустах. Тушканы визжащими клубками отлетали на тротуары. Дорогу зачищали так, что мутанты не могли задержать пеший эскорт ни на секунду.

У большого перекрестка в трехстах метрах от госпиталя снова показались собаки. Стая была огромной, не меньше двадцати особей. Чтобы не замедляться, наемники метнули в мутантов несколько гранат. Половину собак разметало по мостовой, остальные в панике разбежались.

— Я же просил тебя не чудить, — вполголоса произнес Кабан.

Гарин не сразу сообразил, что командир обращается к нему.

— Ты думаешь, это я их сюда позвал? — сказал Олег, гадливо ступая по мокрому от крови асфальту.

— А кто же еще, — раздраженно бросил Кабан.

Гарин собирался возразить, но, поразмыслив, этого делать не стал. Он убил весь день на то, чтобы люди поверили в его пси-способности, так зачем же теперь душить эту песню? Олега лишь немного пугало, что если на дороге появится враг посерьезней, например, химера, то бойцы, в соответствии с обещанием, сначала могли прикончить его самого, а уж потом заняться мутантом. К счастью, идти оставалось уже не много.

Перед госпиталем отряд встретила небольшая группа наемников во главе с Капитаном. По левую руку от него стояли трое незнакомых мужчин, по правую — один Пельмень, отчего-то страшно довольный.

— Взяли голубчика? — начал он еще издали. — А где кандалы? Я думал, вы его закуете.

— Кузнец в отпуске, — отшутился Кабан. — Примите Скрипача, эта падла ему все мозги покорежила. Ну и посерьезней потери имеются...

— Вижу, — обронил Капитан, пересчитав отряд по головам. — А я-то в прошлый раз к ним, к уродам, всей душой... Надо наказать.

— Точно! — поддержал Пельмень.

Они с Гариным встретились взглядами и после короткой задержки оба отвели глаза.

— К стенке его! — потребовал Пельмень. — И хрен с ними, с «монолитовцами». Мы им другого отловим, еще краше.

— Ты соображай, что гонишь! — вскинулся на него Кабан. — Какого еще «другого»? Где ты другого видел? Уйди с дороги. И Скрипача, говорю, возьмите, вон его ведут.

Пельмень, смирившись с тем, что пленный не будет расстрелян, отступил назад. Строй двинулся дальше по проспекту — мимо садика у главного корпуса больницы, мимо сгоревшего автобуса, прямо к забору у кафе «Припять», где Олега уже ждали.

Ограда была недавно отремонтирована и блестела свежей оцинкованной «егозой». Одна из секций сдвинулась, и Гарина провели на другую сторону. Там его встретили трое «монолитовцев».

— Арестованного принял, доложу по команде, — пролаял старший наряда.

— Слава «Монолиту»! — брякнул Гарин.

Кабан посмотрел на него через колючую проволоку с нескрываемым сожалением.

— Ну, бывай, сынок, — сказал он. — Больше уж не свидимся. Разойдись!

«Коробочка» распалась, и наемники свободным порядком отправились к госпиталю.

— Следуй за мной. Не оглядывайся и не сворачивай, — бесцветно проговорил «монолитовец». — При попытке к бегству ты будешь уничтожен.

Территория речного порта разительно отличалась от всего того, что Олег видел в других частях города. Вокруг не было ни соринки. Трава, которая лезла сквозь щели в асфальте, регулярно выпалывалась, даже бордюрный камень был поправлен и выложен по ниточке.

«Монолитовец» провел Гарина вблизи от заколоченных витрин кафе и пошел дальше, вдоль навеса на бетонных опорах со встроенными лавочками. Олег заметил несколько ухоженных елей. Все это было удивительно и выглядело как последний оазис цивилизации посреди разрухи и запустения. Если, конечно, забыть о том, куда он на самом деле попал... Но Гарин не забывал ни на секунду.

Пройдя под навесом, Олег оказался на внутренней площадке, между зданием порта и широким спуском к воде.

Сопровождающий пропустил шедший навстречу патруль и, повернув налево, повторил:

— Следуй за мной.

Путь окончился возле небольшого крыльца с задней стороны корпуса. Гарина ввели внутрь. Он прошел между чистым сортиром и металлической лестницей. Впереди была комнатуха дежурного, коридор уходил от нее вправо и сразу, всего метрах в трех, упирался в новую дверь.

Один из «монолитовцев» дернул на себя ручку и втокнул Олега в камеру. Гарин оказался в маленьком помещении без мебели. Единственное окно было заложено кирпичом и покрашено под цвет стен. Лицом к окну, словно глядя куда-то вдаль прямо сквозь кирпичную кладку, стоял человек в плаще. Не в бандитском и не в брезентовом, а в обычном кожаном плаще, новом и чистом.

Когда дверь закрылась, человек обернулся. Это был Коршун, хотя видеть его в такой одежде было непривычно.

— Здравствуй, Пси-Мастер, — сказал он Олегу.

Глава двадцать шестая

— Какой же я Пси-Мастер... — растерянно произнес Гарин.

Он еще раз оглядел комнату: здесь не было ни стула, ни табуретки, ни даже мешка с соломой, куда можно было бы присесть. Между тем дверь за спиной закрыли плотно и недвусмысленно. Олег и не рассчитывал, что будет свободно гулять по базе «монолитовцев». Он отошел в угол и, сунув руки в карманы, прислонился к стене.

— Никакой я не Пси-Мастер, — повторил он.

— А что ты так напрягся? — насмешливо спросил Коршун. — Это не имя и не должность, это тип психики плюс развитые способности. Как у политика, боксера, пианиста... Это в некотором роде тоже профессия. Хотя ты, конечно, пока еще бестолковый подмастерье. Когда в тебе это проснулось? Ты должен помнить, такое не забывается.

— Смотря что считать началом карьеры, — осторожно ответил Олег. — Первый контакт с «венцом» я как раз забыл. Вспомнил не скоро и не сам.

— Столяров помог, — угадал собеседник.

Гарин молча кивнул.

— Для этого его к тебе и приставили, так ведь? Опера из департамента собственной безопасности Института, — блеснул информированностью Коршун.

Олег не знал, разыгрывать ли ему удивление, или не рисковать. Вести себя нужно было адекватно, а следовательно, не врать в мелочах.

— Что еще про нас известно? — равнодушно осведомился Гарин.

— Многое, но я не уверен, что все это правда. Расскажи про свой первый контакт с «венцом».

— А есть ли смысл отвечать на твои вопросы? Может, сначала пообещаешь что-нибудь — сытую жизнь, легкую смерть...

— Это не я решаю. — Коршун покачал головой.

— Тогда зачем мне с тобой разговаривать?

— Мания величия проснулась? Не рановато ли? Зачем вы притащились в Зону?

— Тебе это давно известно. — Гарин удивленно вздернул брови.

— Вы на самом деле хотите отнять у Мастера его детище?

— Человеку устраивают освобождение из спецтюрьмы. Снабжают необходимой аппаратурой и материалами. Присылают в помощь коллектив исследователей, — перечислил Олег. — Короче, создают все условия для работы. Но как только появляются первые результаты, он тут же посылает всех на хрен, перестает выходить на связь и перевозит оборудование в новое место. И после этого он еще спрашивает, откуда у Института взялись претензии?

— Значит, вы серьезно долги вышибать приехали? — хохотнул Коршун.

— Пришли пешком, — сурово поправил его Гарин. — Программа «Венец» принадлежит Институту Альтернативных Исследований. Руководство хочет иметь не один экземпляр, с которым не ясно, что делать, и который, к слову, попал в Институт случайно. Они хотят владеть всей программой — отчетами об исследованиях, а также документацией по производству и применению.

— Ты не хуже меня знаешь, что инструкций к «венцу» нет и быть не может. Это не кофемолка и не утюг. «Венец» почти живой, это самоорганизующаяся система. Он не предназначен для продажи в универсамах в комплекте с троном и мантией.

— А это, кстати, вообще отдельная тема, — мрачно проговорил Гарин. — Институт заказывал нечто совсем иное.

— Вот именно! Институту нужен простой пси-пулемет. И как можно догадаться — не столько Институту, сколько тем, кто его финансирует! — выпалил Коршун так горячо, словно дело касалось его самого. — Да, Мастер согласился на эти условия. Но в процессе исследований Лаборатория пришла к другим результатам, ошеломляющим. Открылись новые перспективы, на порядок выше, чем ершик для прочистки мозгов.

Коршун нетерпеливо вздохнул и прошелся до стены, но она оказалась ближе, чем ему хотелось бы. Уже через три шага он был вынужден развернуться и пойти в обратную сторону. Ему, как и Олегу, явно не хватало стула. Разговаривать на ногах было и неудобно, и утомительно. Гарин подумал, что в своем углу чувствует себя даже комфортней, чем хозяин положения Коршун. Как будто они оба находились в комнате не по своей воле.

— Может, хоть объяснишь, зачем меня сюда привели? — прервал возникшую паузу Гарин.

— Такие люди, как ты, на воле представляют слишком большую угрозу, — резко ответил Коршун.

— Вот даже как! Пси-Мастер решил взять на себя роль судьи? Забавно.

— Кто-то же должен следить здесь за порядком. С момента твоего появления в городе стало неспокойно. Ты и сам по себе редкий фрукт, а с «венцом» стал опасен вдвойне. Я... — Собеседник неловко мотнул головой и отвернулся к стене. — Он прикасался к твоему сознанию, ты не мог этого не почувствовать.

— Да уж... — вставил Олег.

— И он не нашел там ничего хорошего, — закончил Коршун. — Страх, растерянность и агрессия.

— Вообще-то я добрый и отзывчивый человек. Но после ваших атак... после той пси-мясорубки, которую вы устроили в книжном магазине...

— Вас никто сюда не звал!

Гарин впервые отлепился от своего угла и тоже сделал несколько шагов по комнате, однако не приближаясь к Коршуну, чтобы напрасно его не тревожить.

— Устрой мне встречу с Пси-Мастером, — неожиданно сказал Олег.

— Это вряд ли возможно.

— А если я очень тебя попрошу?

— Дело не во мне. Мастер меня просто не слушает.

— Гм... Признаться, я думал, что ты здесь на положении генерала или вроде того.

— Мастеру не нужны генералы, — ровно, без гордости или обиды, проговорил Коршун. — Раньше были. Но он давно от них избавился.

— Тогда откуда ты все знаешь?

— Я знаю не все, а только то, что мне нужно. А откуда... — Он улыбнулся и пожал плечами. — Это бонус за лояльность.

— В смысле? Что еще за бонус?

Коршун поднял голову к потолку, подбирая объяснение.

— Я всю жизнь мечтал выучить французский. Но было лень и не хватало времени. И вот, же парль тре бьен франсе, — выговорил он быстро и без всякого напряжения. — Откуда это пришло? Понятия не имею.

— Значит, Пси-Мастер купил тебя на ускоренный курс иностранного языка? Не дорого, — ухмыльнулся Олег. — Любопытно, что он предложит мне.

— Пока он даже не уверен, что ты ему интересен. Все твои опыты с «венцом» были однообразны и враждебны. Мясников в Зоне хватает и без тебя. А пси-мясник ничем не лучше обычного головореза с автоматом. И кстати, у него есть сомнения относительно твоих способностей.

— А я ни на чем и не настаиваю! — энергично отозвался Гарин.

— Сделай что-нибудь, — тихо произнес Коршун.

— Например?

— Да что угодно. Покажи, что ты можешь. Без «венца».

— Ничего я не могу! — испуганно сказал Олег.

— Ладно, брось дурить, тебе же не трудно. Это необходимо, поверь.

Олег отрешенно посмотрел на сбитые носы своих ботинок. Еще недавно обувь была совсем новой и вот уже превратилась в хлам.

— У тебя часы есть? — спросил Гарин.

Коршун отогнул левый рукав плаща, под которым показался массивный золотой браслет.

— Без двадцати семь, — объявил он. — А зачем тебе? Куда-то спешишь?

— Засекай время: через пятнадцать минут.

— И что будет?

— Увидишь.

— Ну что, что? — раздраженно повторил Коршун. — Ворона прилетит нагадит, и окажется, что это ты ее заставил? Или солнце начнет садиться, а ты поклянешься, что это твоих рук дело?

Гарин засмеялся:

— Нечто среднее между солнцем и вороной.

— Еще хуже...

— А-а-а! — протянул Олег, догадавшись. — Это и есть цель нашего собеседования? Экзамен, да?

— Не только.

— А зачем это нужно? И главное, кому? Я в ваш цирк на работу не просился.

— Боюсь, у тебя нет выбора.

— Это любимая фраза Михаила, — процедил Гарин. — Не надо мне такое говорить. Никогда.

— Что, допек напарничек? — не без удовольствия поинтересовался Коршун.

— Я таких отмороzków еще не встречал. Возможно, их вокруг полно, но в обычных условиях человек сам решает, с кем ему общаться, а кого обходить, как навозную кучу. Хуже всего, когда выбора не остается, и ты вынужден смириться с тем, что есть. Вся моя командировка — это чистая подстава от начала и до конца, — горько произнес Олег. — Но оказывается, что с Михаилом я познакомился еще до того, как впервые его увидел.

— Заочно, что ли? Это как?

— Через бывшего владельца «венца». Столяров с ним работал. В смысле, обрабатывал его на допросах. И весь этот ужас... вся боль, унижение и ожидание новой боли — все перешло ко мне. Я вспоминал это рывками, фрагментами в тяжких кошмарах. И каждый раз Михаил умудрялся использовать это в своих интересах. Хотя, по идее, интересы у нас с ним общие. Но вот методы... Ты знаешь, сколько он народу на моих глазах прикончил? А впрочем, кому я это говорю, — махнул рукой Гарин. — Ты тоже тот еще, блин, пацифист.

— Так, секундочку... — Коршун провел в воздухе ладонью, словно пытаясь отделить информацию от эмоций. — Насчет бывшего владельца «венца». И твоего знакомства с Михаилом через этого... э-э-э...

— Простого stalkера по кличке Дизель, — подсказал Олег.

— Ну да, ну да, — торопливо бросил Коршун. — Как это произошло?

— Дизель умер во время очередного допроса. С «венцом» на голове. И когда я его надел, еще в Институте...

— Зачем? — резко спросил он.

— Не знаю. Безотчетно, как во сне. Зашел, увидел и...

— Понятно. Дальше.

— Это и был мой первый контакт. О котором я вспомнил только в Зоне. И во время этого контакта я получил что-то вроде слепка с памяти Дизеля. Или правильнее сказать — дамп. Там не вся память, а только обрывки, отдельные истории, лица, какие-то знания, полезные и не слишком... В принципе это помогало мне выживать в Зоне. Но с другой стороны, если бы не тот проклятый дамп, я бы здесь и не оказался.

— Выходит, что в «венце», который я получил от Пороха, содержится слепок памяти какого-то stalkера? — недоверчиво проговорил Коршун.

— Это другой «венец». Первый так и остался в Институте, а этот мы с Михаилом добыли уже в Зоне. Ну, как «добыли» и что значит «мы»... Столяров завалил целую банду в районе «Скадовска».

— Банду так банду, земля пухом, — задумчиво пробормотал Коршун. — Это интересно. Это очень интересно, Олег!

— Сколько времени прошло?

— А что такое? Ах да! — Он проверил часы. — Без пяти семь.

— Я полагаю, сейчас тебе нужно выйти на улицу.

— Да? По твоим расчетам, ворона-бомбомет уже близко?

Коршун прищурился и, не сводя глаз с Олега, пошел к двери. Однако на Гарина он смотрел вовсе не как на противника. Это был взгляд человека, с томлением разворачивающего долгожданный подарок.

Он вышел из комнаты, повернул налево и направился по коридору. Гарин беспрепятственно последовал за ним, на всякий случай вынув руки из карманов. «Монолитовец», дежуривший за дверью, пропустил обоих и двинулся за Олегом.

Коршун спустился с крыльца и сразу поднял голову вверх, как будто на полном серьезе ждал ворону. Не найдя никаких птиц, он прошел несколько метров вдоль берега и обернулся.

— Идем к забору, — сказал Гарин.

— При попытке к бегству ты будешь уничтожен, — предупредил его «монолитовец».

— Олег, ты слышал? — спросил Коршун. — Это не шутка.

— Я могу и здесь подождать, ступай один.

— Да ладно уж! — Он зашагал к навесу и жестом позвал Гарина за собой.

Олег прошел мимо ухоженных, как на витрине, елочек и остановился у проволочного ограждения рядом с Коршуном.

— Ну? — сказал тот.

— Вперед смотри. Во-он там. — Гарин показал на уходящий вдаль проспект.

По тротуару двигался человек, едва различимый за кустами и поваленными деревьями.

— Зомби? — скривился Коршун.

— Почти.

Сталкер шел медленно и неровно, подергиваясь, как кукла на веревках. Ноги он ставил так аккуратно, точно передвигался по трещащему льду, но тело его не слушалось и исполняло какой-то собственный танец, в котором сам человек будто бы и не участвовал. Или, может, ему просто не хотелось идти, но что-то упорно влекло его вперед, а сил сопротивляться не было.

— Он так до утра не доползет, — сказал Коршун.

— Доползет. У него нет выбора.

Коршун безразлично хмыкнул, посмотрел на собеседника, потом опять на проспект и, вдруг догадавшись, оцепенело повернулся к Олегу:

— Это Столяров? Это он?!

— Нет, это ворона! — с нескрываемым удовольствием ответил Гарин.

Человек продолжал брести по тротуару, нехотя огибая препятствия. Какой бы вялой ни была его походка, расстояние сокращалось, и через несколько минут мужчина вышел к перекрестку напротив кафе. Теперь уже не оставалось сомнений, что это был Михаил.

Вид у Столярова был такой, словно в течение последнего месяца он только и делал, что дегустировал худшие сорта водки. Лицо его стало бледным, глаза и щеки ввалились, а болезненно сухие губы что-то непрерывно нашептывали.

Коршун торопливо переместился вдоль забора влево, к воротам.

— Откройте! — крикнул он наряду «монолитовцев».

— Он похож на зомби, — с сомнением произнес один из бойцов.

— Открывай, сказал!

Столяров, продолжая аритмично вздрагивать, вошел на территорию порта.

— Стоять! — приказал ему Гарин. — Ну что, годится? — спросил он у Коршуна. — Или надо было все-таки ворону загипнотизировать?

— Годится... — завороченно протянул тот. — И что дальше? Зачем он тут нужен?

Олег пожал плечами.

— Ладно, отведите его к пруду, и в расход, — распорядился Коршун.

Михаил, не дожидаясь тычка в спину, безропотно поплелся к воде.

— А может, не надо? — засомневался Гарин. — Да. Погодите его стрелять, парни. Он еще сгодится.

— На хрена? — обронил Коршун. — Это же зомби.

— Во-первых, он не зомби, а всего лишь сильно загруженный человек. А во-вторых... мне не хотелось бы, чтобы он ушел так легко. Покойный Дизель мне этого не простит, да и за себя обидно не меньше. Я найду ему применение, оставьте.

Коршун в сомнениях сложил губы трубочкой и исподлобья взглянул на Олега.

— Не нравится мне это... Ну-ка раздевайся! — велел он Михаилу. — А вы щупайте шмотки, — сказал он бойцам.

— Сам только что хотел предложить, — заявил Гарин. — Снимай все! Полностью!

Столяров принялся меланхолично стаскивать с себя вещи. К речному порту он явился без оружия и почти без снаряжения, в одном грязном комбинезоне. Под комбезом оказалась застиранная стариковская рубашка. Пуговицы расстегивались с трудом, потому что пальцы Михаила не слушались. В итоге большая часть была просто оторвана. Столяров кидал вещи на асфальт, а двое «монолитовцев» педантично мяли их в руках. Наконец он добавил в кучу трусы и, ссутулившись, замер. На нем остались лишь три бинтовые повязки: одна на лбу и две на левой ноге — на голени и под самым пахом.

Коршун критически осмотрел гостя. Тот факт, что Михаил пришел безоружным, его не успокоил, а наоборот, смутил.

— Почему у тебя голова замотана, я помню. Деревья в Зоне не мягче, чем на Большой Земле. Но что-то многовато у тебя там накручено, нет? — Коршун потянулся к повязке, чтобы ее потрогать, однако передумал и, отступив на шаг, распорядился: — Разматывай свой кочан.

Столяров нащупал конец полотна и начал разбинтовывать лоб. Последние слои, пропитанные запекшейся кровью, оторвались с таким треском, что Гарин поморщился. Из потревоженной раны пошла кровь, но Михаил не обращал на это внимания. Коршун тронул ботинком упавшую на землю тряпку и снова воззрился на Столярова.

— А здесь что? — спросил он, показывая на ногу.

— Пси-собаки покусали, — ответил за Столярова Олег. — Я сам видел. Это еще в книжном случилось.

— Собаки? В двух местах?

— Странно, что только в двух. Собак-то много было. — Увидев, что Коршун продолжает сомневаться, Гарин вздохнул и сказал: — С ноги тоже отдирай.

Михаил беспрекословно нагнулся к голени и, оттянув повязку, сорвал ее одним движением. В глубокой ране тотчас набежала кровь и струйкой устремилась вниз по ноге.

— Прекрати это, — попросил Олег. — Так ты мне вкус к мести отобьешь. — Он обернулся к Коршуну. — Мне его уже почти жалко. Лучше я его тушкам скормлю, чем на этот смрад любоваться. — Он с отвращением пнул кучу несвежей одежды.

— Ладно, — буркнул Коршун. — Пусть одевается, и забирай его себе. Иди обратно туда, где мы разговаривали. И не зарывайся особо! Твой статус тоже пока не ясен. Смотри, как бы вам обоим к мутантам на корм не отправиться. Я попозже подойду, разберемся с остальными вопросами. — Он направился к кафе, но на полпути остановился. — А эта кукла вообще говорит?

— Скажи дяде Коршуну: «Кукла говорит», — потребовал Гарин.

— Кукла говорит, — проблеял Михаил.

Коршун удовлетворенно тряхнул головой и скрылся за дверью.

Столяров собрал вещи в ком и, прижав его к груди, поплелся за Гариным к зданию порта.

Когда они оказались в комнате, Михаил вопросительно взглянул на Олега и осторожно спустил по ноге третью повязку.

— Чтобы не торчало, пришлось натянуть по самое не балуйся, — сказал Столяров. — Думал, нога отнимется.

— Зато походка получилась отличная. Давай сюда, меня больше не будут обыскивать.

— Меня, надеюсь, тоже, — с сарказмом ответил Михаил, промокая рубашкой кровоточащий лоб.

Гарин принял у Столярова тряпочный обруч и, смотав с него бинт, повертел в руках «венец».

Михаил оделся, присел у стены и неожиданно весело посмотрел на Олега:

— Ну вот мы и на базе, напарник. Согласись, это лучше, чем лобовая атака. Особенно если учесть, что весь наш отряд — это ты, да я, да мы с тобой... Я не опоздал?

— Нет, в самый раз. — Гарин плотно натянул «венец» на голову. — Ну что, проверим?

— Я готов.

Олег закрыл глаза, но уже через секунду открыл, чтобы убедиться, что Михаил действительно находится рядом. Сознания товарища Гарин не чувствовал, оно отсутствовало. Он сосредоточился и усилил интенсивность сканирования. В пси-поле попали двое патрульных «монолитовцев» у забора и один под навесом. Олег увеличил радиус еще немного и зацепил сразу четырех бойцов, которые прогуливались метрах в двадцати от здания порта. Столярова, находившегося на расстоянии вытянутой руки, в пси-поле по-прежнему не было.

— Я думал, ты будешь сопротивляться, блокировать... — пробормотал Гарин. — А тебя вообще нет! Как ты это делаешь?

— Тетрадоксин, некритическая доза. На его основе создан анабиотик.

— И все? Так просто?
— Проще некуда. Пара лишних кристаллов, и ты превращаешься в идиота. Щепотка — и ты остаешься сидеть, как сидел, на всю жизнь.
— Ты всегда был сумасшедшим, что тебе терять-то? — Олег опустился рядом со Столяровым и толкнул его в плечо. — Как ты сказал в прошлый раз, «если ты до сих пор жив, значит, Пси-Мастер тебя еще не прочел».
— Верно. И мы до сих пор живы, — кивнул Михаил.

Глава двадцать седьмая

Первая пуля вырвала начальнику караула кадык, вторая — переносицу, третья пробила оба виска навывлет, остальные пошли выше, над прудом, в сторону противоположного берега. «Монолитовец» замороженно смотрел на трясущийся в его руках РПК и не мог понять, что происходит. Наконец наваждение схлынуло, и он осознал, что совершил страшную ошибку. Он бросил пулемет на землю и тут же упал сам: сзади его прошило очередью из «Лавины». Застреливший его боец на секунду растерялся: кажется, начальник караула приказал ему зачистить пятачок вокруг кафе... Да, так оно и было, поступил сигнал о нападении на пост. Он помчался вдоль навеса, убил двоих врагов и лишь потом начал понимать, что прослужил с ними несколько месяцев, и если его друзья — враги, то, значит, он сам... Боец не заметил, как сверху сбросили гранату, поэтому закончить логическую цепочку ему не удалось. Два ящика с гранатами весили килограммов сорок, и третий «монолитовец» не мог поверить, что умудрился затащить их на крышу в одиночку. Как бы то ни было, теперь он располагал достаточным запасом, чтобы закидать гранатами всю округу. Это занятие было настолько увлекательным, что превратилось для него в смысл жизни.

Пси-Мастеру таких экзаменов для проекта «Венец» и не снилось.

— Что ты сказал? — спросил Олег.

— Я молчу, — ответил Столяров. — Не отвлекайся.

Они сидели на полу и смотрели друг другу в глаза, Гарину это помогало сосредоточиться. Работы было еще много: в пределах досягаемости оставалось несколько десятков «монолитовцев». Из закрытой комнаты без окон они представлялись Олегу яркими пульсирующими точками на слабо светящемся поле. Каждый боец был фундаментально мотивирован на честное и самоотверженное служение, с каждым приходилось долго возиться, хотя еще недавно эта задача была бы для Гарина вообще непосильной. Он уже не боялся, что его пси-активность будет обнаружена, стрельба и взрывы на улице свидетельствовали о ней достаточно красноречиво. «Монолитовцы» истребляли себя сами, пусть и не так быстро, как хотелось бы Столярову.

Михаил вопросительно поднял брови, и Гарин кивнул:

— Говори.

— Что с Пси-Мастером? Ты его чувствуешь?

— Я не уверен. Кажется, он занят чем-то более серьезным.

— Более?! — ужаснулся Столяров.

— Не исключено, что сейчас он держит в своем поле кого-то еще. Большую группу или одного человека на расстоянии многих километров... Мне трудно об этом судить, я к нему в мозги залезть не способен.

— На каком расстоянии? Какого человека?!

Олег махнул рукой: «Ты мешаешь», и Михаил умолк, лишь вытаращил глаза, силясь представить, что для Пси-Мастера может быть серьезнее, чем нападение на его территорию.

Атаку Олег начал сразу, как только наступила ночь, в темноте создать неразбериху было легче. Сразу после первого выстрела на диспетчерской башне речного порта загорелись прожектора, но пулеметчик на противоположном углу крыши снес их одной очередью вместе со стрелком на площадке. Охрана речного порта была готова к любым вторжениям, но только не к тому, что воины станут стрелять друг в друга. И лишь когда один из

«монолитовцев» затащил на бетонный навес гранаты, командиры начали догадываться, что никакого нападения на базу нет.

Все это время Гарин сидел в камере с «венцом», но прежде чем его надеть, Олег мысленно нахлобучил на голову мотоциклетный шлем — тот самый, что спас его на крыше кинотеатра. Потянул вниз до конца, чтобы уперлась макушка, и туго затянул ремешок — все в воображении. Он и сам не знал, насколько эффективно это самовнушение защитит его от Пси-Мастера, но ничего другого у Олега не было. Принять по примеру Столярова тетрадоксин означало бы утратить связь с «венцом». Поэтому единственное, что оставалось Гарину, — это верить, верить и еще раз верить в мотошлем. В конечном счете он вбил это себе в сознание так крепко, что по шее потекли ручейки пота. Впрочем, Пси-Мастер к нему до сих пор не обратился, хотя Олег ощущал его присутствие как раскаленное дыхание доменной печи.

Снаружи раздался щелчок, и дверь открылась.

— Спокойно! — успел предупредить Олег.

Охранник неуверенно дошел до середины комнаты и уронил на пол щедрые гостинцы: две «Лавины» с глушителями, две «Марты» и несколько тяжелых подсумков. Михаил схватил пистолет, но Гарин отрицательно мотнул головой и показал на наручники, висевшие у охранника на ремне. Столяров сковал воину руки за спиной и пинком отправил его в дальний угол камеры.

В следующее мгновение Олег потерял бойцов из виду — всех и сразу, словно кто-то выключил над миром свет. Как будто «венец» перестал работать. Грохот на улице еще был слышен, сбитые с толку «монолитовцы» продолжали перестреливаться, но интенсивность боя заметно снижалась. Когда после привычного интервала не последовало нового взрыва гранаты, Гарин догадался, что Пси-Мастер восстановил контроль над группировкой. Он сделал это легко, Олег даже не успел заметить, как у него отобрали всю его сеть.

— Прекрати уничтожать моих людей, нам надо поговорить, — внезапно сказал лежавший на полу охранник. — Ты зря стараешься, проект «Венец» уже закрыт.

— Что?! — вскинулся Столяров, но Гарин выставил палец, призывая его молчать.

Олег почувствовал знакомый трепет стрекозы рядом со своим придуманным шлемом. На этот раз стрекоза была не одна, ее сопровождал целый рой разъяренных ос, оглушительно стучавшихся в непробиваемые стенки.

— Топорная работа, мой юный друг, — монотонно продолжал боец. — Я никогда не диктовал парням так жестко и открыто. Они служат не за страх, а за совесть. Ты бы так смог?

Выстрелы снаружи окончательно стихли. Олег показал Михаилу на автомат и на дверь.

— Ты меня слышишь? — спросил Гарин, обращаясь не к бойцу, а куда-то в потолок, словно разговаривал с духом.

— Слышу, — отозвался «монолитовец». — Чего ты хочешь?

— Разве Коршун тебе не передал? Сколько можно спрашивать об одном и том же?

— А сколько можно стремиться к одной и той же глупости?

Столяров с отвисшей челюстью слушал эту беседу, поглядывая в дверную щель. «Монолитовцы» вышли из укрытий и начали подводить итоги массового психоза. Трупы укладывали в ряд под навесом, двое воинов собирали оружие, кто-то уже посыпал лужи крови песком. Об арестованных как будто забыли, хотя их временная камера находилась рядом с комнатой дежурного. Один намек Пси-Мастера — и все «монолитовцы» будут здесь со всем своим боезапасом.

— Не нужно ломиться в открытую дверь, — снова заговорил охранник. — Я приглашаю тебя в Лабораторию, нам есть что обсудить...

— ...и есть над чем поработать, — закончил за него Коршун, появившийся на пороге так внезапно, что Михаил даже не успел выстрелить. — Поработать вместе, как соратники, — добавил он доброжелательно.

Держа пустые ладони на виду, он медленно обвел взглядом комнату. «Монолитовец» в наручниках и Столяров с автоматом его несколько не смутили.

Гарину показалось, что осиное жужжание вокруг головы стало ослабевать. Возможно, Пси-Мастер снова отвлекся на какую-то неведомую сверхзадачу.

Олег вдруг почувствовал, что вновь начал ощущать личности «монолитовцев». Они появлялись в пси-поле одна за другой, как светящиеся поплавки на темной воде.

— Поработать над чем? — спросил Гарин, стараясь потянуть время так, чтобы это не бросалось в глаза. — Над твоим новым проектом, для которого уже не хватает подопытных зомби и теперь понадобились пленные сталкеры?

На улице опять грохнул выстрел, затем еще один и следом — автоматная очередь.

— Почему бы и нет? — сказал Коршун. — Полевые испытания «венца» показали, что люди с радостью участвуют в подобных экспериментах. Ты и сам носил его добровольно. Ты и сейчас...

Он резко умолк, и Гарин, спохватившись, потрогал голову.

— Ты и сейчас в «венце», — выговорил Коршун. — Обманул этого дурачка, как ребенка, причем дважды. Коршун уволен.

— Ну, раз такое дело... — Столяров выпустил ему в грудь короткую очередь и, толкнув дверь, вышел в коридор.

— Ты совершаешь большую ошибку! — предупредил охранник.

— Молчал бы, овощ. — Олег поднял с пола вторую «Лавину» и последовал за товарищем.

Михаил крадучись добрался до комнаты дежурного и, резко развернувшись в проеме, уложил двоих бойцов у стола. Гарин напряженно озирался по сторонам, хотя понимал, что его пси-давление на противника принесет больше пользы, чем неточная стрельба.

— Братья, нас атакуют! — раздалось во дворе.

Кто-то залег у самого крыльца и принялся поливать коридор из автомата. Пули крошили стены, высекали искры из кафеля, выбивали длинные щепки из распахнутой двери. Столярову с Гариным пришлось отступить обратно к камере. Олег неимоверным усилием заставил воина за крыльцом прекратить огонь, поднести ствол к подбородку и вновь нажать на спусковой крючок. Это далось не так легко, как в начале боя: Пси-Мастер хоть и продолжал отвлекаться, но бойцов уже не покидал.

Осиный рой долбился в шлем так, что у Гарина гудело в ушах.

— Враги будут уничтожены!

На улице ухнул подствольник. Олег и Михаил едва успели броситься на пол, когда где-то рядом разорвался заряд. С потолка полетели куски штукатурки, в воздухе повисла плотная пыль.

Гарин по привычке проверил «венец». К жужжанию и гулу добавился нескончаемый свист, и Олег почувствовал, что перестает ориентироваться в пространстве. Нужно было срочно менять ситуацию, но он не мог сообразить, за что взяться. Личности «монолитовцев» то возникали в его пси-поле, то опять исчезали, и это мелькание не позволяло сосредоточиться. Случайно Гарин вспомнил, что гранаты с навеса так и не убрали, хотя там должно было оставаться еще много. Он нащупал бойца послабее и, взяв чужую волю в тиски, направил его на крышу. Оставив оружие, «монолитовец» добежал до лестницы, проворно забрался наверх и уже ползком, держась середины крыши, приблизился к ящикам. Один из них был почти израсходован, второй еще даже не вскрывали. Олег постарался сделать так, чтобы никому в этот момент не пришлось в голову посмотреть вверх. Пока воин вставлял гранату с вырванной чекой обратно в ящик, пока поднимал его и скидывал с крыши, замедляющий фитиль успел прогореть до конца.

Ящик взорвался, немного не долетев до земли. Не все гранаты в нем сдетонировали, но и половины оказалось достаточно, чтобы выкосить осколками всех, кто был на площадке.

Столяров, догадавшись по канонаде, что произошло, уважительно поцокал языком:

— Надо было сразу этот салют им устроить.

— Я вот думаю, как бы наемники не подтянулись, — поделился опасениями Олег. — Тогда нам точно хана.

— Нам только до кафе добежать. Один рывок.

Михаил перезарядил автомат и, пока оставшиеся «монолитовцы» не опомнились, помчался по коридору на выход.

— Я ранен, — корчась от боли, простонал боец у крыльца.

— Сам вижу. — Столяров добил его одиночным и заглянул за угол.

Площадка была свободна — в том смысле, что никого, кроме трупов, на ней не осталось. Если кто-то и выжил после взрыва ящика, то находился в состоянии тяжелой контузии. Михаил зигзагами добежал до здания напротив порта. При этом по дороге он еще умудрился пополнить боезапас. Гарин сразу решил, что такой ерундой заниматься не будет, и, глубоко вдохнув, кинулся за товарищем.

В дверном проеме кафе их встретил «монолитовец» с поднятыми руками, что само по себе было странно. Еще более странными показались слова, с которыми он обратился к Олегу:

— Щенок, одумайся! Не хочешь сотрудничать — просто проваливай, гарантирую тебе безопасность до Янова. Это твой последний шанс.

— Нет, — ответил за Гарина Михаил и выстрелил живому ретранслятору между глаз.

Здание кафе было полностью перестроено, остались только несущие стены. То, что снаружи выглядело как наспех заколоченные фанерой витрины, внутри оказалось идеально ровной поверхностью, окрашенной в оливковый цвет. Просторный зал, кухню, подсобки — все это вначале объединили в одно помещение, а затем поделили деревянными перегородками полутораметровой высоты. Кое-где в нишах стояли столы и узкие шкафы. Полы тоже были обновленными, с широкими коробами, в которые еще не успели заложить проводку.

— Какого черта здесь нагородили? — вырвалось у Столярова. — Это что за офис?

Михаил, задев мебель, прошелся по кругу и встал в центре.

— Где контейнер, вашу мать?! — заорал он.

— Эй, джигиты, к вам можно? — раздался где-то рядом знакомый голос.

— Пельмень?

— Он самый. Вернее, я самый. — Через служебную дверь в торце здания зашел Пельмень с винтовкой в руках.

— Ты поздновато, уважаемый, — недовольно произнес Михаил.

— Отсюда такой грохот доносился... Трудно было найти предлог, чтобы выйти на улицу.

— Кстати о грохоте. Ваш Кабан, случайно, не планирует оказать «монолитовцам» дружескую помощь?

— Дружба в этом месяце не проплачена.

— Как же я вас иногда люблю! Только где же груз? — спохватился Столяров. — Ты говорил, что его доставили сюда.

— Так и было, — подтвердил наемник.

— Ну и где он? — Михаил в бешенстве ударил ногой по креслу, отправив его через весь зал к противоположной стене.

— Да, действительно... — Пельмень озадаченно покрутился. — А полы? Ты полы смотрел?

— Не знаю... Нет. А зачем?

Наемник торопливо обошел помещение и, обнаружив что-то возле ножки одного стола, принялся сдвигать мебель в угол. Столяров, не говоря ни слова, подключился к работе. Вместе они освободили приличный участок пола, на котором выделялось большое светлое пятно прямоугольной формы. Под мебелью оно было не слишком заметно, но теперь увидеть его не мешали даже перегородки.

— Понял, да? — бросил Пельмень.

— Размеры позволяют... — проговорил Михаил.

— Что случилось-то? — спросил Олег.

— Контейнер под землей, — развел руками Столяров. — Его опустили хрен знает куда, а потом закопали шахту и залили сверху раствором. — Он постучал прикладом в стык между свежим и старым бетоном.

— Под землей... — растерянно повторил Гарин. — И что теперь делать? Копать?

— Я сомневаюсь, что они копают каждый раз, когда им нужно попасть в Лабораторию, — изрек Михаил, снова осматриваясь. — Ну да, наш дружок много лет провел в бункере, мог и пристраститься... и вообще под землей — это логично. В конце концов, раньше оно тоже было в подвале. В детском саду, — пояснил он, задумчиво глядя на Олега. — Что там твоя навигация показывает? — спросил он, постучав себя по лбу. — На базе еще кто-нибудь остался?

— Я вижу двоих, и третий под вопросом. Но у меня нет уверенности, что это все.

— Гранаты есть? — обратился Столяров к Пельменю.

— Ручных три штуки.

— Давай сюда. Я вернусь к порту, проверю, нет ли там люка, входа, лифта... чего-нибудь такого. А вы ищите здесь, так у нас получится быстрее. Хотя я сомневаюсь, что найдете, — добавил Михаил, еще раз оглядывая ровную площадку.

— Я с тобой! — вызвался Гарин. — «Монолитовцев» может оказаться гораздо больше, Пси-Мастер их от меня закрывает.

Столяров резко выдвинул стол, преграждая ему путь.

— Раньше не было времени тебе сказать... — Михаил замялся. — В общем, чем ближе мы подходим к Лаборатории, тем выше твоя ценность для экспедиции. И она давно уже превзошла мою.

— Мне нужно гордиться?

— Тебе нужно бояться, Олежка.

— А если тебя убьют? Что мне тогда делать?

— Оплакивать.

Михаил распахнул гранаты по карманам, потряс подсумок, перезарядил автомат и, пригнувшись, побежал обратно вдоль навеса.

— Не будем маячить, — предложил Пельмень, укладываясь в дверном проеме за телом «монолитовца».

Гарин последовал его примеру. Они проследили, как Столяров скрылся в здании порта, и стали напряженно слушать. Раздались два выстрела, после паузы — еще один, затем хлопок гранаты.

— С твоим другом все в порядке, — констатировал наемник.

Минуту помолчали. Больше выстрелов не было, но и Михаил тоже не появлялся. Олег ощущал пси-поле — никого, чисто. Рядом находился один только Пельмень — и в физическом плане, и в пси-диапазоне.

— Почему ты с нами? — поинтересовался Гарин. — Как тебя Столяров уговорил?

— Это ты сам у него спроси.

— Я уже спрашивал.

— И что он ответил?

— Сказал, спросить у тебя.

— Ага. — Пельмень усмехнулся. — А я тебе что ответил?

— Ты издеваешься?!

— Это называется «рекурсия», брат.

— Я без тебя знаю, как это называется, — раздраженно проговорил Олег. — Факультет информатики за плечами.

— Да? — Наемник приятно удивился. — А у меня прикладная математика. Привет, коллега.

— Так на что тебя Столяров купил? Денег пообещал?

— Я на Большой Земле в розыске, — неохотно поделился Пельмень. — Так, ерунда... Пару серваков ломанул, баловался. А тут как раз борьба с хакерами, показательные процессы. В общем, я оказался крайним. Ну а твой друг обещал урегулировать вопрос.

— А он и это может?

— Столяров-то? Он много чего может, — мрачно отозвался наемник.

— Надо же... Я знал, что у нас в Институте мощная служба безопасности, но не думал, что настолько.

Пельмень, оставив эту реплику без внимания, вдруг вскинул к плечу винтовку и заглянул в прицел.

— К нам едут, — бросил он.

Гарин присмотрелся — за кинотеатром, далеко в дымке, на дороге показались две машины.

— «Уралы», бортовые. Битком, — прошипел Пельмень. — Человек по тридцать в каждом. Или нет... не человек...

Он передал Олегу винтовку, и тот принял к окуляру. По улице из восточного сектора ехали два грузовика с контролерами. Ехали настолько быстро, насколько это позволяла пришедшая в негодность дорога.

— Сколько у нас осталось времени? — спросил Гарин.

— Теперь у тебя впереди целая вечность, сынок, — произнес Пельмень изменившимся голосом.

Он замер в неудобной позе, на локте, и невидяще уставился куда-то в пол. Олег лишь сейчас обнаружил, что больше не чувствует сознания наемника. Его отвлекли приближавшиеся контролеры — издали пси-поля мутантов сливались в два ослепительных пятна, похожих на гигантские аккумуляторы, искрящиеся от переполнения.

— Пси-Мастер?..

— Будь добр, Олег, сними свою чертову каску. Говорить через посредников слегка утомительно. Мы с тобой можем пообщаться напрямую, и это займет считанные секунды.

— И я догадываюсь, чем закончится это общение, — сказал Гарин, мысленно поправляя защитный шлем. — Не сниму.

— Никакого шлема не существует, ты его придумал. Как люди придумывают себе укусы пси-собаки или ожог от карандаша.

— Ты все-таки покопался в моих мозгах, старая сволочь?

— А как же. Сними шлем, его все равно нет.

— Есть, есть, — мстительно повторил Олег.

— Гаденыш, — безучастно молвил Пельмень. — Ты еще успеешь уйти, я...

— Гарантируешь безопасность, я помню, — прервал его Гарин.

— Или помоги мне, и твое имя останется в веках.

— В одном списке с Геростратом и Гитлером?

— По алфавиту ты будешь стоять раньше, — фыркнул Пельмень.

Олег незаметно сунул руку в карман и, сняв «Марту» с предохранителя, прижал ствол к уху наемника.

— И в чем смысл? — спросил Пси-Мастер голосом Пельменя. — Ты уже убил несколько посредников, мне это не навредило.

— Этого я убивать не хочу. Столяров! — громко позвал Олег и, на секунду отведя дуло пистолета от головы Пельменя, выстрелил в воздух.

Через некоторое время в окне напротив показался Михаил.

— Что у вас? — крикнул он через площадку.

— Иди сюда, быстрее! Я один не справлюсь!

Столяров неслышно выругался и добежал до кафе.

— Два кретина! — прорычал он. — Что вы тут не поделили?

— Его подавил Пси-Мастер. И это наша последняя возможность поговорить с ним.

— А разве нам есть о чем говорить?

— Просто свяжи его покрепче, — сказал Гарин.

— Как это не вовремя... — Михаил стиснул зубы, но просьбу выполнил: завел Пельменю руки за спину и связал их ремнем.

Наемник лежал на животе и не сопротивлялся, Пси-Мастера эти условия устраивали.

— Я нашел путь, — поделился Столяров, вставая с колен. — Люк у противоположной стены. Оказывается, мы с тобой два часа просидели в соседней комнате. Если бы знали сразу, давно уже были бы в бункере.

Услышав это, Пельмень застонал и выгнулся так, что ремни на его руках скрипнули.

— Не порвешь, — спокойно сказал Михаил.

— Благодарю, — кивнул Олег. — А теперь посмотри туда.

Два грузовика почти поравнялись со зданием кинотеатра, до порта им оставалось совсем немного. Контролеры, сидевшие вдоль бортов, уже были видны невооруженным глазом.

— Это что такое? — изумленно протянул Столяров.

— Это наш конец, — ответил Гарин.

— Совершенно верно, — вставил Пельмень. — Но вы еще можете сдать, в таком случае они вам ничего не сделают.

— Глуши свою шарманку, — выдавил Михаил. — Идешь с нами или остаешься здесь?

— С вами, — не раздумывая, ответил наемник.

— Тогда быстренько поднялся, и бегом! А ты чего уснул? — Столяров схватил Олега за рукав и вытолкнул на улицу. — Вперед! Марш!

Глава двадцать восьмая

Спуск был оборудован алюминиевой лестницей — временной, но достаточно удобной, чтобы Пельмень спокойно по ней спустился со связанными за спиной руками. Внизу оказался чистый и сухой тоннель, до потолка облицованный бежевой плиткой. Через каждые несколько метров на стенах висели молочные плафоны, кроме того, повсюду торчали оранжевые колпаки аварийного освещения. Ни одной сгоревшей лампочки не было, все работало исправно, и благодаря этому Гарин увидел, насколько же далеко простирается проход. Если Олег не путал направления, то коридор с небольшим уклоном шел в сторону пруда, под самое дно водоема.

— Тут много всего интересного, — откликнулся на его мысли наемник. — Это еще от старых хозяев осталось. Когда-то здесь была настоящая база «Монолита». А уже потом воины превратились в придворный полк Пси-Мастера.

— Пельмень? Ты? — не понял Олег.

— Уже нет, — ответил за него Пси-Мастер. — Вы спустились... Что вы собираетесь делать?

— Догадайся сам, ты же у нас факир, — не поворачивая головы, бросил Столяров.

— Олег, остановитесь, опомнитесь! — В голосе наемника неожиданно прорезались человеческие интонации, хотя это по-прежнему был Пси-Мастер. — Вы идете разрушать самую большую мечту за всю историю человечества!

— И о чем же ты мечтаешь, сидя в этом подвале? — осведомился Гарин.

— О самом простом и о самом сложном. О счастье для людей.

— Для всех сразу? — уточнил Столяров.

— Да!

— В Зоне уже велись подобные эксперименты, — сказал Михаил, — и ничего хорошего из них не вышло. Вот же все-таки странное место... Почему здесь каждого осла пробивает комплекс бога? Осчастливить человечество! Поголовно и заочно, ни о чем не спрашивая, одним щелчком выключателя... Почему нельзя просто жить?

— «Просто жить» — это удел животных, — возразил Пси-Мастер. — А человек должен стремиться к несбыточному, это и поднимает его над обезьянами. И между прочим, несбыточное иногда все-таки сбывается. И тогда меняется облик мира. Вы в курсе, с чего начинались опыты Фарадея? В его время эти эксперименты выглядели как бред сумасшедшего. Но в результате мы имеем нержавеющей сталь и электрический ток.

Представьте себе современный мир без электричества и стали. Возможно ли такое? Нет! Без этого наша цивилизация рухнет.

— Выходит, ты себя назначил инженером человеческих душ, — проговорил Олег. — Вернее, сталеваром. Или электриком?

— Твоя ирония — это хохот дикаря, которому в руки попала микросхема. Он привык, что есть каменный топор и есть олень, которому нужно раскроить череп. Ничего другого он не видел. И все его предки только и делали, что долбили оленей по башке. Как объяснить им, что возможна и другая жизнь, что есть путь к свету, который они все равно пройдут, хотя бы они того или нет? Вечная власть гармонии наступит, это неизбежно!

— «Датский клевер» — это и есть твой путь к гармонии? Шестьсот покойников одним махом...

— В любом масштабном проекте не обойтись без жертв. Тем сладостнее победа! То, что я могу предложить миру, изменит его так же, как освоение электричества. Нет, как изобретение колеса! И даже сильнее, потому что я создаю не новый прибор, не очередной топор, а всеобъемлющую систему гармонизации сознания, которая превратит человечество...

— Вы оба мне надоели! — заявил Столяров, неожиданно останавливаясь.

Впереди была глухая стена, которая из-за плиточной облицовки даже с расстояния двух метров выглядела как уходящий в перспективу коридор. Справа от тупика находилась глубокая ниша, а в ней — тяжелая металлическая дверь со штурвалом. Без всяких табло и сенсорных панелей, простая и надежная, как наковальня.

— Здесь не заблудишься, — заметил Михаил.

— И что нас ждет по ту сторону? — оторопело произнес Олег.

— Что скажешь, диктатор счастья? — спросил Столяров у Пельменя.

Тот стоял рядом с отсутствующим видом.

— Не хочет ломать нам кайф, — констатировал Михаил. — Ну что ж... — Он взялся за штурвал.

— погоди! — воскликнул Гарин, хватая его за руку. — Там может быть что угодно!

— Например?

— СВЧ-излучатели, камера бактериального заражения, шлюз с кислотой...

— И чем ты от всего этого собираешься защищаться? Или ты предлагаешь вернуться в объятия к контролерам?

— Тут надо подумать, — неуверенно сказал Олег.

Столяров тяжело вздохнул.

— Вот и подумай: если бы ты строил себе подземное укрытие с единственным входом-выходом, ты стал бы проектировать в нем системы вроде тех, что ты перечислил?

— Нет, но... это же логично?

— В том-то и дело, что никакой логики здесь нет. Я видел много таких объектов. Поверь мне: всякие комплексы «А-защиты», «Нуль-защиты» и так далее — это все выдумки режиссеров, которые уже не знают, чем удивить зрителя. Не дрейфь, мы у цели!

— Стоять! — Гарин замотал головой. — Возможно, здесь нет штатных механизмов уничтожения. Но за дверью может оказаться лаборант с пробиркой, который ее бросит на пол сразу, как только мы войдем. Как тебе такой вариант?

— Всего на свете не учтешь, — согласился Михаил и повернул штурвал.

За дверью оказался не шлюз и не закрытый отсек, а сразу — большой круглый зал, находившийся на два метра ниже уровня коридора. Пол был выложен пористыми резиновыми ковриками серого цвета. Сводчатые стены тоже были светлыми, по периметру шли пустые одноместные кубрики за прозрачными перегородками. В центре двумя длинными рядами стояли персональные столы с мониторами, и за каждым из них кто-то сидел.

Больше всего Гарина поразили сотрудники Лаборатории. Люди были нестрижены и небриты. Неизвестно, когда они последний раз умывались, и, судя по всему, ели они прямо на рабочих местах. Халаты, рваные и грязные, у некоторых были надеты на голое тело.

Среди работников Олег заметил двух женщин — еще не старых, но таких же запущенных, как и мужики. У каждого исследователя на голове был «венец».

На появление сталкеров люди никак не реагировали. Они вообще не двигались, хотя были определенно живы: дышали, периодически моргали, некоторые что-то беззвучно пришептывали, словно читали с монитора.

Держа оружие наготове, Столяров и Гарин спустились по мостику. Пельмень, не говоря ни слова, безвольно следовал за ними. Пол слегка пружинил и гасил звуки шагов. Снизу зал выглядел еще больше: грани потолка сходились высоко в центре, где вяло вращались лопасти бесполезного вентилятора. В воздухе стоял тяжелый запах пота, мочи и прогорклого масла.

Олег подошел к одному из сотрудников и тронул его за плечо. Человек склонил голову, посмотрел Гарину в живот и вернулся к созерцанию монитора. Только сейчас Олег заметил, что ни этот, ни другие экраны не светятся. Все компьютеры были выключены. Он нагнулся к системному блоку и увидел, что крышка снята, а жесткий диск отсутствует.

— Здесь, — негромко сказал Столяров и показал на большой мусорный бак под мостиком.

Емкость до половины была заполнена разобранными винчестерами и сломанными оптическими дисками.

— Есть ли шансы восстановить информацию? — спросил Михаил.

— Они постарались свести эти шансы к нулю. Нет, здесь уже ничего не восстановишь. Если у Лаборатории была собственная связь, они могли перекачать данные куда угодно.

— Связь только через Институт, своих каналов у них нет.

— Значит, за пределы этого оазиса науки ничего не вышло.

Гарин вдруг звонко щелкнул пальцами.

— Вот! — Он обвел рукой неподвижных исследователей с «венцами» на головах. — Пси-Мастер превратил их в живые слоты! Понятно?

— Нет, — признался Столяров.

— Он приспособил их для записи информации на «венцы». Вот на что он отвлекался, когда мы начали атаку! — Олег снова бросился к компьютеру и потрогал блок питания. — Еще теплый! Они закончили недавно. Переписали информацию на «венцы», а потом уничтожили все другие носители. Тебе ясно, зачем он звал меня в соавторы всеобщего счастья? Я же невольно стал специалистом по дампам человеческой памяти. Хотя эти несчастные уже, наверно, специалисты покруче меня.

— Теперь понятно, — сказал Михаил.

Он подобрал с пола двухметровый шнур питания, затем подошел к мужчине, сидевшему с края, и повесил его «венец» себе на провод, как бублик на веревку. То же самое он сделал и со вторым ученым, и с третьим. Столяров педантично обходил сотрудников Лаборатории и, снимая «венцы», нанизывал их на шнур.

— И что ты с этим намерен делать? — подозрительно спросил Гарин.

Михаил, не ответив, перешел ко второму ряду столов.

— Ты доставишь их в Институт! — догадался Олег. — Но это невозможно! Нельзя! — крикнул он. — Ни в коем случае! Они доведут «венец» до ума, станут им торговать, как оружием, но главное — ты помнишь, что нам пел Пси-Мастер? Новый проект! Тотальная гармонизация сознания! Это же все здесь, все его наработки записаны. Послушай программиста: любая информация рано или поздно будет кем-то использована. Институт откроет в Зоне новую лабораторию — две, три, сколько понадобится. Они используют эти данные обязательно, иначе не бывает. А заказчик всегда найдется, какой-нибудь гнилой дядя с большими деньгами и очень, очень большими амбициями. И он получит в руки такое оружие, по сравнению с которым атомная бомба покажется дымовухой юного химика, — закончил Гарин, бессильно опускаясь на лестницу.

— Вечная власть гармонии наступит! — послышался сзади незнакомый голос.

Олег оглянулся — из темной ниши, которую трудно было заметить с мостика, выкатилось самоходное инвалидное кресло. В коконе из мягких подушек сидел,

откинувшись далеко назад, тучный мужчина лет шестидесяти, с огромной смоляной бородой и копной нечесаных волос вокруг лоснящейся лысины.

Столярков уже закончил собирать «венцы» и, крепко связав шнур, повесил его себе на плечо. Сотрудники Лаборатории начали постепенно оживать, но только в зоологическом смысле: они задвигались, зашаркали ногами, кто-то чихнул. Происходящее в зале их совершенно не интересовало. Никому из них даже не пришло в голову встать со своего места.

— Власть гармонии наступит неизбежно, — повторил Пси-Мастер, подъехав к Олегу.

— Для тебя, я смотрю, она уже наступила.

— Для меня? О нет... Я с рождения передвигаюсь вот таким образом, быстрее ветра, обгоняя облака, — напел он на какой-то старый мотив.

— Так вот почему у тебя карьеры не получилось... — Гарин в поисках поддержки повернулся к Михаилу.

— Я не знал, — холодно ответил тот, проходя мимо. — Но если бы и знал, что это меняет?

— Тетрадоксин? Хорошее средство. — Пси-Мастер заговорщически подмигнул Олегу. — Только скажи своему другу, чтоб не увлекался. А то однажды проснется и не вспомнит своего имени.

Человек в кресле выглядел умиротворенным. Тревога, которая еще недавно слышалась в голосе транслятора-наемника, куда-то пропала. Пси-Мастер широко улыбался.

— А насчет карьеры, — спохватился он, — ты прав: кому нужен фокусник-инвалид? Ведь фокусник — это почти то же, что и клоун. А клоун должен веселить. Люди не любят инвалидов, это не секрет. Мы почему-то тревожим вашу совесть, как будто вы в чем-то виноваты. Меня жалели. — Пси-Мастер все еще улыбался, но улыбка неумовимо быстро стала горькой. — Жалели, жалели. Эти зрители в районных клубах, у которых лица похожи на картофель, мозги на репу, а вся их жизнь — на кусок чернозема. Меня жалели, — снова повторил он. — Любого из них я уже тогда мог бы вывернуть наизнанку, как носок, но при этом они... они!., жалели меня. И что было самым страшным, я не мог не слышать их жалости. Она долбилась мне в мозги, как тысяча тупых дятлов, лезла в меня отовсюду, как жирные черви...

Он перевел дыхание и, посмотрев на свои пальцы, которыми изображал червей, уронил руки обратно на подлокотники.

— Как же мне было не мечтать о новом светлом мире? — глухо продолжал он. — Когда-нибудь человеческое сознание эволюционирует само, но зачем ждать тысячи лет? Я дам это людям уже скоро.

— Все понимаю, — проговорил Олег. — И растрченная жизнь, и большие обиды, и святая детская мечта... Но все это тебя не оправдывает. Ничто на свете не может оправдать того, что ты сделал.

Гарин достал пистолет, который давно уже грел в ладони, и несколько раз выстрелил Пси-Мастеру в голову, в упор, впервые не боясь испачкаться человеческой кровью.

Пельмень, мавшийся поблизости, как зомби, моментально рухнул на пол, но уже через пару секунд встал и начал дико озиаться.

— Как я сюда попал? — спросил он.

— Это долгая история, — ответил Столярков, увлекая его к выходу. — Пойдем, все расскажем по дороге. Олег! — окликнул он с лестницы.

— А что будет с этими? — проронил Гарин, широко разводя руки над рядами столов.

— С сотрудниками?

— И с оборудованием тоже.

— Скоро отсюда все заберут.

— Кто? Кто заберет?

Столярков свесился через перила так, что связка «венцов» чуть не соскочила у него с плеча, и проникновенно сказал: — Люди, Олег. Хорошие, надежные люди.

Глава двадцать девятая

Грузовики были обстреляны из гранатометов и уже почти догорели. Вокруг, на разном расстоянии, лежали контролеры или то, что от них осталось. Некоторым удалось выжить после прямого попадания в кузов — их добивали поодиночке наемники из госпиталя.

— Я так и не понял ваших отношений с «монолитовцами», — сказал Михаил Пельменю.

— Деньги, и ничего личного, — отозвался тот. — Лучше обойдем базу стороной, с недавнего времени я не в ладах со своими друзьями.

— Не хотели тебя отпускать?

— Пси-Мастер обращался к нам редко, но платил хорошо. А теперь братва без работы. Думаю, у парней найдется, что мне предъявить.

— Обойдем в любом случае, — согласился Столяров. — Нам нужно заскочить в школу.

Последнюю фразу он произнес таким тоном, что у Гарина сжалось сердце. В этих словах было и тепло, и безопасность, и свобода. От них пахло домом.

Олег, шагавший чуть позади, нервно поглаживал в кармане «Марту» и боролся с собой. Связка «венцов» на плече у Михаила не давала ему покоя. Гарин мог бы попробовать вразумить товарища по-своему, но тетрадоксин, принятый Столяровым, все еще действовал.

Сделав большой крюк через старый КБО, они подошли к школе. Труп химеры уже утащили — тушканы или собаки, а может, те и другие вместе.

Михаил остановился напротив разрушенного корпуса, снял с плеча гирлянду с «венцами», коротко размахнулся и отправил ее в гравитационную аномалию. Он сделал это так просто и быстро, что Гарин от неожиданности чуть не вскрикнул. Связка темных колец пролетела несколько метров и вдруг взорвалась тысячами алых искр, фейерверком пронеслась по кругу и медленно осела пепельной дымкой на кучу мусора.

— Я знал, что ты так поступишь! — не скрывая радости, воскликнул Олег.

— Да? И поэтому три раза снимал пушку с предохранителя? — скептически улыбнулся Столяров. — Ладно, не красней. Все нормально.

— А с этим что? — Гарин снял свой «венец» и помахал им в воздухе. — Может, и его туда же?

— Оставь пока. Нам еще выбраться отсюда надо. Двинули в прачечную.

— А в прачечную-то зачем?

— Зайдем ненадолго, — туманно ответил Михаил.

Путь от школы преодолели меньше, чем за полчаса. Город выглядел странно спокойным, солнце только взошло. Накануне был дождь, пыль прибило к асфальту и смыло вместе с кровью. Гарин по привычке вслушивался в пси-поле, но все, что он улавливал, было или далеко, или не опасно. Во дворе прачечной за ночь ничего не изменилось. Только на желтой бытовке, к которой целенаправленно шел Столяров, появился амбарный замок.

— Ну что за люди... — буркнул Михаил, рассматривая на двери свежие петли.

Он отступил на шаг и несколько раз выстрелил по дужке замка. Потом запрыгнул внутрь, погромел там железками и появился вновь с большим молотком на длинной металлической ручке.

— Пельмень, прикройешь на улице. Олег, пойдешь со мной, — распорядился Михаил.

Запах в прачечной стоял такой, что першило в горле. Трупы кровососов, оставшиеся с той памятной бойни, уже начали разлагаться. Их мышцы стали мягкими, как поролон, а кожа — скользкой.

— Что же вас, братцы, никто не жрет? — посетовал Столяров. — Где тушканы, спрашивается? Им тут на год хватило бы.

— Не пойму, что вас связывает с Пельменем, — тихо проговорил Гарин, поднимаясь за Михаилом по лестнице. — Почему вы друг другу доверяете?

— Пельмень — он только в Зоне Пельмень. А в определенных кругах он известен как Слава Драйвер, специалист по проникновению в корпоративные сети.

— Во как... — обронил Олег.

— На нем столько взломов, что суммарный срок выходит больше, чем за убийство. И это только по доказанным эпизодам. Вообще-то, Пельмень, конечно, тот еще раздолбай, — сказал Столяров, открывая дверь в помещение бывшего штаба Ковальского. — Ладно бы, деньги со счетов уводил... Если уж все равно так жестко подставляется. Но нет, сплошные шалости у человека на уме. Фуф-ф-ф... А ведь нам еще и назад по этому кладбищу переться.

— Может, наконец объяснишь, что мы тут забыли?

— Помнишь, когда мы в прошлый раз сюда заглядывали, ты сказал, что в сейфеклада нет, потому что он замурован в стену? Это было очень близко к истине. Но сейф тоже не пустой. Открой его.

— Я не знаю кода.

— Попробуй что-нибудь примитивное, вроде «один, два, три, четыре, пять».

— Никогда не назначайте паролем слово «пароль», — пробормотал Гарин, присаживаясь у сейфа.

Столяров взялся за молоток, размахнулся и нанес по стене мощный удар.

— Не подходит, — сказал Олег.

— Ну, тогда в обратной последовательности. Почувствуй себя десятилетним хакером, на такой интеллект и рассчитано. — Михаил снова врезал по стене, и молоток, пробив слой штукатурки, ушел в пустоту.

— Есть! — воскликнул Гарин, отворяя массивную дверцу.

— И что там? — равнодушно спросил Столяров.

— Тушенка. Десять банок. Нет, целых двенадцать.

— Проверь срок годности и можешь угощаться.

Михаил безжалостно разворотил стену и вытащил из открывшейся ниши плотный мешок, в котором покоилось что-то прямоугольное и довольно увесистое. Переставив сверток на стол, он вспорол ткань, и Гарин увидел новенькую полевую рацию. Столяров положил ладонь на крышку и задумчиво по ней похлопал.

— Ковальский сам не знал, зачем он ее здесь оставил. Но опыт его не подвел: рация пригодилась. Лишь бы только работала, — добавил он.

— А консервы в сейфе зачем? — не понял Олег.

— Я же сказал тебе: для отвода глаз. Хотя странно, что их до сих пор не достали.

— Наверно, код оказался не по зубам, — ответил Гарин с серьезным видом, и оба расхохотались.

— Ну а теперь будь добр, свали отсюда, — попросил Столяров.

— Я все равно буду подслушивать.

— Да?.. — Он ненадолго задумался. — Черт с тобой, подслушивай здесь.

Михаил включил рацию, надел наушники и, повозившись с настройкой, сказал:

— Камень вызывает Волну. Камень вызывает Волну. Что?.. Какой Камень?! Вы что там, совсем охренели? Уже забыли про нас?! А ну-ка, соедини меня с полковником Тарасенко. И быстро, девочка, быстро! На связи майор СБУ Столяров.

— Вертолеты будут через десять минут, — объявил Столяров, сверившись с КПК.

— Не нравится мне эта движуха... — озабоченно проговорил Пельмень, рассматривая через прицел территорию госпиталя.

Втроем они вернулись к площади у речного порта и залегли на газоне рядом со сгоревшим автобусом, за плотной стеной одичавшего кустарника. Когда-то это была клумба правильной геометрической формы, но ветер, дожди и отсутствие заботы превратили ее в кособокий холм, на котором росло все, что ни попадя. За спиной лежало корявое поваленное дерево, левый фланг был полностью открыт, но со стороны порта неприятностей не предвиделось. А вот госпиталь в ста метрах впереди беспокоил не на шутку, особенно

Пельменя. Уж он-то знал, чего можно ждать от бывших соратников. Наемники занимали позиции в сквере у главного корпуса, рассредоточиваясь вдоль ограды.

— Может, собак на них натравить? — предложил Гарин. — Пара десятков в округе наберется точно.

— Собаками их не напугаешь, — ответил Пельмень, нервно трогая переносицу. — Погодите, я по-своему попробую... Капитан! — закричал он изо всех сил. — Убери башку из моего прицела, я не хочу тебя валить!

— Пельмень?! — крикнули в ответ из сквера. — Это ты, сучок драный?! А вот я тебя завалю с радостью! Подставь мне что-нибудь!

— Не надо, мужик! Мы слишком много водки вместе выпили! И я тебя все равно вижу, старый пень, подбери задницу!

— Водка не кровь! Ты мне в браться не лезь, понял?

— Мне кажется, эти переговоры бесперспективны, — заметил Столяров. — Давай-ка с нами на Большую Землю, чего тебе здесь ловить?

— Да я собирался... А ты дела мои точно закроешь?

— Обещал же. Старые — закрою. Но если новых на себя навешаешь, тогда извини. СБУ хакеров не крышует.

— Или тут зависнуть... — мучительно размышлял Пельмень. — Все равно хотел уйти из отряда, в вольные сталкеры податься.

— Если так, то сейчас самое время. Людей бесхозных по Зоне много мотается, можно собрать толковую группу.

— И с сестренкой давно не виделись... — Пельмень растер лицо ладонью.

— Небось обещал ей из Зоны цветочек аленький привезти? — спросил Гарин.

— Ну, типа того, — с тоской протянул наемник. — Слушай, может, ты выгонишь Капитана с линии? И остальных тоже. Смотри — они все лезут и лезут. А я не хочу в них стрелять.

Гарин снял «венец», повертел его в руках и осторожно положил рядом.

— Эй! — закричал он. — Кабан, ты тут?

— Это ты тут, сопляк, а я — здесь!

— Сейчас вам будет жарко, ты в курсе?

— Не пугай, молокосос! Я в танке два раза горел, еще в старые времена! Меня на понт не возьмешь!

Пельмень, пригнув голову, мелко закивал: «Это правда».

— Кабан, а за что ты людей своих положить хочешь? — продолжал Гарин. — Мы что, с базы вас выжимаем? Хабар ваш грабим? Дайте нам уйти!

— Кабан, сейчас мясорубка будет! — поддержал Столяров. — Много народу погибнет! А зачем? Отведи людей в корпус, к вам никто не полезет!

— А ты кто такой, чтобы гарантии мне давать?

— Чудак, я твое досье наизусть знаю! Как ты начальнику штаба четыре зуба за раз вынес! Еще в старые времена!

Пельмень с удивлением воззрился на Михаила:

— Ты это серьезно?

— Было такое дело, — усмехнулся Столяров. — За это его из армии и поперли.

У госпиталя возникло затишье. Наемники прекратили перегруппировку, несколько человек собрались вокруг командира на совещание.

— Имейте в виду! — крикнул Кабан, окончательно сажая голос. — Мы будем за вами следить!

— И мы за вами присмотрим, не волнуйтесь! — ответил Столяров, тоже срываясь на кашель. — Тихо! — вдруг прошептал он. — Летят?

На востоке послышался рокот винтов, пока еще слабый. Гарин посмотрел назад, но в затянутом тучами небе не разглядел даже птиц.

— Пельмень, хватит тянуть, — потребовал Столяров. — Сейчас будет высадка на порт, и станет уже не до тебя. Ты летишь?

Тот зажмурился, сосчитал до десяти и выдохнул:

— Я с вами.

— А ты? — обратился Михаил к Гарину.

— Что за вопрос?!

— Если захочешь остаться... — Столяров невзначай подвинул «венец» ближе к Олегу.

— Никогда! — прошипел тот.

— Подумай. На Большой Земле такого не будет.

— Никогда! — отрезал Гарин.

— То, что ты здесь испытал, там уже не повторится.

— Никогда!

— Ну и ладно, — удовлетворенно сказал Столяров, убирая «венец» под комбинезон.

Три вертолета зависли низко над площадью. Бойцы в черной броне высыпали из кабин и заняли круговую оборону, часть подразделения перебежками отправилась к речному порту.

Через минуту Гарин уже сидел в одной из машин, прижатый сбоку Пельменем. Столяров что-то крикнул пилоту, и вертолет с ускорением пошел вверх. В иллюминаторе мелькнуло кафе «Припять» и свинцовая гладь воды. Земля стремительно удалялась и поворачивалась. Уткнувшись лбом в прохладное стекло, Олег смотрел на мелькающие крыши домов и бесконечно повторял одно и то же слово.

Никогда.

Эпилог

Все сотрудники Лаборатории Автономных Систем были уволены по состоянию здоровья. В настоящий момент они проходят реабилитацию в психиатрических клиниках. Шансы на выздоровление специалистами оцениваются как минимальные.

Директор Института Альтернативных Исследований, чье имя не разглашается по этическим соображениям, был отстранен от занимаемой должности. Поскольку он лично курировал деятельность Лаборатории Автономных Систем, Генеральная прокуратура возбудила против него уголовное дело. На следующий день дело было закрыто ввиду смерти подозреваемого: по пути домой бывший директор попал в автомобильную аварию. Виновника ДТП установить не удалось.

Олег Гарин получил премию в размере трехмесячного оклада и уволился с работы. Вскоре он основал собственную фирму «Hyperboloid Security», специализирующуюся на защите корпоративных сетей. Женат на Марине Гариной (в девичестве Глушко), проживает в городе Сколково.

Пельмень, он же Вячеслав Глушко, он же SlavaDriver, вернулся домой и занялся написанием вредоносного кода, относящегося к классу «программы обрушения». Вскоре на серверах одного из крупнейших банков произошел системный сбой, в результате чего с клиентских счетов пропало более пяти миллионов долларов. В настоящее время местонахождение Глушко неизвестно. Предположительно, последний раз его зафиксировала камера наблюдения в аэропорту Шереметьево-3. Четкий снимок отсутствует, так как Глушко успел закрыть лицо детективом «Привет, майор!».

Майору СБУ Михаилу Столярову было присвоено очередное звание подполковника досрочно. Другая информация о нем недоступна.

Из частных источников: когда подполковник Столяров выпивает, он любит звонить Гарину, но Олег не берет трубку.